

РАЗВЕДКА И КОНТРАЗВЕДКА

ЭНДРЮ КУК

СИДНЕЙ РЕЙЛИ

**ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
«КОРОЛЯ ШПИОНОВ»**

Summary
...at aggressive
Soviet leader since Khrushchev. He
controversial and even unpopu
...criticizing th
...itboro.
...own the gaunt
...allocation o
...ot reform, an
...at and corrup
...his rhetoric
...treat.
...Gorbachev
...corruption and inefficiency, ne
...ern the domestic situatio
...his prospects fo
...though

Annotation

Английского разведчика Сиднея Рейли, который в первой четверти XX века действовал в России, на Дальнем и Ближнем Востоке, одни называют «королем шпионов», а другие — великим авантюристом. Кем же на самом деле был один из прототипов Джеймса Бонда? Почему он скрывал подробности своей биографии? Планировал ли он ликвидацию Ленина и Троцкого в 1918 году? Погиб ли он в перестрелке с советскими пограничниками или был тайно расстрелян по личному приказу Сталина? И какие реальные подвиги совершил на фронтах тайной войны?

Авторитетный британский историк Эндрю Кук на основе секретного досье английской разведки, малодоступных документов из архивов 15 стран мира (в т. ч. России и Украины), воспоминаний современников и результатов двадцатилетнего исследования отвечает на эти и другие вопросы.

-
- [Эндрю Кук](#)
 - [От переводчика](#)
 - [От автора](#)
 - [Предисловие ко второму английскому изданию](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1. Внезапная смерть](#)
 - [Глава 2. Человек ниоткуда](#)
 - [Глава 3. Гамбит](#)
 - [Глава 4. Комиссионер](#)
 - [Глава 5. Надин](#)
 - [Глава 6. Лакомый пирог](#)
 - [Глава 7. Аферисты](#)
 - [Глава 8. Под кодовым именем ST1](#)
 - [Глава 9. Заговор Рейли](#)
 - [Глава 10. За особые заслуги](#)
 - [Глава 11. Финальный занавес](#)
 - [Глава 12. Смена наживки](#)
 - [Глава 13. Заключение № 73](#)

- [Глава 14. Дорога в Сокольники](#)
- [Кэрилл Хауслендер](#)
- [Приложения. Мифы о Рейли](#)
 -
 - [Приложение 1. «Овод»](#)
 - [Приложение 2. Настоящий Рейли: случай «ошибочного опознания»](#)
 - [Приложение 3. Фабричный пожарный](#)
 - [Приложение 4. Рейли и чертежи германского флота](#)
 - [Приложение 5. Как Рейли спасал русского царя](#)
 - [Приложение 6. «Письмо Зиновьева»](#)
 - [Приложение 7. Заключение криминалистической экспертизы фотоизображений Рейли](#)
 - [Сравнительно-портретная экспертиза](#)
 - [Метод исследования: габитоскопия](#)
 - [Антропометрическое сравнение](#)
 - [Экспертиза идентификации внешности](#)
 - [Мнение эксперта](#)
 - [Представленные фотографии](#)
 - [Сравнения](#)
- [Список русских и английских сокращений](#)
- [Вклейка](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)

- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)

- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)

- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)

- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)

- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)

- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)

- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)

- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)

- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)

- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)

- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)

- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)

- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)

- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)

- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)

- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)

- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)

- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)

- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)

- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)

- [840](#)
 - [841](#)
 - [842](#)
 - [843](#)
-

Эндрю Кук
Сидней Рейли. Подлинная история
«короля шпионов»

От переводчика

Книга британского историка Эндрю Кука о Сиднее Рейли, вышедшая в свет в Великобритании в 2002 году в издательстве Tempus, а на русском языке в 2004 в издательстве «Яуза» под заголовком «Сидней Рейли. На тайной службе Его Величества», сегодня стала библиографической редкостью. Поэтому, когда главный редактор издательства «Алгоритм» Александр Колпакиди предложил ее переиздать, я чрезвычайно обрадовался возможности не только восполнить дефицит этой книги на книжном рынке, но и исправить некоторые ошибки и неточности, содержащиеся в первом издании^[1]. Кроме того, в настоящий перевод книги были внесены ряд дополнений и изменений, которые были сделаны автором во втором английском издании.

Мне посчастливилось не только переводить эту книгу, но и стать одним из участников захватывающего и полного неожиданностей международного исторического исследования жизни человека, во многом послужившего прототипом всемирно известного «агента 007» Джеймса Бонда. Однако в отличие от вымышленного детища Йена Флеминга «король шпионов» Сидней Рейли не был уроженцем Британии. Всю свою жизнь он был тесно связан с Россией, родился и окончил свой жизненный путь в этой стране, а тайны его происхождения, жизни и смерти в течение почти целого века пытались разрешить многие современники и биографы знаменитого авантюриста.

Книга Сиднее Рейли — результат кропотливой аналитической работы английского историка Эндрю Кука, на протяжении двадцати лет изучавшего все имеющиеся на сегодняшний день в мире документы и свидетельства о жизни всемирно известного международного авантюриста. Это строго документальное исследование развенчивает бесчисленные мифы и легенды, окружавшие одну из самых загадочных фигур в истории мировой разведки двадцатого столетия. В реконструкции подлинной биографии Сиднея Рейли немалую роль сыграли документы, найденные в российских архивах.

Перу Эндрю Кука также принадлежат работы, посвященные роли британской разведки в попытках спасти от гибели Николая II и его семью в 1918 году, причастности британских спецслужб к убийству Распутина, новое историко-документальное расследование загадки личности «Джека-потрошителя» и целый ряд других книг.

Бесценную экспертную помощь в работе над переводом этой книги и ее публикацией на русском языке мне и автору оказал писатель *Теодор Кириллович Гладков*, скончавшийся в 2012 году. Наши встречи в конечном итоге переросли в дружбу, которая продолжалась до последних дней его жизни, и в каком-то смысле я обязан ей главному герою книги — Сиднею Рейли.

Я также хочу выразить свою искреннюю признательность тем, кто помог мне в поиске архивных документов, высказал ценные замечания и советы по тексту перевода книги, а также внес свой вклад в ее техническое оформление: *Н. И. Абдулаевой, А. А. Литвину, З. И. Перегудовой, Л. И. Петрушевой, А. И. Цветковой* (Государственный архив Российской Федерации), *В. М. Шабанову* (Российский государственный военно-исторический архив), *О. И. Морозан* (Российский государственный исторический архив), *О. К. Матвееву* (Центральный архив Федеральной службы безопасности), *В. И. Кортаеву, Н. В. Самсоновой* (Российский государственный военный архив), *И. Н. Прелину, С. Г. Саркисян и Л. Б. Селицкой*.

*Название книги дается по ее второму изданию *Ace of Spies. The True Story of Sidney Reilly*.*

Дмитрий Белановский.

Москва, 2017 г.

От автора

Моим родителям

Я хочу высказать здесь свою признательность всем тем, кто внес вклад в написание этой книги. Этот труд является плодом моей многолетней работы, а также усилий большого количества людей, участвовавших в данном исследовании с момента его замысла и до воплощения в жизнь.

Я выражаю особую благодарность главным исследователям, помогавшим мне в процессе работы над книгой: *Джордану Ауслендеру* (США), *Дмитрию Белановскому* (Россия), *Владиславу Кирия* (Украина), *д-ру Сильвии Меле* (Германия), *Стивену Паркеру и Грэму Солту* (Великобритания). Я также хочу поблагодарить *Мишеля Амьё* (Франция), *д-ра Майкла Аттиаса* (Великобритания), *Марка Бернштейна* (США), *Нормана Краудера* (Канада), *Алекса Денисенко* (Польша), *Линду Феган* (Великобритания), *д-ра Татьяну Филимонову* (Россия), *Сигиту Гасправичене* (Литва), *Марию Эрман* (Бразилия), *Джоффри Хьюлетта* (Великобритания), *Райнхарда Хофера* (Австрия), *Синана Кунеральпа* (Турция), *Шона Мэллоя* (США), *Мэри Морриган* (Эйр), *Ирину Мулину* (Россия), *Данну Пас Принс* (Израиль), *Михаила Сачека* (Беларусь), *Исицу Томоюки* (Япония) и *Марка Уиндовера* (США) за дополнительную помощь в исследовании.

Я также глубоко признателен нынешним и бывшим министрам, с которыми я прежде работал, за советы и содействие в поиске документов в британских архивах. После моего обращения в Кабинет министров правительство дало мне разрешение на работу с материалами, касающимися службы Сиднея Рейли в Секрет интеллидженс сервис (СИС) специально для написания этой книги. Трудно оценить то значение, которое имел для меня допуск к этим архивам, равно как и возможность сравнить документы, хранящиеся в них, с архивными материалами Федеральной службы безопасности (ФСБ) России и Американского бюро расследований (предшественника ФБР) в Вашингтоне.

Эндрю Кук в российском архиве

Я также хочу выразить свою благодарность за помощь и содействие семьям, сыгравшим свою роль в жизни Рейли, а также частной сыскной фирме «Френсис энд Френсис», которая помогла мне найти их. Моя особая благодарность *Диане Бриско, Джорджу Бертону, Кармелю Каллан-Синноту, Теодору Гладкову, Борису Гудзю, Эдварду Хардингу-Ньюману, Чарльзу Льюису, Густаву Нобелю, Тревору Мелвиллу, Энн Томас, Висконту Турсо и Бриджид Атлей.*

Я чрезвычайно признателен всем тем, кто ранее публиковал работы по этой или близкой к ней теме, за устные или письменные консультации: *Джин Беннетт, Гордону Брук-Шеперду, Элан Джанн, покойному Майклу Кеттлу, Маргот Кинг, Робину Брюсу Локкарту, профессору Иену Нишу, Гейл Оуэн, профессору Ричарду Спенсу, Кэрол Спиро и Олегу Цареву.*

Моей особой благодарности заслуживают *Лайза Адамсон, Лора Эгер, Кэролайн Бич, Дакша Шоэн, Элисон Кук, Джули Эдвардс, Элен Энстон, Джанет Джекобс, Боб Шез, Селина Шорт и Крис Уильямсон* за трудоемкую работу на различных этапах исследования, а также

фирма «Юротех лтд» за перевод на английский с русского, немецкого и французского языков колоссального количества документов.

Я хотел бы здесь также упомянуть целый ряд лиц, которым я благодарен за оказанную ими помощь, но чьи имена я не могу здесь назвать по этическим соображениям, — каждого из них я поблагодарил устно. В не меньшей степени я нахожусь в долгу перед моим редактором Джоанной Линкольн и издателем Джонатаном Ривом — за поддержку, вдохновение и советы, которые они давали мне на всем протяжении моей работы над книгой.

Предисловие ко второму английскому изданию

Когда в октябре 2002 г. вышло первое издание этой книги, она тут же получила массу откликов в прессе не только в самой Великобритании, но и за рубежом. Спустя некоторое время она вышла дополнительным тиражом, а также была переведена на другие языки. Когда же мой издатель Джонатан Рив предложил мне выпустить второе, исправленное и дополненное, издание моей книги, я увидел в этом великолепную возможность продолжить исследования, которые остались незавершенными к моменту сдачи рукописи в издательство. В результате этих изысканий мне удалось получить массу новых фактов и свидетельств, проливающих свет на целый ряд эпизодов биографии Рейли.

Наиболее важными из них является криминалистическая экспертиза фотографических изображений Рейли, которую в момент публикации книги проводил для меня Кен Линдж. Это исследование к настоящему моменту завершено, а его заключение оказалось бесценным для ответа на вопрос о том, кем были родители Рейли и его ближайшие родственники. Не менее загадочная история — участие Рейли в преступлении, в результате которого он бежал из Франции в Англию в 1895 году, — была наконец раскрыта французским исследователем Мишелем Амьё. Среди других открытий, сделанных за это время, можно назвать найденные в Германии документы о закулисных сделках Рейли в Османской империи до начала Первой мировой войны, его донесения, позволяющие ответить на вопрос о его местонахождении и деятельности осенью 1917 года, а также обнаруженные недавно личные бумаги майора Дж. Д. Скейла, офицера британской разведки, который в 1918 году завербовал Рейли в английскую разведывательную службу СИС (более известную ныне как МИ5).

Борис Гудзь и Эндрю Кук. Август 2002 г.

Из важных находок, сделанных в Москве, можно назвать собственноручные показания о Рейли его любовниц Ольги Старжевской и Елизаветы Оттен в период их заключения в Бутырской тюрьме. Эти ранее не публиковавшиеся документы не только дают представление об их взаимоотношениях с Рейли, но также являются уникальным источником сведений о тайной жизни, которую он вел в России весной и летом 1918 года. Но, пожалуй, самыми поразительными из всех сделанных за это время открытий являются факты, сообщенные мне Борисом Гудзем, бывшим сотрудником ОГПУ и участником операции «Трест», результатом которой стали арест и казнь Рейли в СССР. Гудзь, которому в августе прошлого года, за несколько дней до нашей встречи с ним, исполнилось 100 лет, поделился со мной воспоминаниями, поистине бесценными для восстановления окончательной картины последних недель жизни Сиднея Рейли.

Эти и другие новые документы и свидетельства, многие из которых публикуются впервые, сыграли неоценимую роль в написании подлинной биографии Сиднея Рейли — Короля шпионов.

Предисловие

Мысль написать шпионский роман пришла в голову Иену Флемингу, по всей видимости, лет за десять до того, как он наконец-то решился воплотить свой замысел на бумаге. Флеминг имел достаточно смутное представление о герое своей будущей книги, когда утром 15 января 1952 года он уселся за пишущую машинку, чтобы начать первую главу романа «Казино Руаяль». Работая в своей летней резиденции «Золотое око» на Ямайке, он закончил рукопись, насчитывавшую 62 тысячи слов, менее чем за два месяца^[1]. На полке в его кабинете стояла книга, которая и подарила имя герою его романа. Она была озаглавлена «Практический справочник птиц Вест-Индии», написал ее орнитолог Джеймс Бонд^[2]. Незадолго до выхода в свет своей книги в апреле 1953 года Флеминг поделился в разговоре с одним из сотрудников газеты «Санди таймс», где он работал заведующим иностранным отделом, что образ Джеймса Бонда был навеян ему подвигами английского секретного агента Сиднея Рейли, о которых он узнал из архивов британской разведывательной службы во время Второй мировой войны^[3].

Являясь личным помощником начальника управления военно-морской разведки во время войны, капитан второго ранга Иен Флеминг был штабным офицером разведки и по роду деятельности был тесно связан с другими разведывательными службами. Он многое узнал об истории своего ведомства, в том числе и о его роли в одном из величайших достижений английской разведки во время Первой мировой войны — взломе немецкого дипломатического кода 0070, вдохновившего Флеминга присвоить Бонду персональный номер 007^[4]. Эти знания помогут ему в дальнейшем создать богатейшую галерею образов и ситуаций, из которых будет складываться вымышленный мир Джеймса Бонда.

Одним из знакомых Флеминга времен войны был некий Чарльз Фрейзер-Смит, внешне неприметный чиновник Министерства снабжения. В действительности же Фрейзер-Смит снабжал разведывательные службы множеством необычайно хитроумных

приспособлений, как, например, компасы, запрятанные в мячики для игры в гольф, или скрытые в шнурках гибкие пилочки^[5]. Фрейзер-Смит впоследствии послужил прототипом майора Бутройда, более известного как «Q» в романах и фильмах о Джеймсе Бонде.

Испытывая слабость к различного рода хитростям, обману и интригам, Флеминг был особенно неравнодушен к «черной пропаганде» военно-политического ведомства, возглавляемого в то время бывшим дипломатом и журналистом Робертом Брюсом Локкартом, с которым Флемингу также довелось познакомиться^[6]. В 1918 году Локкарт вместе с Сиднеем Рейли оказался втянутым в заговор против молодого правительства Ленина. За пять лет со дня исчезновения Рейли в Советской России в 1925 году пресса превратила его имя в легенду, окрестив «супершпионом» и сделав его героем многочисленных и самых невероятных шпионских авантур.

Таким образом, Флеминг уже давно получил представление о мифической репутации Рейли и, несомненно, с трепетом слушал воспоминания человека, не только лично знакомого с Рейли, но и оказавшегося вместе с ним в водовороте событий, последовавших за революцией в России. Локкарт и сам сыграл ключевую роль в мифологизации Рейли, оказав в 1931 году помощь его жене Пепите в издании книги, претендующей на достоверный рассказ о приключениях ее мужа^[7]. Работая в то время журналистом, Локкарт также приложил руку к сериализации приключений «супершпиона» в «Лондон ивнинг стандарт».

Несмотря на то что фигура Рейли явилась искоркой или катализатором, способствовавшим зарождению у Флеминга идеи создания образа «супершпиона», сам Бонд является вымышленным героем, вобравшим в себя черты самых разных персонажей^[8]. Вместе с тем в Бонде, каким его изобразил Флеминг на страницах своих книг, явственно проявляются черты самого Рейли. Между тем литературный Бонд выглядит куда более жестоким, расчетливым и зловещим, нежели его кинематографический аналог, с годами выхолостивший первоначальную идею Флеминга.

Подобно герою Флеминга, Рейли великолепно говорил на многих языках, испытывал непреодолимое влечение к Дальнему Востоку с его мистическим очарованием, любил красивую жизнь и был азартным

игроком. Как и Бонд, Рейли обладал гипнотическим воздействием на женщин, а его многочисленные романы могли бы поспорить с любовными похождениями агента 007. Однако в отличие от Джеймса Бонда Сидней Рейли даже при богатом воображении вряд ли можно было бы назвать красавцем. Его привлекательность таилась скорее в его неуловимом обаянии и харизме, одновременно сочетавшихся с хладнокровием и беспощадностью. Из наиболее близких нам современных вымышленных героев, напоминающих Рейли, можно, пожалуй, назвать Майкла Корлеоне в исполнении Аль Пачино из фильма «Крестный отец» — хладнокровного, умеющего контролировать свои эмоции и действующего из сухого расчета. Как и Корлеоне, всегда прагматичный Рейли обладал мощнейшим воздействием на женщин или, точнее, на определенный тип женщин, которых он никогда не переставал использовать в своих целях.

Так кем же был Сидней Рейли и что за силы двигали им? Для своих любовниц, друзей и врагов он так и остался загадкой. Несмотря на то что о нем написана масса книг, зачастую противоречащих друг другу, до сегодняшнего времени никто так и не дал ответа на вопрос о его истинном происхождении, месте рождения и обстоятельствах его исчезновения и смерти. На протяжении всей своей жизни Рейли окутывал себя непроницаемым туманом и постоянно лгал о своем истинном происхождении, меняя одну личину за другой. Те же, кому доводилось входить в эту разделенную им на перегородки жизнь, знали о Рейли только то, что он расчетливо сообщал им.

Почти целое столетие истинный образ Сиднея Рейли был глубоко спрятан под толстым слоем вымыслов и мифов. Его стремление стать похожим на Уолтера Митти^[9], рассказывающего небылицы о своих шпионских приключениях, еще больше приукрасило легенду и внесло еще больше путаницы. Для того чтобы составить точную картину жизни этого незаурядного человека, необходимо было отбросить все наслоения лжи и вымыслов и начать все с самого начала, черпая факты только из достоверных источников.

Эта книга стала реальностью благодаря исключительной возможности получения доступа к секретным, закрытым для широкой публики документам из Великобритании, Германии, Канады, Польши, России, Соединенных Штатов, Украины и Японии. Автору также удалось отыскать потомков людей, некогда игравших ключевую роль в

жизни Сиднея Рейли, и взять у них интервью. Именно их помощь позволила восстановить многие недостающие эпизоды его таинственной биографии, а также проследить, каким образом этот человек уже к двадцати пяти годам сумел стать авантюристом международного класса.

Глава 1. Внезапная смерть

«О Ньюхевене мало что можно сказать за исключением того, что в ненастную погоду те, кто едет сюда из Франции, стремятся быстрее добраться до его берегов, а уезжающие из Англии в погожий день счастливы покинуть это место как можно раньше»^{10}. Эти достаточно скупые строки были написаны писателем-путешественником Е. В. Лукасом в 1904 году. Однако, как это часто бывает, именно в таких непримечательных местах и происходят весьма знаменательные события. Действительно, примерно за четыре года до того, как Лукас написал эти строки, ньюхевенская гостиница «Лондон и Париж» стала невольным свидетелем событий, имевших серьезные последствия не только для двадцатичетырехлетней наследницы, но и для человека, которого впоследствии будут именовать не иначе как «шпион XX века».

Удачно вписывающееся в архитектурный стиль ньюхевенской гавани внушительное трехэтажное оштукатуренное здание состояло из тридцати роскошно меблированных номеров, где имелось все, о чем мог только мечтать путешественник викторианской эпохи. Именно сюда, на ньюхевенскую пристань, в пятницу, 11 марта 1898 года, был доставлен с поезда сидящий в инвалидной коляске шестидесятитрехлетний человек. В сопровождении своей сиделки Анны Гибсон преподобный Хью Томас^{11} проследовал далее в конторку портье, чтобы объявить о своем прибытии. Он и его сиделка забронировали номера по понедельник 14 марта включительно, ожидая приезда в этот день из Лондона двадцатичетырехлетней жены Томаса Маргарет. Все трое должны были затем сесть в 11.30 на паром до Парижа, а оттуда проследовать в Египет, где чета предполагала провести отпуск.

Несмотря на преимущества своего социального положения, Маргарет, очевидно, ощущала, что в ее жизни чего-то недостает. Ей, несомненно, не хватало внимания и нежности, и именно это в конце концов заставило ее уступить ухаживаниям Зигмунда Розенблюма из компании по приготовлению медицинских препаратов «Озон»^{12}.

Хью Томас и Зигмунд Розенблюм впервые встретились в 1897 году. Томас, страдавший болезнью Брайта — хроническим воспалением почек, — был одним из многих поддавшихся искушению лечиться патентованными препаратами. Это были нетрадиционные средства, популярные в то время и рекламируемые многочисленными компаниями, как, к примеру, «Компания препаратов Озон», при приеме которых предписывался лишь постельный режим, бедная белками пища, большие дозы ялапы^[2] и кровопускание — все это, вне всякого сомнения, делало лечение патентованными средствами крайне привлекательным для таких пациентов, как Томас.

Хью Томас и Зигмунд Розенблюм регулярно встречались на протяжении 1897 года в Мэнор-Хаус, Кингсбери, и в доме № 6 по Аппер-Вестбурн-террас в Лондоне. Именно в Мэнор-Хаус летом 1897 года Томас впервые познакомил Розенблюма с Маргарет^[13]. Существует версия, что чета Томасов впервые познакомилась с Зигмундом Розенблюмом в России во время поездки в Европу, которую они предприняли в 1897 году^[14]. Согласно еще одной версии, отношения между Маргарет и Розенблюмом стали развиваться в то время, когда он сопровождал их из отеля в отель во время мелодраматического возвращения Томасов в Англию^[15]. Факты, однако, свидетельствуют об обратном. В то время британцам, отправлявшимся за границу, заграничный паспорт, как правило, не требовался, тогда как для въезда в Россию он был необходим. Однако в архивах британского паспортного ведомства нет и намека на то, что Томасы когда-либо ходатайствовали о получении паспорта для въезда в Россию или что таковой был им выдан^[16]. Семейные бумаги Томасов также не подтверждают, что в 1897 году чета выезжала за границу, хотя в декабре Томасы планировали путешествие в Египет, куда они намеревались отправиться в марте следующего года.

Кому принадлежала идея поездки в Египет, нам не известно. Был ли это просто невинный план, или сей вояж задумывался с куда более зловещим умыслом — об этом можно лишь только догадываться^[17]. Нам доподлинно известно, однако, что Маргарет взяла на себя все хлопоты, связанные с планированием поездки, ее организацией и заказом билетов, — это видно из документов компании «Томас Кук»^[18]. Незадолго до отъезда Маргарет устраивает встречу своего

мужа с местным поверенным. В пятницу, 4 марта, чета направляется к себе домой на Сент-Мери-сквер, 13, рядом с вокзалом Паддингтон. В присутствии писаря Хью Томас назначает Генри Ллойда Картера своим семейным стряпчим, а Маргарет — душеприказчиком завещания. Текст завещания гласил:

«Распоряжаюсь оплатить все долги и расходы, связанные с моими похоронами и настоящим завещанием. Моя жена вступает в наследство и получает в безраздельное владение и пользование все мое недвижимое имущество, а также мое личное имущество и состояние, очищенное от долгов, распорядителем которых я ныне состою, а ежели появится потомство у меня и моей жены Маргарет, вышеозначенный потомок по Завещанию моего покойного дяди Хью Томаса из Тревор-Энглси получает права на долю моего движимого и недвижимого имущества. Я утверждаю, что завещаемое мною моей жене наследство включает в себя все движимое и недвижимое имущество, которое я вправе завещать законному наследнику или следующему за ним ближайшему родственнику, и настоящим завещанием подтверждаю права моей жены на безраздельное владение и пользование таковым» ^[19].

Маргарет тоже оставила завещание, назначив своим душеприказчиком Генри Ллойда Картера. В пятницу утром, 11 марта, ровно через неделю после составления завещания, Хью Томас и его сиделка Анна Гибсон покинули Аппер-Вестбурн-террас и направились к вокзалу Виктория. По их прибытии в ньюхевенский порт багаж был сдан в камеру хранения, а ручная кладь отнесена в смежные номера гостиницы. В тот день Хью Томас лег спать раньше, чем обычно, вряд ли догадываясь, что жить ему осталось недолго.

Суббота, 12 марта, выдалась холодной и промозглой, и преподобный Томас и его сиделка безвылазно сидели в гостинице. Томас лег в постель около одиннадцати вечера. А ранним утром следующего дня к нему в дверь постучался Джон Симмонз — будучи инвалидом, преподобный Томас заранее распорядился доставить завтрак к нему в номер. Не получив ответа, Симмонз открыл дверь собственным ключом. В комнате царил мрак, и ничто, казалось, не вызывало беспокойства.

За время своего трехлетнего опыта работы в отеле Симмонзу не раз приходилось видеть спящих постояльцев, однако чутье подсказало

ему, что здесь что-то не так. Он выбежал из комнаты и с тревогой помчался к управляющему отеля Альфреду Льюису^{20}. Однако пройдет еще примерно полчаса, прежде чем Льюис позвонит в полицию Ньюхевена и сообщит им, что преподобный Хью Томас был обнаружен мертвым в своей постели. Подобное промедление было вызвано, очевидно, тем, что первой реакцией Льюиса был поиск сиделки и врача, случайно остановившегося в отеле и прибывшего сюда накануне вечером. Обследовав тело Хью Томаса и побеседовав какое-то время с его сиделкой Анной Гибсон, доктор Т. У. Уильямс наконец сообщил Льюису, что смерть произошла в результате сердечного приступа.

Тело покойного Хью Томаса было перенесено в траурный зал, и директор похоронного бюро, наверное, немало удивился, когда прибывшая на следующий день Маргарет изъявила желание похоронить своего мужа на его родине, в Энглси, а не в Лондоне. Однако его изумление было, наверное, еще сильнее, когда он узнал, что г-жа Томас распорядилась как можно быстрее покончить со всеми формальностями. В 1898 году восемь-десять дней, прошедших с момента смерти до дня похорон, не были чем-то из ряда вон выходящим, однако Маргарет настояла на том, чтобы похороны состоялись в среду, 16 марта. Таким образом, у тех, кто провожал Хью Томаса в последний путь, оставалось в распоряжении всего полтора дня для того, чтобы совершить все необходимые церемонии, изготовить гроб и перевезти тело покойного на церковное кладбище в Ллансадорн^{21}. Неудивительно, что смерть Хью Томаса привлекла внимание местной прессы к большому неудовольствию управляющего отелем Альфреда Льюиса, вряд ли обрадовавшегося той славе, которую эта новость принесла его отелю. Стоит отметить, что один журналист в своем репортаже упомянул тот факт, что, «поскольку причину смерти установил молодой лекарь, отпала необходимость в проведении следствия»^{22}.

Полтора месяца спустя в соответствии с завещанием Хью Томаса Маргарет стала обладательницей состояния в размере 8094 фунтов 12 шиллингов, что составляет на сегодняшний день приблизительно полмиллиона фунтов стерлингов. Если у Генри Ллойда Картера, стряпчего, составившего завещание Хью Томаса и являвшегося одним

из его душеприказчиков, и возникли сомнения, вызванные тем, что преподобный Томас отошел в мир иной через девять дней после составления завещания, или же тем обстоятельством, что он был похоронен спустя три дня после своей внезапной смерти, то он не заявил об этом публично, а возможно, никому не говорил об этом и в частной беседе. Сделай он это, власти наверняка распорядились бы провести следствие. Что же показали бы результаты этого расследования?

Прежде всего, полиция наверняка бы захотела установить причину смерти. По словам д-ра Эндрю, причиной летального исхода явилась *Influenza Morbus Cordis Syncore*, что в действительности переводится как «инфлюэнца, слабость сердца»^{23}. Диагноз этот настолько расплывчат, что вряд ли мог бы быть признан сегодня удовлетворительным. Им можно описать фактически любое сердечное заболевание, а формулировка диагноза означает всего лишь то, что смерть наступила в результате остановки сердца!

Совершенно очевидно, что полиция захотела бы узнать более точные причины смерти. Вполне вероятно, что полицейские пожелали бы побеседовать о состоянии здоровья преподобного Томаса с его личным врачом и, уж вне всякого сомнения, с д-ром Эндрю. Именно на этом этапе у следователей возникли бы куда более серьезные вопросы, поскольку им очень быстро удалось бы установить, что никакого врача по имени Т. У. Уильямс, члена Королевской корпорации хирургов, не существует и в природе^{24}.

Королевская корпорация хирургов, членом которой якобы являлся Эндрю, сообщила бы, что в ее списках не значится ни одного врача, носящего эту фамилию. Главный медицинский совет сверился бы со своими списками, в которые заносились все практикующие врачи Великобритании, но также не обнаружил бы никакого д-ра Т. У. Эндрю. Возможно, полиция связалась бы с д-ром Томасом Эндрю, лицензиатом корпорации хирургов, единственным Т. Эндрю из всего списка^{25}. В результате беседы с ним они бы узнали, что этот шестидесятиоднолетний врач из Дуна, графство Пертшир, ни разу не пересекал границу Англии за все время своей тридцатишестилетней медицинской практики. Кроме того, стало бы очевидным, что пожилой шотландец вряд ли мог быть «молодым лекарем», упомянутым в газете

«Суссекс экспресс», или человеком, запомнившимся Луизе Льюис, дочери управляющего отелем^[26]. Неутешительные сведения, собранные полицией, наверняка побудили бы ее допросить Маргарет Томас, Анну Гибсон, соседей по дому и друзей Томасов. Все это неизбежно привело бы к тому, что следствие распорядилось бы эксгумировать тело и провести вскрытие.

Зная характер Маргарет, можно с уверенностью предположить, что она бы стойко держалась на следствии. Однако вполне вероятно, что другие свидетели упомянули бы некоего господина Розенблюма, а также то обстоятельство, что он регулярно появлялся у Томасов на Аппер-Вестбурн-террас и в Мэнор, Кингсбери. Возникли бы у полиции какие-либо подозрения относительно цели его визитов и отношений с Маргарет Томас? А может быть, подозрения полицейских усилились еще больше, если бы стало известно, что Зигмунд Розенблюм является еще и консультантом по вопросам химии, членом Химического института и Химического общества и имеет легкий доступ к аптекарским снадобьям? А если бы ищейки установили, что «молодой лекарь» и молодой химик — одно и то же лицо? К своему немалому удивлению, они бы обнаружили, что двадцатичетырехлетний Розенблюм приехал в страну всего лишь два года назад и хорошо известен Особому отделу Скотленд-Ярда.

К великому счастью для Зигмунда Розенблюма, никакого расследования этих обстоятельств, разумеется, проведено не было. Тем не менее, имея в нашем распоряжении все перечисленные факты, можем ли мы реконструировать последовательность событий, предшествовавших смерти Хью Томаса в тот воскресный день?

Если предположить, что смерть Томаса не была случайностью, а явилась преднамеренным убийством, то это означает, что нам надо искать мотивы и способы совершения этого преступления. Для Зигмунда Розенблюма Хью Томас был досадной помехой, стоявшей между ним и двумя главными целями, которые он стремился достичь. Со смертью Томаса Маргарет становилась не просто вдовой, а очень богатой вдовой, женитьба на которой открывала для Розенблюма путь к осуществлению по крайней мере одной своей цели — завладеть ее имуществом.

Брак с Маргарет также позволял Розенблюму решить еще одну не менее важную задачу — глубоко «похоронить» все, что касалось его

истинного происхождения и имени, и взять себе новую, вымышленную биографию.

Хью Томас в период своего служения викарием в Олд-Ньютоне, графстве Суффолк (прибл. 1860 г.)

Другое немаловажное обстоятельство, имеющее отношение к смерти Томаса, возможно, таится в оставленном им завещании. Невинная фраза из одиннадцати слов «а в случае появления потомства у меня и моей жены Маргарет» предполагает развитие целого сценария, вероятность которого ранее никому не приходила в голову. Были ли эти слова благим пожеланием шестидесятичетырехлетнего джентльмена, страдающего болезнью Брайта, или же они были продиктованы тем обстоятельством, что Маргарет уже к этому времени была беременна? По мнению лондонских юристов Кингсфорда, Стейси и Блекуелла, внимательно изучивших содержание завещания, этот пункт имеет чрезвычайно важное значение, ибо «он не может быть стандартным условием или положением, вписанным по ошибке, поскольку в нем содержится недвусмысленное указание на

потомка, которому причитается доля имущества его дяди»^{27}. Если Маргарет была действительно беременна, то уж скорее от Розенблюма, нежели от Хью Томаса. Если же ей суждено было разрешиться от бремени, то внешность ребенка, вне всякого сомнения, выдала бы его настоящего отца. Как отметил в своей книге «Железный лабиринт» Гордон Брук-Шеперд, еврейское происхождение Рейли было «написано большими буквами на его лице». Если бы отцовство ребенка стало очевидным, можно с уверенностью сказать, что Томас немедленно развелся бы с Маргарет, оставив ее без копейки денег, — такой вариант развития событий вряд ли был бы в интересах Маргарет и Розенблюма. Если бы Маргарет обнаружила свою беременность в конце 1897 года, то предстоящий отпуск мог послужить хорошим прикрытием смерти Томаса. Разумеется, Маргарет, организовавшая поездку, благоразумно отсутствовала в отеле «Лондон и Париж» в те роковые выходные, покинув Лондон лишь через четыре дня после отъезда своего мужа.

Несомненно и то, что Розенблюм вряд ли смог бы спланировать убийство Хью Томаса без поддержки и молчаливого согласия Маргарет. К этому времени Маргарет находилась во власти чар Розенблюма и была по уши влюблена в него, о чем свидетельствует английский дипломат, вице-консул его величества Даррел Уилсон (см. главу 5). Болезнь Брайта, которой преподобный страдал на протяжении восьми лет, как нельзя лучше могла скрыть симптомы отравления мышьяком, которым Рейли щедро потчевал Томаса. Сама же болезнь лишь усиливала действие отравы, приводя к опуханию ног, потере аппетита и появлению крови в моче.

Яд мог попадать в организм постепенно, в виде патентованного снадобья, которым Розенблюм снабжал Хью Томаса. Маргарет также могла давать этот препарат в соответствии с инструкциями Розенблюма, добавляя его в еду и питье. Однако ни одно из этих объяснений не дает ответа на вопрос, кто же дал Томасу смертельную дозу в отеле «Лондон и Париж» вечером в субботу 12 марта. Если предположить, что Розенблюм прибыл в отель в обличье д-ра Т. У. Эндрю^{28}, то он наверняка не захотел бы подвергать себя риску случайной встречи с Хью Томасом или быть непосредственным участником его отравления. Но если Розенблюм держался в тени, а Маргарет находилась в это время в Лондоне, в шестидесяти милях, то

нам стоит в этом случае лучше присмотреться к Анне Гибсон, которая имела куда больше возможностей быть рядом с Томасом, поскольку была его сиделкой и занимала смежный номер.

Согласно семейным архивам Томасов, мисс Анна Гибсон, уроженке Клерккенуэлла (предместье Лондона), было двадцать восемь лет, когда она поступила на службу к Томасам в марте 1897 года. Это означает, что она родилась где-то между мартом 1868 и апрелем 1869 года. Тщательный поиск свидетельства о рождении Анны Гибсон в архивах обнаружил только одну женщину с этим именем — родившуюся в Блофильде, Норфолк. Поскольку эта Анна Гибсон родилась не в Лондоне и уж точно не в Клерккенуэлле, то нам придется допустить, что либо в документы закралась ошибка, либо по какой-то причине Анна, представляясь семье Томасов, скрыла свою настоящую фамилию, возраст и место рождения. Ближайшая к году ее рождения перепись населения проводилась в 1871 году. Тщательный поиск в документах клерккенуэльской переписи двухлетних девочек по имени Анна обнаружил единственно возможного кандидата — Анну Люк, дочь Уильяма и Элизабет Люк. В свидетельстве о рождении Анны Люк записано, что она родилась 5 января 1869 года, более того, девичья фамилия ее матери была Гибсон^{29}. Можем ли мы, таким образом, предположить, что Анна Гибсон, устроившаяся на службу в семью Томасов, и Анна Люк — одно и то же лицо? Если это так, то что же побудило Анну взять девичью фамилию своей матери? Ответ на этот вопрос, возможно, таится в обстоятельствах, связанных с отъездом Анны из Японии, где она устроилась на службу в одну очень богатую семью. Незадолго до возвращения Анны в Англию японские газеты вышли с сообщениями об убийстве на любовной почве. 22 октября 1896 года в Иокогаме Уолтер Кэрю был найден мертвым от отравления мышьяком, а его жена была арестована в тот момент, когда скандальные подробности этого дела достигли наивысшей огласки.

Как позднее выяснилось на суде, у миссис Кэрю был роман с молодым банковским служащим. Суд признал миссис Кэрю виновной и приговорил ее к смертной казни, однако казнь была заменена тюремным заключением. Кэрю выслали обратно в Англию отбывать срок в тюрьме Эйлсбери. На суде Кэрю не признала себя виновной в инкриминируемом ей преступлении и продолжала утверждать это до момента своего выхода из тюрьмы в 1910 году. Вплоть до своей

кончины в 1958 году в возрасте девяноста лет Кэрю не прекращала настаивать на том, что в смерти ее мужа была замешана некая «Анна Люк».

Об истории убийства Кэрю, со всеми ее подробностями и неожиданными поворотами, можно было бы написать целую книгу. В контексте же обстоятельств смерти Хью Томаса нас, однако, интересует лишь один ключевой вопрос: существует ли веское доказательство связи «Анны Гибсон» с делом Кэрю? Если Анна Гибсон прожила два года в Японии и вернулась в Англию в конце 1896-го или начале 1897 года, то она должна была покинуть туманный Альбион в конце 1894 или в начале 1895 года. Обстоятельный поиск в архивах британского паспортного ведомства показал, что за конец 1894 и начало 1895 года этим ведомством не было выдано ни одного паспорта на фамилию Гибсон. Однако повторный поиск на фамилию «Люк» оказался более продуктивным: 13 декабря 1994 года на имя г-жи «А. Люк» был действительно выписан заграничный паспорт^[30]. Хотя мы не располагаем твердыми доказательствами того, что Анна Гибсон и Анна Люк одно и то же лицо, или же ее причастности к смерти Кэрю, косвенные улики дают нам серьезные основания сделать подобное умозаключение.

Узнал ли Розенблюм каким-то образом тайну Анны и втянул ее, вольно или невольно, в преступление? До последних дней своей жизни Маргарет говорила о «большой ошибке», совершенной ею в молодости и лежавшей тяжким бременем на ее совести. Имела ли она в виду собственную причастность к смерти своего первого мужа?^[31] Однако Розенблюм не был человеком, которого тяготили муки совести. Замысел и осуществление убийства Томаса были исполнены с необыкновенным коварством, хитростью и дерзостью — так же, как и все, что совершалось этим человеком на протяжении всей его дальнейшей карьеры. Это преступление, несомненно, можно квалифицировать как предумышленное убийство. 22 августа 1898 года в Холборне Розенблюм и Маргарет Томас регистрируют свой брак. Женитьба на Маргарет принесет Розенблюму не только богатство, о котором он так давно мечтал, но и откроет путь для достижения второй его главной цели — похоронить навсегда Зигмунда Розенблюма и взять совершенно новое имя. Именно под этим именем он и станет известен в мировой истории: Сидней Рейли^[3]. Новая и вполне

правдоподобная биография была, как мы далее увидим, ключевым моментом для осуществления его желания — возвратиться в страну, где он родился.

Глава 2. Человек ниоткуда

Более века писатели, исследователи, правительства разных стран и их разведки пытаются разобраться в тайне личности и происхождения Сиднея Рейли. Практически ни у кого не вызывает сомнений, что его настоящее имя было Зигмунд Розенблюм. Отчасти это объясняется тем, что сей, казалось бы, неоспоримый «факт» неоднократно приводился в многочисленных книгах и публикациях на протяжении долгого времени. О происхождении Рейли и его семьи писали многие авторы. По версии Робина Брюса Локкарта, Рейли родился «недалеко от Одессы»^{32}. Эдвард ван дер Роер также указывает местом его рождения «Одессу, черноморский порт»^{33}, равно как Джон Костелло и Олег Царев^{34}. Майкл Кеттл, однако, утверждает, что Рейли родился в царской Польше^{35} — эту версию разделяют Кристофер Эндрю^{36} и Ричард Дикон^{37}. Рейли и сам рассказывал многочисленные истории о своем происхождении. В разное время его отцом был: ирландский капитан морского флота, ирландский священник, русский аристократ. У его жены Маргарет сложилось впечатление, что он был сыном богатого землевладельца и приехал из Польши или из России^{38}. В своей книге «Британский агент» Роберт Брюс Локкарт, дипломат, посланный в Россию Ллойдом Джорджем в 1918 году, утверждает, что родители Рейли были родом из Одессы, хотя далее в своих воспоминаниях он нигде не упоминает место рождения Рейли^{39}. Среди мест в Ирландии, где, по словам Рейли, он якобы родился, упоминаются Клонмель в Типперери и Дублин^{40}. Сопровождая бригадира^[4] Эдварда Спирса в Прагу в 1921 году, Рейли, якобы будучи на обеде в британской миссии, рассказывал присутствующим эпизоды из своего одесского детства. Когда же кто-то из сотрудников миссии спросил, почему в таком случае в его паспорте местом рождения указан Типперери, то Рейли будто бы ответил: «Была война, и я приехал сражаться за Англию. Мне нужен был английский паспорт и, соответственно, английское происхождение, а от Одессы, сами знаете, далеко до Типперери!»^{41}^[5] Пепите Бобадиля, на

которой Рейли женился в 1923 году, он сказал, что ирландское происхождение нужно было ему как прикрытие, на самом же деле он родился от брака моряка ирландского торгового флота и русской матери в Петербурге и там же получил образование^{42}. Загадкой является не только место рождения Рейли, но и его возраст.

В первом издании своей биографической книги о Рейли, опубликованной 1931 году, Пепита Бобадиля утверждала, что он родился в 1872 году^{43}. Во втором дополненном издании этой книги год рождения Рейли уже был изменен на 1874^{44}. Роберт Брюс Локкарт утверждал, что, когда они впервые познакомились, Рейли было около сорока шести лет, из чего можно заключить, что он родился в 1873 году^{45}. Метрические свидетельства, въездные документы и паспорта Рейли до 1917 года также указывают на 1873-й как на год его рождения^{46}. С момента своего зачисления в ряды Королевского авиационного корпуса в конце 1917 года Рейли, однако, во всех официальных документах указывает годом своего рождения 1874^{47}. Существует предположение, что, называя разные даты рождения, Рейли тем самым хотел обезопасить свою семью, поскольку был агентом иностранной разведки и боялся причинить ей вред в случае, если об этом станет известно^{48}. Однако чем лучше мы понимаем истинные мотивы Рейли и его поведения в последующие годы, тем больше мы убеждаемся в том, что он мало или вообще никак не интересовался судьбой своей семьи с того момента, как оставил ее; главной же его заботой было скрыть свое еврейское происхождение^{49}. Если бы Рейли написал автобиографию^{50} или выпустил авторизованную биографию, то, вне всякого сомнения, она бы мало чем отличалась от книги «Король шпионов» Робина Брюса Локкарта. Это и неудивительно, если учитывать то обстоятельство, что основным источником информации о жизни Рейли в книге Локкарта были истории, рассказанные самим Рейли своим друзьям, коллегам и знакомым, особенно капитану Джорджу Хиллу.

По существу, «Король шпионов» представляет Рейли таким, каким тот сам хотел бы видеть себя глазами потомков. По версии Робина Брюса Локкарта, Рейли родился в мелкой помещичьей семье в самой Одессе или недалеко от нее и при рождении был окрещен

Георгием. Его отцом был мелкий дворянин, полковник, имевший связи при дворе. У Георгия и его старшей сестры было благополучное детство, их воспитанием и образованием занимались домашние учителя. Чтобы нагнать еще большего тумана вокруг своего происхождения, Рейли всегда был очень осторожен и никогда не раскрывал подлинной фамилии своих родителей.

В возрасте шестнадцати лет Георгий отправился в Вену для прохождения трехгодичного курса химии, где познакомился с доктором Розенблумом, лечащим врачом его матери. В Вене Георгий делает большие успехи, совершенствуется в знаниях и ведет беспутный образ жизни. Там же молодого человека увлекают в деятельность социалистического кружка, что в конечном итоге кончается его арестом русской императорской тайной полицией — охранкой^[6]. Родители Георгия использовали все свои связи, чтобы добиться освобождения сына, однако к этому времени его мать, и прежде страдавшая серьезным недугом, скончалась. В день выхода Георгия из тюрьмы его дядя в присутствии собравшихся родственников назвал Георгия «ублюдком», незаконным ребенком, родившимся от связи его матери с доктором Розенблумом, еврейским доктором из Вены, который был ее лечащим врачом.

Сгорая от стыда от обвинения во внебрачном происхождении, Георгий уходит из семьи, берет фамилию Розенблум, оставляет записку о своем намерении утопиться в водах одесского порта, а сам ступает на борт корабля, отправляющегося в Южную Америку. В течение трех лет он меняет одну профессию за другой до того момента, пока его не нанимают коком на судно три английских офицера, отправляющихся в экспедицию по амазонским джунглям. Все идет вполне благополучно, пока туземцы не нападают на членов экспедиции. В типично мелодраматической манере Розенблум выхватывает из рук офицера пистолет и отбивает атаку туземцев практически голыми руками. Как позже выяснилось, одним из трех офицеров был майор британской секретной службы Фозергилл. В качестве вознаграждения он выдал Розенблуму чек на полторы тысячи фунтов, билет для проезда в Англию, английский паспорт да еще и устроил на работу в секретную разведывательную службу. Эта захватывающая дух история, однако, не выдерживает никакой критики, если мы подвергнем ее более тщательному анализу.

Начнем с того, что в 1890 году в Англии еще не существовало секретной службы, а в метрических свидетельствах, хранящихся в Государственном архиве Одесской области, нет и намека на мальчика по имени Георгий, отцом которого был полковник, — это имя не встречается ни в 1872, ни в 1873, ни в 1874 году^{51}. Доктор Розенблюм также отсутствует в материалах венской городской переписи за 90-е годы^{52}, а поиск в архивах Венского университета и Венского технического университета не обнаружил ничего о студенте соответствующего возраста, приехавшем из Одессы изучать химию^{53}. Более того, в газетах и архивах Великобритании и Бразилии нет ни малейшего упоминания об экспедиции на Амазонку в упомянутый период, равно как и об участвовавших в ней офицерах британской армии и майоре Фозергилле^{54}. Эти открытия, однако, вряд ли вызовут удивление, поскольку семья, в которой родился и вырос Рейли, не была ни русской, ни дворянской.

Абрам Розенблюм родился в Гродненской губернии примерно в 1820 году^{55}. Он и его жена Сара первыми ушли из семьи, покинули Польшу и обосновались в начале пятидесятых годов XIX века в Херсонской губернии, на территории которой находилась Одесса. Старший брат Абрама Янкель (Якоб)^{56} женился на Хане (Генриетте) Брамсон^{57} из Ломжи в Белостокском уезде в 1840 году. Их сын Зеев (Владимир) и Герш (Григорий) родились там же соответственно в 1843 и 1845 годах. Григорий женился на Перле (Паулине) — красавице на семь лет моложе его, происходившей из зажиточной херсонской семьи. Однако, по многочисленным свидетельствам, брак оказался неудачным. Согласно составленному позже семейному древу, у Григория и Паулины было трое детей: Мариам (Мария), Шломо (Саломон — будущий Сидней Рейли) и Элка (Елена)^{58}. Если верить семейным преданиям, Григорий не был родным отцом Саломона. Согласно одному из них, у Паулины была внебрачная связь с близким родственником Григория, который был гораздо ближе ей по возрасту. Уладили ли позже свои отношения Паулина и Григорий, нам доподлинно не известно. Эти слухи явно не соответствуют тому, что сам Рейли поведал Джорджу Хиллу, однако мы бы не хотели отвергать его рассказ как полную выдумку. Слух о неверности Паулины, вне

всякого сомнения, нашел свое отражение в рассказе о том, как Георгий с горечью узнал, что он появился на свет в результате внебрачной связи между его матерью и доктором Розенблумом. Если этот слух имеет под собой хоть какое-то основание и Григорий не был родным отцом Саломона, то кем же все-таки был его настоящий отец?

Первая и наиболее вероятная кандидатура, которая приходит в голову, — это брат Григория, Владимир, поскольку известно, что он был врачом. Примерно в этот период между братьями вспыхнула сильная ссора, приведшая к полному разрыву отношений, что в какой-то степени делает эту версию более правдоподобной. Однако Владимир был старше Григория, и это не очень согласуется с семейной легендой о том, что отец Саломона был примерно ровесником Паулины. Если, как мы уже в этом убедились, доктор Розенблум не проживал в Вене, то есть ли вероятность того, что существовал другой доктор Розенблум, живший в окрестностях Одессы, которого мы можем рассматривать как еще одного кандидата на роль подлинного отца Саломона?

Одесса того времени была важнейшим военно-морским округом, где проходили службу врачи, многие из которых жили в Одесской губернии, не будучи заняты исполнением своих обязанностей. Хотя на начало и середину семидесятых годов мы не нашли ни одного упоминания о докторе Розенблуме, в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве обнаружили следы некоего доктора М. Розенблума, проживавшего в Одессе на Маразлиевской улице и получившего диплом врача в 1879 году. Согласно его послужному списку, им оказался не кто иной, как Михаил Абрамович Розенблум, сын Абрама Розенблума и, соответственно, двоюродный брат Григория. Родившийся в Херсоне, примерно в девяноста милях к востоку от Одессы, в 1853 году, он был на один год моложе Паулины^[59]. Таким образом, мы можем рассматривать Михаила как достаточно серьезную кандидатуру на роль «близкого родственника семьи», который, возможно, и являлся родным отцом Саломона.

Недавно сделанная находка, хоть и не является окончательным доказательством, тем не менее может служить еще одним подтверждением в пользу нашей догадки. В коллекции семейных фотографий, найденных в мае 2001 года, сохранился снимок подростка, которого сначала по ошибке приняли за юного Рейли.

Однако, как позднее удалось установить, на этой фотографии был изображен Борис Розенблюм, сын Михаила Розенблюма^{60}. При сравнении этого изображения с фотографией Рейли примерно того же возраста^{61} сходство оказалось разительным. Если Михаил Розенблюм действительно был отцом Рейли, то два человека, изображенные на фотографиях, неправдоподобно похожи друг на друга — и это при том, что у них был только один общий родитель.

Однако на сегодняшний день все попытки найти документы, подтверждающие место и дату рождения Рейли, пока остались безуспешными^{62}, хотя новые факты, о которых мы скажем ниже в этой главе, еще больше усиливают наши подозрения, что этим местом был Херсон — родной город Михаила и Паулины Розенблюмов. Это противоречит утверждению, что Рейли родился в Одессе, однако вероятность того, что именно там он провел свое детство и юность, весьма велика. Свои способности к иностранным языкам Рейли, возможно, унаследовал от Михаила Розенблюма, владевшего многими языками, — возможно, и благодаря тому, что Одесса, в которой он вырос, была городом-космополитом. К середине восьмидесятых годов XIX века русскоязычное население Одессы составляло примерно 49,3 %, украинцы — 9,4 %. Остальные 41,3 % говорили на сорока девяти языках^{63}. Немецкие поселенцы в Одессе, насчитывавшие десятки тысяч, жили колониями, называвшимися Большой Либенталь, Малый Либенталь и Люстдорф. Жителями Одессы были также англичане, французы, итальянцы и греки, а также представители практически всех этнических групп, населявших Российскую империю. Иными словами, в Одессе была идеальная атмосфера, в которой такие люди, как Рейли, могли совершенствоваться в иностранных языках.

Образование, равно как и многие эпизоды юности Рейли, до сегодняшнего дня остаются загадкой. Когда Рейли впервые познакомился со своей будущей женой Маргарет Томас, то он сказал ей, что изучал химию в русском университете, из которого был вынужден уйти из-за своего участия в деятельности студенческого политического кружка^{64}, — факт, который также фигурирует в эпизоде с «Георгием», рассказанном им двумя десятилетиями позже Джорджу Хиллу. По версии, которую Рейли поведал Маргарет, он

получил образование в одном из университетов в Германии, хотя ни в одном из немецких университетов не найдено следов его пребывания.

Однако Охранное отделение вело учет всех русских студентов, учившихся за границей, которые были заподозрены ею в симпатиях к неблагонадежным лицам или контактах с ними^{65}. Особый интерес вызывает карточка из картотеки заграничной охраны, в которую были занесены данные на некоего студента-химика из Одессы, Леона Розенбаума, известного также под именем Розенблатт. Эти фамилии приобретают особое значение, если учесть, что в досье, заведенном на Рейли французской контрразведкой Второе бюро^[7], он фигурирует также под именами Леон Розенбаум и Леон Розенблатт.

Если же Розенблум действительно какое-то время и прожил в Германии после своего отъезда из России, то, вероятно, именно там он поменял имя Саломон на германизированное Зигмунд.

Какова бы ни была причина, заставившая Рейли покинуть Россию, мы знаем лишь, что он уехал в большой спешке. Помимо легенды о «Георгии», согласно которой отъезд Рейли из России был вызван чувством стыда за свое внебрачное происхождение, существует еще и версия о том, что он якобы участвовал в деятельности студенческого политического кружка. Были высказаны также и другие предположения. Майкл Кеттл, к примеру, утверждает, что Рейли «страстно влюбился в свою двоюродную сестру», что привело в ужас их родителей, «категорически возражавших против брака»^{66}. Это якобы вынудило Рейли разорвать отношения со своей семьей и уехать за границу^{67}. Хотя Кеттл в своей книге нигде не раскрывает имя девушки, из источников, на которые он ссылается, становится ясно, что речь идет о Фелиции^{68}, дочери родного дяди Рейли Владимира. Гордон Брук-Шеперд, возможно, прав, когда пишет в своей книге «Железный лабиринт», что, будучи человеком, не имеющим никаких моральных принципов, «он скорее сбежал бы со своей кузиной, нежели послушался запрета»^{69}. В реальности же Рейли и его двоюродная сестра, как мы увидим ниже, никогда не теряли друг друга из виду. Из этих двух версий наиболее правдоподобной нам кажется та, которая была рассказана Маргарет Томас. Она подтверждается еще и тем фактом, что в 1892 году в Одессе прокатилась волна

студенческих волнений, приведших к тому, что охранка принялась разыскивать зачинщиков этих беспорядков^{70}.

Если Рейли покинул Россию через Одессу — и это единственное «если», — то нам не удалось найти подтверждения того, уехал он с паспортом на свое имя или на имя кого-то из своих сообщников^{71}. Разумеется, он мог покинуть Россию и вполне законным путем, однако, зная его характер и манеру поведения в последующие годы, этот вариант мы полагаем маловероятным. Нелегальный выезд из страны был связан с риском, и к нему прибегали только в самом крайнем случае. Это было уголовным преступлением, которое, будь оно совершено человеком в возрасте Рейли, могло быть воспринято властями как уклонение от воинской повинности. Возвращение в Российскую империю или проезд через ее территорию был возможен только с документами на другое имя — в противном случае его неизбежно ждал арест.

Как и многие другие эмигранты до него, Рейли направился в Париж. По агентурным сведениям, собранным о нем Вторым бюро^{72}, Рейли Жил в Париже в течение 1894–1895 годов под именами Розенблатт и Розенбаум^{73}. Париж в то время был не только центром русской эмиграции крайнего толка, но также и крупнейшим оперативным центром охранки за пределами России. В Париже Розенблум заводит знакомства со многими русскими политэмигрантами. Однако его сближение с ними было скорее реакцией на антисемитскую политику царского режима, нежели поиском какого-либо политического кредо. Было бы большой ошибкой полагать, что у Рейли были какие-то определенные политические убеждения или приверженность каким-то взглядам в принятом смысле этого слова, как в это время, так и позже. Главной движущей силой всех поступков Рейли была не идеология, а деньги и удовольствия, которые эти деньги могли принести. Незаконные способы их добывания, похоже, и послужили причиной его исчезновения из Франции год спустя. По мнению адвоката Артура Эбрахамса^{74}, познакомившегося позже с Розенблумом в Англии, его неожиданный приезд в Лондон в декабре 1895 года был напрямую вызван тем, что он во Франции мошенническим путем раздобыл крупную сумму денег, из-за чего ему пришлось срочно скрыться из страны.

Сорок лет спустя проживавший в Париже русский эмигрант Ян Войтек (он же Александр Мацеборук) связался с представителями английской разведки и предложил им информацию о преступном прошлом Рейли в обмен на разрешение на въезд в Великобританию. Хотя СИС и отвергла предложение Войтека, позднее он поделился своими воспоминаниями с также проживавшим в Париже русским журналистом Николаем Алексеевым. По словам Войтека, Рейли и его сообщник совершили нападение в вагоне поезда на двух анархистов и отобрали у них значительную сумму денег. До недавнего времени эта история фактически оставалась не более чем бездоказательным утверждением. Однако кропотливое расследование французского исследователя Мишеля Амьё, проведенное им весной 2003 года, позволило найти документальное подтверждение словам Войтека. Так, внимательно изучив французскую криминальную хронику того времени, Амьё натолкнулся на заметку, помещенную в газете «Юньон републикэн де Саон э Луар» от 27 декабря 1895 г., которая гласила:

«Трагическое происшествие в поезде Париж — Фонтенбло... Открыв дверь одного из вагонов, железнодорожные служащие обнаружили в нем несчастного пассажира, лежащего без сознания в луже крови, с перерезанным горлом и многочисленными следами ножевых ранений на теле. В ужасе от увиденного, железнодорожники немедленно вызвали следователя по особо важным делам, который начал предварительное следствие и распорядился доставить раненого в больницу в Фонтенбло».

Далее в газетном отчете сообщалось, что на следующий день пополудни этот человек на короткое время пришел в себя и был допрошен служащими прокуратуры. Сообщив им лишь, что ему 37 лет и что он итальянец по имени Констант Делла Касса, он не мог или не желал рассказать им подробности того, что произошло с ним в тот злополучный день. По словам Делла Касса, на станции Сен-Морби он подвергся вооруженному нападению. Он отказался говорить, какую сумму у него отняли грабители и был ли с ним в купе кто-нибудь еще. Однако французские следователи были убеждены, что это была значительная сумма, так как в поезде грабители обронили 362 франка. Билет, найденный в кармане сюртука несчастного, указывал на то, что он сел на поезд на станции Мезон-Альфр. Хотя Делла Касса не дал никаких описаний напавших на него людей, полиции удалось найти

свидетелей, видевших двух мужчин, сходящих с поезда на следующей станции после Сен-Морби.

На следующий день, 28 декабря, газета «Сантр» сообщила о том, что Делла Касса скончался от ран в госпитале Фонтенбло по рю де Норманди, 3. В заметке также сообщалось о том, что полицией было установлено, что убитый являлся анархистом. Хотя французские власти немедленно начали расследование, следствию так и не удалось пролить свет на это убийство или произвести дальнейшие аресты в связи с этим делом. К тому времени, когда «Сантр» вышла с сообщением о смерти Делла Касса, по крайней мере один из преступников уже находился на пути в Англию.

Причина, по которой в качестве укрытия был выбран именно Лондон, состояла в том, что в английскую столицу стекались эмигранты со всей Европы, которым по давней британской традиции предоставлялось убежище как жертвам политического преследования.

Для того чтобы добраться до Лондона, Розенблум скорее всего воспользовался железнодорожно-водным маршрутом, начинавшимся от Северного вокзала и лежавшим через Дьепп и Ньюхевен. По расписанию 1895 г., паром «Тамиз» отправлялся из Дьеппа в Ньюхевен в час пятнадцать дня. Отель «Лондон и Париж» был, по-видимому, первой достопримечательностью, которую Розенблум увидел, приближаясь к берегам Англии. Пройдет еще десять лет, прежде чем в Соединенном Королевстве начнут хоть сколько-нибудь серьезную проверку иностранных граждан, въезжающих на ее территорию. Однако в тот момент Розенблум беспрепятственно прошел таможенню и проследовал далее поездом в Лондон.

Не будучи стесненным в средствах и являясь заложником своих привычек, Розенблум почти наверняка поселился в комфортабельном отеле, прежде чем снял постоянное жилье. Согласно сведениям из муниципальных архивов, в начале 1896 года он переехал в Альберт-меншнз, новый престижный доходный дом на Розетта-стрит, в районе Ламбет^{175}. В лондонском Сити он приобретает маленькую контору из двух комнат на Бери-стрит, 9, где и основывает свою фирму «Розенблум и Ко»^{176}. Выдавая себя за консультанта-химика, Розенблум на деле был не более чем торговцем патентованных препаратов, пускавшим пыль в глаза окружающих. Не прошло и

полгода, как его принимают в члены Химического общества^{77}, а через девять месяцев он становится членом еще более престижного Химического института^{78}.

Для того чтобы стать членом института, Розенблюму нужно было не только продемонстрировать определенный уровень знаний в области химии^{79}, но и заручиться рекомендациями и финансовой поддержкой со стороны других его членов. Косвенные свидетельства подтверждают, что Рейли преуспел и в этом. Нам известно, например, что его сосед по Альберт-меншнз Уильям Фокс^{80} был членом Химического института с 1889 года, а другой член этого института, Бовертон Редвуд, был также членом Русского технического общества, в коем состоял и Розенблюм. Еще одним русским «контактом» Розенблюма в Химическом институте, хотя и косвенным, была Люси Буль, сестра писательницы Этель Войнич (урожденной Буль).

По утверждению Робина Брюса Локкарта, Этель познакомилась с Зигмундом Розенблюмом в Лондоне в 1895 году и стала его любовницей^{81}. Далее Локкарт утверждает, что они поехали в Италию на последние 300 фунтов, которые оставались у Зигмунда. Во время этого путешествия Розенблюм якобы «открыл душу своей любовнице» и поведал ей правду о своем таинственном прошлом. Спустя какое-то время после их непродолжительных отношений, в 1897 году, Войнич выпустила в свет роман «Овод», тут же получивший высокую оценку критиков. По словам Розенблюма, факты его юности и легли в основу биографии главного героя романа, Артура Бертона^{82}.

В действительности этот эпизод может служить еще одним примером исключительных мифотворческих способностей Розенблюма. Более подробно о замысле и подлинной истории создания этого замечательного произведения можно прочитать в *Приложении 1*.

Этель Войнич была значительной фигурой не только в литературе поздней викторианской эпохи, но и среди русской эмиграции. Поэтому удивительно, что все писавшие о Сиднее Рейли практически обошли молчанием политическую роль, которую играла Войнич в то время, а ведь именно ее окружение и таит в себе ключ к разгадке многих сторон жизни Рейли в Лондоне. Именно в доме своей матери по Лэдброукгроув, 16, в Ноттинг-Хилле, Этель впервые познакомилась с Сергеем Кравчинским, фактическим лидером и душой русской

эмиграции в Лондоне. Кравчинский, или Степняк, как он сам себя называл, скрылся из Петербурга в 1878 году, где среди бела дня нанес смертельный удар кинжалом шефу жандармов генералу Мезенцеву^[8]. Этель предложила Степняку свою помощь в революционной работе и немедленно стала помогать ему в организации «Общества друзей русской свободы». Вскоре она становится членом совета общества и членом редакционной коллегии ежемесячного издания «Свободная Россия». Через Степняка она знакомится с другими революционерами, такими, как Элеонора Маркс, Фридрих Энгельс, Георгий Плеханов, а также с человеком, за которого она впоследствии выйдет замуж, — Вильфредом Войничем.

В 1895 году Степняк трагически погибает под колесами поезда, и с его смертью Вильфред Войнич начинает играть более активную роль в тайной деятельности общества. Будучи владельцем книжного магазина в Лондоне, Войнич использует его как хорошую вывеску для прикрытия контрабанды в Россию, через целую сеть курьеров издаваемой обществом пропагандистской литературы. У охраны были достаточно веские основания подозревать, что под видом коммерческих операций Войнич собирал и отмывал деньги революционных касс. Вряд ли можно сомневаться, что английские власти также были хорошо осведомлены о том, чем занимается Войнич. Не вызывает никаких сомнений и тот факт, что кто-то из доверенных лиц Войнича был информатором, но кто был этой таинственной личностью? Есть ли у нас основания подозревать, что этим человеком был Розенблюм? Действительно, между Зигмундом и Вильфредом было много общего, что, по всей видимости, и позволило Рейли втереться к нему в доверие: Вильфред родился близ литовского города Ковно^[9], как и двоюродный брат Розенблюма, Лев Брамсон^[83]. Будучи примерно одного возраста и исповедуя радикальные политические взгляды, Вильфред и Брамсон, несомненно, вращались в одних кругах и были знакомы друг с другом задолго до того, как Вильфред Войнич и Зигмунд Розенблюм переехали в Лондон.

То, что они были действительно друзьями и партнерами, подтверждается донесением Заграничной агентуры Департамента полиции о членах «Общества друзей русской свободы», в котором утверждается, что Розенблюм был близким другом Войнича и в особенности его жены. Он сопровождал ее повсюду, даже в поездках

на континент^{84}. Можно ли относиться к этому документу как к свидетельству о романтических отношениях между Зигмундом и Этель^{85}? Вопрос спорный. По собственным словам Этель, в то время она была активным курьером, выполнявшим поручения «Свободной России», и часто выезжала за границу. Вильфред, возможно, интуитивно считал, что Этель нуждается в защитнике-компаньоне, который бы сопровождал ее в поездках, поскольку нисколько не сомневался, что агенты русской полиции будут обязательно следить за ее передвижениями. Кто лучше подходил для этой роли, чем верный друг Зигмунд?

Согласно тому же донесению Заграничной агентуры, другими активными членами «Общества друзей русской свободы» были:

«Аладын и его жена (43, Sulgrave Road, Hammersmith, W). Переселились в Лондон из Парижа и сначала принимали деятельное участие во всех собраниях русских и польских революционеров, но теперь в виду павшего на них подозрения в шпионстве, совершенно устранились от всяких сношений и бывают только о Гольденберга.

Гольденберг, Леон (15, Augustus Rd, Hammersmith W.) Со времени своего прибытия из Нью-Йорка, в апреле 1895 г., состоит главным управляющим конторой “Общества друзей освобождения России” и поддерживает сношения почти со всеми русскими и польскими революционерами.

Волховский, Феликс (47, Tunley Rd, Tooting, S.W.) Деятельный революционер, часто читает рефераты, — преимущественно на тему о своей ссылке в Сибири; после смерти Кравчинского занял его положение.

Чайковский Николай Васильев; известный эмигрант; среди поляков считается агентом русского правительства. За последнее время с ним сошелся грек Мицакис (№ 90), довольно часто ездящий в Петербург. проживает 1, College Terrace, Harrow.

Ротштейн, Федор (65, Sydney St, Mile End, E.); выступал на последнем социалистическом конгрессе в Лондоне под именем Духовецкого. Очень деятельный революционер, вращается в русских и польских кружках. Принимал активное участие в последней революционной демонстрации лондонского пролетариата в Трафалгарском сквере, где занимал место на цоколе самой Нильсенской колонны, рядом с другими ораторами.

Войнич, он же Келчевский (Great Russel Mansions, Great Russel Street, W.C.; Контора: Soho Square, W). Прежде принимал активное участие в революционном движении, но теперь более занимается литературными работами, — тоже на революционные темы. Содержит международную социалистическую библиотеку. Жена — англичанка, пишет романы»^[10].

Поразительная удачливость, с которой Вильфред Войнич добывал редкие средневековые манускрипты, породила целый ряд предположений, объясняющих неожиданное появление на свет прежде никому не известных древних рукописей. Так, по одной из таких версий, он приобретал в Европе неиспользованную средневековую бумагу и, используя свои химические знания, делал «средневековые» чернила и краски для изготовления «древних» манускриптов. Один из работников, служивших ранее у Войнича, Миллисент Соуерби, подтвердил, что продавал чистые листы XV века избранным клиентам по шиллингу за лист^{86}. Поскольку мы располагаем свидетельством того, что Войнич по крайней мере имел возможность доставать старинную бумагу, то нельзя исключить и то, что он или Розенблюм также причастны к изготовлению «средневековых» красок и чернил. Для человека, занимающегося изучением химического состава этих веществ, лучшее место, чем библиотека Британского музея, хранящая в своих недрах колоссальное количество древних манускриптов и трудов по средневековому искусству, наверное, трудно себе представить.

Кропотливый поиск в музейных реестрах в конце концов принес свои плоды. 17 декабря 1898 года некий Зигмунд Розенблюм написал на имя главного библиотекаря прошение с просьбой выдать ему читательский билет для занятий в читальном зале библиотеки.

В заявлении Розенблюм написал о себе, что он «химик и физик», желающий изучать средневековое искусство. К прошению было приложено рекомендательное письмо от адвокатской конторы «Уиллетт энд Сандфорд», в котором среди прочего содержится интригующая фраза о том, что «Розенблюм занимается научными изысканиями, имеющими большую важность для общества»^{87}. Получив читательский билет, Розенблюм приступил к своим исследованиям со 2 января 1899 года. Правда, у него были и другие

причины заниматься этим исследованием, о чем мы более подробно расскажем ниже.

Если Розенблум информировал полицию о Войниче, то кто был тот человек, который читал его доносы? Незадолго до создания в 1909 году Бюро секретной службы (предшественника МИА и МИБ) эмигрантскими делами ведало Особое отделение полиции Большого Лондона. «Отделение» было, в свою очередь, создано в 1887 году как преемник Особого ирландского отделения (ОИО). Однако, в отличие от ОИО, новое Особое отделение обладало более широкими функциями, нежели просто борьба с ирландскими террористами. Возглавляемый шотландцем Джоном Литтлчайлдом, штат отделения насчитывал не более тридцати сотрудников. В апреле 1893 года Литтлчайлд вышел в отставку и основал свое собственное частное сыскное агентство. На смену ему пришел Уильям Мелвилл. Именно под его руководством Отделение сильно расширило свой штат, приобрело репутацию и заявило о себе как о могущественной силе в мире секретных агентств^[88].

Уильям Мелвилл родился в 1850 году в католической семье в городке Сним, графство Керри. В 1872 году он поступил на службу в полицию Большого Лондона, работая в Особом ирландском отделении со дня его основания в 1883 году^[89]. Будучи, несомненно, самым интересным и незаурядным человеком, который когда-либо возглавлял Особое отделение, он пробыл на этом посту десять лет до момента своей загадочной отставки в самый пик своей полицейской карьеры в 1903 году. Незадолго до своего назначения Мелвилл служил в отделе «Б», занимаясь контрэмигрантскими операциями — работой, дававшей ему возможность узнавать всю подноготную жизни политических эмигрантов и различных эмигрантских кружков, а также «нежелательных» личностей всех мастей. По описанию своих сослуживцев, это был «широкоплечий мужчина, обладавший невероятной силой и выдающейся отвагой»^[90]. По полицейским донесениям и газетным статьям, Мелвилл предстает как чрезвычайно успешный и целеустремленный полицейский — полная противоположность тому, каким изображали главу сыскного отдела Скотленд-Ярда популярные издания того времени.

Уильям Мелвилл, грозный глава Особого отделения Скотленд-Ярда, создавший Сиднея Рейли

Секрет успеха Мелвилла заключался в том, что у него была обширная сеть информаторов. Будучи педантичным человеком, он скрупулезно проверял мельчайшие детали жизни своих агентов, и именно его тщательно подобранной и выпестованной информаторской сети мы обязаны надежным документальным подтверждениям места и даты рождения Рейли. Перед своим избранием членом Химического общества 18 июня 1869 года Розенблюму необходимо было представить официальную справку о дате и месте своего рождения. Пока комитет общества принимал решение о членстве Розенблюма, справка находилась в обществе и ее содержание было тщательно изучено одним из офицеров Мелвилла, который, удовлетворившись подлинностью документа, написал в своем донесении, что Розенблюм «родился 11 марта 1873 года в Херсоне, Россия»^[91]. В то время Россия жила по юлианскому календарю, на двенадцать дней отстававшему от григорианского. Таким образом, дата, указанная в русском документе, соответствовала 23 марта григорианского календаря.

Агенты и информаторы были самым важным источником информации Особого отделения о жизни русской и польской эмиграции. Вербовались они различными способами: одни — «по рекомендации», другие — в процессе дознания. Лишь немногие сами предлагали свои услуги полиции. Однако независимо от того, предлагала ли сама полиция этим людям стать тайными информаторами или это была их личная инициатива, главный мотив был, как правило, один и тот же — деньги. У каждого сотрудника полиции был свой круг тайных агентов, которым он платил из своего кармана — расходы компенсировались затем полицией. Зигмунд Розенблюм, хотя и имел достаточное количество денег по прибытии в Англию, имел склонность тратить добытые мошенническим путем средства так же быстро, как они ему доставались. Деньги были главным смыслом его существования и послужили именно той причиной, которая побудила его стать тайным сотрудником Особого отделения.

Средства, которые Мелвилл расходовал на содержание своей сети информаторов, внедренных в эмигрантскую среду, всегда окупались. Как особо подчеркнул главный комиссар полиции Большого Лондона в своей докладной записке на имя помощника министра внутренних дел, именно этот вид разведывательной деятельности представлял для полиции особую сложность в силу языковых и культурных барьеров, стоявших между ней и сообществом, в которое оно стремилось внедрить своих людей^[92]. Розенблюм же был особенно ценным агентом, поскольку располагал своим собственным кругом знакомств в тесном эмигрантском мире. Пользуясь расположением к себе журналистов, профессиональных знакомых и лиц, с которыми он встречался в игорных домах и других посещаемых им сомнительных заведениях, Розенблюм получал доступ к уникальным источникам информации. Внимательно прислушиваясь ко всем разговорам, которые велись в его присутствии, он сообщал Мелвиллу все, что находил заслуживающим интереса.

Будучи платным агентом, Розенблюм не забывал и о своих легальных коммерческих интересах. В 1897 году он переводит свою компанию «Розенблюм энд Ко» с Бери-корт в Империял-Чемберс по Кёрситор-стрит, 3, в Холборне, где обустраивается и сам. В отличие от Саут-Ламбетруд, Кёрситор-стрит находилась в самом сердце

Лондона, рядом со зданиями судов Флит-стрит и Сити. Розенблум, который позже получит прозвище «человек, который все знал»^{93}, чувствовал себя как рыба в воде на Кёрситор-стрит, обитателями которой были также известные журналисты с Флит-стрит^{94}. Нетрудно себе представить разговорчивого Розенблума, щедро угощающего своих друзей-журналистов на первом этаже «Империал Клуб» по Кёрситор-стрит, 3, и жадно прислушивающегося к разговорам и рассказам, не предназначенным для посторонних ушей.

Переведя свою контору на Кёрситор-стрит, Розенблум изменил также и ее название: теперь она именовалась «Компания лекарственных препаратов Озон». В отличие от большинства химиков-консультантов, основой своей деятельности Розенблум сделал продажу патентованных лекарственных средств, а не профессиональное консультирование. Успех этого предприятия всецело зависел от доверчивости покупателей, становившихся жертвами рекламируемых чудодейственных средств. С 1893 года Химический институт занял жесткую позицию по отношению к своим членам, занимавшимся саморекламой. Однако далеко не все члены института были согласны с подобной политикой, а некоторые вообще отказались подчиниться этому требованию^{95}. Не желая лишиться членства в столь уважаемом заведении и потерять почетную приставку к своей фамилии, Розенблум придумал трюк, позволявший ему свободно рекламировать свои услуги, оставаясь в то же время членом института. С переездом конторы на новое место компания «Розенблум и К» перестала существовать. Хотя помещение на Кёрситор-стрит было несколько тесноватым, это обстоятельство мало смущало Розенблума, поскольку он не занимался производством лекарств, а закупал их у производителей и перепродавал своим клиентам в новой упаковке.

Хотя Англия и Америка в то время переживали бум патентной медицины, денег, которые этот бизнес приносил Розенблumu, было явно недостаточно для ведения того образа жизни, к которому он привык. Переезд из великолепно меблированной и просторной квартиры на Альберт-меншнз в куда более скромное помещение на Кёрситор-стрит, где также находилась одна из его контор, свидетельствует о том, что к 1897 году деньги, которые он привез из

Франции, стали подходить к концу, что вынудило его перейти на режим экономии. Именно летом этого года он впервые знакомится с Маргарет Томас. Как уже ранее говорилось, Маргарет была соблазном, перед которым Розенблум оказался не в силах устоять, но была ли она действительно такой, какой казалась другим?

Действительно, тот, кто повстречался бы с Маргарет Томас в конце девяностых годов, искренне принял бы ее за образованную англичанку из высшего викторианского общества. В реальности же все обстояло совсем не так. Маргарет Кэллаган родилась на юге Ирландии в небольшом рыбацком поселке Кортаун-Харбор в графстве Вексфорд 1 января 1874 года^{96} и была старшей дочерью Эдварда и Анны Кэллаган^{97}. Вместе со своими братьями и сестрами она выросла в небольшом доме, по соседству со своими кузенами Патриком, Джеймсом и Элизабет. В 1889. году она уезжает из Кортаун-Харбор к своему старшему брату Джеймсу^{98}, отправившемуся в Англию в поисках лучшей доли и жившему в то время в Дидсбери-Манчестер. Поступив на службу в семью Эдварда Бёрли в соседнем Олтринчеме, Маргарет через три года переехала в Лондон, где устроилась в семью двоюродного брата преподобного Хью Томаса. Такова официальная версия ее жизни. Однако после переезда Маргарет в Лондон ее биография пополняется явно вымышленными эпизодами, автором которых была сама Маргарет.

Так, выходя замуж за Хью Томаса в 1895 году, она записывает в книге регистрации браков, что ее отец был моряком по имени Эдвард Кэллаган^{99}. Не будучи откровенной ложью, это, по крайней мере, было сильным преувеличением. В действительности же Эдвард Кэллаган был не более чем мелким рыбаком, который вместе со своими братьями Джоном и Дэвидом, так же как и его предки, рыбачил у берегов Вексфорда. Менее чем через три года Маргарет еще более приукрасила эту легенду. Регистрируя свой брак с Зигмундом Розенблумом в августе 1898 года, она записала в реестре, что ее отец умер, что его звали Эдвард Рейли Кэллаган и что был он капитаном военно-морского флота^{100}. Если не считать того, что Эдвард Кэллаган в 1898-м вполне благополучно здравствовал, его чудесное превращение из простого моряка в морского офицера и капитана было как раз в духе Маргарет, имевшей большие социальные претензии.

Согласно записи в книге регистрации браков, свидетелями, присутствовавшими на церемонии, были Чарльз Кросс и Джозеф Белл. Белл в то время служил делопроизводителем в Адмиралтействе, а Чарльз Кросс был чиновником местного ведомства. Были ли они ранее знакомы с женихом и невестой, доподлинно установить не удалось; любопытно, однако, что оба позже женились на дочерях Генри Фримена Пеннетта, служившего одно время помощником Уильяма Мелвилла ^{101}.

Считается, что Зигмунд Розенблюм взял фамилию Рейли, используя среднее имя своего тестя ^{102}. Если это действительно так, то почему Маргарет не указала его в свидетельстве о браке, выданном ей в 1895 году? Если имя Рейли было действительно средним именем ее отца, то, вне всякого сомнения, оно должно было быть дано ему при крещении. Церковные документы, однако, свидетельствует о том, что это было не так ^{103}. Так зачем же Маргарет потребовалось внести имя Рейли в официальный документ, когда она выходила замуж за Зигмунда Розенблюма?

Наиболее вероятное объяснение этому состоит в том, что Розенблюму нужна была новая и легальная биография, а не просто вымышленное имя, под которым ему приходилось неоднократно скрываться в прошлом. В случае возвращения в Россию его новая биография должна была быть настолько безупречной, что никакие официальные проверки не смогли бы подвергнуть ее сомнению. Наилучшим выходом из этой ситуации было бы приобретение английского паспорта. Однако получить паспорт официальным путем было для Розенблюма весьма непростым делом. Теоретически самым простым способом получить его было бы обратиться к властям с ходатайством о натурализации на том основании, что его супругой была британская подданная. Однако три года пребывания Розенблюма в Англии были недостаточными для того, чтобы претендовать на британское подданство. Даже если бы его прошение было в конце концов удовлетворено и он обратился за получением английского паспорта, то, по законам того времени, на нем бы имелась отметка «натурализованный британский подданный» ^{104}.

1858. Marriage solemnized at the Register Office in the District of Holborn in the County of London								
No.	When Married.	Name and Surname.	Age.	Condition.	Rank or Profession.	Residence at the time of Marriage.	Father's Name and Surname.	Rank or Profession of Father.
186	Twenty-second August 1858	Siymund Georgievich Rosenblum Margaret Thomas	25 years 24 years	Bachelor Widow	Consulting Clerical	36, Whitechapel Chimney Lane St. John 6 Upper Westbourne Road Ridlington	Gregory Jackson Rosenblum Edward Reidy Clerical	Legated Proprietor Captain in the Navy
Married in the Register Office according to the Rites and Ceremonies of the by license before us.								
This Marriage was solemnized between us, Siymund Georgievich Rosenblum Margaret Thomas			in the Presence of us, Charles James Cross Joseph David Bell		J. J. Selby, Registrar Superintendent			

Зигмунд Розенблюм женился на Маргарет Томас спустя пять месяцев после внезапной смерти ее мужа

Но это не имело никакого смысла, поскольку любой чиновник, которому попался бы на глаза этот документ, понял бы, что его предьявитель ранее был гражданином другой страны и не британцем по происхождению. Более того, паспорт был бы, несомненно, выдан на имя Розенблюма, что опять таки никак не входило в его планы — стать человеком с новым именем и биографией. Розенблюму нужен был английский паспорт на совершенно другое имя, в котором было бы ясно указано, что его владелец — уроженец Великобритании. Главной и единственной причиной, по которой Розенблюму так необходим был паспорт на новое имя, было одно: беспрепятственный въезд в Россию или на подконтрольные ей территории. Предполагая возвратиться в Россию, Розенблюм, однако, не имел никакого желания терять свои английские связи и хотел изменить свою фамилию официально, в соответствии с английскими законами, из чего становится понятным, почему Маргарет указала имя Рейли в брачном реестре. В случае, если бы в будущем возник вопрос о том, почему супруги взяли фамилию Рейли, то на это они могли бы ответить, что таково было имя отца Маргарет, и предьявить при этом брачное свидетельство — у евреев было принято либо англазировать свои имена, либо вообще брать новые. Легенда, по которой имя Рейли принадлежало его тестю, служила, таким образом, основанием для ношения этого имени, однако не являлась доказательством того, что оно было дано при рождении.

Но если кто-то и занимался фабрикацией новых биографий, то лучше, чем Уильям Мелвилл, это вряд ли мог бы кто сделать. Изготовление новых биографий (или использование старых) было для Особого отделения рутинным делом, особенно в ирландском контексте. Легендированные биографии давались как тайным агентам,

внедряемым в республиканские группы, так и тем, кому под угрозой разоблачения необходимо было изменить имя, под которым они могли спокойно жить в Ирландии или Британии. По вполне понятным причинам эти «новые» имена ранее принадлежали умершим младенцам. Незадолго до брака Зигмунда и Маргарет Мелвилл подобрал для Розенблюма подходящее ирландское имя — Сидней Рейли. Тщательный поиск в метрических книгах с момента их появления в 1864 году (когда в Ирландии ввели регистрацию актов гражданского состояния) обнаружил только одного Сиднея Рейли на всю Ирландию^{105}. Признательно, что ребенок умер вскоре после рождения А новой биографией Мелвилл, как правило, не достаивал рядового агента, сообщавшего полиции эмигрантские сплетни. К этому стоит добавить, что изучение семейных документов Уильяма Мелвилла, проведенное в 2003 году, показало, что девичья фамилия его первой жены Кэтрин была Рейли. Согласно семейным архивом, ее отец проживал в том же самом поселке Майо, что и Майкл Рейли, отец умершего в младенчестве Сиднея^{106}. В конце августа 1898 года, по словам Маргарет Зигмунд отправился в Испанию на неопределенный срок, имея при себе большую сумму денег^{107}. В девятидесятых годах XIX века Испания была крупным террористическим центром и местом, где произошел целый ряд громких покушений. Так, ровно за год до этого, в августе 1897 года, анархистом Анджолилло в городе Санта-Агеда был убит испанский премьер-министр Кановас дель Кастильо, а в июле 1896 года взрыв бомбы в Барселоне унес жизни двенадцати человек. Испанские власти обратились к правительству Великобритании со специальным предложением об установлении более тесного сотрудничества между полициями двух стран в деле борьбы с анархизмом. По соответствующим дипломатическим каналам испанцы также обратились к Мелвиллу с просьбой оказать помощь в расследовании этих преступлений^{108}. Пока Зигмунд находился в Испании, Маргарет «ликвидировала» Мэнор-Хаус в Кингсбери^{109}. Первоначально задуманный как загородная резиденция Хью Томаса, этот дом стал для них излишней обузой.

По возвращении из Испании Зигмунд окунулся в праздную жизнь и поселился в доме по Аппер-Вестбурн-террас, 6, Паддингтон, изменив при этом свой адрес так, что он стал звучать куда более

респектабельно: отныне он именовался как Аппер-Вестбурн-террас, 6, Гайд-парк, Лондон. Будучи азартным человеком, он стал заниматься верховой ездой (последствия которой могли оказаться катастрофическими), а также принялся пополнять свою коллекцию *objets d'art*^[11] за счет средств Маргарет^{110}. По утверждению Робина Брюса Локкарта, всего через несколько месяцев после своего выхода замуж Маргарет продала дом по Аппер-Вест-бурн-террас, 6, положив всю выручку от продажи недвижимости на совместный счет в банке, после чего чета переехала в Сент-Эрминс-Чемберс на Кекстон-стрит, Вестминстер^{111}. Дом принадлежал церковнослужителям, с 1891 года сдававшим его в аренду Хью Томасу, поэтому Маргарет не имела права его продавать. Согласно церковным архивам, Розенблюмы съехали оттуда в июне 1899-го, после чего помещение было сдано новому жильцу Ормонду Кроссу^{112}. Версия о переезде в сияющий огнями Вестминстер, однако, не находит подтверждения в документах. Более того, факты, содержащиеся в них, предполагают развитие совершенно иного сценария. Так, согласно паспортным архивам Форин офиса^[12], 2 июня 1899 года этим ведомством был выдан паспорт на имя С. Дж. Рейли незадолго до того, как супруги Рейли съехали с Аппер-Вестбурн-террас^{113}. Маргарет в своих показаниях также ссылается на этот факт, когда 29 мая 1931 года в Брюсселе она обратилась к британскому вице-консулу с просьбой о продлении паспорта^{114}. Согласно дошедшему до нас протоколу этой беседы, Маргарет заявила, что паспорт был выдан на имя «Сиднея Рейли и его жены» в 1901 году.

Однако, как видно из подлинных документов, чиновники, рассматривавшие этот вопрос, поставили под сомнение это утверждение, подчеркнув дату «1901 г.» и поставив рядом с ней вопросительный знак. Скептицизм чиновников не был лишен оснований: запрос в паспортные архивы Форин офиса показал, что за период между 1898 и 1903 годом на имя С. Дж. Рейли был выдан единственный паспорт, датированный 2 июня 1899 года за номером 38371. Хотя в реестрах за 1899 год имя Маргарет не упоминается, вполне возможно, что она путешествовала вместе с Рейли по одному и тому же документу. Незадолго до принятия закона о британском подданстве и статусе иностранцев в Великобритании в 1914 году

паспорта представляли собой обычный листок бумаги без фотографии и имели однократную визу. По обычаям того времени, имя жены, путешествующей вместе с мужем, вносилось в его паспорт.

Большинство авторов исследований о Рейли единодушны в том, что супружеская чета выехала из Англии на Дальний Восток между 1900 и 1902 годами. Майкл Кеттл считает, что отъезд Рейли состоялся «примерно в 1900 году»^{115}, а Робин Брюс Локкарт утверждает, что Рейли во время англо-бурской войны выполнял какие-то поручения в Голландии, отслеживая голландские военные поставки в Южную Африку. С окончанием англо-бурской войны, как далее утверждает Локкарт, Рейли послали в Персию с заданием выяснить, каковы шансы добычи нефти в этом регионе, после чего, примерно в 1903 году, направили в Маньчжурию, в Порт-Артур. Локкарт пишет также, что, пока Рейли находился в отъезде, Маргарет оставалась в Англии^{116} и в его отсутствие пристрастилась к алкоголю. Джей Роберт Ниш также не подвергает сомнению утверждение Локкарта относительно голландских и персидских миссий Рейли, утверждая, однако, что он в то время находился на службе в военно-морской разведке^{117}.

Герб с изображением русского двуглавого орла и бесстыдно заимствованного Розенблумом семейного девиза Томасов «Нет веры земному» на почтовом бланке Розенблума

По собственным воспоминаниям Маргарет, они выехали в Китай в 1901 году^{118}, хотя это вовсе не означает, что они направились туда непосредственно из Англии. Хотя Маргарет нигде не упоминает дату ликвидации Мэнор-Хауса в Кингсбери, мы знаем, что это произошло после августа 1898 года. Согласно воспоминаниям Маргарет, вскоре после ликвидации дома Рейли, «испытывая ностальгию», изъявил желание вернуться в Россию. В 1901 году супруги, изменив свои фамилии на Рейли^{119}, последовали в Китай. Из этого можно предположить, что в июне 1899 года супруги Рейли выехали из Англии в Россию, а оттуда уже в Китай.

Рейли покинули Англию как нельзя более кстати, так как незадолго до их отъезда в Лондон приехал высокопоставленный следователь из России Федор Гредингер. 17 апреля Петр Рачковский^[13], глава Заграничной агентуры в Париже, написал письмо Уильяму Мелвиллу в Скотленд-Ярд с просьбой предоставить ему информацию о лицах, проживающих в Лондоне, которые «вне всякого сомнения» причастны к грандиозной афере, связанной с подделкой русских кредитных билетов. Письмо свое он заключил следующими словами:

«...даю самые теплые отзывы о своем г-не Гредингере, товарище генерального прокурора Санкт-Петербурга^{120}, который завтра отбывает в Лондон с намерением заняться этим делом. Я буду Вам чрезвычайно признателен, если Вы окажете г-ну Гредингеру необходимое содействие, которое ему потребуется, и сделаете все возможное для облегчения его работы. Мой друг возместит Вам все расходы, каковые у вас могут возникнуть во время производства следствия»^{121}.

Это дело было куда серьезнее, чем мелкое жульничество. У изготовителей фальшивых банкнот был свой человек в денежной типографии «Бредбери энд Уилкинсон», выкрававший клише, с которого гравер сделал точную копию. Мошенники затем стали сами печатать банкноты, используя собственную краску и бумагу. Поначалу имя

Розенблюма не фигурировало в материалах следствия, однако оно стало постепенно всплывать на поверхность, когда у следователей возник вопрос о том, каким образом фальшивые кредитные билеты вывозились из страны.

Согласно донесениям Заграничной агентуры Департамента полиции, Розенблюм имел непосредственное отношение к компании «Полисульфин» в Кейншеме, графство Сомерсет^{.122}. Она производила великое множество химических продуктов, в том числе мыло, которые экспортировала за рубеж. Это был идеальный канал контрабанды денег и, разумеется, других товаров. Хотя к этому документу необходимо относиться с некоторой осторожностью, компания «Полисульфин» действительно вызывает наибольшее подозрение как одно из главных звеньев сети распространения фальшивых банкнот.

Осуществление подобных махинаций было бы крайне трудно без привлечения специалиста по типографской краске. Будучи химиком и имея некоторый опыт в этой области, Розенблюм, возможно, сыграл куда более значительную роль в этом деле, нежели просто рядовой сбытовик. У Мелвилла были серьезные основания бояться, что с того момента, как Гредингер и охранка установят причастность Розенблюма к подделке денежных купюр, его связь со Скотленд-Ярдом будет для них неприятным ударом, и лучшим способом избежать этого было способствовать скорейшему выезду Розенблюма из Англии. С новым паспортом и новой биографией Розенблюм и его жена смогли, таким образом, покинуть страну и направиться туда, где охранка менее всего рассчитывала их найти, — в Россию. Это был не первый и, разумеется, не последний раз, когда Розенблюм ускользал именно в тот момент, когда двери ловушки уже были готовы захлопнуться за ним.

Глава 3. Гамбит

Покинув Лондон, Маргарет и Сидней Рейли в июне 1899 года направились в Россию, где пробыли до осени следующего года. На протяжении лета 1900 года Рейли путешествовал по богатому нефтью Кавказу, заехал в порт Петровск и Баку, в то время как Маргарет оставалась в Петербурге. В документах английского Военного министерства за этот период мы нашли документ, свидетельствующий о том, что:

«У мистера Стивенса (в британском консульстве в Баку) есть агент, который ездит между Петровском и Баку по Транскавказской железной дороге и лично докладывает Стивенсу о результатах своих поездок»^{123}.

Какова бы ни была суть полученной информации, важно одно — человек, который ее добывал, получал за нее деньги. Подобный сценарий вполне укладывается в *modus operandi*^[14] Рейли, хотя у нас нет достаточных доказательств того, что этим человеком был именно он.

В сентябре 1900 года чета Рейли выехала в Константинополь, сев на пароход, который доставил их в египетский город Порт-Саид. Из Порт-Саида на пароходе «Рим» супруги Рейли отправились в Коломбо, где сделали пересадку на другое судно, направлявшееся в конечный пункт их путешествия — Шанхай, с остановками в Пинанге, Сингапуре и Гонконге. Проведя несколько месяцев в Шанхае, супруги проследовали в Маньчжурию, прибыв в Порт-Артур в первые месяцы 1901 года^{124}. Жизнь в Порт-Артуре была не просто однообразной по сравнению с тем, к чему Маргарет и Сидней Рейли привыкли в Англии и России, она протекала еще и в самом центре назревавшего территориального конфликта между Россией и Японией, которому суждено было вылиться через несколько лет в открытое военное столкновение.

Расположенный в самой крайней точке Ляодунского полуострова, порт имел колоссальное стратегическое значение благодаря своему выгодному географическому положению в Бохайском заливе, открывавшему доступ к китайской столице Пекину.

В 1898 году Китай сдал России в аренду Ляодунский полуостров, к большому неудовольствию и досаде Японии. Русские переименовали порт Люйшунь в Порт-Артур и сделали его базой своего Тихоокеанского флота. Порт, вне всякого сомнения, был идеальным оборонительным объектом, который к тому же был защищен полуостровом, получившим прозвище «тигриный хвост». Это созданное самой природой укрепление было еще больше усилено русскими военными и считалось самым мощным оборонительным фортом во всем Китае.

Для Японии же Порт-Артур был свидетельством стремления России к морскому превосходству в этом регионе, с чем она, будучи сама крепнувшей морской державой, не могла смириться. На экономическом фронте обе страны также вели непримиримую борьбу за установление господства над одними и теми же природными ресурсами в Маньчжурии и Корее. Присоединение Россией Ляодунского полуострова представляло для Японии такую же угрозу в военной и морской области, что и возрастающая железнодорожная экспансия России на территорию Маньчжурии. Пытаясь сдержать экспансионистские устремления России дипломатическими путями, Япония в то же время готовилась к возможной войне с ней.

Центр международных интриг, каким был предвоенный Порт-Артур, являлся именно тем местом, где Рейли намеревался извлечь для себя наибольшую коммерческую выгоду. Согласно официальным документам, его основным занятием были торговля лесом, продажа недвижимости и судоходный бизнес. Однако при внимательном изучении этих документов обнаруживается, что все свои сделки Рейли успешно проворачивал не без содействия некоего Моисея Акимовича Гинсбурга.

Гинсбург, родившийся 5 декабря 1851 года в украинском местечке Радзивилов, имел давние связи с семьей Розенблюмов. Его детство и юность были вполне типичными для еврея, жившего в Российской империи. С рождения окруженный нищетой, Гинсбург с одиннадцати лет стал зарабатывать на жизнь, надписывая ярлыки на товарах в местной таможне. В возрасте пятнадцати лет Моисей отправился в Одессу, а оттуда в Германию, Англию и Америку. Работая в Сан-Франциско и скопив девяносто долларов, он купил билет третьего класса на пароход, отправлявшийся в Китай.

По пути судно зашло в японский порт Иокогаму. Гинсбургу настолько понравилась Япония, что он решил там и остаться. К 1877 году он уже основал в Иокогаме свою собственную торговую компанию, поставлявшую корабельные припасы для судов, заходивших в японские воды. Вскоре он приобрел репутацию «единственного в Японии русского, вполне знакомого с местными условиями»^{125}. Порт Владивосток — главная база русского Тихоокеанского флота — еще только начинал развиваться, и его ведомства не могли организовать снабжение флота даже самым необходимым. Вполне естественно, что, не имея серьезных конкурентов, Гинсбург оказался практически незаменимым человеком для русской Тихоокеанской эскадры.

Великий князь Кирилл Владимирович, поднявший в 1898 г. андреевский стяг над Порт-Артуром, писал о Гинсбурге: «Он был нашим благодетелем, от которого зависел весь наш Тихоокеанский флот... Все — от булавки до корабельного якоря и от заклепки до дымовой трубы — приходилось доставать с помощью Гинсбурга»^{126}. Именно здесь, на новой базе русского Тихоокеанского флота, компания «М. Гинсбург и К^о» и учредила свою главную контору. Импортно-экспортная компания отныне имела отделения в Нагасаки, Иокогаме, Чемульпо, Одессе и Сингапуре, а ее оборот составлял более одного миллиона рублей в год.

Будучи человеком, обладавшим коммерческим талантом и большими способностями к языкам, Рейли был, несомненно, крупной находкой для «Гинсбург и К^о», куда он поступил на службу, первое время работая под начальством Г. М. Гандельмана, возглавлявшего одно из отделений компании Гинсбурга^{127}. Занимаясь прямой торговлей, торговый дом Гинсбурга также выступал и как агент других коммерческих предприятий, как, например, «Восточно-Азиатской компании» — пароходной фирмы с филиалами в Одессе, Петербурге и Копенгагене. Имея прямые полномочия от Гинсбурга на ведение дел со всеми отделениями этой компании, Рейли в феврале 1902 года прибывает на крупное совещание по вопросам торговли^{128}. Назначение Рейли представителем обеих компаний объясняет, почему «Восточно-Азиатская компания» была официально зарегистрирована по тому же адресу, что и «Гинсбург и К^о»^{129}. Под этим же адресом

действовала еще одна компания — «Грюнберг и Рейли», которая, наряду с американской фирмой «Кларксон и К°», была основным импортером американского леса^{130}. Партнер Рейли по торговле лесом, В. Грюнберг, был, согласно документам «Восточно-Азиатской компании», также представителем морской паровой компании и Китайско-Восточной железной дороги^{131}.

Для Гинсбурга приближение русско-японской войны не было секретом — через свою обширную агентурную сеть в Японии и Китае он получал информацию из весьма осведомленных источников. После войны Гинсбург утверждал, что он в свое время предупреждал руководство российского флота о намерениях Японии, но его донесения либо недооценивали, либо вообще игнорировали^{132}. Существует также вероятность того, что этим заявлением Гинсбург пытался отвести от себя обвинение в спекуляциях во время войны. Отвечая на более позднюю критику в свой адрес, он утверждал, и не без некоторых оснований, что его проницательность позволила русскому гарнизону продержаться в осаде лишних два-три месяца.

Предвидя неизбежность войны с Японией, Гинсбург и Рейли закупили огромное количество провизии, материалов и медикаментов, а также очень большое количество угля. Сохранились также документы о спекуляциях Рейли на партиях товара и свидетельства о том, что Рейли был прекрасно осведомлен о скором начале войны^{133}. Помимо различных материалов, которые были заказаны Морским министерством торговому дому «Гинсбург и К°», им были созданы запасы и за свой счет. Так, еще за несколько месяцев до того, как по Порт-Артуру был сделан первый выстрел, Гинсбург закупил одних только медикаментов и перевязочных материалов на 150 тысяч рублей.

В то время как нарастающее противостояние между Россией и Японией создавало напряженную ситуацию на Дальнем Востоке и в Порт-Артуре в частности, отношения между Рейли и Маргарет тоже стали постепенно ухудшаться. Если Рейли считал для себя женитьбу на Маргарет браком по расчету, то сама Маргарет относилась к ней куда более серьезно. Если бы Маргарет могла предвидеть, чем может обернуться ее брак с Рейли, вряд ли она решилась бы подвергнуть свою жизнь столь высокому риску ради любви к нему.

В отличие от жены, явно тяготившейся своей теперешней жизнью, Рейли нравилась колониальная атмосфера Порт-Артура, где он чувствовал себя как рыба в воде. Держа китайских слуг, спешивших выполнить любое желание хозяина, проводя каждый вечер в игорных домах с хорошей выпивкой, он жил полнокровной жизнью английского джентльмена, хотя и рожденного от «ирландского отца и русской матери». Помимо этого, существовало еще одно развлечение, порожденное особенностями колониальной жизни. Среди четырех тысяч европейцев, населявших в то время Порт-Артур, была целая армия женщин, подобно Маргарет, брошенных мужьями и умиравших от скуки. Возможность поволочиться за ними была для мужчин, подобных Рейли, соблазном, перед которым было трудно устоять. Как и у многих других донжуанов того времени, успех, который Рейли имел у женщин, во многом объясняется его умелым использованием мужского обаяния и непревзойденной способностью давать почувствовать женщине, не прибегая к явной или неприкрытой лести, что она является единственным объектом его внимания. В сочетании с непрекращающимся потоком подарков и нежных писем этот способ практически всегда действовал безотказно. Возникшие у Рейли отношения с одной женщиной по имени Анна, возможно, и послужили причиной преждевременного отъезда Маргарет из Порт-Артура.

Будучи хорошо осведомлен о скором нападении японцев, до которого оставалось всего лишь несколько месяцев, он убедил Маргарет в том, что ей будет опасно оставаться в осажденном городе, заставил собрать багаж и отправил обратно в Англию. Осенью 1903 года Маргарет отбыла из Порт-Артура в Иокогаму, а оттуда через Тихий океан в Европу, через Сан-Франциско и Нью-Йорк^{134}. Теперь, когда все препятствия для дальнейшего развития отношений с Анной были устранены, их роман стал заметен для окружающих. Была ли это просто еще одна короткая интрижка или начало более длительных отношений? Ответ на этот вопрос во многом зависит от объяснений и версий контактов Рейли с японцами и его поспешного отъезда из Порт-Артура в следующем году.

Уверенность и осведомленность Рейли о намерениях японцев породят позже целый ряд вопросов о его роли в Порт-Артуре, а также подозрения в том, что он был платным японским агентом. Исследователи Уинфред Людеке и Ричард Дикон убеждены в том, что

Рейли был японским шпионом^{135}, а Робин Брюс Локкарт, наоборот, рисует Рейли как яркого ненавистника японцев^{136}. Иен Ниш, профессор Лондонской школы экономики и автор книги «Причины русско-японской войны», прав, когда говорит о том, что роль, которую Рейли сыграл в Порт-Артуре, «одна из до сих пор не разрешенных загадок русско-японской войны»^{137}. Первое известное нам документально зафиксированное предположение о том, что Рейли был японским шпионом, содержится в донесении агента Американского бюро расследований Л. Перкинса от 3 апреля 1917 года^{138}. Написанное в период проживания Рейли в Нью-Йорке во время Первой мировой войны, донесение имеет ссылку на сведения, сообщенные неким Уинфилдом Проски, инженером, работавшим на заводе по производству вооружения «Флинт армс компани», который, в свою очередь, утверждал, что капитан Гай Гонт^{139}, британский морской атташе в Нью-Йорке, однажды сказал ему, что Сидней Рейли был японским шпионом. Во время русско-японской войны Гонт находился в Маньчжурии, где летом 1904 года служил на британском крейсере «Вендженс»^{140}. Вполне вероятно, что Гонт либо сам встречался с Рейли в Маньчжурии, либо слышал слухи о его шпионаже.

Несмотря на то что гипотеза Ричарда Дикона о контактах Рейли с японским разведчиком полковником Акаши Мотохиро не находит подтверждения в личных бумагах самого Акаши^{141}, письмо от 3 декабря 1902 года, написанное Рейли неизвестному корреспонденту, скрытому под инициалами «ЕСF», не оставляет сомнений, что Рейли проявлял интерес и был осведомлен о разведывательных делах:

«Маньчжурцы обречены. Превращение Китая в арену действий великих держав лишь вопрос времени. Их разведывательные службы в их нынешнем виде не отвечают практическим задачам, и можно сказать, что не существуют. Должен предупредить тебя, однако, что свято место пусто не бывает — новая и еще более опасная секретная служба начинает давать свои ростки. Сегодня она подобна семени в чреве. Завтра? Завтра это будет, уже возможно, вполне окрепший малыш»^{142}.

Хотя в письме и не говорится открыто, «семя в чреве» может означать лишь одно — японскую разведку, наводнившую Маньчжурию своими шпионами в целях противодействия намерениям России в этом регионе. Англия также внимательно следила за ходом событий в Маньчжурии глазами своей военно-морской разведки, чтобы определиться со своим внешнеполитическим курсом. Для Англии было бы предпочтительнее договориться с Россией о сохранении своего влияния в этом регионе, однако, потерпев неудачу, она в январе 1902 года подписала внешнеполитический договор с Японией, преследуя при этом следующие цели.

К моменту подписания соглашения у Японии было шесть линкоров, у России шесть, у Франции шесть, у Англии четыре. По условиям этого договора Англия и Япония брали на себя взаимные обязательства об оказании военной помощи в случае войны более чем с одной из великих держав. В случае, если бы попытки Японии дипломатическим путем остановить русскую экспансию потерпели неудачу, договор позволял Японии рассматривать возможность войны с Россией как крайнее средство, при том, что Англия удерживала Францию от ввязывания в конфликт.

Вполне очевидно, что Англия проявила большой интерес к событиям, последовавшим после подписания договора и особенно в период нарастания напряженности между Россией и Японией. Документы военной разведки Военного министерства Великобритании подтверждают, что в 1903 году «в Японию были командированы первые четыре офицера для изучения языка»^{143}. Собирая информацию преимущественно с помощью военной разведки, Англия, однако, черпала нужные ей сведения через свои дипломатические представительства и с помощью журналистов. Так, в документах русской разведки есть упоминание о корреспонденте «Дейли телеграф» в Маньчжурии, отставном подполковнике Джозефе Ньюмане, имевшем обширные связи в европейских деловых кругах^{144}. Более чем вероятно, что Ньюман сообщил бы своему начальству любую заслуживающую внимания информацию, если бы его пути каким-либо образом пересеклись с Рейли в период его службы в Маньчжурии. Однако если Рейли и поставлял кому-либо разведывательную информацию, то уж точно не русским. Осознавая опасность конфликта с Японией и делая все возможное, чтобы

избежать поражения в нем, русская контрразведка очень чувствительно реагировала на попытки японцев добывать информацию о Порт-Артуре и внимательно следила за всеми подозрительными лицами, особенно за европейцами, проживавшими в Порт-Артуре. Многочисленные документы русской военной контрразведки, хранящиеся в московских архивах, свидетельствуют о том, что Россия сама держала агентурную сеть в Порт-Артуре и во всем дальневосточном регионе^{145}. Однако имя Рейли в них нигде не упоминается.

Назревавший и всеми ожидаемый конфликт между Россией и Японией наконец вылился 8 февраля 1904 года в открытое столкновение, когда японский флот нанес внезапный удар по российской Тихоокеанской эскадре в Порт-Артуре. Без объявления войны японцы начали военные действия, по характеру очень напоминающие японское нападение на американский Тихоокеанский флот в Перл-Харборе тридцать шесть лет спустя. Хотя нападение на Перл-Харбор было совершено с воздуха среди бела дня, а атака на Порт-Артур ночью с помощью торпедных катеров, между ними есть нечто общее. Японцы рассчитали, что единственный способ нанести поражение крупному и теоретически более сильному противнику — это напасть на него без предупреждения, нанеся удар, от которого тот с трудом оправится.

Имея в своем распоряжении превосходную разведку, японский адмирал Того^{146} был не только прекрасно осведомлен о том, где находилось каждое русское судно, но также имел схему расположения минных полей и поисковых прожекторов. Это позволило японцам беспрепятственно пройти сквозь минные заграждения и внезапно появиться из темноты не замеченными прожекторами, которые накануне нападения были кем-то предусмотрительно выведены из строя. Хотя нападение Того и нанесло колоссальный урон русской Тихоокеанской эскадре, японцы все же смогли захватить порт не ранее 1 января 1905 года. Ни одна из сторон не могла предвидеть столь длительной осады Порт-Артура, в особенности японцы, которые не были готовы к зимней кампании. Одержав победу, японцы, однако, потеряли за время осады 58 000 человек, в то время как русские потери составили 31 000.

Однако блистательно разработанный и скоординированный план нападения на Порт-Артур вряд ли был бы возможен без тщательно проведенной разведывательной операции, в результате которой Того получил в свое распоряжение русские оборонительные чертежи. Каким образом ему удалось заполучить их, почти целый век было покрыто тайной. Когда американская армия во главе с главнокомандующим генералом Макартуром высадилась в Японии в августе 1945 года, то ее офицеры немедленно приступили к изучению японских разведывательных архивов. Целые контейнеры с документами были отправлены начальником разведслужбы генерала Макартура генералом Уиллоуби в Вашингтон для детального анализа. Исследователи русско-японской войны надеялись, что в этих документах они наконец-то найдут ответ на мучившую их загадку. Однако, к их глубокому разочарованию, они не обнаружили в них ни единого намека на имя того, кто раздобыл для Того эти секретные планы, копии которых хранятся сегодня в Национальном архиве США в Вашингтоне. Вследствие этого сложилось убеждение, что разгадка этой головоломки либо безнадежно утеряна, либо намеренно уничтожена.

Однако в шести тысячах миль от этого места, в Военно-историческом архиве в Москве, покрытая толстым слоем пыли папка с донесениями русской контрразведки наконец-то дала нам ответ на вопрос, кого же русские считали подозреваемым номер один. В этом архивном деле, не предназначавшемся для посторонних глаз до краха советского коммунизма, содержится рапорт с грифом «секретно», датированный апрелем 1904 года, на имя «Его Превосходительства коменданта крепости Порт-Артур»^[147].^[15]

В результате проведенного расследования русская контрразведка установила имя человека, подозреваемого в похищении секретных чертежей крепости. Им оказался некий китаец Хо-лянь-шунь, работавший под начальством главного корабельного инженера Свирского. Хо-лянь-шунь отлично знал весь порт, его укрепления, детальное расположение минных полей, а также имел доступ к планам дока. В рапорте также говорилось о том, что Хо-лянь-шунь знал о начале японских бомбардировок еще 26 января 1904 года. 23 февраля и 8 марта на его банковский счет были переведены крупные суммы денег. 10 апреля Хо-лянь-шунь предпринял попытку скрыться из порта

без разрешения на выезд, однако был задержан дежурным жандармом. Несмотря на это, ему все-таки удалось сбежать из Порт-Артура, после чего его больше никто не видел.

Будучи твердо уверены в виновности Хо, русские, однако, придерживались мнения, что китаец действовал не в одиночку, а был лишь мелкой пешкой в большой игре. Личность посредника, получившего от Хо-лянь-шуня секретные чертежи и положившего деньги на его банковский счет, так и не была установлена. Любопытно, однако, что двадцать семь лет спустя, вспоминая о жизни своего мужа, Маргарет Рейли вскользь упомянула об одном инженере, которого она знала по Порт-Артуру. Звали этого человека Хо-линь-шунь^{148}. Хотя эти два имени несколько различаются в написании, вероятность того, что в порту было два инженера с похожими фамилиями, да еще вращавшихся в одних и тех же кругах, весьма мала. Учитывая то, что между «Гинсбург и К^о» и Тихоокеанской эскадрой были весьма тесные связи, нам представляется вполне вероятным, что Рейли был знаком и регулярно общался с портовыми служащими и морскими офицерами всех уровней. Так, многие знакомства, которые он использовал позже в своей жизни, были заведены именно в период его пребывания в Порт-Артуре.

Рейли и Хо связывает еще и то обстоятельство, что оба они исчезли из Порт-Артура примерно в одно и то же время — Рейли выехал из города вскоре после побега Хо. В 1917 году Моисей Гинсбург вспоминал, что именно «внезапное исчезновение» Рейли и породило у русских подозрение, что он был шпионом^{149}. Уинфред Людеке и Ричард Дикон также придерживаются версии, согласно которой Рейли, установив, что некий служащий из «Восточно-Азиатской компании» работал на русскую разведку, понял, что русские подозревают его в шпионаже^{150}. Эта гипотеза также находит подтверждение в московских архивах. Так, найденные в них документы свидетельствуют о том, что одной из наиболее ценных находок русской контрразведки был некий британский гражданин по имени Горас Коллинз, который действительно состоял на службе в «Восточно-Азиатской компании». Коллинз родился в 1870 году в Хивере, графство Кент^{151}, в семье зажиточного фермера. В детстве Горас работал на ферме, ухаживая за лошадьми, а впоследствии стал

обучаться профессии жокея в соседних конюшнях в Лингфилде. По окончании курса учебы в 1983 году он отправился на Дальний Восток, где получил работу жокея при дворе японского императора. Именно в это время он выучил японский и китайский языки. Не став выдающимся жокеем, он занялся коммерцией и, используя свои знания восточных языков, совершал частые поездки в Китай, Корею, Японию и Восточную Россию, которые ему оплачивали различные торговые дома.

Русские архивные документы ничего не говорят о том, каким образом и почему Коллинза завербовала русская разведка, хотя главным мотивом здесь, несомненно, были деньги. Для русских Коллинз был особенно ценным агентом вследствие его знания иностранных языков, Японии и японцев. За это русские платили ему 300 долларов в месяц плюс издержки^{152}. Случайно обнаружил Рейли русского агента или благодаря кому-то еще, нам неизвестно. Но, учитывая, что у Рейли был роман с женщиной по имени Анна, существует высокая вероятность того, что этим «кем-то» была Анна Григорьевна Коллинз, русская жена Гораса Коллинза^{153}. Известно не только, что она знала о работе своего мужа на русских, но также то, что у нее были любовные отношения с кем-то из его сослуживцев.

СОСТОЯЩИЙ
РАСПОРЯЖЕНІИ НАЧАЛЬНИКА
ПОЛЕВОГО ШТАБА

Секретно.

73

ВЪСТУПАЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
НА ДАЛНЕМЪ ВОСТОКѢ

ГЛАВНАГО КОРПУСА ЖАНДАРМЪ
РОТМИСТРЪ ПОЗНАНСКІИ.

14 Апрель 1904 г.

Порт-Артур

14 Апрель сего года по порученіи Завѣдывающаго
Жандармско-Полицейскимъ надзоромъ Полковника Ура-
нова мною было приступлено въ порядкѣ Положенія о
мѣрахъ къ охраненію Государственнаго порядка и об-
щественнаго спокойствія ВНОУЧАМЕР утвержденного въ
14 день Августа 1881 г. къ разслѣзованію причинъ скр-
тія изъ Портъ-Артура инженера Хо-лянъ-шуня.

Означеннымъ разслѣзованіемъ установлено, что
инженеръ Холянъшунъ, пользуясь въ Портѣ всеобщимъ
довѣріемъ, отлично зналъ весь Портъ, детальное рас-
положеніе всего внутренняго рейда, миннаго горюлка
и выхода въ море. По словамъ Главнаго Коробельнаго
Инженера Сверскаго, Хо-лянъшунъ къ работѣ относил-
ся всегда усердно и очень аккуратно посѣщалъ портъ,
отличался познать знаніемъ своего дѣла по своей на-
ціональности конечно относился пристрастно къ ки-
тайскимъ рабочимъ, но зато къ работающимъ въ портѣ
до Октября мѣсяца 1903 года Японскимъ рабочимъ и
къ ихъ подрядчику Матцу относился индифферентно.

Побѣгъ свой изъ Портъ-Артура инженеръ Хо-лянъ-
шунъ видимо задумалъ заблаговременно такъ какъ, та-
ковой имъ былъ совершенъ при полной конспиративной
обстановкѣ. Напримѣръ разслѣзованіемъ установлено:
1/ что онъ въ Русско-Китайскомъ банкѣ на текущемъ
счету денегъ не имѣлъ, а скопленные деньги отсылалъ
въ г. Чему на предъявителя /23 февраля 1904 года бы-
ло переведено 3700 руб. и 3 Марта -1500 руб./причемъ
въ банкѣ интересовался долго ли будетъ действите-
ленъ чекъ въ случаѣ, если онъ не скоро будетъ его
предъявлять къ оплатѣ. 2/ Намѣревался скраться еще
10 Апрель Хо-лянъ-шунъ безъ всякаго удостовѣренія
на выѣздъ, хотѣлъ выхитить изъ Портъ-Артура но не
былъ допущенъ дежурнымъ жандармомъ. 3/ Того же чис-
ла онъ съ цѣлью ухититься, перешелъ въ Портъ-Артуръ
изъ деревни Шу-ши-имъ, куда ухитился поѣздъ первой

Его Превосходительству Коменданту Крѣпости Портъ-Артура

Рапорт жандармского ротмистра Познанского о китайце Хо-лянъ-шуне, подозреваемом в продаже японцам секретных чертежей крепости Порт-Артур

По мнѣнію Уинфреда Людеке, выехав поспешно из Порт-Артура, Рейли направился в Японию в сопровожденіи «женщины, за которой он ухаживал» ^{154}. Можно лишь только гадать, были ли Анна и сопровождавшая его женщина одним и тем же лицом. Если Рейли и отправился в Японию, то его пребываніе там вряд ли было длительным, так как в июне 1904 года он уже находится в Париже ^{155}.

Во время своего непродолжительного пребывания во французской столице Рейли возобновил свое знакомство с Уильямом Мелвиллом, которого он в последний раз видел в 1899 году, незадолго до своего поспешного отъезда из Лондона. Встреча между Рейли и Мелвиллом имела важное значение, так как именно в эти несколько недель Мелвилл обратился к Рейли с просьбой оказать ему помощь в одном деле, которое позже станет известным как «дело д'Арси».

Исследователи участия Рейли в «деле д'Арси» часто принимали за чистую монету историю, рассказанную им самим. Другие источники, однако, излагают несколько иную версию событий. Подоплека этого дела кратко изложена в письме члена английского парламента Э. Дж. Претимена от 30 апреля 1919 г. сэру Чарльзу Гринуэю, председателю «Англо-Иранской нефтяной компании»^[156], в котором Претимен вспоминает о том, как пятнадцать лет тому назад, будучи гражданским лордом Адмиралтейства^[16], он принимал участие в переговорах о предоставлении персидской нефтяной концессии для Великобритании, что косвенным образом способствовало возникновению «Англо-Иранской нефтяной компании».

«В 1904 году Совет Адмиралтейства пришел к выводу, что нефть скоро полностью заменит уголь как топливо для военно-морского флота. Нам также стало очевидно, что это поставит британский флот в крайне невыгодное положение, поскольку, в то время как Британские острова обладают самым большим запасом энергетического угля в мире, лишь малая доля известных нам мировых месторождений нефти находится в пределах Британского Доминиона, но даже они находятся в крайне удаленных от нас точках. В этой связи лордом Селборном было принято решение о создании в парламенте постоянного комитета по этому вопросу, а также по вопросам освоения других нефтяных месторождений под британским контролем. Я был назначен председателем этого комитета, а моими заместителями были сэр Бовертон Редвуд и ныне покойный сэр Генри Гордон Миллер, в то время управляющий по морским подрядам. В ходе нашей работы мы благодаря сэру Бовертону Редвуду узнали, что покойный г-н д'Арси получил от персидского правительства нефтяную концессию на разработку месторождений в Южной Персии, равно как и то, что он вел аналогичные переговоры с правительством Турции относительно

предоставления ему прав на нефтяные разработки в Месопотамии. Нам удалось выяснить, что г-н д'Арси желал уступить свои права по персидской концессии какому-нибудь финансовому синдикату, обладающему достаточным капиталом и опытом для ведения подобных разработок. Нам также стало известно, что д'Арси в то время находился на Ривьере, ведя переговоры о передаче концессии французским Ротшильдам. Это побудило меня написать письмо г-ну д'Арси, в котором я сообщал ему о заинтересованности Адмиралтейства в нефтяных разработках и просил его, до того как он примет решение о передаче концессии иностранцам, предоставить Адмиралтейству возможность попытаться договориться о приобретении этих концессий Британским Синдикатом.

Далее в своем письме я предложил ему приехать и обсудить этот вопрос со мной. Г-н д'Арси принял мое приглашение и вернулся из Ривьеры для обсуждения этих вопросов. В результате наших переговоров комитет обратился к Бирманской нефтяной компании, с которой уже ранее была достигнута договоренность об экстренных поставках нашему флоту нефтяного топлива, и, рассмотрев перспективы персидских нефтяных месторождений, мы приняли совместное решение об их разработке и об учреждении Синдиката».

Д'Арси уже истратил сто пятьдесят тысяч фунтов на поиски нефтяных скважин помимо тех сумм, которые он заплатил за приобретение концессии. Было очевидно, что он хочет на этом остановиться. Вскоре, однако, он осознал всю сложность своего положения, так как его потенциальные инвесторы, в том числе и британское правительство, не желали иметь ничего общего с этим проектом, пока не будут найдены нефтяные месторождения.

В декабре 1903 года, однако, в деле появился некоторый просвет, когда лорд Ротшильд, прослышав о коммерческой затее д'Арси, высказал мнение, что это «дело исключительной важности». С лордом Ротшильдом встретился представитель д'Арси сэр Артур Эллис, который 30 декабря письменно информировал д'Арси о том, что Ротшильд свяжется со своим парижским кузеном бароном Альфонсом Ротшильдом. Сэр Артур Эллис в своем письме к Ротшильдам подчеркнул, что затраты в Персии составят 2 миллиона фунтов стерлингов. Для обсуждения этого вопроса была устроена встреча в Каннах между д'Арси, который приехал на нее в сопровождении

Джона Флетчер-Мултона, и бароном Ротшильдом. Согласно архивным документам «Англо-Иранской нефтяной компании», переговоры между ними состоялись в конце февраля 1904 года^{157}. Письмо Претимена также затрагивает целый ряд тем, таких, как, например, вопрос, почему британское правительство столь быстро и радикально изменило свою позицию и приняло решение о поддержке д'Арси. Еще в ноябре предыдущего года оно не выказывало даже и намека на то, чтобы оказать ему содействие. Теперь же, спустя всего лишь три месяца, английское правительство не просто коренным образом переменяло свое решение в отношении д'Арси, но и настоятельно уговаривало его сесть за стол переговоров.

По всей видимости, еще в декабре 1903 года правительство полагало, что в связи с отсутствием у д'Арси потенциальных инвесторов оно может позволить себе выждать момент, когда дело предпримет более благоприятный оборот. Ситуация, однако, радикальным образом изменилась месяц спустя, когда выяснилось, что д'Арси, похоже, нашел потенциальные инвестиции и что эти средства принадлежат иностранцу, готовому немедленно выложить деньги за концессию.

В своей книге «Король шпионов» Робин Брюс Локкарт повторяет одну из историй Рейли о том, как по заданию британского Адмиралтейства он выследил д'Арси и стал вести с ним тайные переговоры на юге Франции. По словам Рейли, он проник на яхту Ротшильда, переодевшись священником, и убедил д'Арси прервать все переговоры и вернуться в Лондон для встречи с Претименом и Адмиралтейством^{158}. Эта история не более чем одна из легенд Рейли, так как в феврале 1904 года он был за тысячи миль от этого места, в Порт-Артуре. Это, однако, не противоречит гипотезе, согласно которой Адмиралтейство предпринимало немалые усилия для того, чтобы вырвать д'Арси из цепких когтей Ротшильдов.

Пока д'Арси и Ротшильды делали первые шаги навстречу переговорам, Уильям Мелвилл 1 декабря 1903 года по необъяснимым причинам вышел в отставку с поста главы Особого отделения. Ответ на его загадочный уход должен был бы содержаться в его личном полицейском досье, но в отличие от аналогичных дел, которые заводились на начальников Особого отделения, это дело не сохранилось. Было ли решение Мелвилла об отставке вызвано

появлением у него слишком большого количества врагов среди анархистов, желанием уйти в тень или же более заманчивым предложением? Все указывает на то, что это был поспешный и незапланированный уход. Человеком, пришедшим на его место, был Патрик Куинн. Еще одним свидетельством поспешности решения Мелвилла об отставке было то обстоятельство, что Куинна произвели в суперинтенданты без экзамена, который при нормальных обстоятельствах он должен был бы сдать для производства в следующий чин.

Куда же исчез Мелвилл? Вряд ли основным мотивом его ухода было желание исчезнуть из поля зрения анархистов или других нежелательных элементов, так как его имя и адрес продолжают печататься в адресном справочнике Лондона с момента его выхода в отставку в 1903 году и до самой смерти в 1918-м^{159}. Ничто не указывает и на то, что он занялся коммерческой деятельностью у себя на родине или за ее пределами. И только смерть Мелвилла 1 февраля 1918 года^{160}, о которой было сообщено в разделе некрологов «Таймс» от 6 февраля 1918 года, сама дала ответ на эту загадку. Под заголовком «М-р Уильям Мелвилл» газета сообщала о похоронах, состоявшихся за день до этого на кладбище Св. Марии в Кенсал-Грин. В заметке далее говорилось о том, что Мелвилл был «суперинтендантом Особой полиции Скотленд-Ярда, а последние годы служил в разведывательном отделе Военного министерства». Среди лиц, пришедших на похороны, был некий лейтенант Королевского флота Кертис-Беннетт, которого историк Николас Хайли^{161} считает офицером военно-морской разведки. На основании этого Хайли сделал вывод, что Мелвилл был завербован Отделом военно-морской разведки в 1903 г., после чего во время Первой мировой войны, как утверждается в «Таймс»^{162}, он поступил на службу в военную разведку (МИА). Собственные исследования автора подтвердили, что Генри Кертис-Беннетт был офицером военно-морской разведки и действительно работал в МИА, однако он не имел никакого отношения к Отделу военно-морской разведки^{163}. Гипотезу Хайли удалось уточнить только в ноябре 1997 года, когда МИ5 рассекретила свои документы о Мелвилле^{164}. Из них мы узнаем, что «У. Мелвилл, кавалер ордена Виктории, кавалер ордена Британской империи, поступил на службу в Военное министерство с 1

декабря 1903 г.»^{165}. Далее мы узнаем, что Мелвилл первоначально работал во второй вспомогательной секции Отдела расследований военной разведки, которое позже вошло в МИ5, после принятия решения о создании этой службы в 1909 году. Все, кто работал в отделе, именовались «теневым персоналом», в чьи задачи входило следить и сообщать о передвижениях тех или иных лиц.

Опубликованные документы свидетельствуют о том, что Адмиралтейство и Военное министерство работали в тесном сотрудничестве по целому ряду разведывательных операций, деля между собой затраты на их проведение^{166}. Было ли решение об установлении контроля в декабре 1903 года за всеми действиями д'Арси и возможными французскими инвестициями принято в недрах Адмиралтейства? Маловероятно, что Претимен написал письмо д'Арси по собственной инициативе, учитывая еще и то обстоятельство, что между ними не было никаких контактов с момента отказа Адмиралтейства вступить в переговоры с д'Арси в ноябре предыдущего года. По этой причине мы не исключаем того, что письму Претимена предшествовала некоторая разведывательная работа. В послании Претимена обращает на себя внимание одна фраза: «Нам также стало известно, что д'Арси в это время находится на Ривьере, ведя переговоры о передаче концессии французским Ротшильдам». Это позволяет предположить, что информация об этих переговорах стала известна британскому правительству буквально в последний момент, побудив его тем самым принять срочные меры.

Во время переговоров с Ротшильдом д'Арси останавливался в каннском «Гранд-отеле», что никак не согласуется с версией Рейли. Местная газета «Литтораль» безукоризненно точно фиксировала всех, кто останавливался в этом отеле в период пребывания в нем Альфонса де Ротшильда и Уильяма Нокса д'Арси. Из всех английских постояльцев особенно выделяется одна чета — мистер и миссис Уильям Мелвилл^{167}. Мелвилл не был чужаком во Франции^{168} и вполне сносно говорил по-французски^{169}. Нам не известно, что произошло во время «отпуска» Мелвилла в Каннах, однако вскоре после его отъезда д'Арси получает письмо Претимена и срочно выезжает в Лондон на встречу с Нефтяным комитетом

Адмиралтейства, который уже успел до этого получить согласие «Берма ойл» на учреждение Британского синдиката.

Последовавшие затем события не развивались столь быстро и беспрепятственно, как об этом писал Претимен пятнадцать лет спустя. В действительности же переговоры между д'Арси и «Берма груп» начались только через шесть месяцев. В промежутке между своим приездом и началом переговоров д'Арси испытывал большие финансовые сложности с банком «Ллойдс», который настаивал на том, чтобы д'Арси выставил концессию в качестве гарантии превышения банковского кредита, чему д'Арси отчаянно сопротивлялся. В результате д'Арси еще раз обратился к Альфонсу де Ротшильду, на этот раз не напрямую, а через своего представителя Джона Флетчер-Мултона, который выехал в Канны ^{170}. Прекрасно осознавая, что его присутствие может только навредить ситуации, Мелвилл принял решение обратиться за помощью к Рейли.

Еще в феврале попытка передачи нефтяной концессии за границу была успешно предотвращена. Теперь же, три месяца спустя, такая опасность возникла вновь, и Адмиралтейство посчитало необходимым положить конец вновь начавшимся переговорам. Не имея возможности, однако, повторить методы, оказавшиеся столь эффективными в прошлом, а точнее, сыграть на патриотических чувствах д'Арси, необходимо было найти какие-то другие способы помешать д'Арси и Ротшильду прийти к соглашению.

Одним из наиболее испытанных методов сорвать переговоры было посеять сомнения у Ротшильда относительно шансов найти нефть в скважине, которую бурил д'Арси. Когда в июне начались переговоры, Флетчер-Мултон уже жаловался на то, что Ротшильд стал выдвигать менее выгодные условия, чем на прошлых переговорах ^{171}. Его пессимизм стал еще более заметным, когда 24 июня он произнес загадочную фразу о «вредных посторонних интересах», под влиянием которых Ротшильд стал задавать вопросы о местонахождении скважины ^{172}. Хотя Флетчер-Мултону так и не удалось установить, что это были за «вредные посторонние интересы», ясно одно: существует прямая связь между этим сторонним вмешательством в переговоры и приобретением Ротшильдом некоего документа, породившего у него глубокие сомнения.

Между тем примерно в 30 километрах от Канн, в городке Сан-Рафаэль, в отеле «Континенталь», остановились «мистер и миссис Рейли». Оттуда 30 июня Рейли пишет письмо, в котором упоминает некий исключительной пользы документ, помогший ему «изменить ход событий»^{173}. Под ходом событий, разумеется, имелся в виду Флетчер-Мултон, который в конце концов понял, что он уже вряд ли что-то мог сделать, чтобы рассеять сомнения Ротшильда или переубедить его. Их переговоры окончательно прекратились в первую неделю июня 1904 года^{174}. Телеграфировав Ноксу д'Арси в Лондон эту прискорбную новость, Флетчер-Мултон с удивлением обнаружил, что его друга она вовсе не расстроила. Напротив, финансируемые Адмиралтейством переговоры с «Берма ойл» внезапно возобновились с удвоенной энергией^{175}. Наконец 20 мая 1905 года договор был подписан, а буквально три года спустя в Масджид-и-Сулеймане забила первая нефть. В апреле 1909 года была создана «Англо-Персидская нефтяная компания», известная сегодня как «БП Амоко». Принеся д'Арси и его синдикату капиталы, о которых они не могли мечтать даже в самых безумных снах, эти месторождения также гарантировали Королевскому военно-морскому флоту значительный и постоянный источник топлива.

«Супруги Рейли» же провели на Лазурном берегу весь остаток лета. Помимо таинственного документа, упоминаемого Рейли и Флетчер-Мултоном, существует еще одна загадка — относительно личности «миссис Рейли». Действительно, существуют серьезные основания полагать, что Рейли после русско-японской войны женился во второй раз, не разводясь со своей прежней женой. Но в этом случае женщина, зарегистрировавшаяся в отеле «Континенталь» как «миссис Рейли», уж точно не могла быть Маргарет, поскольку последняя утверждала, что впервые встретила со своим мужем после своего отъезда из Порт-Артура только на рождество 1904 года^{176}.

Выехав из отеля «Континенталь», Рейли возвратился обратно в Брюссель^{177}. В начале следующего года он переехал в Петербург, куда прибыл один 28 января 1905 года, остановившись в номере 93 гостиницы «Европейская» на Невском проспекте^{178}. Если он повторно женился, то кто была эта новая миссис Рейли и почему он так долго и так успешно хранил этот брак в тайне?

С П Р А В К А.

Сидней Джоржъ Р е й л л и 30 лѣтъ,
римско-католическаго исповѣданія, великобри-
танскій подданный, прибыль 28 Января сего
года изъ Брюсселя, остановился въ Европей-
ской гостинницѣ въ № 93 |платить за номеръ
4 рубля въ сутки|, прописанъ по національ-
ному паспорту, выданному въ Лондонѣ отъ 27
Юля 1899 г. за № 38371. За время своего
проживанія въ гостинницѣ ни въ чемъ предо-
судительномъ замѣченъ не былъ; занимается
коммисіонерствомъ по разнымъ отраслямъ тор-
говли; предлагаетъ крупнымъ торговымъ фир-
мамъ заграничные товары по имѣющимся у него
образцамъ и заключаетъ сдѣлки на поставку
таковыхъ.

21 " Февраля 1905 года.

Приездъ Сиднея Рейли в Петербургъ в феврале 1905 г. былъ зафиксированъ агентами наружного наблюдения

Глава 4. Комиссионер

Если Рейли и в самом деле повторно женился после русско-японской войны, не разводясь со своей первой женой, то возникает вопрос, каким образом ему удавалось так долго скрывать этот брак. Наиболее вероятное предположение — то, что Рейли прятал свою новую жену где-то в укромном месте под опекой доверенных людей. Наиболее вероятными укрытиями нам представляются Одесса и Порт-Артур^{179}. После поражения России в войне 1904–1905 гг. Ляодунский полуостров стал собственностью Японии, которая превратила его в марионеточное государство Маньчжоу-го. Были ли у Рейли контакты с японцами во время войны или нет, очевидно одно: он имел и поддерживал очень тесные коммерческие связи с целым рядом компаний, находящихся в Японии и на оккупированных ею территориях. Как человек, известный японским властям, Рейли без особого труда пристроил бы свою жену в Порт-Артуре, который после войны был восстановлен и перестроен японцами. Его главным представителем и агентом в Японии был Уильям Гилл, живший в районе Нарунуши в Токио^{180}. Не исключено, что Гилл был одним из тех, кому Рейли доверил заботу о своей жене.

Александр Вайнштейн был доверенным помощником Рейли перед русско-японской войной и оставался им более четверти века. Если Рейли взял с собой вторую жену, то Вайнштейн не только должен был бы знать о ней, но и быть главным связующим звеном между «мужем и женой». Когда десять лет спустя Рейли поступил на службу в Королевский авиационный корпус, то он указал в качестве своего ближайшего родственника свою жену «миссис А. Рейли», с которой, в случае его смерти, можно было бы связаться в Нью-Йорке по адресу Бродвей, 120 — таков был адрес конторы, которой от имени Рейли управлял Александр Вайнштейн^{181}. Мы еще вернемся к разговору о повторном браке Рейли в последующих главах этой книги.

Будучи человеком, с легкостью менявшим жен и любовниц, Рейли все же сохранил верность одной женщине — своей двоюродной сестре Фелиции. Родом из Гродненской губернии, в то время находящейся на территории Царства Польского, Фелиция переехала в Вену в самом

конце девяностых годов XIX века. Многочисленное еврейское население города проживало в основном в старом квартале, и именно здесь Рейли навещал Фелицию^{182} при первом удобном случае. Для Рейли она была единственная близкая родственница, с которой он поддерживал отношения с момента своего отъезда из Одессы в 1893 году и существование которой было тайной, тщательно скрываемой им от всех своих знакомых. Именно во время одного из таких наездов в Вену Рейли завел знакомство с влиятельным коммерсантом, которому впоследствии он сам отводил значительную роль в своих рассказах. Личность этого человека также породила целый ряд противоречивых легенд.

Иосиф Мендрохович, австрийский еврей, родился в 1863 году и приехал в Санкт-Петербург в 1904 г.^{183} В товариществе с графом Тадеушем Лубенским он основал посредническую фирму «Мендрохович и Лубенский», которая вскоре после учреждения получила от компании «Блом унд Фосс» право представлять ее интересы. По условиям договора, «Блом унд Фосс» обязывалась выплачивать Мендроховичу и Лубенскому пятипроцентные комиссионные с каждой успешной коммерческой сделки^{184}. В своей книге «Король шпионов» Робин Брюс Локкарт утверждает, что в результате закулисных интриг Рейли в русском Адмиралтействе «Мендрохович и Лубенский» получили в 1911 году исключительное право быть официальными представителями этой компании. Однако архивы самой «Блом унд Фосс», а также деловые бумаги фирмы «Мендрохович и Лубенский» свидетельствуют, что это было не так. К тому времени, когда был подписан договор, Рейли даже еще не было в России. Согласно документам Департамента полиции, Рейли впервые приехал в Петербург из Брюсселя 28 января 1905 г.^{185}, где он, очевидно, пробыл непродолжительное время, после чего отбыл в Вену. К лету 1905 года он возвращается в Петербург, на этот раз с намерением обосноваться здесь на более или менее длительный период.

Благодаря случайной встрече с Джорджем Уолфордом, английским поверенным, которого 10 сентября 1905 года Рейли провожал до Варшавского вокзала в Петербурге, в документах петербургской охранки сохранились донесения о всех его

передвижениях и действиях за этот период. Установив наблюдение за Уолфордом, филеры также стали заодно следить и за Рейли, следуя за ним по пятам с 11 по 29 сентября. Почему за Уолфордом было установлено негласное наблюдение, выяснить не удалось. По всей видимости, слежка за иностранцами, проживавшими в России, вошла к этому времени в обычную практику полиции после поражения России в войне с Японией. Несмотря на то что информация, полученная охранкой о Рейли, не представляла для нее никакой ценности, для нас она имеет чрезвычайное значение, поскольку благодаря ей мы узнаем, что с приездом в Петербург Рейли установил связь с Мендроховичем и Лубенским и даже жил в том же доме, что и они, по Казанской ул., 2. Согласно дневникам наружного наблюдения, Рейли также посетил контору Китайско-Восточной железной дороги, представившись как агент по продаже телефонных аппаратов. Удалось ли ему заключить сделку или нет, нам неизвестно. Филеры охраны в своих донесениях часто давали своим объектам условные имена — Рейли была присвоена кличка «Комиссионер»^{186}.

Если Рейли не имел никакого отношения к получению Мендроховичем и Лубенским разрешения от «Блом унд Фосс» представлять их интересы в России, то были ли у него вообще какие-либо деловые отношения с этой компанией? Ответ на этот вопрос помогут выяснить только документы самой компании. Все контракты, которые заключала «Блом унд Фосс», хранятся сегодня в Гамбургском государственном архиве и составляют шесть объемистых томов, насчитывающих более тысячи листов корреспонденции и других документов. Из них следует, что у Мендроховича и Лубенского было еще четыре сотрудника, в том числе помощник управляющего Яхимович — человек, обладавший хорошими связями в русских правительственных кругах и ведший дела фирмы во время отсутствия своих начальников. Хотя имя Рейли не встречается в списках наемных служащих «Блом унд Фосс», из ее деловых и финансовых документов видно, что с зимы 1908-го по весну 1909 года он являлся независимым посредником этой компании. Именно в этот период Рейли сотрудничал с Мендроховичем и Лубенским в поиске покупателей на новый паровой котел компании «Блом унд Фосс». Он был одним из многих, кого занимала компания для успешного сбыта своей продукции.

12го Сентября 1908г.

✓
Рейлис, Свездский
"Коммисонер" Казанская ул. 9 №2.
Вышел из дома в 5 ч. 30 мин.
вечера, пошел по Певскому пр.
дом №24 в порикшахерскую часть
пробыл 20 мин. пошел на
извозчик по Певскому пр.
дом №55 в подвозе, оттуда через
10 мин. вышел на извозчик пошел
в Европейскую гостиницу, где
пробыл часов 20 мин. пошел на
извозчик возвратился домой и
больше выхода по невидим.

Симков 47 к.
Мышкин 47 к.

Филеры охраны следили за каждым шагом Рейли

Обмен корреспонденцией и телеграммами между фирмой «Мендрохович и Лубенский» и гамбургской компанией «Блом унд Фосс» за этот период времени дают некоторое представление об отношениях, сложившихся у «Блом унд Фосс» со своим независимым агентом Рейли. Его имя впервые появляется в телеграмме от 14 декабря 1908 года, где «Блом унд Фосс» сообщает, что «Рейли просит безотлагательно выплатить ему аванс в размере 1000 рублей. Пожалуйста, уведомите нас, должны ли мы ему что-либо заплатить». Из бумаг гамбургской конторы «Блом унд Фосс» видно, что Рейли не только настаивал на получении более высоких комиссионных через

Мендроховича, но также намеревался лично представлять «Блом унд Фосс». 13 апреля из отеля «Бристоль» в Берлине он послал им письмо следующего содержания:^{187}

«Многоуважаемый г-н Фрам!

Я сейчас в проезде Берлине на пути в Париж и останусь здесь только до завтрашнего дня.

По просьбе г-на Мендроховича (который находится сейчас в Вене), я покорнейше осмеливаюсь спросить Вас, будет ли Вам удобно, если я на обратном пути нанесу Вам визит в Гамбурге. Г-н Мендрохович полагает, что разногласия между нами наилучшим образом можно было бы уладить при личной встрече. Я буду завтра в Париже, в «Гранд-отеле», до часу дня и буду Вам чрезвычайно признателен, если Вы телеграфируете мне о своем решении.

Искренне Ваш, Сидней Дж. Рейли»^{188}.

На следующий день в Париж от «Блом унд Фосс» пришла телеграмма: «Не возражаем против встречи на этой неделе, следующая неделя исключена»^{189}. Независимо от результатов этой встречи, вряд ли можно сомневаться, что Рейли стремился произвести хорошее впечатление, подчеркнув, что он просит о встрече по инициативе Мендроховича. Сам же Мендрохович, очевидно, даже не подозревал о том, что просил Рейли об этой встрече. Будучи в полном неведении о визите Рейли, Мендрохович 23 апреля написал в «Блом унд Фосс» письмо^{190}, в котором выражал обеспокоенность по поводу требований Рейли платить ему более высокие комиссионные:

«Касательно этого дела, доводим до Вашего сведения, что при всем нашем почтении к г-ну Рейли он не желает принять условия, предложенные ему г-ном Фрамом. Он утверждает, что предложенная ему сумма недостаточна даже для того, чтобы заплатить людям, чьими услугами он пользуется, и полагает, что размер комиссионных несоизмерим затраченным им усилиям. Настоятельно просим Вас, милостивый государь, дать нам ответ для дальнейшего решения по этому предмету».

Однако репутация Рейли в «Блом унд Фосс», очевидно, оказалась выше, чем репутация Мендроховича, так как 26 апреля компания шлет

телеграмму, в которой выражает согласие повысить сумму комиссионных Рейли с 6 700 до 10 000 рублей^{191}. 27 апреля «Блом унд Фосс» высылает Мендроховичу и Лубенскому чек на 27 500 рублей, подлежащий оплате в банке «Лионский кредит» в Петербурге, с приложением инструкций^{192}, как распределить эти деньги:

«Для вас: 15000 рублей

Г-ну Рейли: 10000 рублей

Для восполнения сумм, уже выплаченных г-ну Рейли: 300 рублей

Д-ру Полли: 1000 рублей

Для восполнения сумм, уже выплаченных д-ру Полли: 1000 рублей

Машинистке: 200 рублей».

То, что Рейли требовал выплатить ему сумму, превышающую 10000 рублей, ясно из ответа Мендроховича от 27 апреля:

«Мы подтверждаем получение Вашей депеши, в которой сообщается об увеличении упомянутой доли на 3300 рублей. Мы, однако, еще не уведомили об этом известное Вам лицо, поскольку оно продолжает настаивать на своей нелепой позиции — «все или ничего». Смягчение вашей точки зрения в настоящий момент лишь усугубит ситуацию и, напротив, еще более укрепит это лицо во мнении, что оно добьется своей цели. Неуступчивая позиция, занятая им, — его собственная проблема. Принимая во внимание сделанные вами великодушные уступки, мы надеемся прийти к какому-то согласию с ближайшими несколькими днями, о чем мы вас обязательно известим»^{193}.

Выдав «Блом унд Фосс» денежную квитанцию^{194}, Мендрохович сопроводил ее следующими комментариями:

«Мы подтверждаем с благодарностью получение Вашего ценного письма от 27 числа этого месяца с вложенным в него чеком на 27500 рублей (двадцать семь тысяч пятьсот рублей). За вычетом доли, причитающейся г-ну Рейли, мы сделали распоряжение относительно остальных сумм в соответствии с вашими указаниями. Мы еще не пришли к соглашению с г-ном Рейли и готовы выплатить причитающуюся ему сумму, как только он даст свое согласие относительно размера этой суммы. Он полагает, что сможет оказать нам содействие в течение ближайших нескольких дней, убедив своих друзей приобрести немецкую бойлерную систему. В этой

связи мы хотим подождать несколько дней до того, пока не состоится эта встреча, и мы надеемся, что стороны придут к соглашению по этому вопросу. Благодарю Вас еще раз от лица всех остальных за перевод означенной суммы».

Из текста этого документа явствует, что Мендрохович явно не желал идти ни на какие уступки Рейли и его требованиям, а ждал, когда его закулисные переговоры внесут ясность в вопрос о продаже бойлера. К сожалению, в архиве «Блом унд Фосс» не содержится более никакой переписки между Рейли и фирмой «Мендрохович и Лубенский» ни поэтому, ни по каким-либо другим вопросам. Отсутствие документов наводит на мысль, что, испытав на себе практикуемые Рейли методы ведения бизнеса, фирма не пожелала более иметь с ним никаких отношений.

Описанный выше эпизод также явно противоречит утверждению Робина Брюса Локкарта о том, что Мендрохович предложил Рейли стать равноправным партнером по бизнесу и что Рейли успешно управлял фирмой вплоть до 1911 года^{195}. Локкарт далее утверждает, что Рейли уволил партнера Мендроховича Лубенского и заменил его банкиром по имени Шуберский^{196}. Однако ни в документах фирмы «Мендрохович и Лубенский», ни тем более «Блом унд Фосс» не найдено ни одного упоминания этой фамилии. Напротив, документы компании подтверждают, что Лубенский играл ведущую роль в компании на протяжении многих лет после описанного выше эпизода.

Недовольство Мендроховича было вполне естественным: в случае удовлетворения требований Рейли процент того от сделки был бы соизмерим с доходами его самого. Чем же, собственно, Рейли заслужил такую благосклонность со стороны «Блом унд Фосс»? Всеобъемлющая программа перевооружения военно-морского флота, начатая в условиях набравшего стремительные обороты процесса индустриализации, предоставила фантастические возможности не только русским, но также английским, французским и немецким компаниям. Конкурентная борьба за право получить контракт была беспощадной и допускала любые средства, лишь бы вышибить соперника из седла.

Курт Орбановский, инженер компании «Блом унд Фосс», потративший в Петербурге немало времени на переговоры с русскими чиновниками о заключении судостроительных контрактов, исписал

несколько сотен страниц отчетов своему руководству в Гамбурге, из которых со всей очевидностью становится понятна роль Рейли в этой истории^{197}. Из этих документов видно, что основная деятельность Рейли сводилась к «подмазыванию» нужных лиц и закулисным играм — тому, в чем ему не было равных. Непревзойденный интриган, искусенный до мелочей в науке взяточничества, Рейли, несомненно, был человеком, услуги которого были совершенно бесценны в условиях смертельной конкуренции, процветавшей в предвоенном Петербурге.

Рапорты Орбановского изобилуют характеристиками самого Рейли, который, похоже, завел собственные связи в Морском министерстве. Так, 28 апреля 1909 года^{198} Орбановский сообщает, что «Рейли полагает, что он уже будет знать послезавтра, будет ли перенесен план обсуждения программы». Год спустя в другом отчете мы находим недвусмысленное свидетельство того, что «Блом унд Фосс» получал секретную информацию через Орбановского от Рейли:

«...эти господа еще не до конца остановились в своем выборе нужного им судна. У меня будет возможность поговорить об этом с Рейли... — было бы более желательно, если бы они предпочли сделать заказ на меньшую партию судов более высокого качества, так как мы обладаем большим опытом в строительстве и успешном сбыте этого типа судна»^{199}.

Modus operandi таких людей, как Рейли, заключался в том, чтобы найти потенциального конкурента и распространять дезинформацию о нем и выпускаемой им продукции. Благодаря обширнейшим связям в тогдашних политических, судебных и министерских кругах, Рейли был всегда в курсе готовящихся контрактов, технических характеристик, сроков и финансовых деталей тех или иных сделок. Разумеется, этих людей необходимо было постоянно подпитывать соответствующими вознаграждениями, как деньгами, так и иными подношениями и услугами.

Подобные «представительские» расходы также включали в себя оплату журналистов и редакторов, помещавших в своих изданиях благожелательные статьи о «Блом унд Фосс» и негативные — об их конкурентах. Особенно теплые отношения у Рейли сложились с газетами «Новое время» и «Вечернее время»^{200}. Внимательное чтение

этих и других газет того времени позволяет сделать вывод о том, что эта тактика оказалась чрезвычайно успешной. Помимо этого, в распоряжении Рейли была целая армия информаторов из низших слоев общества, готовых за вознаграждение предоставить любые необходимые ему сведения.

Документы «Блом унд Фосс» не только дают представление о характере отношений между Рейли, Мендроховичем и Лубенским, из них также видно, что Рейли, избрав Петербург центром своей коммерческой деятельности, интенсивно ездит по России и Европе, останавливаясь в лучших отелях Одессы, Киева, Парижа, Берлина, Вены и Лондона^{201}. Его частые поездки в Париж, несомненно, были вызваны появлением у него еще двух страстей — воздухоплавания и Евы Лавальер, жены директора парижского театра «Варьете»^{202}. Братья Райт были первыми, кто поднял свои аэропланы в воздух в 1903 году, однако подлинный век авиации начнется лишь в 1909 году, с момента изобретения двумя французскими инженерами ротационного двигателя^{203}. Перелет Блерио через Ла-Манш в этом же году потряс воображение тысяч людей, положив начало авиационному буму. Братья Фарман, Анри и Морис, быстро основали под Парижем фирму по производству аэропланов и стали демонстрировать свои летательные аппараты на авиационных выставках по всей Европе. Однако, будучи пионерами воздухоплавания, французы в данный отрезок времени еще во многом зависели от магнето, которые им приходилось закупать в Германии.

Робин Брюс Локкарт рассказывает историю о том, как Рейли якобы раздобыл последний образец разработанного немцами магнето на франкфуртской международной авиационной выставке^{204}. Если верить этой истории, на пятый день авиашоу немецкий аэроплан потерял управление и врезался носом в землю, в результате чего погиб летчик. Аэроплан якобы был оборудован последним немецким магнето, превосходящим все остальные образцы. Агент британской секретной разведывательной службы по имени Джонс, выдававший себя за одного из авиаторов, отвлекая внимание публики, помог Рейли снять магнето с обломков разбившегося аэроплана и заменить его другим.

«Позже Джонс сделал быстрый, но детальный чертеж немецкого магнето, и, когда мотор был возвращен на свое законное место в ангар немецкого пилота, Джонсу и Рейли удалось подменить магнето еще раз, вернув, таким образом, оригинал»^{205}, — пишет об этом Локкарт. Однако, как и в случае со многими другими легендами «Короля шпионов», повествующими о безрассудной храбрости Рейли, факты свидетельствуют иное. СИС к этому времени едва исполнилось десять месяцев, а его агентов можно было пересчитать по пальцам. Ни один из них не подпадает под описание Локкарта («командир-механик Королевского флота, работавший какое-то время на Си^[17]»). В официальных каталогах и путеводителях выставки также нет ни одного упоминания о человеке по имени Джонс. Во Франкфуртском институте истории города содержатся более 1000 страниц материала, посвященного авиационной выставке, включая газетные репортажи и около 300 подлинных фотографий. Из них становится ясно, что за все то время, что проходила эта выставка, на ней не произошло ни одной катастрофы или аварии, ни с немецким, ни с каким-либо другим аэропланом^{206}. Из этого не следует, однако, что Рейли никогда не был на авиационной выставке или что он не проявлял никакого интереса к немецким магнето. Напротив, как доверенный агент фирмы «Бош», крупнейшего производителя немецких магнето, он с большим энтузиазмом предлагал их продукцию братьям Фарман, кладя себе в карман хорошие комиссионные за посредничество.

Однако, несмотря на свое возрастающее увлечение воздухоплаванием, Рейли никогда не забывал о своей любви к патентной медицине. В 1908 и 1909 годах он регулярно ездит в Лондон, для того чтобы восстановить свою компанию «Озон», которую он прикрыл десять лет тому назад перед своим отъездом из Англии. Именно тогда, во время своего визита в Англию осенью 1908 года, он предпринимает окончательные шаги для официальной смены фамилии Розенблум на Рейли. Адвокатская контора «Сандфорд энд Компани», составившая бумагу от его имени, оказывала услуги Рейли с 1896 года. Хотя прошение^{207}, поданное в Высокий суд 23 октября 1908 года, и написано высокопарным юридическим слогом, присущим всем подобным документам, его содержание для нас представляется не менее интересным.

200000

Statute made for that purpose

Reilly } To all to whom these Presents
 Decd Poll } may come, I Sidney George Reilly
 of } a Gentleman residing at the Hotel Cecil
 of } Strand in the County of London
 Whereas by a Decd Poll under my hand and
 seal under my then name of Sigismund George
 Rosenblum dated in or about the month of June
 one thousand eight hundred and ^{NINETY NINE} ~~ninety nine~~ I
 absolutely renounced and abandoned the use ^{OF MY THEN}
 of the name of Sigismund ^{SUB-}
~~and adopted the initial name of Sidney~~
~~and the surname of Reilly and have ever since then~~
~~used and adopted and been known by the~~
~~name of Sidney George Reilly.~~
 And whereas the said Decd Poll was ~~now~~
 and has since been lost or destroyed.

Удовлетворение прошения об изменении фамилии Розенблум на Рейли, поданное им в Высокий суд в октябре 1908 г., наконец-то узаконило этот факт

«Я, Сидней Георг Рейли, в настоящее время проживающий в гостинице «Сесиль», графство Лондон, настоящим намерен засвидетельствовать свое уважение к почтенной публике. В моем прошении об изменении имени, скрепленном моей рукой и печатью и составленном от моего прежнего имени Зигмунд Георг Розенблум, поданном мною в июне месяце 1899 года, я отрекся и отказался от прежнего имени Розенблум, каковое мне было дано при рождении, и взамен оно принял имя Сидней и фамилию Рейли и начиная с этого дня именуюсь и известен под именем Сидней Георг Рейли.

Я также утверждаю, что до сего дня вышеозначенное прошение не было внесено ни в какие реестры, утеряно или уничтожено. А посему мною изъявлено намерение придать законную силу означенной бумаге, а равно увековечить и засвидетельствовать перемену имен

составлением сего прошения с последующим внесением его в реестр через Высокий суд Его Величества.

Я, вышепоименованный Сидней Георг Рейли, подтверждаю, что отказываюсь от имени Зигмунд и фамилии Розенблум, каковые были даны мне при рождении, и беру взамен оных имя Сидней и фамилию Рейли. В целях засвидетельствования перемены имен я настоящим подтверждаю, что отныне и во все времена, во всех записях, актах, документах и иных бумагах, равно как во всех моих действиях и поступках, сделках и коммерческих предприятиях, я при каждом случае буду использовать и ставить в качестве своей подписи указанные имена Сидней Георг Рейли как взятые мною взамен означенных Зигмунд Георг Розенблум. Ввиду перечисленного мною выше, я даю право и прошу всех отныне и вовеки именовать меня и обращаться ко мне по принятому мною имени Сидней Георг Рейли. В подтверждение чего в присутствии свидетелей подписываюсь взятыми мною новыми именами двадцать третьего дня октября одна тысяча девятьсот восьмого года».

В этом документе мы находим подтверждение тому, что поданное им ранее прошение об изменении имени «не было внесено ни в какие реестры, утеряно или уничтожено». Здесь, вне всякого сомнения, идет речь о прошении, составленном от имени Зигмунда и Маргарет летом 1899 года, которому они просто не дали хода ввиду необходимости спешного отъезда из Англии. Наиболее вероятно, что Рейли принял решение официально сменить имя ввиду своих намерений возобновить коммерческую деятельность в Англии. Робин Брюс Локкарт в «Короле шпионов»^[208] упоминает о том, что Рейли возобновил свои занятия патентной медициной. Согласно его версии, Рейли создал товарищество на паях с неким молодым американским химиком по фамилии Лонг и основал компанию «Розенблум энд Лонг» по адресу Кёрситор-стрит, 3. Хотя Локкарт нигде не упоминает точную дату учреждения этой компании, из контекста можно понять, что это произошло где-то между 1905 и 1911 годами. Локкарт утверждает, что, несмотря на большие усилия, которые Рейли приложил к созданию этого коммерческого предприятия, компания не приносила никакой прибыли, ввиду того что Рейли «не был искушен в коммерции». Фирма наконец лопнула окончательно, когда Лонг скрылся с 600 фунтами, и Рейли был вынужден закрыть компанию с

помощью некоего «адвоката Эбрахамса». То, что нам не удалось обнаружить ни одного упоминания о фирме «Розенблюм и Лонг», объясняется тем, что ей было присвоено то же имя, что и с первых дней ее существования в 1897 году, — «Компания лекарственных препаратов Озон».

В архивах лондонского Сити мы находим подтверждение, что компания «Озон» занималась торговлей примерно в течение трех лет, с 1908 по 1910 годы, арендуя помещение, но не по адресу Кёрситор-стрит, 3, а на первом этаже Флит-стрит, 97, взятом в субаренду у владельца С. Р. Картрайта^{209}. У Рейли был также партнер по бизнесу, Уильям Колдер^{210}. Однако нам представляется маловероятным, что он скрылся с деньгами компании, так как продолжал поддерживать коммерческие отношения с Рейли до начала двадцатых годов. Фирма действительно была ликвидирована в 1911 году при содействии фирмы «Майкл Эбрахамс, сыновья и Ко», еще одним давним компаньоном Рейли.

Компания на Флит-стрит находилась в нескольких шагах от отеля «Сесиль» на Стренде, где Рейли часто останавливался, когда приезжал в Лондон. Во времена короля Эдуарда «Сесиль» был одним из самых больших и роскошных отелей, где останавливались только очень богатые люди и главы иностранных государств. Стоявший рядом с ним «Савой» выглядел по сравнению с ним бедным родственником. Открытый в 1896 году, «Сесиль» имел 1000 номеров, роскошные интерьеры которого были выложены многоцветным мрамором, коридоры украшены коврами ручной работы^{211}. В смежных апартаментах «Сесиль» располагались конторы целого ряда крупнейших фирм, как, например, «Бритиш Табакко» (номер 86) и целый ряд ее европейских и имперских филиалов. Двадцатью десятилетиями позже Стивену Элли, Джорджу Хиллу, Эрнсту Бойсу и Уильяму Филд-Робинсону (которые нам еще встретятся в этой книге) довелось работать в этой компании. В 1908 году, к примеру, в этой компании работал и некий Бэзил Фозергилл, давний приятель Рейли. Отец Фозергилла, Чарльз, был отставным майором британской армии и также знал Рейли благодаря знакомству последнего с его сыном^{212}. Не исключено, что Фозергилл-старший и был прототипом амазонского

майора Фозергилла, однако так это или нет, установить уже невозможно.

Отель «Сесиль» примечателен еще и тем, что 25 октября 1908 года из него бесследно исчезла некая Луиза Льюис. Луиза прослужила в этом отеле четыре года, переехав из Суссекса в Лондон. Свидетели, которые видели ее в последний раз, утверждали, что в тот вечер Луиза, на которой были надеты пальто и шляпка, разговаривала с каким-то господином внизу главной лестницы отеля ^{213}. По предположениям свидетелей, они покинули отель вдвоем.

Согласно показаниям свидетелей, господин был среднего роста, с темными волосами, примерно тридцати-сорока лет. Хотя под это описание могли подойти многие мужчины, лишь один тридцатипятилетний мужчина, имевший рост 10 футов 5 дюймов, брюнет, мог иметь достаточно оснований для того, чтобы помнить мисс Льюис. А если точнее, то именно у нее были веские причины для того, чтобы хорошо запомнить его: за десять лет до этого Луиза Льюис служила в отеле «Лондон и Париж» в Ньюхевене, управляющим которого был ее отец. Утром 13 марта 1898 года она лицом к лицу столкнулась с доктором Т. У. Эндрю, который когда-то осматривал тело преподобного Хью Томаса и сделал заключение о том, что смерть наступила в результате естественных причин. Поскольку смерть не была событием, которое случалось каждый день в отеле «Лондон и Париж», то это происшествие, вне всякого сомнения, глубоко отложилось в ее памяти. Можно лишь только предположить, что десять лет спустя по чистой случайности она вновь столкнулась с доктором Эндрю в отеле «Сесиль». Внешность Рейли была не из тех, что можно легко забыть в суматохе дней. И если бы их пути действительно однажды пересеклись, то какова была бы в таком случае реакция Рейли? Несмотря на то что смерть Хью Томаса так и не вызвала никаких подозрений, мог ли Рейли допустить, чтобы кому-нибудь пришло в голову сопоставить его лицо с личностью доктора Эндрю?

Из прошения Рейли о перемене фамилии мы знаем, что он жил в отеле «Сесиль» 23 октября 1908 года, то есть за два дня до исчезновения Луизы. Хоть и косвенный, этот факт, безусловно, говорит сам за себя. Также интересен в этом контексте эпизод, описанный в книге «Тщательно спланированное убийство» Дональда

Маккормика^{214}. В нем рассказывается о похождениях Артура Монди-Грегори, занимавшегося скупкой и продажей орденов и медалей^{215}, и его возможной причастности к смерти Эдит Росс. По словам Маккормика, Грегори учредил свое собственное детективное агентство и установил наблюдение за всеми, кто входил и выходил из всех главных отелей Вест-энда. Во время одной из таких слежек его внимание привлек «живший на широкую ногу иностранец, выдававший себя за англичанина»^{216}. Подозрительный тип оказался не кем иным, как «страстным сердцеедом» Рейли.

Маккормик, который понятия не имел о том, что отель «Сесиль» был фактически вторым домом Рейли, упоминает о том, что Грегори выяснял для себя возможность арендовать помещение небольшого театра на Джон-стрит, улочке близ Стренда. Хотя улица с таким названием не сохранилась, по всей вероятности, здесь имеется в виду Джон-Эдам-стрит, улица, идущая параллельно Стренду от Виллиерс-стрит до Эдам-стрит у вокзала Чаринг-Кросс. Согласно муниципальным архивам Лондона^{217}, в 1940 году Джон-стрит и Дьюк-стрит были административно объединены, дома перенумерованы, а на их месте возникла новая улица под названием Джон-Эдам-стрит.

Главная лестница отеля «Сесиль», у которой непосредственно перед ее исчезновением Луизу видели разговаривающей с мужчиной, по внешности очень похожим на Рейли

В архивах мы также находим подтверждение того, что на Джон-Эдам-стрит в этот период действительно был небольшой театр, помещение которого на короткий период ^[218] было сдано некоему Э. Дж. П. Монди-Грегори. Тот, кто сегодня будет проходить по Джон-Эдам-стрит, не сможет пройти мимо внушительного особняка, когда-то являвшегося собственностью «Шелл-Мекс-хаус». «Шелл-Мекс-хаус» был построен в 1930 году на месте отеля «Сесиль» —

достопримечательности Стренда, решение о сносе которого было неоднозначно воспринято общественностью. Все это свидетельствует о еще большей близости между Монди-Грегори и Рейли в этот период. Филерскую деятельность Монди-Грегори подтверждает также суперинтендант Скотленд-Ярда Артур Эскью, расследовавший таинственную смерть миссис Росс и обвинение в «продаже орденов», предъявленное Монди-Грегори^[219]. Был ли Рейли причастен к исчезновению Луизы и поддерживал ли он какие-то связи с Монди-Грегори — об этом можно лишь строить предположения. Несомненно одно: все трое были фактически в одном и том же месте и примерно в одно и то же время.

Если по возвращении в Петербург в конце октября или начале ноября 1908 года Рейли и почувствовал некоторое облегчение, то это состояние явно было недолгим, так как вскоре в его жизни появился некий человек из прошлого, что приведет в движение события, которые в результате закончатся трагедией.

Глава 5. Надин

Прошло шесть лет с тех пор, как Маргарет Рейли покинула Порт-Артур по настоянию своего мужа. Хотя формально ее отъезд был вызван угрозой надвигающейся войны, для Рейли она уже выполнила свою миссию, и он избавился от нее, как от старой перчатки. За годы, прошедшие со времени ее отъезда, Маргарет редко виделась с ним. Во время таких встреч или в своих нечастых письмах к ней Рейли неизменно утверждал, что находится в тяжелом финансовом положении и не имеет возможности тратить на нее деньги. Хотя до Первой мировой войны коммерческие дела Рейли шли далеко не всегда гладко, можно с уверенностью утверждать, что он желал как можно меньше иметь с ней дело. Он женился на ней исключительно ради денег и бесстыдно использовал ее для того, чтобы полностью сменить биографию и скрыть свое русско-еврейское происхождение.

Неудивительно поэтому, что Рейли давал несколько иную версию причин расставания со своей женой, объясняя это тем, что она пристрастилась к алкоголю и стала обузой для него еще в период их совместной жизни в Порт-Артуре. Робин Брюс Локкарт также утверждает, что после своего возвращения с Дальнего Востока Рейли обнаружил, что Маргарет бросила его и уехала в неизвестном направлении^{220}. Все, кто когда-либо писал о Рейли, ни разу не подвергали сомнению эту версию. Разумеется, подобное утверждение исходит из уст самого Рейли — источника, вряд ли заслуживающего доверия.

Повторное появление Маргарет в Петербурге в 1909 году было, по всей видимости, вызвано тем, что ее и без того скромные капиталы стали подходить к концу. Даже в самые благоприятные периоды их отношений Рейли не испытывал особого желания встречаться с Маргарет, и вряд ли можно сомневаться, что Маргарет получила бы от Рейли ледяной отказ, если бы обратилась к нему с просьбой о деньгах. Зная характер Рейли, можно было бы задать резонный вопрос, почему он все же физически не избавился от нее.

По слухам, Рейли угрожал убить Маргарет при первом удобном случае, однако это утверждение ничем не подтверждается. Рейли был

беспощаден ко всем, кто когда-либо становился на его пути, и мы можем лишь только предполагать, почему же он все-таки не пошел на убийство своей жены. Маргарет, как мы знаем, была вполне искусственной и далеко не наивной женщиной. Еще до своей встречи с Рейли ей удавалось достаточно хорошо отстаивать свои жизненные интересы. Не лишенная лукавства, Маргарет была, без сомнения, чрезвычайно сообразительной и изобретательной женщиной. Вполне вероятно, что если бы Рейли действительно хотел убить ее, то сделал бы это без каких бы то ни было затруднений. Этого, однако, не произошло, из чего можно сделать предположение, что Маргарет обладала некоей информацией, которая позволяла ей держать Рейли на коротком поводке. Будучи соучастницей убийства Хью Томаса, она знала что-то такое, что Рейли, несомненно, стремился хранить в глубокой тайне. Если Маргарет застраховала свою жизнь на случай непредвиденной смерти, то наверняка эта страховка содержала собственноручно написанные ей показания против Рейли, которые она хранила в надежном месте. В случае внезапной смерти распорядитель этого документа был уполномочен ею предать гласности этот документ или, что более вероятно, передать его соответствующим властям.

Скупые показания самой Маргарет^{221} о своем муже полностью обходят молчанием все, что имело отношение к личной и супружеской жизни Рейли, из чего может сложиться впечатление, что супруги были не слишком преданны друг другу. Двадцать лет спустя в Брюсселе, работая гувернанткой в семье Роберта Мессенджера и его жены, Маргарет как-то призналась миссис Мессенджер, что любила Рейли «до самозабвения, но его многочисленные измены и любовные романы с другими женщинами превратили ее любовь в ненависть»^{222}. Несмотря на то что роман Рейли с Евой Лавальер, женой директора парижского театра «Варьете», нанес ей особенно тяжкую душевную травму, Маргарет никогда не отзывалась плохо о своем муже, по крайней мере, в присутствии миссис Мессенджер^{223}. Однако причиной ее столь глубоких сердечных страданий была не столько эта конкретная измена, сколько куда более тяжкий грех в ее глазах — двоеженство.

Известие, которое так глубоко травмировало Маргарет во время ее пребывания в Петербурге, было настолько сильным, что она

предприняла попытку самоубийства. По свидетельству миссис Мессенджер, Маргарет взяла пистолет, который Рейли хранил в ящике своего стола, и выстрелила себе в глаз. Однако случилось чудо — она выжила, хотя в течение полутора месяцев и находилась в состоянии комы. В результате она навсегда потеряла правый глаз, который ей заменили на стеклянный^{224}. Каким образом Маргарет удалось прострелить глаз, не нанеся серьезных повреждений мозгу, а тем более не убив себя, на первый взгляд кажется абсолютно невероятным.

Подобные случаи случались и раньше, когда люди, пытавшиеся свести счеты с жизнью, прикладывали дуло пистолета к виску за глазным яблоком, а не в область уха. Выстрел в область уха поражает мозг, в то время как пуля от выстрела, сделанного в переднюю височную часть, попадает в полость за глазным яблоком и в зависимости от траектории пули выходит через глаз или нос. Но даже при подобном счастливом исходе пуля неизбежно разрывает ткани, кожу, височные кости, глаз и нос. Английский дипломат Даррел Уилсон свидетельствует, что лично видел следы такой травмы у Маргарет, пришедшей к нему в мае 1931 года с заявлением о возобновлении паспорта^{225}. Как отмечает Уилсон, «миссис Рейли обладает нервным характером, ее внешность сохранила на себе следы попытки самоубийства, которую она совершила, выстрелив себе в правый висок, после того как узнала о двоеженстве своего мужа»^{226}.

Когда же шесть недель спустя Маргарет вышла из комы, Рейли уже и след простыл. Если говорить о двоеженстве Рейли, то здесь, естественно, возникает вопрос, кто же была его новая жена, так как до встречи с Надеждой Залесской оставалось два года и еще четыре года до момента, когда они заключили брак. Свидетельство Уилсона является лишним подтверждением того, что вскоре после русско-японской войны Рейли женился на женщине, имя которой до сих пор остается загадкой, о чем мы уже писали в конце третьей главы.

В «Короле шпионов» нет ни единого слова о попытке самоубийства Маргарет, за исключением утверждения, что Рейли дал ей деньги, чтобы она оставила его и уехала из Петербурга^{227}. Через Бориса Суворина, члена клана Сувориных, владельцев газеты «Новое время», Рейли якобы поместил в «Новом времени» заметку, где утверждалось, что карета Красного Креста сорвалась с обрыва горы в

Болгарии и упала в пропасть, при этом погибло несколько сестер милосердия, «включая г-жу Рейли, до недавнего времени проживавшую в Петербурге»^{228}. По-видимому, Локкарт и сам не был уверен в правдивости этой истории, так как в последующем издании своей книги^{229} он уже утверждал, что Рейли «поместил лживую заметку в русской прессе о железнодорожной катастрофе, приведшей к гибели нескольких пассажиров, включая г-жу Рейли»^{230}. Тщательный поиск в газете «Новое время» за указанный период не обнаружил ничего, что хоть каким-то образом свидетельствовало бы о гибели госпожи Рейли в результате несчастного случая, произошедшего с каретой Красного Креста, или в результате железнодорожной катастрофы.

Хотя история с гибелью медсестер не могла произойти в Болгарии попросту потому, что в 1909 году там не требовалось присутствие добровольцев из Красного Креста, просмотр репортажей «Нового времени» о первой и второй балканских войнах с октября 1912 по август 1913-го принес неожиданные результаты. В выпуске от 8 ноября 1912 г. «Новое время»^{231} сообщало о прибытии в столицу Болгарии Софию медицинского отряда из тридцати восьми человек. Согласно информации Красного Креста, среди женщин-добровольцев находилась некая миссис М. Рейли^{232}.

Будучи десятилетним мальчиком, Леон Мессенджер пришел в восторг, узнав, что его гувернантка, которую он знал как Дейзи, была женой легендарного шпиона Сиднея Рейли. Его воспоминания дают редкую возможность сквозь щелочку заглянуть во внутренний мир Маргарет, понять ее мировоззрение, сформированное под влиянием жизненного опыта. Ирландка по происхождению, Маргарет не только считала себя англичанкой, но и всем своим видом показывала, что принадлежит к высшему обществу. Мессенджер вспоминает, что она была «хорошо образованна и начитанна... по всем признакам, это была образованная англичанка, говорившая на языке высшего света, и каждый, кому было суждено с ней познакомиться, считал ее олицетворением образованной женщины»^{233}. Мессенджер также с большой теплотой вспоминает об их долгих прогулках в парке и по лесу, во время которых Маргарет говорила с ним «о славе и величии Англии и Британской империи и о бремени белого человека»^{234}.

Хотя Маргарет и Сидней вели отдельную жизнь и им уже никогда не было суждено жить вместе, Маргарет и в мыслях не приходило развестись со своим мужем. Было ли это решение продиктовано ее католическими принципами или твердым убеждением в том, что, будучи законной женой Рейли, она имеет право предъявлять ему финансовые требования, — этот вопрос остается открытым. К 1910 году Маргарет было тридцать шесть лет — это была женщина, уже потерявшая привлекательность, от которой отвернулось счастье. Неудивительно поэтому, что в подобных обстоятельствах она не хотела добровольно ослабить свою хватку. Подозревала ли Маргарет о существовании Надежды Залесской, нам неизвестно, но сама Надежда точно не знала о Маргарет. К тому времени, когда Рейли познакомился с Надеждой, представившись ей холостяком, Маргарет уже давно уехала из Петербурга.

Надежда Залеская, урожденная Массино, родилась в украинском городе Полтаве в 1885 г.^{235} в семье подполковника Петра Массино и его жены Варвары Кондратьевны Бродской. Надежда была второй из четырех детей^{236}; оба родителя были евреями, принявшими православие. Как и Рейли, Надежда любила напускать туману, говоря о своем происхождении, утверждала, что ее предки жили в Швейцарии. В 1907 году она вышла замуж за Петра Ивановича Залесского, лейтенанта флота, участника обороны Порт-Артура в 1904 г.^{237} Именно в Порт-Артуре Залесский впервые встретился с адмиралом Григоровичем^[18], к которому был назначен адъютантом, когда адмирал стал морским министром. Этот период был исключительно важным для Морского министерства, на которое была возложена ответственность кардинальной перестройки русского флота после его тяжелого поражения в русско-японской войне. В петербургском особняке Залесских на Адмиралтейской набережной, 2^{238}, часто устраивались званые вечера и приемы, на которые приходили высокопоставленные военные и морские офицеры, известные политики и важные судебные чиновники.

В 1912 году Дума одобрила бюджет следующего этапа «Большой судостроительной программы». Начиная с этого момента все русские судостроительные компании стали бороться за заказы, которые обеспечивали им работу и хорошие прибыли на много лет вперед.

Именно на одном из таких приемов Рейли впервые познакомился с Надеждой и, конечно, не мог пройти мимо одной из первых петербургских красавиц. Стройная, с темными волосами и смуглой кожей, Надежда была очаровательной женщиной, к тому же бегло говорившей по-французски и по-английски^{239}. В сравнении с другими любовницами, которые были у Рейли в это время — Миртил Поль, Ганна Вальская и Полет Пакс, — красота Надежды была поистине необыкновенной. Рейли привлекла не только ее несравненная красота, но, что более вероятно, связи и влияние, которое он мог приобрести благодаря знакомству с ней. Ее муж был не только правой рукой адмирала Григоровича, принимавшего окончательное решение в вопросах распределения заявок на крупные судостроительные заказы для военно-морского флота, но также имел большое влияние на Григоровича. К моменту встречи Рейли и Надежды ее отец был полковником, а младший брат, Георгий, выпущен из Елизаветградского кавалерийского училища и зачислен в списки Третьего гусарского полка^{240}. Рейли был представлен ее семье, также жившей в Петербурге, и это обстоятельство дает нам основания предполагать, что семья Массино вдохновила его использовать в будущем эту фамилию для одной из своих личин.

В этой связи стоит вспомнить о том, что писали о происхождении Рейли Джордж Хилл и другие авторы, интересовавшиеся его биографией. Мы уже ссылались ранее на версию Локкарта, согласно которой Рейли при рождении было окрещен Георгием, а его отец был полковником русской армии, имевшим связи при дворе. Эта же версия утверждает, что у Георгия была страсть к фехтованию и что он «стал упражняться в стрельбе и достиг больших успехов в столь юном возрасте». Однако эта характеристика подходит не молодому Рейли, а брату Надежды, Георгию Массино. Рейли был настолько очарован семьей Массино, что десять лет спустя, после революции в России, взял себе подпольное имя Константин Маркович Массино. Он также утверждал, уже по другому поводу, что девичья фамилия его матери была Массино.

Но даже если «Георгий» идеально подходит под описание брата Надежды, каким образом ее отец мог иметь отношение к отцу Рейли, «полковнику, имевшему связи при дворе»? Если полковник Массино действительно имел такие связи, то это обстоятельство было еще

большой приманкой, побуждавшей Рейли установить более тесные отношения с Надеждой.

Полковник Массино, согласно его послужному списку^{241}, имел вполне образцовую карьеру с момента поступления на военную службу рядовым в мае 1853 года. Постепенно продвигаясь по службе, он в конце концов дослужился до полковника, которого получил в 1901 году. Однако его столь безоблачной карьере неожиданно пришел конец, когда 2 мая 1905 г. он высочайшим приказом был уволен от своей должности в Сибирском военном округе и помещен под арест. 17 июня 1905 г. из Петербурга пришел приказ о его увольнении с военной службы. По окончании длительного следствия Массино было предъявлено обвинение в лихоимстве и использовании служебного положения с целью получения «незаконной прибыли». 24 августа 1906 года Массино наконец предстал перед Сибирским военно-окружным судом в Иркутске^{242}. Суду были предъявлены показания, согласно которым Массино использовал военно-санитарный поезд для беспроцентного провоза коммерческого груза, включавшего «различный бакалейный товар и вина» из Екатеринослава в Иркутск. По прибытии в Иркутск товары были переданы коммерсанту Мрозовскому, который и продал их со значительной для себя прибылью. Хотя обвинению не удалось доказать факт получения Массино денег от Мрозовского, тем не менее суд признал его виновным в злоупотреблении служебным положением. Массино был приговорен к заключению в тюрьму гражданского ведомства сроком на один год и четыре месяца, с позорным исключением с военной службы, которое автоматически влекло за собой лишение чинов, орденов и, что самое главное, права на пенсию.

Массино направил на этот приговор кассационную жалобу, рассмотрение которой состоялось 12 октября 1906 г. в Петербурге. Все пункты его жалобы были отвергнуты, а приговор оставлен в силе. Однако три месяца спустя, 14 января 1907 года, Николай II лично вмешался в это дело и распорядился заменить отбывание в тюрьме исключением со службы и лишением чинов. Подобное вмешательство было весьма необычным, если не сказать более. Но то, что произошло восемь месяцев спустя, вызывает еще большее изумление. 19 августа 1907 года по приказу царя Массино возвращают чин полковника, право на получение пенсии, ордена и другие служебные привилегии. Чем

объяснить столь кардинальный и внезапный поворот событий? Кто мог вмешаться в судьбу Массино на самом высоком уровне и ходатайствовать о его освобождении? Хотя за определенную сумму и можно было оказать влияние на высочайшие решения, освобождение таких заключенных, как Массино, было далеко не рядовым событием.

Однако кто бы ни стоял за реабилитацией Массино, она, несомненно, должна была быть провернута в недрах судебной системы. В окружение царя входили министры, высокопоставленные военные чиновники и Распутин. Бывшие царские сановники и их должностные преступления — притча во языцех в русском обществе — стали предметом особо пристального внимания со стороны Временного правительства, пришедшего к власти после отречения царя в марте 1917 года. Одним из его первых актов было учреждение в марте того же года «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц». Одним из главных объектов расследования была деятельность Распутина и влияние, которое он оказывал на министров и царскую семью. Следствие также имело доступ к документам охраны, методично фиксировавшей всех, кто входил и выходил из квартиры Распутина, и составлявшей подробные донесения о лицах, встречавшихся с ним. Несмотря на то что следствие продолжалось и после большевистского переворота в октябре 1917 года, новое правительство распустило комиссию, а собранные ею материалы так и не были опубликованы^{243}. Однако протоколы следствия сохранились в архивах, давая нам редкую возможность увидеть, что же в действительности происходило за дворцовыми стенами. Показания, взятые у двадцати семи свидетелей, имевших непосредственное отношение к Распутину, дают живое представление о том, какое влияние он оказывал на царский суд.

В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии банкир и издатель Алексей Филиппов свидетельствовал, что люди из окружения Распутина брали взятки от тех, кому Распутин обещал протекцию перед царем.

В 1906–1907 годах о связях Распутина с высшими судебскими чиновниками еще не было так широко известно, как это станет позже, однако здесь небезынтересно отметить, что человеком, который впервые ввел Распутина в высшие столичные круги, был епископ

Феофан, уроженец Полтавы. Феофан имел очень тесные связи с царской семьей, особенно с императрицей, и не исключено, что именно он был связующим звеном между семьей Массино и царским судом.

Сам Филиппов был хорошо знаком с Распутиным, позже даже став издателем полуграмотного крестьянина. Есть подтверждение тому, что приблизительно через шесть лет после реабилитации полковника Массино одна из приближенных Распутина, Софья Волынская, поддерживала дружбу с Варварой Массино, которая, как и сама Волынская, была крещеной еврейкой из Полтавы. В 1917 году Филиппов поведал Чрезвычайной следственной комиссии о том, что Распутин мог бескорыстно помогать своим просителям, а мог и нещадно использовать их в своих интересах с помощью Волынской. Ее муж-агроном был предан суду и приговорен к тюремному заключению, однако позже помилован благодаря вмешательству Распутина. Распутин представлял эти действия как часть своего учения. В своей записной книжке императрица записала его наставления: «Никогда не бойтесь выпускать узников, возрождать грешников к праведной жизни. Узники через их страдания... выше нас перед лицом Божьим»^{244}. По версии Ричарда Дикона, с Рейли мог быть связан и другой поклонник Распутина, Петр Бадмаев^[19]. Бадмаев, получивший прозвище «хитрый китаец», был доктором тибетской медицины или, во всяком случае, утверждал это. В действительности же он, как и Рейли, представлял собой нечто среднее между торговцем патентованными лекарственными средствами и весьма искусственным коммерсантом. Бурят по происхождению, Бадмаев родился в Сибири в 1857 году. Его брат учредил в Петербурге компанию по производству тибетских лекарственных средств. Петр последовал за ним в столицу и вскоре получил известность как специалист по тибетской медицине. Большая часть его пациентов принадлежала к высшему петербургскому обществу, и благодаря Распутину его влияние стало распространяться на самый верх политической власти.

Русское Товарищество Воздухоплавателей

„КРЫЛЬЯ“

(Б. А. СУВОРИНЪ и К^о).
 Морская, 12, кв. 42. Телефонъ № 116-97.

Единственные представители для всей России:

Бр. ФАРМАНЪ (Farman Frères).
 Лучшій современный бипланъ.

ТЭЛЛИЕ (Chantiers Tellier).
 Одинъ изъ лучшихъ моноплановъ.

АВИА (Ateliers Vosgiens d'Industrie Aéronautique)
 „Avia“
 Лучшая фирма отдѣльныхъ частей.

АЭРОДРОМЪ

Т-ва „КРЫЛЬЯ“
 на Командантскомъ полѣ противъ Коломяжскаго аэродрома.

ШКОЛА ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ

откроется приблизительно черезъ 3 недѣли.

Тип. Усманова. Спб. Вознесенскій пр., 47.

Реклама в журнале «Воздухоплаватель», извещающая об открытии аэродрома товарищества «Крылья» в сентябре 1910 года — еще одного проекта Рейли, финансировавшегося на чужие деньги

Бадмаев учредил коммерческую фирму «Бадмаев и К^о», занимавшуюся земельными спекуляциями и сбытом разного рода товаров, включая тибетские лекарственные травы, обещавшие излечение от таких недугов, как легочные заболевания, неврастения, венерические болезни и импотенция. Стоит отметить, что, в то время как большинство английских компаний, занимавшихся сбытом

патентованных лекарств, рекламировали собственные или привезенные из Америки средства, компания «Озон» выделялась тем, что предлагала публике именно «средства тибетской медицины»^{245}.^{246}.

Помимо связей с Распутиным, Алексей Филиппов был также знаком с Владимиром Крымовым, бухгалтером семьи Сувориных, владельцев газеты «Новое время». Крымов, которому тяжело больной Алексей Суворин выдал доверенность на ведение всех дел Сувориных, был хорошо посвящен во все их семейные дела и в этом контексте написал чрезвычайно интересные воспоминания о жизни Рейли периода 1910–1914 годов. Крымов вспоминает, как Рейли почти каждый день навещался в редакцию газеты, сотрудники которой относились к нему как к «своему человеку»^{247}. Невероятная осведомленность Рейли была высоко оценена и должным образом использовалась редактором газеты Михаилом Сувориным.

Младший брат Михаила, Борис, разделял интерес Рейли к авиации. По утверждению Робина Брюса Локкарта, они основали авиационный клуб под названием Русское товарищество воздухоплавания «Крылья»^{248}, финансировавшее авиационные перелеты Петербург — Москва^{249}. В реальности же дела обстояли несколько по-другому. Товарищество «Крылья»^{250}, членом которого был Рейли, являлось на деле настоящей коммерческой компанией, учрежденной Борисом Сувориным по инициативе своего друга. Другими словами, идея создания «Крыльев» принадлежала Рейли, но деньги на ее воплощение дал Суворин.

Товарищество «Крылья» открылось 21 апреля 1910 года в квартире 42 дома 12 по Большой Морской. Это знаменательное событие привлекло к себе большое внимание прессы, авиаторов и ряда правительственных ведомств^{251}, одно из которых — Министерство внутренних дел — проявило особенный интерес к деятельности этого общества. МВД сделало запрос в Департамент полиции с просьбой проверить по своим картотекам благонадежность членов общества «Крылья» — француза Людовика Арно, русских Михаила Ефимова, Бориса Суворина и Константина Вейгелина, и «англичанина Сиднея Райллэ»^{252}.

Проведя тщательную проверку, Департамент полиции сообщил в МВД, что запрашиваемые лица по их картотеке не проходят. Это говорит о том, что у русской полиции к этому времени не было никаких компрометирующих материалов на Рейли, более того, ей даже в голову не пришло сопоставить его с находившимся в розыске Зигмундом Розенблюмом. Столь пристальное внимание тайной полиции к этим персонам, скорее всего, объясняется тем, что русское правительство проявило особый интерес к развитию авиации в военных целях. Всего за несколько месяцев до этого Николай II объявил о создании Императорской Российской воздухоплавательной службы под командованием великого князя Александра Михайловича.^{253}.

СПРАВКА

по Регистраціонному Отдѣлу *ms*

23

Д-ство 4.9.21	По какимъ Дѣлопроизводствамъ и за какіе годы ТРЕБУЕТСЯ ОПРАВКА:	Р.О. № <i>19573</i>	
К. № <u>21948</u> 3			
ФАМИЛІЯ.	<i>Райли Э</i>		
Имя и отчество	<i>Сидней</i> Безъ отчества		
ЗВАНІЕ.	<i>Шейхведитанскій подданный.</i>		
Д-ства.	№ № дѣлъ.	№№ входящихъ бумагъ.	Особ. отмѣтка.
1			
2			
3			
4	Въ центральномъ алфавитѣ свидѣній о <i>Сидней Райли Э</i>		
5		не имѣется.	

Проверка членов общества «Крылья» Департаментом полиции не дала никаких результатов

По предложению Суворина, торжественное открытие «Крыльев» было поручено известному русскому авиатору Николаю Евграфовичу Попову, а «Новое время» имело исключительные права на освещение этого события. «Крылья» были первой компанией, которая приобрела право на продажу иностранных аэропланов в России. Интерес Рейли к авиации возник, по-видимому, во время демонстрации Уилбуром Райтом своего летательного аппарата во время проведения

авиационных соревнований в Унодьер, Ле-ман, во Франции в августе 1908 года. К этому времени братья Райт пришли к выводу, что им гораздо выгоднее демонстрировать свои аэропланы на публике, нежели продолжать держать их в секрете. Из европейской прессы того времени видно, что общество с недоверием относилось к летательным аппаратам братьев Райт из-за их сомнительной репутации. Ситуация кардинально изменилась после того, как Уилбур Райт приехал во Францию за три месяца до начала соревнований в Ле-ман и начал усиленно рекламировать достоинства своего летательного аппарата модели 1905 года. Этот аппарат мог летать со скоростью 25 миль в час, в то время как Анри Фарман с трудом «выжимал» на своей машине одну милю.

Рейли находился в густой толпе зрителей, собравшихся в Унодьере 8 августа, чтобы увидеть собственными глазами, как Уилбур Райт поднимет в воздух свой аэроплан. Скептицизм толпы быстро улетучился, когда присутствующие увидели, как аэроплан поднялся на высоту 30 футов, сделал три разворота и плавно приземлился в пятидесяти метрах от взлетного места. Луи Блерио, также присутствовавший среди зрителей, в своем интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк геральд» сказал: «Для нас во Франции и в других частях света это событие знаменует начало новой эпохи механических полетов... Мое мнение можно выразить двумя словами: это восхитительно!»

На следующий год новая эпоха докатилась до Германии, с прибытием Орвилла Райта, приехавшего в Берлин для демонстрации своих летательных аппаратов. Некоторое время спустя у Рейли состоялась с ним встреча, во время которой он выяснил, что компания братьев Райт намеревалась покончить с публичной демонстрацией своих машин и перейти к их коммерческому использованию. Когда на следующий год они основали свою компанию «Братья Райт», Рейли, наделенный большой проницательностью, заключил с ней соглашение, по которому он приобретал исключительное право продавать их продукцию на территории Российской империи. Незадолго до этого Рейли подписал аналогичное соглашение с компанией «Фарман».

Главной целью общества «Крылья» было, по словам Бориса Суворина, «способствовать развитию воздухоплавания и авиации в России». Однако к организации перелета Петербург — Москва,

являвшегося скорее соревнованием в мастерстве, нежели в скорости, оно не имело никакого отношения.

На самом деле «праздник воздухоплавания» был организован Императорским Всероссийским аэроклубом и Московским обществом воздухоплавания. Ни в одном документе мы не находим подтверждения тому, что «Крылья» или Рейли вложили в это мероприятие свои средства. Финансовые затраты на перелет Петербург — Москва составили в общей сложности 107,5 тысяч рублей, из которых 100 тысяч пошло из российской казны, а оставшаяся сумма была пожертвована Императорским Всероссийским аэроклубом, Московским обществом воздухоплавания, Московской городской думой, Рижским отделением ИВАК, Императорским Российским автомобильным обществом и Русским охотничьим клубом. Нефтяная компания Нобеля и нефтяная компания «Вакуум» также вложили в мероприятие продукцию своего производства^{254}. Локкарт прав, утверждая, что соревнования выиграл авиатор Васильев, хотя маловероятно, что Рейли встречал его в Москве. Приземлившись на московском аэродроме, Васильев публично обвинил организаторов «праздника воздухоплавания» в некомпетентности. Императорский Всероссийский аэроклуб в ответ бойкотировал торжественное празднование победителя, которое в конечном счете было вообще отменено^{255}. Рейли, правда, можно справедливо поставить в заслугу то, что он основал первый в Петербурге аэродром^{256}. По словам Владимира Крымова, этот факт был лишним подтверждением того, что Рейли знал то, чего не знали другие. Он узнал, что со времен Петра Великого коменданту Петербурга принадлежит право пользования большим земельным участком, называвшимся «Комендантское поле». Фактически коменданты никогда этой землей не пользовались. Рейли также узнал, что этот участок земли арендовала старая англичанка, которая платила ничтожную сумму годовой аренды и пересдавала участки огородникам. Рейли узнал ее адрес и договорился о встрече. Он «очаровал ее своей любезностью и прекрасным английским языком и получил от нее право на сдачу всего этого поля под аэродром»^{257}.

Алексея Суворина убедили вложить деньги в предприятие по строительству аэродрома, и уже буквально через несколько дней после того, как строители построили последний ангар, «Крылья» объявили о проведении авиационной недели в Петербурге, которая и прошла с 25

апреля по 2 мая 1910 года^{258}. На это соревнование приехали авиаторы из Франции, Бельгии, Швейцарии и Голландии и, конечно же, из России. Участники получали призы за высоту и продолжительность полета. Русские энергично болели за авиатора Попова, пришедшего вторым и набравшего наибольшую высоту^{259}. Однако главная цель этого мероприятия была, разумеется, коммерческая — выставка и продажа аэропланов, в чем «Крылья» значительно преуспели.

В мае 1911 года состоялась вторая авиационная неделя, в которой Рейли участвовал в качестве авиатора. Крымов с горечью отмечает, что, несмотря на то что аэродром приносил доход, в результате коммерческих операций Рейли «старик Суворин потерял больше ста тысяч рублей» и ему, Крымову, «по его поручению пришлось оплачивать векселя, а Рейли получал директорское жалованье от общества «Крылья»^{260}. Испытывая фортуна, которую принес ему зарождающийся век авиации, Рейли также не упускал возможности нажиться на все больше набравшей оборот гонке вооружений между великими державами в военно-морской сфере. «Выбивание» военно-морских контрактов для компании «Блом унд Фосс» было отнюдь не пределом коммерческих способностей Рейли. Константинополь, столица Оттоманской империи, южного соседа России, представлял собой хорошо налаженный рынок сбыта немецкого оружия. Рейли был хорошо знаком с этим городом. Не случайно десять лет спустя, будучи на нелегальном положении в России, Рейли будет выдавать себя за турецкого купца Константина.

Несмотря на то что Германия не сомневалась в окончательном распаде Оттоманской империи, союз со слабеющей державой рассматривался Берлином как возможность для продвижения на восток. Султан Абдул Хамид также искал союза с могущественной европейской державой, которая могла бы надежно защитить его страну от России — исторического врага Турции, после того как султан рассорился с Англией по вопросу контроля над Египтом. На протяжении десяти лет до начала Первой мировой войны турки возлагали надежду на то, что Германия поможет им создать армию и флот XX века. Однако конкуренция на заказы была настолько жестокой, что успехи компании «Блом унд Фосс» на поприще военно-морских контрактов были крайне скромны. С мая 1904 года их

представителем в Константинополе был некий Вальтер Бергхаус^{261}. С момента объявления турками о начале программы реконструкции своего военно-морского флота и вплоть до марта 1909 года Бергхаус не заключил ни одной удачной сделки.

7 декабря 1909 года Бергхаус обратился в «Блом унд Фосс» с вопросом о статусе некоего «герра Рейли», который прибыл в Константинополь, представляясь агентом компании «Блом унд Фосс»^{262}. Рейли имел хорошие связи в оттоманской столице, где, кстати, имели свои представительства и хорошие связи в турецком правительстве такие фирмы, как «Гинсбург и К^о» и «Восточно-Азиатская компания». Можно только догадываться о том, что произошло в последующие три месяца, так как переписка между Бергхаусом и компанией «Блом унд Фосс» практически не сохранилась. Известно, однако, что 9 февраля 1910 года «Блом унд Фосс» уволила Бергхауса, заподозрив его в передаче компрометирующей информации конкурентам^{263}. Главным источником этих обвинений послужила информация, полученная ими от «герра Р.».

Избавившись от Бергхауса, Рейли начал вести переговоры с турецким правительством, и уже 14 февраля высшее руководство турецкого военно-морского флота приняло решение послать делегацию в Германию для завершения переговоров и подписания контракта на покупку одного линейного корабля и одного плавучего дока у фирмы «Блом унд Фосс»^{264}. Рейли взял комиссионные себе, оставив тем самым Бергхауса «за бортом». В немецких и турецких архивах сохранились свидетельства о дальнейшем пребывании Рейли в Константинополе, однако они свидетельствуют о том, что его успех был кратковременным. Это подтверждает и тот факт, что 6 сентября 1911 года «Блом унд Фосс» вновь назначила Бергауса своим представителем в Оттоманской империи^{265}. По словам Владимира Крымова, финансовые дела Рейли до Первой мировой войны шли довольно плохо^{266}. Всю свою жизнь Рейли тратил деньги так же быстро, как и зарабатывал. Осенью 1911 года Рейли, находясь в стесненных обстоятельствах, даже вынужден был снимать квартиру вместе с неким Эдуардом Федоровичем Гофманом. Некоторое время спустя Гофман был найден мертвым с револьвером в руке и

простреленной головой^{267}. При проведении полицейского расследования выяснилось, что некоторое время тому назад у одного из сотрудников «Восточно-Азиатской компании» пропала большая сумма денег, которую, очевидно, присвоил Гофман, сам работавший в этой компании. В квартире самоубийцы полиция обнаружила предсмертную записку, в которой говорилось, что Гофман решил покончить с собой после того, как проиграл деньги в карты. Однако Гофман не пользовался репутацией азартного игрока, и полиции не удалось обнаружить свидетельств того, что он посещал игорные дома в Петербурге. Рейли также утверждал, что ему ничего не было известно о том, что его сосед по квартире увлекается азартными играми. Полиции так и не удалось разгадать тайну смерти Гофмана и найти присвоенные им деньги. Если Рейли и был каким-то образом замешан в смерти Гофмана или исчезновении денег, то ему, как и неоднократно до этого, удалось выйти сухим из воды и на этот раз.

Если, по словам Владимира Крымова, Рейли находился на мели, то, как всегда, причиной этому была привычка к роскоши, от которой он не хотел отказываться. Когда у Рейли было плохо с деньгами, то он отказывался от поездок в Европу, где был частым постояльцем таких отелей, как лондонский «Сесиль», парижский «Гранд-отель» и «Бристоль» в Берлине и Вене^{268}. Находясь в стесненных обстоятельствах, он также не мог позволить себе посещать такие дорогие петербургские заведения, как ресторан «Вена» на улице Гоголя или кафе «Париж» на Большой Морской, 16, в двух шагах от главной конторы «Восточно-Азиатской компании». Кафе «Париж»^{269} было более известно по имени его владельца, Кюба. Это был шикарный ресторан, специализировавшийся на французской кухне, который посещали главным образом представители высших аристократических кругов. По воспоминаниям художника Милашевского, «все официанты были бывшие гвардейцы, поэтому никогда не могли спутать «его сиятельство» с «его высокопревосходительством». Хозяин кафе «Париж» был первым, кто установил у себя светящуюся вывеску, каждая буква которой светилась электрическим светом. «Пусть твое имя будет сиять навеки», — шуточно говаривали завсегдатаи ресторана Кюба.

Помимо кафе «Париж», Рейли также часто посещал Английский клуб на Дворцовой набережной, 16, где за игрой в карты собиралась

аристократическая публика. Картежные игры пользовались особой популярностью в первом десятилетии XX века, без них не мыслился ни один столичный клуб. Английский клуб был одним из самых старых в Петербурге. Основанный в 1770 году англичанами, к концу XIX века он был абсолютно русским заведением. Рейли, сам картежник, выигрывал редко. Однако клуб был идеальным местом, где можно было завести знакомства с влиятельными людьми Петербурга.

Медицинские расходы были еще одним бременем, которые вынужден был нести Рейли. Как мы увидим в дальнейшем, существует большая вероятность того, что Рейли на протяжении всей своей жизни страдал слабой формой эпилепсии, известной в медицине под названием «пти маль». Эта болезнь, как правило, сопровождается мигренями, которыми Рейли часто мучился. Также известно, что со 2 по 6 марта 1911 года Рейли находился в санатории доктора Вайнера в Вене, однако документы о том, от чего он там лечился, не сохранились.

Хотя Рейли и говорил окружающим о том, что он родился от смешанного брака ирландца и русской, он никогда открыто не появлялся в кругах «английской колонии» Петербурга. К началу XX века в Петербурге проживало около четырех тысяч английских подданных, большая часть которых селилась, как правило, на Васильевском острове или в промышленных районах города. Многие англичане жили в России целыми поколениями, но не стремились принимать русское подданство, отсылая своих беременных жен рожать к себе на родину, в Англию. Именно этой общиной в 1905 году и был основан Новый английский клуб^{270}. В отличие от Английского клуба, это было исключительно английское заведение, члены которого пили шотландское виски, английское пиво, играли в футбол, крикет, гольф или бильярд и устраивали застолья в день национальных английских праздников.

Среди 400 членов клуба были его председатель Эрнст Дюррент и его племянник Альфред Хилл, поступивший на службу в британскую разведку во время Первой мировой войны^{271}. Двоюродный брат Альфреда, Джордж Хилл, также в будущем офицер английской разведки, был связан с Рейли в первые месяцы после Октябрьской революции 1917 года. По воспоминаниям еще одного члена клуба, секретаря английского посольства в Петербурге Сесилия Мэки, «в какой-то момент у нас возникли некоторые сомнения относительно его

английского происхождения, однако мы не стали углубляться в этот вопрос»^{272}. Только война предоставит возможность Рейли заработать денег больше, чем он был в состоянии истратить. Пока же этот «великий махинатор» зарабатывал свой нелегкий хлеб на ниве военно-морских контрактов. Письмо Рейли Курту Орбановскому от 25 апреля 1912 года дает возможность понять отношения Рейли с другими конкурентами. Основная цель этого письма была, по-видимому, в том, чтобы объяснить Орбановскому, почему компания «Блом унд Фосс» не прошла объявленный Морским министерством конкурс судостроительных проектов.

«Многоуважаемый г-н Орбановский!

Вчера вечером я изучил бумаги судоремонтного завода, на основании которых пришел к выводу, что отклонение нашего проекта и принятие предложений русских или англичан произошло главным образом по техническим причинам.

Мне трудно судить о том, насколько главный управляющий К., имея в своем распоряжении только технические доводы, может оспорить fait accompli^{273}. Единственным спорным моментом здесь является то, что в проекте Н.^{274} был указан неверный вес — 15310 вместо 15910 тонн — таким образом, разница между двумя проектами не столько велика. У меня нет никаких сомнений, что мошенничество здесь произошло именно из-за стоимости проекта — Р.С.О., по-видимому, был хорошо осведомлен об общей стоимости проекта Н., однако это невозможно доказать. Конечная стоимость проекта Р. С. О. составляет 4800000 рублей (до этого она была 4960000). Конечная стоимость проекта Н. — 4930500 рублей (по сравнению со сметной стоимостью 5175000 рублей). Окончательная стоимость проекта Н. — 4709000 рублей — вообще никак не была упомянута.

Граф^{275} сообщил мне вчера, что главный управляющий К. еще тешит себя надеждой (полагаю, вследствие вчерашнего обсуждения этих вопросов с Георгом), что решение все же может быть принято в его пользу. Однако последние сведения, которыми я располагаю, дают мне основания полагать, что этим надеждам вряд ли суждено сбыться.

Инженер из технического комитета, который будет наблюдать за строительством верфи, уже отплыл в Англию, а все расходы, связанные с его командировкой, оплачены Р.С.О. Как сообщил мне вчера мой друг Григорович, который сейчас находится на юге вместе с Георгом, скорость, с которой Р.С.О. ведет работы по строительству верфи, превосходит всяческие ожидания. Георг убежден, что все заказы, которые сделал Р.С.О, будут изготовлены вовремя, и в связи с этим послал С.М. восторженную телеграмму. Напротив, касательно ситуации с Н. Георг находит ее чрезвычайно плачевной. Мне также сказали, что дни проф. Б. из межведомственной комиссии сочтены, так как он поддерживает проект Николаева.

По всеобщему мнению, проект строительства gr. Kr. {276} будет осуществляться в соответствии с планами Адмиралтейства. Мне настоятельно советовали, чтобы Вы и Биш как можно чаще сносились с Георгом и держали его постоянно в курсе всех дел, имеющих отношение к Путту, и предложений. Георг проявляет в этом чрезвычайную заинтересованность, и очень важно, чтобы его интерес не угас и чтобы информация о нас шла бы непосредственно от Вас или Биша, а не от П. или Б. Мне также сообщили (однако это должно остаться между нами), что Яхимович не расположен к Георгу и что в наших собственных интересах мы не должны командировать его туда. Вы знаете, насколько я ценю отношения с нашим общим другом, но я считаю своим долгом сообщить Вам об этом. У меня большие сомнения в том, что Германия получила подряд на строительство большого крейсера, по причинам национального и политического характера. Что же касается планов строительства kl. Kr. {277}, то здесь вряд ли будут рассматриваться какие-либо другие кандидатуры, кроме Б. и В.

Из этого следует, что программа будет принята в Думе в самом начале мая, и на нее, несомненно, будут ассигнованы средства. Серьезная работа начнется сразу же после Пасхи, а контракты будут распределены в конце июля. В предстоящие праздники я намереваюсь встретиться со своими друзьями и обсудить с ними целый ряд интересных Вам вопросов. Желаю хорошо провести праздники.

Всегда преданный Вам Сидней Дж. Рейли» {278}.

На самом деле письмо Рейли является еще одним ярким примером его жизненного принципа «разделяй и властвуй». Он не только пытается убедить Орбановского в несостоятельности мнения графа Лубенского и его способности добиться одобрения своего проекта русскими чиновниками, но также исподтишка пытается посеять вражду в отношениях между Орбановским и своим «дорогим другом» Яхимовичем, непосредственным начальником Лубенского. По иронии, Рейли первым посетовал Орбановскому на то, что «Блом унд Фосс» пала жертвой интриг и мошенничества, однако сам Рейли был далеко не невинным агнцем, когда дело касалось предложений конкурентов. В сентябре этого же года представитель английской судостроительной компании «Армстронг» сэр Чарльз Оттли приехал в Петербург с намерением прозондировать почву для заключения контракта^{279}. Вначале Армстронги не проявляли особого интереса к этому проекту, однако в конечном счете поддались уговорам Алексея Раштедта, которого они сделали своим представителем в России. Алексей Раштедт не был новичком в судостроительном деле и в течение нескольких лет поставлял Рейли конфиденциальную информацию. Когда же Армстронги наконец решились в последнюю минуту подать свою заявку, то это вызвало конфликт между ними и компанией «Виккерс», который был подхвачен петербургскими газетами. Когда же Морское министерство объявило итоги конкурса, отсутствие в списке подрядчиков компании «Армстронг» породило подозрения, что условия их предложения были сообщены кому-то из их конкурентов.

Безжалостный и не знающий никаких угрызений совести представитель компании «Виккерс» в России Бэзил Захаров был самым крупным торговцем оружия в начале XX века, поэтому неудивительно, что впоследствии его имя часто связывали с Рейли. В телевизионном многосерийном фильме «Король шпионов»^{280} английского режиссера Троя Кеннеди-Мартина Захаров является одним из центральных персонажей, несмотря на отсутствие фактов, подтверждающих какую бы то ни было связь между ним и Рейли.

№ 1292
28 НОЯБРЯ 1917 г.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЕСЬМА
СЕКРЕТЪ

3

*Не должно было касаться
наблюдения. Если не было
протокола*

M

По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ агентурнаго источника, великобританскій подданный Сидней Георгіевичъ РАЙЛЭ, 36 лѣтъ, проживающій по Ново-Исаакіевской улицѣ въ д. № 22 кв. 5, поддерживаетъ сношеніе съ лицами, причастными къ дѣлу военнаго шпионства.

Въ виду изложеннаго, за названцемъ РАЙЛЭ было установлено негласное наблюденіе, коимъ выяснено, что онъ ранѣе проживалъ въ Портъ-Артурѣ, а въ настоящее время, перѣхавъ на жительство въ г. С.Петербургъ, служитъ въ какомъ-то парходномъ обществѣ и отправляетъ товары на Дальній Востокъ. Кромѣ того онъ служитъ директоромъ общества „Крылья“ и ежедневно ѣздитъ на аэродромъ. РАЙЛЭ женатъ, но живетъ одинъ и занимаетъ квартиру, за которую платитъ 2000 рублей. Дома онъ бѣдаетъ мало, обѣдаетъ и завтракаетъ въ ресторанѣ „Вѣна“. Изъ заграницы онъ получаетъ письма отъ двухъ однихъ и тѣхъ же лицъ, одно изъ коихъ является, якобы, его невѣстой, дочерью русскаго генерала, проживающей заграницей.

Посѣщаютъ его обыкновенно одни и тѣже лица, а именно: ежедневно по утрамъ приходятъ его секретарь КОЛИНЪ, нѣкто БАЙКОВЪ и студентъ. Адамъ Андреевичъ. Кромѣ того иногда его посѣщаютъ нѣкіе ГОФМАНЪ и ШИТЪ.

28 сентября утромъ БАЙКОВЪ пришелъ къ РАЙЛЭ вмѣстѣ съ

Донесение агентов контрразведывательнаго отделения с резолюцией ген. Монкевица

Ричард Дикон, выдвинувший предположение, что Рейли был агентом охраны, полагает, что «русская тайная полиция поставила перед Сиднеем Рейли задачу собрать сведения на пресловутого Бэзила Захарова, международного торговца оружием»^{281}. Однако ни документы заграничной охраны, хранящиеся в Гуверовском институте в Калифорнии, ни документы Департамента полиции в Государственном архиве Российской Федерации не подтверждают этой

гипотезы, равно как и то, что эти два человека когда-либо были связаны друг с другом.

Неудивительно, что многие, с кем Рейли имел дело в Петербурге, часто относились к нему с подозрением.

Одни считали его английским шпионом, другие полагали, что он является немецким агентом. В ноябре 1911 года Суворины решили навести справки о Рейли и его деятельности. Борис Суворин попросил своего сотрудника, журналиста «Нового времени» Ивана Манасевича-Мануилова, через Степана Белецкого проверить Рейли по картотеке Департамента полиции. Белецкий, в свою очередь, передал расследование главе русской контрразведки генералу Николаю Монкевицу^[20]. За Рейли установили пристальное наблюдение, а его почта подвергалась перлюстрации. Однако, как и в предыдущие годы, это расследование не принесло никаких результатов, и Монкевиц снял наружное наблюдение, приказав закрыть дело.^{282}.

По иронии судьбы, Манасевич-Мануилов сам был агентом охранки и доносил на Бориса Суворина и его сотрудников в Департамент полиции.^{283}. Приближение Первой мировой войны лишь усилило волну шпиономании, и Манасевич-Мануилов стал заниматься составлением списков подозреваемых в немецком шпионаже. Растущая политическая напряженность между Россией и Германией свела на нет их военно-морское сотрудничество. К счастью для Рейли, тучи войны обошли его стороной. Более того, они прошли по нему золотым ливнем.

Глава 6. Лакомый пирог

Пока Рейли и Надежда Массино нежились под солнцем французской Ривьеры в курортном городке Сан-Рафаэль^{284}, 28 июня 1914 года в Сараево боснийский серб Гаврило Принцип выстрелом из револьвера убил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, а уже через полтора месяца после этого события великие державы оказались перед лицом мировой войны. 5 июля Германия заявила о своей поддержке Австрии, которая, в свою очередь поставила Сербии заведомо невыполнимый ультиматум. Пока великие державы выясняли друг с другом отношения, Рейли прервал свой отпуск и спешно выехал в Петербург, оставив Надежду одну продолжать свой отдых на французском курорте.

По прибытии в столицу Рейли узнал, что Россия приняла решение начать военные действия против Австрии в случае, если та нападет на Сербию. 28 июля Австрия объявила войну Сербии, и император Николай II отдал приказ о мобилизации войск. 1 августа 1914 года Германия объявила войну России, но Россия плохо подготовилась к войне. Однако война, обернувшаяся катастрофой для России и Николая II, сделала Рейли не только миллионером, но и вписала его имя в мировую историю.

С началом военных действий целая армия посредников ринулась добывать для русской армии вооружение, которое ей нужно было в огромных количествах. Всего через несколько дней после объявления войны Главное артиллерийское управление, а также один из директоров «Русско-Азиатского банка», Абрам Животовский, поручили Рейли приобретение вооружения для армии^{285}. Незадолго до своего отъезда в Токио в начале августа 1914 г. Рейли написал письма Маргарет и Надежде^{286}. Это было единственное письмо, которое Маргарет получила от Рейли за все время войны. Оказавшись в Токио, Рейли встретился с представителями японской пороховой компании «Абоши» Такой Кавада и Тодоа Камия и заключил с ними выгодную сделку на поставку пороха в Россию^{287} при посредничестве своего агента в Японии Уильяма Гилла.

Пока Рейли находился в Токио, Сэмюэль Воклен, вице-президент филаделфийской паровозной компании «Болдуин», приехал в Петербург с целью заключить контракты на поставку узкоколейных локомотивов и военного снаряжения^{288}. Хотя Рейли в это время не было в России, Воклен обнаружил, что его главным соперником в военных контрактах был Рейли. Ему также стало ясно, что Рейли обладал обширными связями в политических кругах, в числе которых был двоюродный дядя императора, великий князь Александр Михайлович, с которым Рейли познакомился через Моисея Гинсбурга во время русско-японской войны. Великий князь показал Воклену телеграмму от Рейли, посланную из его лондонской конторы, в которой Рейли существенно снизил сумму своих комиссионных^{289}. Тем не менее Воклену удалось выиграть контракт на поставку в Россию 100000 винтовок фирмы «Ремингтон», переделанных под русские патроны. Незадолго до этого Воклен проницательно переоборудовал свой работающий на две трети от своей мощности завод в Эддистоуне, Пенсильвания, под производство вооружения и военного снаряжения.

До самого конца войны США производили более двух третей вооружения и боеприпасов для русской армии. Американская промышленность, равно как и дельцы типа Рейли, не могла себе позволить упустить этот соблазнительный шанс. Заключив пороховой контракт в Токио, Рейли заказал билеты на пароход «Персия», 29 декабря 1914 года отплывавший из Иокогамы в Сан-Франциско, куда он и прибыл 13 января 1915 года^{290}. По прибытии в Америку Рейли заявил американским иммиграционным властям, что он английский коммерсант сорока одного года и родился в ирландском городе Клонмель. Далее он сообщил о себе, что его путешествие в Америку началось из Петербурга, что это его первый визит в Соединенные Штаты и что конечным пунктом его путешествия является Нью-Йорк, что действительно было указано в билете, который он предъявил^{291}. За исключением места рождения, вся остальная информация, сообщенная им, была правдой. Из Сан-Франциско Рейли далее последовал на поезде в Нью-Йорк, где он занял квартиру в доме по 76-й Вест-стрит, 260^{292}. Благодаря своим связям в «Русско-Азиатском банке», Рейли познакомился с Хойтом Муром, адвокатом, специализирующимся по экспортно-импортным операциям. Мур не

только дал своему новому знакомому ценные советы, но и порекомендовал ему тридцатилетнего Дейла Аптона Томаса, которого Рейли взял себе в качестве делопроизводителя. Нью-Йоркская адвокатская контора «Хершфилд и Вулф», располагавшаяся в доме 115 по Бродвею и также рекомендованная Муром, стала представлять интересы Рейли. А всего в нескольких минутах ходьбы от этого места, по адресу Бродвей, 120, располагалось внушительное здание «Эквитабл билдинг», с арочным подъездом и отделанным мрамором вестибюлем, которое Рейли выбрал в качестве своего нью-йоркского офиса. Он поселился в апартаментах под номером 2722 на верхних этажах здания, окна которых выходили на финансовый район Манхэттена. Именно в этом здании Рейли и Томас будут вести свой бизнес в течение последующих трех лет^{293}. Американская страховая компания «Эквитабл» имела прочные связи в России^{294}, а ее бродвейский офис предоставлял помещение многим русским, приехавшим в Америку для заключения военных контрактов. Хойт Мур также свел Рейли с Сэмюэлем Мак-Робертсом, вице-президентом «Нешнл сити бэнк», который также жаждал получить свой кусок лакомого пирога, который сулила ему война в Европе. Со своей стороны он способствовал назначению Рейли на пост управляющего фирмы «Эллид машинери компани», ее главная контора также располагалась в этом же здании^{295}. Предполагалось, что эта фирма будет служить Рейли прикрытием, хотя на самом деле компания была учреждена еще в 1911 году. Будучи избран в совет директоров компании, Мак-Робертс смог ввести Рейли в состав ее членов. Документы компании свидетельствуют, что Рейли никогда не был ни акционером, ни директором фирмы, а просто сотрудником, хотя и старшим^{296}. В уставных документах компании было записано, что она занимается «производством, покупкой, продажей, экспортом, арендой, сдачей внаем, инвестициями, торговлей, заключением договоров и другими формами приобретения и сбыта оборудования, станков и агрегатов, запасными частями и товарами любого типа и характеристик». Другими словами, устав компании был предельно широким и позволял ей заниматься бизнесом на новом рынке вооружений.

Рейли использовал свой исключительный организационный талант в полную силу и завел знакомства со многими деловыми

людьми Нью-Йорка. Эти зачастую не слишком близкие связи позже послужили основанием обвинить Рейли в том, к чему он не имел никакого отношения, например, в соперничестве с американским финансовым магнатом, англофилом Дж. Пьерпонт Морганом.

Морган, чье имя сегодня знают преимущественно в связи с компанией «Уайт стар» (он был ее владельцем) и печально известным «Титаником», был одним из главных игроков на рынке оружия в США. Его стремление монополизировать торговлю оружием и выступить единственным поставщиком Антанты оттолкнуло от него многочисленных дельцов, подобных Рейли, которые интуитивно понимали, что будут вытеснены с рынка вооружений в случае успеха Моргана.

К моменту приезда Рейли в Нью-Йорк Морган подписал соглашение с Британским коммерческим агентством, по которому он становился монополистом в области продажи оружия на всей территории США. Амбиции Моргана зашли настолько далеко, что он даже предложил России кредит в размере 12 миллионов долларов при условии, что российское правительство признает его компанию единственным монопольным и полномочным агентом по продаже вооружений России^{297}.

3 февраля 1915 года на пороховом заводе «Дюпон» под Такомой, штат Вашингтон, раздался взрыв чудовищной силы. Местная газета «Такома дейли ньюс» так описала это происшествие:

«Страшный грохот, раздавшийся сегодня в 9.30 утра на пороховом заводе компании «Дюпон» в местечке Дюпон под Такомой, был слышен за много миль от этого места. Взрыв, полностью разрушивший заводское здание, унес жизнь тридцатипятилетнего Генри Уилсона и нанес тяжелые увечья Гарри Уэсту. Поскольку Уилсон и Уэст были единственными работниками, находившимися на территории завода в момент происшествия, руководство компании затрудняется назвать причину взрыва, снесшего крышу здания и разнесшего его стены на мелкие куски, разбросав их в радиусе 200 футов. В здании находился цех по прессованию пороха в брикеты. Тело Уилсона было найдено в пятидесяти футах от здания, а Уэста взрывная волна отбросила на целых 150 футов»^{298}.

Ричард Спенс выдвинул теорию, согласно которой к этому взрыву был причастен Рейли, поскольку компания «Дюпон» согласилась вести

дела с Морганом, а не с Рейли^{299}. По версии Спенса, взрыв был произведен по инструкциям Рейли германским диверсантом Куртом Янке. Основанием для подобного предположения якобы послужило признание Янке своему руководству в том, что он был главным исполнителем этого взрыва. Наиболее вероятным нам кажется то, что это был просто несчастный случай, а Янке пытался приписать себе то, к чему не имел никакого отношения. На сегодняшний день официальную версию, утверждающую, что взрыв произошел в результате несчастного случая, так никто и не опровергнул. По воспоминаниям бывших работников компании «Дюпон», взрывы на заводе не были чем-то из ряда вон выходящим. Они случались нечасто, однако если и происходили, то в большинстве своем были результатом несчастного случая.

Более того, к тому времени, когда произошел взрыв, Рейли находился в Америке менее трех недель. Представляется невероятным, чтобы за столь короткий промежуток времени он успел провести переговоры с компанией «Дюпон», получить отказ, а затем организовать и осуществить взрыв — и все это за какие-то девятнадцать дней. Другими словами, сегодня не существует веских доказательств того, что Рейли был как-то связан с Янке или причастен к этому трагическому инциденту.

С момента своего отъезда из Сан-Рафаэля в июле 1914 года Рейли и Надежда часто переписывались друг с другом. Развод Надин был уже практически делом решенным, что означало, что они могут заключить брак. При том, что Надежда была влюблена в Рейли, а он Отвечал ей взаимностью, жениться на ней он, похоже, не собирался. Хотя в своих письмах к Надежде Рейли постоянно обещал организовать ее приезд в Америку, как только он прибудет в Нью-Йорк, у нее были основания сомневаться в его искренности. На протяжении трех лет их отношений Надежда оставалась замужем, ожидая развода. Когда же Надежда в 1914 году наконец получила развод, Рейли не спешил делать ей предложение, предпочитая держать ее при себе в качестве любовницы. Если бы это было не так и у Рейли были действительно серьезные намерения относительно Надин, то она вряд ли задумала бы и осуществила свой поистине макиавеллиевский план.

За свой счет она купила билет в Гавре на имя Надин Залесской на пароход до Нью-Йорка. Когда лайнер уже приближался к берегам

Нью-Йорка, она дала Рейли телеграмму, уведомлявшую его о своем приезде с тем, чтобы он смог встретить ее в порту. Одновременно она дала телеграмму в нью-йоркскую полицию, в которой говорилось, что Рейли пытается ввезти в США женщину с неблаговидными целями, что считалось уголовным преступлением по «акту Манна»^{300}.

Когда 15 февраля^{301} лайнер бросил якорь у берегов Нью-Йорка, Надежду встречали Рейли и... нью-йоркская полиция! Полицейские арестовали Рейли, несмотря на его утверждения, что Надежда является его невестой. Они заявили ему, что единственным выходом для него избежать ареста и суда будет немедленно жениться на ней. Поскольку он уже ранее обещал на ней жениться, а она настаивала на том, что именно с этой целью и приехала в Америку, Рейли было некуда деваться.

По православному календарю это были дни Великого поста, и по церковным обычаям обряд венчания не совершается. Поэтому Рейли пришлось обратиться с прошением к главе русской православной церкви в Америке митрополиту Платону с тем, чтобы тот в виде исключения разрешил венчание^{302}. К счастью для Надин, Платон дал такое разрешение, и венчание состоялось на следующей день в соборе Св. Николая в Манхэттене^{303}. Надин сделала запись в регистрационной книге, что ей двадцать семь лет, ее родителями являются «Пьер и Барбара Массино», проживающие в отеле «Ритц Карлтон» на 63-й Ист-стрит, 313. На самом деле ей было двадцать девять лет. Рейли же сделал запись, что ему сорок один год, что он холост, а его родителями являются Джордж и Полина Рейли из ирландского города Клонмеля. В графе «место проживания» он указал несуществующий адрес — Риверсайд-драйв, 260. На венчании в качестве свидетеля присутствовал представитель русского консульства Петр Руцкий.

По версии Дж. Л. Оуэна^{304}, чета Рейли выехала из Нью-Йорка сразу же после свадебной церемонии и направилась в Петроград. Дата возвращения в Петроград, возможно, может показаться случайной. Однако для нас она имеет большое значение, поскольку Оуэн утверждает, что, возвращаясь обратно в Нью-Йорк, супруги Рейли плыли на одном пароходе вместе с известным немецким шпионом.

THE CITY OF NEW YORK
DEPARTMENT OF HEALTH.

STATE OF NEW YORK. **4404** No. of Certificate
CERTIFICATE AND RECORD OF MARRIAGE 4199

OF
Sidney L. Reilly and Nadine Zalesky

Groom's Residence	<u>260 Riverside Drive</u>	Bride's Residence	<u>Ritz Carlton Hotel</u>
Age	<u>41</u>	Age	<u>27</u>
Color	<u>W</u>	Color	<u>W</u>
Single, Widowed or Divorced	<u>Single</u>	Single, Widowed or Divorced	<u>Divorced</u>
Occupation	<u>Merchant</u>	Men Name, a Widow	<u>Massimo</u>
Birthplace	<u>R. Ireland</u>	Birthplace	<u>Russia - Poltava</u>
Father's Name	<u>George</u>	Father's Name	<u>Col. Pierce Massimo</u>
Mother's Maiden Name	<u>Pauline Atton</u>	Mother's Maiden Name	<u>Barbara Brodsky</u>
Number of Groom's Marriage	<u>First</u>	Number of Bride's Marriage	<u>Second</u>

I hereby certify that the above-named groom and bride were joined in Marriage by me, in accordance with the Laws of the State of New York, at St. Nicholas' Cathedral (Greek Church), in the Borough of Manhattan, City of New York, this 16 of February 1915

Signature of person performing the Ceremony: Rev. Peter Kobanik
Official Station: Asst. Dean
Residence: 15 E. 97 St. N.Y.

Witnesses to the Marriage: Peter de Roystok
William de Roystok

Женитьба Рейли на Надин 16 февраля 1915 года была едва ли не единственной возможностью избежать ареста нью-йоркской полицией

Франц фон Ринтелен был послан германской разведкой в Америку для организации серии диверсий и террористических актов, имевших целью перекрыть каналы поставки вооружений Антанте. Фон Ринтелен прибыл в Нью-Йорк 3 апреля на борту парохода «Кристианиафьорд», путешествуя по швейцарскому паспорту на имя Эмиля В. Гаше^{305}. В списке пассажиров корабля мы не обнаруживаем ни Сиднея и Надин Рейли, никакого-либо мужчину, внешностью походившего на Рейли (рост 5 футов 10 дюймов, карие глаза, брюнет сорока лет). Другого и быть не могло: все это время Рейли с женой находились в Нью-Йорке. Они покинули его только 27 апреля, сев на пароход «Курск», следовавший в Архангельск^{306}. Прибыв в Архангельск 11 мая, Рейли немедленно выехали в Петроград. Надин поехала навестить родителей, а Рейли приступил к переговорам с русским Красным Крестом, предложив им стать агентом

по приобретению карет «Скорой помощи» и автомобилей у компаний «Ньюмен Эрб» и «Гаскелл энд Баркер кар»^{307}. Там же у него состоялась встреча с великим князем Александром Михайловичем, который во время войны был начальником Главного управления портов и торгового мореплавания и оказывал содействие Гинсбургу в деле поставок угля во Владивосток. На Александра Михайловича, энтузиаста-фотографа, несомненно, большое впечатление произвела американская автоматическая камера, которую Рейли привез с собой в Россию^{308}. По утверждению Дж. Л.Оуэна, супруги Рейли находились в Петрограде в июне-июле и сентябре 1915 года, этой же точки зрения придерживается и Ричард Спенс^{309}. Несмотря на то что чета намеревалась выехать из Архангельска 13 июня^{310}, им пришлось отложить свой отъезд до 26 июня, когда они поднялись на борт парохода «Царь».

Вынужденная задержка с отъездом была вызвана повышенным вниманием и интересом охраны к личности самого Рейли и оружию, которым он торговал. По приказу полковника Глобачева, начальника петербургского Охранного отделения, Рейли обыскали буквально у трапа парохода «Царь». Обыск не дал никаких результатов, и Рейли было разрешено покинуть страну^{311}. Причиной столь пристального интереса Глобачева к Рейли была партия никелевой руды, заказанная русским правительством при посредничестве Рейли. Руда была отправлена пароходом в Россию через Швецию в соответствии с контрактом, заключенным Рейли при посредничестве шведского отделения «Русско-Азиатской компании». Все шло хорошо, пока обычная обязательная проверка не показала, что партия руды, отгруженная в Петрограде, весит меньше, чем в Нью-Йорке^{312}. Это обстоятельство тут же породило слухи, что недостающая руда была украдена в Швеции и перепродана Германии. По всей видимости, русское правительство «обвесили» еще в Нью-Йорке путем махинаций с финансовыми документами. Подобное с Рейли случилось не однажды, когда заказанный при его посредничестве товар имел явный недовес, а заказчик расплачивался за полный груз.

Вся эта история дошла до Главного управления Генерального штаба в виде слухов о том, что Рейли арестован охранкой. 24 июня генерал-майор Леонтьев из Управления генерал-квартирмейстера

направил телеграмму^{313} в штаб главнокомандующего Шестой армией с требованием срочно навести справки о том, что же случилось с Рейли. В ответ Леонтьев получил телеграмму от генерал-майора Баженова, в которой говорилось о том что Рейли никто не задерживал и ему было разрешено беспрепятственно выехать из страны^{314}.

Прибыв в Нью-Йорк 10 июля^{315}, Рейли вернулся в свою контору на Бродвей, 120. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что главная проблема, стоявшая перед американскими компаниями, состояла не столько в заключении контрактов на вооружение как таковых, сколько в приемке произведенной ими продукции в России. Русские инспекторы, в чьи обязанности, среди прочего, входила проверка соответствия снарядов русским стандартам, были особенно щепетильны в вопросе выдачи свидетельств о прохождении технического контроля. В течение первых шести месяцев войны ценою колоссальных потерь на фронте было обнаружено, что некоторые виды снарядов не подходят к русским орудиям и, соответственно, ими невозможно стрелять. Это привело к ужесточению системы контроля качества. Отныне технической инспекции стали подвергаться все виды оружия, включая винтовки, которые были специально переделаны под калибр русских патронов.

Это обстоятельство было как нельзя более на руку Рейли, имевшему хорошие связи среди чиновников, выдававших акты о технической приемке партий оружия и представлявших их на утверждение в правительство. Так, 19 апреля 1915 года Рейли заключил сделку, по которой обязывался «способствовать выполнению условий означенного контракта, в частности в деле достижения соглашения с русским правительством касательно гарантий... выполнения контракта»^{316}. Другими словами, «Ремингтон юнион» должен был заплатить Рейли круглую сумму, чтобы их винтовки успешно прошли русский технический контроль и были закуплены русским правительством. Тремя годами позже Сэмюэль Прайор, подписывавший с Рейли контракт от имени компании «Ремингтон юнион», исключительно точно квалифицировал эту сделку как самое настоящее «вымогательство»^{317} со стороны Рейли, угрожавшего, что если он не получит свои комиссионные, то он использует все свое влияние, чтобы воспрепятствовать поставке винтовок этой компании в Россию.

В конце 1915 года русское правительство командировало в Нью-Йорк комиссию по закупкам вооружений, возглавляемую генералом А. В. Сапожниковым, старым знакомым Рейли по Петербургу. Несмотря на то что этот шаг имел вполне конкретную цель — навести порядок в закупках вооружения в США, ее приезд в Америку вызвал громкий скандал буквально в первый же день. Хотя Рейли, как всегда, во всем искал выгоду для себя, в своем письме генералу Эдуарду Гермониусу, написанном им 21 декабря 1915 года, он оказался абсолютно прав, обращая внимание генерала на дезорганизацию и излишний оптимизм в деле закупок вооружения в Америке. В своем докладе Гермониусу Рейли подчеркивал, что:

«В течение последних восьми месяцев Главное артиллерийское управление в Петрограде и Русская артиллерийская комиссия в Америке ведут переговоры с десятками заводов и бесчисленным количеством всяких поставщиков, банков, «групп» и просто «представителей» о заказе 1000000 до 2000000 винтовок и соответственного количества патронов.

Предложения во много раз превышают спрос, и если бы подсчитать, то России за эти восемь месяцев предложено винтовок и патронов в таких количествах, что выразить их можно только астрономическими числами.

Нет, понятно, ничего удивительного, что поступает такое количество предложений: пример Аллисона, получившего контракт на снаряды на сумму 86000000 долларов, еще свеж в памяти всех; непонятно только, что все эти предложения подробно рассматриваются, ведутся обстоятельные переговоры, затрачивается масса времени и денег на переписку и телеграммы, инспекторам даются приказания осмотреть заводы, юрисконсультам поручается составление контрактов, во многих случаях подписываются условные, предварительные и даже окончательные договоры (которые впоследствии уничтожаются), а заказы на винтовки и патроны все ж таки остаются неразмещенными.

Причину такого положения надо искать в недостаточной осведомленности со стороны Главного артиллерийского управления о действительном состоянии ружейного и патронного дела в Америке.

Но Петроград, проникнутый таким же оптимизмом, как и предприниматели, не унывает и продолжает искать зернышки среди

бумажного сора, исходящего от всяких Jones, Hough, Zeretelli, Wilsey, Bradley, Garland, Empire Ragle Co., American Arms Co., Atlantic Rifle и др., и, по-видимому, мало считается с фактическим положением дел»^{318}.

Далее Рейли указывал на то, что союзнические страны разместили в Америке заказ приблизительно на 7,5 миллионов винтовок, 3,5 миллиарда патронов и примерно 1,5 миллиона оружейных стволов. В заключение своего доклада Рейли писал о том, что в своем стремлении как можно быстрее извлечь выгоду из крупных русских контрактов многие американские фирмы работали на пределе своих возможностей, что грозило сорвать график поставок вооружения в Россию.

Ситуация осложнялась еще и тем, что слишком тщательная система технической приемки в России с какого-то времени стала оказывать отрицательное воздействие на боеспособность русской армии. Проблема сейчас заключалась не столько в качестве получаемого оружия, сколько в том, что техническая инспекция стала тормозить поставку вооружения настолько, что в какой-то момент русская армия фактически осталась без снарядов. Когда генерала Гермониуса назначили главой русской закупочной комиссии в Америке, этот вопрос был едва ли не самым главным в повестке дня.

Рейли и здесь увидел возможность обогатиться. По свидетельству Владимира Крымова, он стал наносить визиты руководству американских заводов по производству снарядов, которые испытывали трудности в прохождении технического контроля в России. Он предложил им — разумеется, за определенные комиссионные — гарантии того, что их продукция пройдет техническую приемку в России^{319}. Неудивительно, что компании первоначально скептически относились к этим обещаниям, поскольку Рейли был не первым, кто делал им подобное предложение. Однако Рейли заявлял, что он хорошо знаком с генералом Гермониусом и что с его помощью он сможет не только гарантировать успешную приемку их продукции, но и обеспечить их новыми заказами. Для того чтобы убедить компании в истинности своих слов, он уговорил управляющих директоров двух заводов отобедать с ним в ресторане «Кок д'ор» в пригороде Нью-Йорка, сообщив им, что с ним также будут его жена и генерал Гермониус.

Директорам было известно, что генерал Гермониус никогда нигде не бывает, а тем более не обедает ни с какими посредниками или поставщиками. Надин удалось уговорить генерала поехать позавтракать за город, и Рейли таким образом продемонстрировал директорам ничего не подозревавшего генерала. 7 января 1916 года Рейли заключил соглашение с компанией «Эддистоун Аммиюнишн Корпорейшн», по которому он получал 25 центов комиссионных с каждого трехдюймового шрапнельного снаряда, прошедшего техническую инспекцию^{320}. За короткий срок продукция этих компаний благополучно прошла русскую техинспекцию, а Рейли получил приличные комиссионные. Директора компаний не подозревали, что, перед тем как выйти к ним с предложениями, Рейли уже имел информацию о том, что в недрах министерств готовится документ, предписывавший приемщикам быть более сговорчивыми, так как русская армия фактически осталась без снарядов. Американские компании, однако, были уверены, что именно Рейли чудесным образом нашел ключ к решению этой проблемы.

16 июля 1916 года Рейли возобновил свои связи с Александром Вайнштейном, прибывшим в Нью-Йорк на борту океанского лайнера «Сент-Луис». Сколотив небольшое состояние в Лондоне на посреднических сделках в торговле оружием, Вайнштейн, несомненно, надеялся получить кусок лакомого американского пирога, о чем так часто хвастался ему Рейли. Выбрав себе место для письменного стола в конторе Рейли на Бродвее, 120, Вайнштейн энергично бросился в темный, но сулящий фантастические прибыли мир американских военных заказов — как, впрочем, и Моисей Гинсбург, прибывший в США из Петрограда вскоре после Вайнштейна.

Коррупция была не единственной трудностью, которую приходилось преодолевать русской закупочной комиссии. В 1916 году Георг Лурич, эстонец, тесно связанный с союзнической разведкой, обвинил полковника Сергея Некрасова, главного инспектора русской закупочной комиссии при Артиллерийском управлении, в шпионаже в пользу Германии^{321}, в частности в создании препятствий поставкам вооружений в Россию и перенаправлению военных заказов в Германию.

Это обвинение было достаточно серьезным, и Лурич добился рассмотрения этого дела комиссией, однако члены комиссии признали

обвинения недоказанными. Не успокоившись на этом, Лурич поделился своими соображениями с капитаном английской военно-морской разведки Гаем Гонтон, который в свою очередь передал эту информацию для расследования майору СИС Норману Туэйтсу.^{322} Мы не знаем, насколько глубоко Туэйтс занимался этим делом, однако известно, что он беседовал с Рейли, чтобы выяснить его мнение о Некрасове. В отличие от официальных документов по этому делу, Туэйтс в своих воспоминаниях излагает этот, как, впрочем, и другие эпизоды, в несколько ином свете. Так, в докладе Американского бюро расследований говорится, что Туэйтс «обедал вместе с Рейли и Вайнштейном, и их попытки замять дело Некрасова возбудили у него подозрения».^{323} В своих мемуарах «Бархат и уксус», вышедших в 1932 году, Туэйтс вспоминает:

«Ко мне обратились с просьбой расследовать, обвинения, предъявленные русской военной миссии в Нью-Йорке. Рейли был хорошо знаком с сотрудниками этой миссии и дал им самые лучшие рекомендации. Я же пришел к выводу, что наши русские друзья славно проводили время в гостеприимном городе на Гудзоне, однако мне не удалось обнаружить фактов коррупции или контактов сотрудников миссии с представителями враждебной стороны».^{324}

В своих мемуарах Туэйтс никак не упоминает имен Лурича или Некрасова или кого-либо еще, кроме Рейли и Вайнштейна. Помимо Некрасова, Туэйтс также упоминает и некую девушку, имевшую тесные связи с австрийским и германским консульствами, якобы давшую показания против Рейли и Вайнштейна.

Для некоторых дело Некрасова было еще одним подтверждением в пользу того, что Рейли работал на немцев или, по крайней мере, был связан с ними. Нам представляется более вероятным, что Рейли стремился замять грехи Некрасова, поскольку тот представлял для него чисто коммерческую ценность. Если учесть, что Рейли уже получил более одного миллиона долларов на посреднических сделках в торговле оружием, большая часть которых досталась ему благодаря его «связям» в сфере военной приемки, то неудивительно, что он делал все, чтобы спасти своего главного агента в службах технического контроля.

По сути, все разговоры о германской диверсии сводились к разоблачениям Лурича. Однако в один прекрасный день эта ситуация

внезапно изменилась. Ночью в воскресенье 30 июля 1916 года Нью-Йорк потряс взрыв чудовищной силы, вызванный пожаром на складе боеприпасов на острове Блэк-Том-айленд. Земля содрогнулась, а горящие снаряды со зловещим визгом пронеслись по ночному небу Нью-Йорка. Взрывная волна выбила тысячи окон в манхэттенских небоскребах, осколки которых смертельным дождем падали на улицы. Взрыв вывел из строя водоснабжение и телефонную связь, а у автомобилистов, ехавших в этот момент по Бруклинскому мосту, душа ушла в пятки, когда мощнейшая конструкция внезапно содрогнулась и стала раскачиваться из стороны в сторону.

В один момент улицы города наполнились тысяча ми людей, с изумлением спрашивавших друг друга о происшедшем. На Пятой авеню уже стали грабить магазины. А примерно через двадцать минут после первого взрыва прогремел второй, куда более мощный. Это сдетонировали 13 тысяч тонн взрывчатки в результате двух последовавших один за другим взрывов в железнодорожном вагоне и на барже, пришвартованной к пирсу.^{325}.

По мнению Ричарда Спенса, Рейли вновь сыграл «критическую роль»^{326} в уничтожении склада боеприпасов на Блэк-Том-айленде. Первое, на что обратил внимание Спенс, — это то, что большая часть военного снаряжения на складе на Блэк-Том, ждавшая отправки в Европу, была произведена по «заказам Моргана»^{327}, и второе — что Рейли имел детальную информацию о «содержимом склада, охране и планах помещения» и мог «с легкостью обеспечить туда доступ команде диверсантов, возглавляемых Янке»^{328}. В действительности же диверсантам вовсе не требовалась помощь Рейли для того, чтобы обойти все хитрости системы безопасности на Блэк-Том. Как показало официальное расследование, на Блэк-Том фактически вообще не было никакой охраны.^{329}.

За систему безопасности склада несли ответственность два частных агентства. «Лихай вэлли рейлроуд компани» была владельцем склада и имела свою собственную охрану. Кроме того, англичане подрядили детективное агентство «Доерти» делать обход территории. Следователи полиции и федеральных расследовательных органов, однако, обратили внимание на то, что между складскими помещениями на Блэк-Том и территорией, находившейся за их пределами, вообще не было никакого ограждения. По сей день Блэк-

Том именуется островом, однако в прошлом его отходы вывозились для утилизации на материк, тогда как баржи и их экипаж никогда не подвергались проверке патрулями и сотрудниками охраны. Самые важные участки склада не были освещены. Водные границы острова также плохо охранялись, исключение составлял нерегулярный патруль береговой охраны или полицейского катера.

Из-за отсутствия освещения со стороны реки у проплывавших катеров не было практически никакой возможности увидеть, что происходит на острове. Наиболее вероятно, что диверсанты Франц Янке и Лотар Витцке пробрались на склад на маленькой гребной шлюпке, а Майкл Кристоф добрался туда по суше.

Далее Спенс развивает свою гипотезу, предлагая сценарий, по которому Рейли, Янке и сэр Уильям Уайзман, представитель СИС в Нью-Йорке, были участниками хитроумного заговора с целью вовлечь нейтральные тогда Соединенные Штаты в войну на стороне Антанты, а сам Янке был двойным агентом, работавшим на англичан^{330}. По утверждению Спенса:

«Уайзман прекрасно осознавал, что [президент] Вильсон и Америка не вступят в войну, если у них не накопится достаточно морального возмущения против Германии. Диверсии немцев, реальные и воображаемые, сдвинули общественное мнение в Америке в «правильном» направлении, и Уайзман мог логически заключить, что это возмущение будет нарастать»^{331}.

Возмущение действительно продолжало расти. Через полгода после происшествия на Блэк-Томе Нью-Йорк потряс ещё один чудовищный взрыв боеприпасов. Днем 11 января 1917 года на сборочном заводе компании «Кэнедиен кар энд фондри» в соседнем штате Нью-Джерси, в Кингсленде, примерно в десяти милях от нью-йоркской гавани, произошел взрыв 500 тысяч трехдюймовых снарядов. К счастью, никто из 1400 служащих завода не был убит или ранен. Тем не менее на протяжении четырех часов жители северных районов Нью-Джерси и Нью-Йорка слышали непрекращающиеся взрывы на уже охваченном огнем заводе в Кингсленде^{332}.

Спенс далее утверждает, что Янке возглавил немецкую диверсионную группу, ответственную за взрыв в Кингсленде, в то время как «Рейли мог предоставить им средства для нейтрализации охраны завода»^{333}. Однако, как показали результаты расследования,

для того чтобы пройти на завод, не нужно было придумывать никаких тайных планов. Расследование пришло к выводу, что некий Федор Возняк, работавший в цехе 30, когда произошел пожар, был ответственен за возгорание, приведшее в конечном счете к полному разрушению завода. На следствии старший мастер цеха Моррис Честер Массон показал следующее: «У Возняка хранилось огромное количество каких-то тряпок, и пожар начался именно с них. Я также заметил, что незадолго до этого он пролил на них спиртное из своей кружки»^{334}.

На следствии, проведенном самой компанией, Возняк отрицал свою вину, однако вынужден был признаться в том, что он не русский, как до этого показал при устройстве на работу, а австриец. Возняк также признался в том, что он служил в австрийской армии и полиции. После допроса за ним какое-то время следили частные детективы, однако он бесследно исчез.

10 апреля 1917 года, три месяца спустя после взрыва в Кингсленде, произошел еще один взрыв, на этот раз на заводе «Эддистоун воркс» в Пенсильвании, унесший жизни 132 человек. Ричард Спенс обращает внимание на тот факт, что за несколько недель до взрыва управляющий директор завода Сэмюэль Воклен вел переговоры о продаже завода американскому правительству. Рейли, по словам Спенса, «был полностью выключен»^{335} из этой сделки. Был ли этот взрыв мстью Рейли?^{336} Как и до этого, Спенс не приводит ни одного доказательства, которое бы свидетельствовало о причастности Рейли или кого-либо еще к катастрофическому происшествию в Эддистоуне. Хотя подозревал, что это была диверсия, но доказано ничего не было.

Утверждение Спенса не более чем плод его фантазии — худший образец теории заговора. Рейли был, без сомнения, беспощадным человеком, который не останавливался ни перед чем для достижения своих целей. Однако факты, взятые для обоснования этой версии, кажутся нам более чем сомнительными. Приписываемых Рейли встреч и случайных поездок на поезде или пароходе просто не было. Что же касается актов диверсии, то очевидно, что некоторые из происшествий вовсе не были результатом чьего-то злого умысла, а произошли по трагическому стечению обстоятельств. Для других взрывов, как, например, на Блэк-Том или в Кингсленде, вовсе не нужны были

тайные возможности Рейли: неэффективная система безопасности и отсутствие проверки служащих достаточно объяснение той легкости, с которой немецкие диверсанты смогли беспрепятственно выполнить свою задачу.

К 1917 году капитал Рейли, сделанный им на торговых сделках по продаже вооружения, составил более трех миллионов долларов^{337}. Теперь Рейли уже занимал номер люкс в одном из самых дорогих и шикарных отелей Нью-Йорка «Сент-Реджис» на углу Пятой авеню и Пятьдесят пятой Ист-стрит. Никогда еще фортуна так не улыбалась ему, как сейчас.

В то время как Рейли наживался на поставках вооружения в Россию, ее дела на фронте шли все хуже и хуже. Два с половиной года войны показали, что Россия не обладала ни военной, ни экономической мощью и была не в состоянии вести войну. Тяжелые поражения быстро ухудшили положение внутри страны, вызвав волну забастовок, которая 9 марта 1917 года вылилась во всеобщую забастовку^{338}. Два дня спустя царь отдал распоряжение о мобилизации войск, но они присоединились к забастовщикам. 15 марта, испытывая давление со стороны различных политических сил, царь Николай II отрекся от престола, и власть в стране перешла к Временному правительству.

Примерно в это же время английская военно-морская разведка перехватила и дешифровала телеграмму германского министра иностранных дел своему послу в Вашингтоне. Телеграмма предписывала послу войти в сношение с президентом Мексики, предложить ему вступить в войну на стороне Германии и начать вторжение в Соединенные Штаты. Когда этот факт стал достоянием общественности, президент Вильсон приложил неимоверные усилия, чтобы найти мирную альтернативу войне, однако германское правительство подписало себе приговор, развязав в марте подводную войну против американского флота. После того как немцы потопили три американских торговых судна, президент Вильсон 2 апреля обратился к Конгрессу с просьбой вынести резолюцию об объявлении войны Германии и получил таковую через четыре дня. Вступление Америки в войну решило ее исход в пользу союзников.

По мере того как на мировой арене разворачивались драматические события, Рейли, по словам практически всех, кто когда-

либо писал о нем, работал в германском тылу как британский агент. Пепита Бобадилья, последняя жена Рейли, пишет в своих воспоминаниях:

«[Рейли] выполнял чрезвычайно трудную и опасную задачу, пробираясь на территорию Германии (обычно на аэроплане через линию фронта) для сбора военной информации. Его заслуги в этой области были высоко оценены, а его подвиги в Германии стали легендой».^{339}.

Аналогичную историю Рейли рассказывал и своей первой жене Маргарет^{340}. Робин Брюс Локкарт утверждает, что Рейли поступил на службу в германскую армию и, переодевшись в форму полковника, проник на совещание в штаб германского верховного главнокомандующего, на котором присутствовал сам кайзер^{341}. В исправленном издании своей книги «Король шпионов», вышедшей в 1992 году, Локкарт обратился к правительству Джона Мейджора с требованием «приоткрыть окно в прошлое» и сделать достоянием общественности «изумительные» подвиги Рейли в Германии^{342}.

Но даже если мы оставим в стороне британский «Акт о секретных документах», ни одно правительство в мире не смогло бы сделать этого, так как в действительности рассказы Рейли о своих подвигах в тылу врага были не более чем плод красивой фантазии. На всем протяжении союзного наступления на Мессине, Пашенделе и Ипре Рейли вел комфортную жизнь в номерах отеля «Сент-Реджис» на Пятой авеню. Единственные боевые действия на Западном фронте, которые ему довелось увидеть, происходили в кинохронике на экране кинотеатра в Манхэттене.

Теперь, когда Америка находилась в состоянии войны с Германией, Американскому бюро расследований было поручено следить и задерживать любого американского гражданина или иностранца, подозреваемого в шпионаже. При поддержке Управления военно-морской разведки и Отдела военной разведки оно с энтузиазмом принялось выявлять возможных вражеских агентов и их помощников. Всего через несколько дней после объявления Америкой войны директор военно-морской разведки США Роджер Уэллс получил доклад агента Американского бюро расследований Перкинса о лицах, заподозренных в симпатиях к врагу^{343}. По прочтении этого документа Уэллс незамедлительно отдал распоряжение начать

расследование по фактам, содержащимся в докладе Перкинса, в том числе и касавшимся деятельности некоего Сиднея Джорджа Рейли.

Глава 7. Аферисты

Нежелательными иностранцами в США всегда занимался Отдел трудовых ресурсов Иммиграционного бюро, однако в самом начале 1917 года Конгресс утвердил новый иммиграционный закон, облегчавший процедуру депортации из страны нежелательных иностранцев. Но Иммиграционное бюро обнаружило, что у него нет ни времени, ни людей, ни ресурсов для проведения расследований, требуемых новым законодательством.

Расследованием дел, связанных с национальной безопасностью, занимались два конкурирующих между собой ведомства — секретная служба при Департаменте казначейства США и Американское бюро расследований, подчинявшееся Департаменту юстиции. С вступлением Америки в войну к этим двум ведомствам еще присоединились Отдел военной разведки и Американская лига безопасности (АЛБ) — добровольная организация, состоящая из патриотически настроенных граждан, созданная 22 марта 1917 для помощи бюро расследований.

Выделив своих людей для расследования деятельности Сиднея Рейли, Роджер Уэллс также направил копию меморандума Перкинса^{344} майору Отдела военной разведки США Ральфу ван Деману, поскольку содержание документа явно имело военное значение:

«От: агента Л. С. Перкинса, Нью-Йорк, 3 апреля 1917 г.

Тема: СИДНЕЙ ДЖ. РЕЙЛИ, ОТНОШЕНИЕ К НЕЙТРАЛИТЕТУ^[21]

По заявлению, сделанному Уинфилдом С. Проски, инженером-консультантом компании «Флинт и К», находящейся по адресу: Бродвей, 120, необходимо установить тщательное наблюдение за Сиднеем Дж. Рейли по адресу: Бродвей, 120, Эквитабл билдинг, офис 2721. Полковник Проски, сославшись на капитана Гонта из Британского консульства, утверждает, что Рейли шпионил в пользу японцев во время русско-японской войны, а в настоящий момент занимается враждебной союзникам деятельностью. Очевидные попытки Рейли сбыть русской армии 300 тысяч бракованных винтовок

«краг-йоргенсен», уже привлёкшие внимание к его фигуре, ввиду того что он является инициатором этого проекта, вызывают крайнее подозрение. По утверждению полковника Проски, несмотря на свое имя, Рейли явно семитского происхождения и имеет ярко выраженную восточную внешность. Пералштраус, русский, занимающий здесь видное положение и проживающий по адресу: Бродвей, 42, считает Рейли настроенным явно прогермански».

Винтовки «краг-йоргенсен» были забракованы американской армией еще в начале 1915 года. Ходили слухи, что агент немецкой разведки Франц фон Ринтелен через посредников предпринял попытки закупить партию этих винтовок для поставки их сторонникам бывшего президента Мексики генерала Викторiano Уэрты, намеревавшимся вернуть его к власти с помощью вооруженного мятежа^[22]. Не исключено также и то, что, скупая эти винтовки через подставных лиц, германская разведка тем самым стремилась воспрепятствовать союзникам закупать их в Америке. Как бы то ни было, у ван Демана были подозрения в том, что Рейли помогал немцам приобретать оружие в США. Поскольку Рейли считался британским подданным, то ван Деман послал запрос сэру Уильяму Уайзману с просьбой сообщить ему любую информацию, которой англичане располагали о Рейли.^{345}.

Уайзман, живший в Нью-Йорке, номинально ведал закупками боеприпасов, а также распространением английской пропаганды. В действительности же тридцатидвухлетний баронет был шефом американского отделения Сикрет интеллидженс в США. В своем ответе ван Деману от 9 июля Уайзман писал:^{346}.

«[Рейли] заявляет о себе, что он английский подданный, однако это утверждение вызывает сомнения, ходят слухи, что он в действительности еврей из России. Так или иначе, он женат на русской еврейке. За последние два года он был замешан в разных скандалах, связанных с закупками здесь русского вооружения, имеет дурную репутацию. Существует мнение, что он относительно честно основал свое дело, однако его основная коммерческая деятельность — получение комиссионных при заключении контрактов — осуществляется мошенническими способами. По слухам, Рейли находился в Порт-Артуре в 1903 году и подозревался русскими в японском шпионстве. Находясь здесь, в военное время он путается с

различными темными личностями, и меня не удивит, если обнаружится, что он завербован вражескими агентами в целях пропаганды или какой-либо другой деятельности».

Ответ Уайзмана еще больше утвердил ван Демана в намерении расширить рамки расследования и найти «темных личностей», упомянутых в письме. Само расследование было поручено агентам АЛБ Холлису Ханневеллу и Эйблу Смит, работавшим под руководством офицера военной разведки Макгрегора Бонда. Он в свою очередь направлял копии всех донесений и докладов подполковнику Отдела военной разведки Таунсенду Ирвингу. Не будучи профессиональными следователями, Ханневелл и Смит вскоре совершенно погрязли в трясине личных и коммерческих дел Рейли. Одна «темная личность» была связана с большим количеством других не менее подозрительных личностей.

Какое-то время следствие вообще не двигалось с места, и именно это объясняет тот факт, почему оно так долго тянулось. Работу следователей осложнило еще и то, что через полгода после того, как агент Перкинс составил свой меморандум, Рейли уже уехал из Нью-Йорка в Торонто и вступил там в ряды Королевского авиакорпуса. Таким образом, он отсутствовал в Америке до окончания войны и, разумеется, до окончания следствия.

Несмотря на то что Ханневеллу и Смиту успешно удалось выявить широкий круг лиц, которые могли бы дать много ценных сведений, они оказались не способны должным образом все проанализировать и отделить существенные факты от незначительных. Опытный следователь, несомненно, отнесся бы с большим вниманием к собранным фактам, но вряд ли ему удалось бы задокументировать колоссальный объем информации, которую получили Ханневелл и Смит в ходе следствия. Именно им мы должны быть благодарны за то, что они столь всесторонне и подробно запечатлели на бумаге многочисленные стороны жизни Рейли в Нью-Йорке.

Первое, что бросается в глаза при чтении этих документов, это то, что в людях, готовых дать показания против Рейли, не было недостатка, что неудивительно, учитывая, что Рейли был лишен малейшего чувства жалости в коммерции. На протяжении двух с половиной лет, что Рейли прожил в Нью-Йорке, он, без сомнения,

попортил крови немалому количеству людей. Одним из них был Норберт Родкинсон.

О самом Родкинсоне известно немного. Если верить показаниям, которые он дал на следствии, он родился в Англии^{347}, прожил много лет в России, а последнее время работал в нью-йоркской фирме «Вагнер энд компани» на Нью-стрит, 33. Следователям он сообщил, что в Петрограде Рейли пользовался репутацией шпиона и негодяя. На вопрос следователей о его последней жене Надин Родкинсон отозвался о Рейли как о двоеженце, имевшем законную жену и двоих детей, которые еще недавно находились в Порт-Артуре^{348}, добавив к этому также, что в 1916 году Рейли отослал их в Петербург, оставив «без копейки денег». Английская колония в Петрограде якобы собрала средства, чтобы его семья могла «хоть как-то существовать».

Сбором средств для семьи Рейли, по материалам следствия, занимался англичанин по имени Фред Хилл^{349}. Родкинсон также подтвердил, что Рейли родился вовсе не в Ирландии, а в польском городке Бендзинь и что в 1916 году в Нью-Йорке Рейли и Александр Вайнштейн делали ему некоторые коммерческие предложения, которые он отвергнул, прослышав о «дурной репутации» этих джентльменов.

Полковник Проски, инженер-консультант фирмы «Флинт энд компани», — человек, который своим заявлением инициировал возбуждение уголовного дела на Рейли, заявил следователям, что он считает Рейли «одним из самых коварных и опасных международных шпионов сегодняшнего времени»^{350}. Рейли, по его словам, был всем известен как крупный аферист и враг союзников. Он еще раз подтвердил свое прежнее обвинение в том, что Рейли был японским шпионом, и представил следователям еще одного сотрудника своей компании Джона Кордли.

Назвав Александра Вайнштейна «правой рукой» Рейли, Кордли охарактеризовал эту парочку как «исключительно опасную» и «готовую пойти на все ради всемогущего доллара»^{351}. Он также сообщил следователям, что слышал от кого-то, что Рейли окончил Берлинский университет, добавив, что в 1914-м он ездил в Японию, но не «в качестве члена русской закупочной комиссии»^{352}. По словам Кордли, Рейли якобы был одним из руководителей «Эллид мэшинери

компани» и сколотил состояние в миллион долларов на русских контрактах.^{353}

Сотрудникам бюро расследований удалось выяснить, что Вайнштейн родился в Киеве в 1873 году.^{354} в семье крупного банкира. По слухам, Вайнштейн был владельцем борделя в Киеве и отсидел в тюрьме за лихоимство. По просьбе бюро расследований заместитель Уайзмана майор Норман Туэйтс разрешил Ханневеллу и Смиту ознакомиться с материалами МИ5 на Вайнштейна, из которых они узнали, что за все время проживания в Лондоне Вайнштейн снискал у английских властей достаточно дурную репутацию. О Вайнштейне также ходили слухи, что, находясь в Англии, он вел коммерческие дела с немецкими фирмами. Еще в одном донесении Туэйтс сообщает: «Вайнштейн утверждает, что он русский подданный и открыто заявляет свою пробританскую и просоюзническую позицию, однако нами получены неопровержимые доказательства его связей с высокопоставленными немцами».^{355} Азартный игрок и большой любитель женщин, Вайнштейн жил в районе Мейфер, на Сент-Джеймс-стрит, 60, и прослыл транжирой, что неудивительно — в Лондоне ему удалось всего лишь за полтора года заработать 800 тысяч фунтов на посреднических сделках.^{356}

По мере того как расследование собирало все больше материала, бюро стало еще больше подозревать Вайнштейна в коммерческих связях с лицами, подозреваемыми в шпионаже в пользу Германии. Судостроительная компания «Эллиот бей», к примеру, утверждала, что Вайнштейн был причастен к сомнительной судостроительной сделке, имея в своем распоряжении планы и чертежи, которые незадолго до этого были украдены из компании.^{357} О них ему якобы рассказал Николай Кузнецов, который сам был причастен к заключению контракта при поддержке немецкой стороны в 1917 году. Было также отмечено, что Вайнштейн содержал слугу-немца по имени Фридрих Геррон, который в свою очередь был связан с Луисом Миллером, владельцем салуна на 30-й Вест-стрит в Нью-Йорке, обвинявшимся в антиамериканской пропаганде.^{358}

Однако, по мнению следователей, более опасным человеком был Антуан Ягальский, он же Тони Фаррауэй, также прославившийся азартным

игроком и большим любителем женщин. Его считали автором памфлета «Почему Польша должна быть союзницей Германии»^{359}.

По утверждению самого Ягальского, он родился в российской части Польши, хотя Ханневелл и Смит подозревали, что он в действительности был австрийцем, причастным к продаже русских военных документов австро-германскому генеральному консульству в Нью-Йорке^{360}. Подозрения следователей еще больше усилились после того, как актриса Клэр Кимболл-Янг припомнила, что Ягальский однажды сказал ей, что его брат служит офицером в австрийской армии^{361}. Она твердо была уверена в том, что он австриец, добавив, что знала его как Тони Фаррауэя. Актриса Нита Нальди, одна из его бывших любовниц, также упомянула о том, что Фаррауэй рассказывал ей о брате, служившем в австрийской армии^{362}.

Показания еще одной подружки Ягальского добавили уверенности следователям в том, что он был немецким шпионом. Бывшая хористка Пегги Марш познакомилась с Вайнштейном в Лондоне в 1915 году, где, по ее словам, Вайнштейн безудержно кутил и осыпал деньгами и щедрыми подарками молоденьких актрис, однако из-за своей внешности (у него была лошадиная челюсть) нравился лишь немногим женщинам. Тем не менее благодаря деньгам представительницы слабого пола охотно принимали его ухаживания^{363}.

Марш показала, что ее подружка по хору Герти Миллар была любовницей Вайнштейна до того, как он уехал в Америку. Когда она некоторое время спустя вернулась в Нью-Йорк, то вновь встретила там Вайнштейна. Он познакомил ее с Ягальским, с которым у нее завязались любовные отношения, а он, в свою очередь, познакомил ее с Сиднеем и Надин Рейли. В 1916 году они вместе совершали поездку из Нью-Йорка на западное побережье.

По ее мнению, Ягальский производил впечатление немецкого шпиона^{364}. — он все время просил ее знакомиться с офицерами и бизнесменами и выпытывать у них как можно больше информации. По ее словам, Ягальский интересовался картами и делал фотографические снимки с помощью своей «замечательной камеры». Пегги Марш также вспомнила, что однажды он совершил таинственную поездку на рудник под городом Феникс, штат Аризона, чтобы увидеться с польским шахтером, с которым был знаком еще «на своей родине». В

конце концов она оставила его в Калифорнии и вернулась обратно в Нью-Йорк^{365}.

В то время как Ягальский ездил по Аризоне, Курт Янке разрабатывал отчаянный, но плохо продуманный план, имевший своей целью замедлить продвижение американских войск во Франции путем организации беспорядков на американо-мексиканской границе^{366}. Немецкие агенты должны были спровоцировать волну забастовок на медных рудниках в Аризоне при поддержке радикальной организации «Индустриальные рабочие мира». Поскольку эти рудники и раньше имели репутацию беспокойных, германская разведка, очевидно, надеялась, что забастовки перерастут в вооруженные беспорядки. Помимо этого, немцы планировали разжечь мятеж среди чернокожих солдат в Аризоне и нападение на американские пограничные посты. Весь этот дьявольский коктейль, по замыслу Янке, должен был спровоцировать переброску американских войск на юг страны. В документах следствия отмечалось, что британские секретные службы считали Ягальского «самым опасным немецким шпионом» и с подозрением относились к знакомству с полковником Некрасовым из русской закупочной комиссии^{367}.

Еще один компаньон Рейли, бывший лейтенант русского флота Т. Н. Агапеев, приехал в Нью-Йорк в 1917 году, сняв квартиру на 52-й Ист-стрит, 29. Русское Морское министерство приобрело в Америке яхту, переделанную под патрульное судно для курсирования в Белом море. Предполагалось, что судно будет плавать под русским флагом, однако оно так и не вышло из Нью-Йорка из-за «нынешней ситуации в России». В докладе говорилось:

«Командиру корабля лейтенанту Т. Н. Агапееву было приказано вывести судно из плавания, отослать команду обратно в Россию и вернуть аккредитив, выданный ему как командиру корабля на оплату расходов, по возвращении в Россию представителю русского адмиралтейства. Лейтенант Агапеев не подчинился приказу вернуть аккредитив, покинул свой пост и исчез в неизвестном направлении. Расследование установило, что все деньги с аккредитива также были сняты»^{368}.

Агапеев благоразумно решил не возвращаться в страну, охваченную революционным пожаром, и при этом не устоял перед соблазном воспользоваться аккредитивом на сумму 40 тысяч долларов.

Русское посольство потребовало ареста Агапеева, но Государственный департамент отказался выдать его из-за «нынешней ситуации в России». Вскоре Агапеев стал работать вместе с Вайнштейном в офисе Рейли на ниве военных контрактов.

Беатрис Мадлен Тремен, двадцативосьмилетняя любовница Рейли, жила вместе со своей матерью в Нью-Йорке, на Уодсворт-авеню, 140. Впервые Рейли познакомился с ней весной 1916 года в ателье дамской одежды «Люсиль», где Беатрис работала моделью. Вскоре после этого Рейли забрал ее из «Люсиль», отправил в пансион благородных девиц в Орандже, штат Нью-Джерси, и платил ей пособие 200 долларов в месяц^{369}. Через какое-то время Беатрис стали предлагать роли в кинокартинах, и она стала делать карьеру как киноактриса. На следствии она показала, что Рейли говорил ей, что Надин намеревалась развестись с ним, в результате чего они с Рейли планировали пожениться после его возвращения в Нью-Йорк.

Беатрис Мадлен Тремен также подтвердила тот факт, что Рейли был вынужден жениться на Надин, опасаясь уголовного преследования, предусмотренного «актом Манна». Ее показания также подтвердили две ее бывшие подруги по «Люсиль» — мадам Поль, возглавлявшая отдел дамских шляпок, и продавщица мадемуазель Шосон. Мадемуазель Шосон, правда, отозвалась о мисс Тремен как об «искусной и опасной лгунье»^{370}. Именно от Шосон следователи получили имя и адрес Норберта Родкинсона, который, по ее словам, мог многое рассказать о Рейли и Вайнштейне.

Позже следователи беседовали с подругой Беатрис Делорес Роуз, англичанкой, выступавшей в шоу Фолли. Мисс Роуз они охарактеризовали как девушку «не с лучшей репутацией, но лояльной своей стране»^{371}. Она служила в «Люсиль» в то время, когда Беатрис работала там манекенщицей, и рассказала на следствии, что в ателье ни для кого не было секретом, что Рейли положил на нее глаз. Она также подтвердила слова Беатрис о том, что Рейли просил ее руки, и вспомнила эпизод, когда она передала ей слова Норберта Родкинсона о том, что Рейли оставил семью в России^{372}. Не поверив этому, Беатрис пришла в ярость и чуть не дала ей пощечину. По просьбе следователей мисс Роуз встретила еще раз с Беатрис на ее квартире и вовлекла ее в разговор на темы, которые интересовали следователей. Беатрис сказала Роуз, что она никогда не поверит в то, что Рейли мог

предать свою страну. Она также подтвердила, что все еще получает пособие от Рейли, хотя он и не вернулся в июне, как обещал.^{373}.

Ее подвергли допросу в третий и последний раз. Под конец беседы следователи записали, что, «несмотря на тщательный допрос, Тремен поклялась, что ничего более не может сообщить о Рейли и его делах в довершение к тому, что она уже рассказала на двух предыдущих встречах»^{374}.

Следователи пришли к заключению, что ее поведение было «в целом неискренним», и выразили сомнение, что она сказала им всю правду. Допросы, которые, по словам Делорес Роуз, вывели Беатрис из душевного равновесия, по всей видимости, и побудили ее уехать из Нью-Йорка и провести всю зиму во Флориде, так как она «много работала на киносъёмках и нуждалась в отдыхе»^{375}.

Следователи никогда не допрашивали саму Надин, хотя постоянно держали ее под пристальным наблюдением. Из материалов следствия можно предположить, что она знала о любовной связи Рейли с Беатрис Тремен и очень ревновала. У следователей, как они считали, были веские основания полагать, что в отсутствие Рейли Надин изменяла ему с Вайнштейном и Ягальским. Ее служанка Элис Тодд показала на следствии, что Надин все время ходила в сопровождении Вайнштейна. Однако, несмотря на то что, по всеобщему мнению, «миссис Рейли и Вайнштейн были в близких отношениях»^{376}, Элис Тодд отрицала этот факт, заявив, что, хотя Надин и Вайнштейн были в близких дружеских отношениях, она ни разу не была свидетелем того, что бы указывало на аморальный характер их отношений. Самое большее, что следователям удалось выжать из мисс Тодд, было признание в том, что Вайнштейн «засиделся у нее до поздней ночи»^{377}.

Куда больше информации следователям удалось узнать от человека по фамилии Мюррей, коменданта многоквартирного дома, где жил Ягальский. К тому времени когда следователи начали допрашивать Мюррея, Ягальский уже находился в Техасе. Мюррей признался, что Ягальский ему не нравился, и смог назвать имена нескольких женщин, посещавших его. До того как он уехал в Техас, Ягальский находился в особенно близких отношениях с Гертрудой Граймс и актрисой Нитой Нальди. К удивлению следователей, Мюррей заявил им, что Надин Рейли приходила на квартиру Ягальского в 11 вечера на следующий вечер после отъезда Рейли в Канаду. По его

мнению, она осталась там на ночь, так как прислуга видела ее выходящей из подъезда на следующее утро^{378}.

Пока шло следствие, Надин жила одна в бунгало, расположенном по соседству с клубом «Алленхерст» в Нью-Джерси. Томас Харрисон, служащий клуба, «лояльный американец», помог следствию, заявив, что порядочные русские, посещающие клуб, не имели ничего общего ни с Вайнштейном, ни с супругами Рейли^{379}.

Находясь в клубе, Вайнштейн отдал погладить свой костюм. В его карманах были найдены четыре клочка бумаги, включая «машинописное описание нового пулемета на одном листе бумаги»^{380}. Томас Харрисон показал эти бумаги другому посетителю клуба, Альфреду Джонсону, казначею нью-йоркского муниципалитета, высказав предположение, что Вайнштейном должна заняться полиция, так как все это ему кажется чрезвычайно подозрительным. Были эти находки подозрительными или нет, они, как это часто бывает во время следствия, не дали следствию никаких конкретных результатов.

Вновь обратившись к английским властям, следователи встретились с полковником Ф. У. Эбботом, бывшим представителем английского правительства, работавшим с русскими военными контрактами. Он подтвердил, что встречался с Рейли в то время, когда британской миссии были переданы полномочия заключать контракты на поставки вооружения от лица русского правительства. Рейли доставил ему массу неприятностей тем, что постоянно намекал на то, что все контракты должны идти через него, в противном случае в его власти будет придержать поставки продукции в Россию. Эббот охарактеризовал Рейли как «умного интригана»^{381}, действовавшего мошенническими методами. Однако для того чтобы это утверждать, необходимы были доказательства.

Для того чтобы добыть такие доказательства, было принято решение устроить обыск в конторе Рейли в надежде, что он даст наконец-то следствию неопровержимые улики. Обыск проводили Ханневелл и Смит, прихватившие с собой двух русских переводчиков. Они открыли большой кожаный кофр, который Рейли привез с собой из Японии, и во внутреннем отделении обнаружили две связки писем. Это была переписка между Рейли и Надин в период, когда она проводила время на юге Франции, а он отвечал на ее письма, путешествуя между Россией, Японией и Нью-Йорком. Письма свои

Надин неизменно подписывала «Кисонька». Эти две стопки писем были показаны переводчикам, которые пришли к выводу, что это были не более чем любовные письма и не представляли для следствия никакой ценности.^{382} Ханневелл и Смит, однако, обратили внимание на то, что Надин в своих письмах часто упоминала какую-то «систему», которая, как она надеялась, принесет успех Рейли, однако ни в одном из ее писем следователи не обнаружили ни единого намека на то, что она имела в виду или в чем состояла эта система.^{383}

Ричард Спенс утверждает, что «система» Рейли означает его подход к ведению бизнеса, перенятый им у торговца оружием Бэзила Захарова.^{384} Суть же захаровской «системы» заключалась главным образом в сталкивании интересов сторон друг с другом для достижения максимальной прибыли. Как мы уже отмечали выше в главе 5, нами не найдено конкретных доказательств того, что Рейли и Захаров встречались друг с другом, не говоря уже о том, что были знакомы. Таким образом, утверждение Спенса носит чисто умозрительный характер.

Ханневелл и Смит затем принялись за сейф Рейли, который был вскрыт, а его содержание тщательно исследовано. То, что они обнаружили, подтвердило предположение о том, что он пользовался «колоссальной политической поддержкой в России».^{385} Там же они нашли большое количество военных контрактов, составленных Рейли от имени правительства Российской империи на «гигантские денежные суммы».^{386} Особый интерес представляли регистрационные книги, в которых были записаны чеки, выписанные самим Рейли или от его имени управляющим конторой Аптоном Дейлом Томасом. Некоторые чеки были выданы на имя «Нью-Йоркского клуба», членом которого состоял Рейли. Внимание следователей также привлек чек на имя некоего Карла Лови, из чего они заключили, что Рейли вел дела с «какими-то немцами».^{387} Томас, выписавший чек, однако, высказал предположение, что Лови был по национальности не немцем, а датчанином.

Ханневелл и Смит также обратили внимание на два чека на крупные суммы: один на 6000 долларов на имя Вайнштейна, другой на 2000 долларов на имя Ягальского. Томас утверждал, что этот чек был выдан Вайнштейну в качестве оплаты его комиссионных, а чек Ягальского не что иное, как долг, который Рейли вернул Ягальскому.

Обыск письменного стола Вайнштейна также не принес никаких результатов.

Томаса спросили, что он может рассказать о Рейли, Вайнштейне и Ягальском. Он заявил следователям, что фактически ничего не знает о делах Рейли или Вайнштейна, подтвердив, что был уполномочен Ягальским вести его дела, пока тот был в Техасе. Следователи поверили Томасу и охарактеризовали его в своих отчетах как «лояльного американца»^{388}. Не найдя ничего заслуживающего внимания в апартаментах Рейли, следователи неожиданно для себя столкнулись с тем, что у них уже нет ни сил, ни времени продолжать расследование. Война в Европе подходила к своему заключительному и самому кровопролитному этапу по мере того, как во Францию прибывали свежие подкрепления американских войск, решая тем самым исход войны в пользу союзников.

Материал, собранный следствием на Рейли, Вайнштейна и Ягальского, оказался настолько скудным, что не позволял предъявить им обвинение в симпатии к немцам или тем более в сотрудничестве с ними. Из всей троицы наибольшее подозрение вызывал только Ягальский, хотя эти подозрения были основаны лишь на косвенных уликах. Некоторое время спустя Ягальский был арестован и подвергнут тщательному допросу в Техасе, однако его пришлось отпустить за отсутствием доказательств вины.

Неубедительные выводы, к которым пришло следствие, вызывают вопрос: насколько можно верить свидетелям, дававшим показания против Рейли, — ведь большинство их сами занимались спекуляциями на рынке военных заказов. Некоторые, как Воклен, будут позднее оправдывать свои действия стремлением приблизить конец войны или «не допустить участие Америки в ней»^{389}. Одни проиграли Рейли в беспощадной борьбе за контракты, другим же он просто сломал жизнь или жестоко обманул их.

Из всех показаний против Рейли наибольший интерес представляют свидетельства Норберта Родкинсона. Именно из них можно предположить, что между 1904–1909 годами Рейли повторно женился, еще до того, как встретил Надин. Родкинсон, разумеется, мог что-то слышать о приезде Маргарет в Петербург во время своего пребывания там. Существует также вероятность того, что Маргарет приезжала в Петербург в 1916 году. Она сама упоминает о своем

приезде в Россию во время войны — и это утверждение похоже на правду, так как документы Форин офиса подтверждают, что в январе 1916 года ей был выдан паспорт^{390}. Если она действительно была в России, то приехала туда работать сестрой милосердия в Красном Кресте или поискать работу гувернантки в английской колонии Петербурга^{391}. Последний вариант, возможно, объясняет появление истории о «детях» и «покинутой семье» в показаниях Родкинсона.

Показания Родкинсона также важны и тем, что они, похоже, являются первоисточником сведений о прошлом Рейли, которые позже будут использованы другими, а также всплывут в ряде разведывательных материалов, включая документы СИС. Однако более внимательное изучение показаний Родкинсона вызывает сомнения в их достоверности. Хотя следователи и поверили его утверждению о том, что он англичанин, есть достаточно оснований полагать, что он родился не в Англии. Позже Родкинсон утверждал, что он американец. Найденное в архивах Государственного департамента США донесение, составленное вскоре после окончания войны, представляет Родкинсона в совершенно ином свете^{392}:

«26 ноября 1918 года

Копии: В Отдел военно-морской разведки,

Отдел военной разведки,

Департамент юстиции

Тема: Норберт Мортимер Родкинсон

По имеющейся у нас информации видно, что он коренной американский гражданин, родившийся в городе Батон-Руж, родители: отец — еврей из России, мать — французская креолка. Свидетельства о рождении у него нет, Родкинсон утверждает, что оно погибло при пожаре. Девичья фамилия его жены Поленс, она англичанка немецкого происхождения и сомнительных моральных качеств^{393}. Сам Родкинсон — человек, не лишенный обаяния и способностей, говорит на нескольких языках, хорошо знает жизнь в России и в курсе событий, там происходящих. Его деловая репутация достаточно сомнительна. Когда в январе 1918 года он получил паспорт для поездки в Соединенные Штаты, то британские власти поставили на нем отметку «без права возвращения обратно», однако Родкинсон заявил протест и добился отмены этого решения, так как в то время он, по-видимому, имел связи в Министерстве информации. По прибытии в

Америку он обратился с заявлением о принятии его на работу в Государственный департамент, представив при этом пять характеристик от бывших работодателей. Из них всех только один безоговорочно ручается за него. Другой отзыв содержит о нем крайне неопределенные сведения, в двух других говорится о том, что он родился в Германии, но ни в одном из отзывов нет ручательства за него как за порядочного человека, а в одной характеристике сказано, что работодатель испытывал сомнения при рассмотрении его кандидатуры.

Что касается его личной жизни — Родкинсон дважды женат, однажды, будучи в Берлине, был ранен ножом «fille-de-joie»^[23]. Утверждает, что работал на английскую разведку, однако документами, подтверждающими это, мы не располагаем».

Но, пожалуй, еще более откровенную информацию о нем мы находим в докладной записке, составленной Американским бюро расследований тремя месяцами ранее и основанной на информации, полученной им от полковника Проски, инициировавшего следствие по делу Рейли в апреле 1917 года. Агент Р. У. Финч из нью-йоркского отделения Бюро писал:

«Как сообщает наш доверенный информатор полковник Проски из компании «Флинт энд К°», проживающий по адресу: Нью-Йорк, Бродвей, 120, некий человек по фамилии Родкинсон, прежде работавший в компании «Флинт и К°», желает поехать в составе русской комиссии в Россию и просит дать ему рекомендательное письмо от «Флинт энд К°». Также имеются сведения о том, что Родкинсон недавно встречался с сенатором Дж. Гамильтоном Льюисом, который пообещал устроить Родкинсону аудиенцию у президента Вильсона»^{394}.

Далее в сообщении Проски говорится о том, что Родкинсон прежде являлся представителем «Флинт энд К°» в Петрограде. За время его пребывания там в его дом дважды являлась полиция. Проски также указывает на знание Родкинсоном немецкого и русского языков, отмечая, что после своих «неприятностей в России» он вернулся в США и стал работать на фирму «Ренскорф, Лайон энд К°». Какие неприятности имелись в виду, в докладе не сообщается, однако у Государственного департамента и Американского бюро расследований были все основания для беспокойства. Так, в документах 14-й американской переписи, проведенной в 1920 году, Родкинсон написал

о себе, что родился в Луизиане, однако в архивах Луизианы мы не нашли ни одного человека с этим или похожим именем, родившегося в 1874-м или близком по времени году.^{395}.

Первое упоминание имени Родкинсона мы находим в американских иммиграционных документах, где он был зарегистрирован по прибытии в Нью-Йорк 10 июня 1903 года на борту лайнера «Кайзер Вильгельм Великий», прибывшего в Америку из немецкого города Бремен. В течение последующих двадцати лет он, его первая жена Сьюзан и вторая жена Коринн не раз переплывали Атлантику. Несмотря на то что Родкинсон всегда заявлял, что он американский гражданин, он, как мы уже убедились, так и не смог представить доказательства, что родился в США. Хотя многие показания, данные им на Рейли, не противоречат фактам, сообщенным другими свидетелями, его утверждение, что Рейли родился в Бендзине и якобы оставил свою семью в 1916 году, вызывает некоторые сомнения. Правду говорил Родкинсон или нет, очевидно одно: свидетелем он был далеко не безупречным.

Результаты расследования, мягко говоря, оказались неубедительными. Роджер Уэллс, директор военно-морской разведки, инициировавший расследование по делу Рейли еще в апреле 1917 года, возможно, наилучшим образом сформулировал свое отношение к его выводам в своем заключении, которое он направил вместе с материалами следствия директору Американского бюро расследований Брюсу Беляски два месяца спустя после окончания войны:

«Хотя следствие не пришло ни к каким конкретным выводам, его материалы содержат массу интересной информации, которая может оказаться полезной вашему отделу в случае, если кто-либо из упомянутых личностей попадет в ваше поле зрения. Мы квалифицируем этих людей как международных аферистов высочайшего класса»^{396}.

В конце этой резюмирующей фразы Уэллс поставил точку. Хотя руководитель Отдела военно-морской разведки Великобритании мог с гордостью утверждать, что знает всю подноготную подлого изменника Рейли, и в самом страшном сне ему не могло присниться, что всего через несколько месяцев после своего зачисления в Королевский авиакорпус этот «международный аферист» будет подниматься по

лестнице лондонской штаб-квартиры СИС с намерением просить аудиенции у Си — легендарного шефа британской секретной службы.

Глава 8. Под кодовым именем ST1

Когда сотрудник британской миссии в Нью-Йорке полковник Эббот впервые узнал о том, что Рейли видели в форме английского офицера, то «был потрясен до глубины души»^{397}. Будучи великолепно осведомлен о его многочисленных аферах, полковник был не в состоянии понять, как столь редкостный мерзавец получил разрешение поступить на службу в английскую армию да еще получить офицерское звание. Другой сотрудник миссии, полковник Гиффорд, беседовал с майором Туэйтсом, который сообщил ему о том, что намеревается выразить Лондону свою недвусмысленную позицию по этому вопросу.^{398} Из этой беседы Гиффорд пришел к заключению, что либо Рейли будет отозван из армии, либо его попросят выйти в отставку. В действительности ни того ни другого не произошло. Туэйтс в своей биографии, опубликованной в 1932 году, приводит этот эпизод, однако его отношение к описываемым событиям выглядит по меньшей мере странно.

«В 1917 году человек [Рейли] возраста тридцати восьми лет обратился ко мне в Нью-Йорке с просьбой, чтобы я поспособствовал его устройству на военную службу. Он сказал мне, что считает своим долгом внести свой вклад в войну... Рейли изъявил желание служить в Королевских военно-воздушных силах. Я командировал его в Торонто к знакомому мне офицеру, и очень скоро Рейли было присвоено офицерское звание. Однако для офицера интендантской части, куда он был назначен, он был слишком ценной находкой, и я направил рапорт в штаб главнокомандующего у себя на родине о том, что есть человек, который не только хорошо знает Россию и Германию, но может в совершенстве говорить по меньшей мере на четырех языках. Его немецкий был действительно безукоризненным, а уж о русском и говорить не приходится»^{399}.

Туэйтс далее вспоминает, как в результате его рапорта в Лондон Рейли был вызван на собеседование к Си — «тайнственному шефу секретных операций», а затем направлен с миссией в Прибалтику, Восточную Пруссию, а оттуда командирован в Россию. Пожалуй, не будет преувеличением, если мы скажем, что воспоминания Туэйтса

1932 года и его донесения от 1917 года как будто написаны двумя разными людьми. Так, в своей автобиографии Туэйтс называет Вайнштейна «одним из самых обаятельных русских», которых он когда-либо знал»^{400}, в то время как в 1917 году он именовал его не иначе как владельцем борделя, якшавшимся с врагом^{401}. Рейли, в воспоминаниях описываемый в самых розовых тонах, в донесениях пятнадцатилетней давности выглядит куда более зловещей фигурой.

Рассказ Туэйтса о его рекомендации Рейли в Королевские военно-воздушные силы также не выдерживает никакой критики, если мы сопоставим его с телеграммами, которые он отправлял из своего нью-йоркского разведпункта в лондонскую штаб-квартиру СИС в февралемарте 1918 года. К этому времени Рейли уже не было в живых, а донесения и телеграммы Туэйтса были надежно спрятаны в архивах от посторонних глаз, поэтому Туэйтс не увидел ничего зазорного в том, чтобы приписать себе заслугу устройства Рейли в Королевские военно-воздушные силы Великобритании, так как в 1932 году Рейли был на пике своей посмертной популярности благодаря книге «Супершпион», распространяемой в виде комиксов по всей Англии и Европе.

Вопреки мнению многочисленных биографов Рейли, в 1918 году между ним и СИС не было никаких отношений. Это подтверждают дневники Камминга (Си), где отражено, что Рейли был ему рекомендован как человек, который мог оказаться полезным для отдела, возглавляемого майором Джоном Скейлом, позже прикомандированного к разведпункту СИС в Петрограде^{402}. Из дневников Си мы также узнаем о том, что Скейл поддерживал связи с английской армией в Канаде и готовил агентов, которые имели опыт жизни и работы в России. Скейлу Рейли был рекомендован майором Страбеллом — офицером, производившим его в офицерский чин, которому Рейли предложил свои услуги для работы в России^{403}.

Хотя Рейли сам предложил свою кандидатуру, мотивы, по которым он сделал это, не очень понятны. Версия, согласно которой он решил оставить свою жену, любовницу, комфортабельную и сытую жизнь в Нью-Йорке для того, чтобы «внести свой вклад»^{404} в войну, как это предполагает Туэйтс, в высшей степени наивна, так как до этого Рейли не проявлял ни малейшего интереса к военной службе. Этот эпизод еще раз подтверждает то, что Рейли был человеком, который в своей жизни никогда не руководствовался патриотическими

или идейными соображениями. Единственным двигателем всех его поступков была алчность и корысть.

Ричард Спенс выдвигает гипотезу, что отъезд Рейли из Нью-Йорка явился прямым следствием его предполагаемого участия в диверсионных актах, организованных Куртом Янке^{405}, а также что его зачисление в ряды Королевских военно-воздушных сил в Торонто произошло раньше, чем это отмечено в его послужном списке^{406}. Исходя из этой предпосылки, а также утверждения Туэйтса, что «Рейли поехал с миссией в Россию, когда Керенский был уже обречен»^{407}, Спенс делает вывод, что Рейли в действительности отправился в Россию до большевистской революции, а не после нее. По его мнению, Рейли прибыл в Россию еще в августе 1917 года в составе учебной команды канадского Королевского авиакорпуса. Несмотря на то что Спенс так и не смог найти списка ее личного состава, он не сомневается, что Рейли числился в этом подразделении:

«Исчезновение Рейли [из Нью-Йорка] совпадает по времени с прибытием в Россию в начале августа специальной учебной команды Королевского авиакорпуса. Эта команда была прикомандирована к британской военно-технической миссии, возглавляемой генералом Э. К. Пулем. Согласно послужному списку, Рейли заведовал военно-технической частью, и их пути неизбежно должны были пересечься в России в 1918–1919 годах»^{408}.

Авиамеханик Иббертсон в своем дневнике приводит полный список офицеров и других чинов, служивших вместе с ним в этой команде, однако человека по имени Рейли в нем нет^{409}. Предположение Спенса о причастности Рейли к диверсионным актам Янке основано на сомнительных фактах, равно как и остальные его гипотезы. Более того, недавно обнаруженная переписка между Рейли и его любовницей Беатрис Тремен ясно указывает на то, что за период с июля по декабрь 1917 года Рейли фактически все время находился в Торонто и жил в отеле «Король Эдуард». Расположенный на Кинг-стрит-ист, отель не только был самым роскошным в Торонто, но и находился в непосредственной близости к школе военного воздухоплавания № 4 при Королевском авиакорпусе, учебные помещения которого находились в здании Торонтского университета, где Рейли обучался до своего отъезда в Англию в декабре 1917 г.^{410}

Из всех возможных причин, побудивших Рейли принять столь внезапное решение о возвращении в Россию, революционные события, разыгравшиеся там в октябре-ноябре 1917 года, кажутся нам наиболее вероятными. 19 октября 1917 года Рейли был зачислен в списки Королевского авиакорпуса в Торонто «со старшинством» в чине, который еще ждал своего утверждения^{411}. Несколькими неделями ранее большевики добились большинства в московском и петроградском советах, предоставив тем самым еще больше поводов для слухов о предстоящем вооруженном восстании. К 7 ноября 1917 года, когда большевики захватили власть^{412}, Рейли еще обучался в школе военного воздухоплавания в Торонто^{413}.

Хорошо зная жизненные предпочтения Рейли, зададим себе вопрос: каковы были мотивы его столь спешного возвращения в Россию? Следует иметь в виду, что с приходом к власти большевиков въезд в Россию для иностранцев (каким был «Сидней Рейли») был сильно затруднен.

Наиболее вероятно, что в 1914 году Рейли планировал отправиться в Нью-Йорк, чтобы заработать на войне как можно больше денег. Англия была не единственной страной, полагавшей, что война закончится «к Рождеству», и Рейли, несомненно, рассчитывал сколотить капитал до окончания войны. Не исключено также, что большая часть его имущества и ценностей остались в Петербурге и ждали его возвращения. Отречение царя в марте 1917 года не особенно беспокоило его, так как Временное правительство было решительно настроено продолжать войну против Германии в качестве союзника Франции и Англии, и многие полагали, что свержение царя улучшит шансы России в войне.

Кроме того, приход к власти Временного правительства никак не отразился на свободе въезда в Россию иностранцев и не ущемлял их прав распоряжаться деньгами или собственностью в этой стране. Угроза же большевистского переворота была совершенно иным делом. В случае победы большевиков существовала большая вероятность того, что они могут закрыть границы, не говоря уже о том, что в условиях революционного пожара судьба спрятанных Рейли ценностей была бы непредсказуемой.

Если у Рейли в Петрограде действительно были жена и дети, как это утверждал Родкинсон, то не исключено, что он хотел вытащить их

из этой ловушки. В поддержку этой гипотезы говорит тот факт, что в ноябре 1911 года Рейли короткое время находился под наблюдением русской контрразведки, которая несколько раз перехватывала письма, адресованные ему его «женой». В донесениях агентов она фигурирует как «дочь русского генерала, проживающая за границей»^{414}. Этой «женой» не могла быть Маргарет, которая, хотя и жила за границей, не была дочерью русского генерала. Ею не могла быть и Надин, которая в 1911 году жила в Петербурге со своим мужем Петром по Адмиралтейской набережной, 2, в нескольких кварталах от квартиры Рейли на Ново-Исаакиевской, 2. Помимо прочего, в адресной книге «Весь Петербург» за 1913, 1914 и 1916 годы зарегистрирована некая Анна Рейле^{415}.

Как мы уже отмечали ранее в главе 3, при зачислении на военную службу полагалось указывать имя человека, которого должны были уведомить в случае гибели военнослужащего или ранения на войне. Этим человеком была записана «миссис А. Рейли, Нью-Йорк, Бродвей, 120». По этому адресу, разумеется, располагалась контора Рейли, которой в его отсутствие управляли его два доверенных помощника Дейл Аптон Томас и Александр Вайнштейн. Надин в это время жила не в Нью-Йорке, а незадолго до ее отъезда из Америки Рейли положил на ее счет приличную сумму денег. Если «миссис А. Рейли» была Анной, то наиболее вероятная причина, по которой Рейли указал именно ее, были дети. Как бы то ни было, мотивы его возвращения в Россию до конца остаются неясными, а вот события, прошедшие с ним с момента его отъезда из Торонто и до возвращения в Россию, довольно живо и временами забавно изложены в документах английской разведки.

Рейли в форме лейтенанта КВВС, ок. 1919 г. Вопреки его собственным утверждениям, он никогда не принимал участия в военных действиях в период Первой мировой войны

Спустя тринадцать дней после утверждения его в чине второго лейтенанта Королевского авиакорпуса^[24] имя Рейли появится в списках личного состава канадских летчиков от 3 декабря 1917 года^{416}, подлежащих командированию за границу. В случае с Рейли имелась в виду Англия, куда он прибыл холодным днем в канун Нового года, остановившись в номере 32 отеля «Савой»^{417} в Лондоне вместе с лейтенантами Х. Э. Келли и М. Марксом. Через неделю Келли был откомандирован во Францию, а Маркс переведен в 39-ю эскадрилью в Шропшире. Рейли же был «переведен» не далее чем в Сент-Джеймс, Райдер-стрит, 22.

13 января он встретился с майором Скейлом, незадолго до того прибывшим в Лондон из Петрограда^{418}. Скейл вкратце проинформировал его о формальностях, которые тот должен был соблюсти перед тем, как его заявлению о приеме на службу будет дан дальнейший ход. Под этими формальностями подразумевались рекомендательные письма и справки, так как 19 января Рейли, по указке Скейла, составил следующую бумагу в Военное министерство на имя полковника Байрона:

«Сэр!

Имею честь представить следующие документы:

1. Письмо от мистера Оуэнса-Терстона, директора фирмы «Виккерс».

2. Оригинал и перевод свидетельства, выданного мне генерал-квартирмейстером русской армии.

3. Я знаком с генералом Гермониусом, главой русской миссии, и он с радостью ответит на все ваши запросы обо мне.

4. Обо мне также можно навести справки у майора КВВС Дж. Ф. Дж. Страбелла (номер 240, контора Совета по делам военно-воздушных сил, отель «Сесиль», тел. Риджент 8000, доб. 1240), человека, который завербовал меня в Королевский авиакорпус в Канаде и который может предоставить полную информацию обо мне и положении, которое я занимал в Нью-Йорке.

Надеюсь, что перечисленные выше документы окажутся достаточными для рассмотрения моей кандидатуры.

Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой,

С. Дж. Рейли, 2-й лейтенант КВВС»^{419}.

Среди приложенных документов на бланке компании «Виккерс» содержалось следующее свидетельство:

«Я имею удовольствие свидетельствовать, что знаю г-на Сиднея Дж. Рейли тринадцать лет и что в течение этого времени я имел много возможностей убедиться в его необыкновенных способностях к

языкам. По имеющимся у меня сведениям, будучи в Петрограде, г-н Рейли имел многочисленные дела с русским правительством, а его знание России всегда представлялось мне очень обширным и точным; многие высокопоставленные русские также прекрасно отзывались о его работе и глубоком знании русских дел. От себя могу только прибавить, что г-н Рейли обладает также качествами не только коммерсанта, но и дипломата, и за все тринадцать лет моего знакомства с ним мне ничего не известно о фактах, порочащих его.

Т. Х. Оуэнс-Терстон.»^{420}.

Если Оуэнс-Терстон действительно не знал ничего порочащего Рейли, то, вероятно, он был одним из немногих. С другой стороны, это письмо опровергает мнение Ричарда Дикона, что Рейли был во враждебных отношениях с «Виккерсом». Активно работая на «Блом унд Фосс», Рейли не брезговал заводить знакомства и в конкурирующих фирмах, одной из которых была «Виккерс».

Свидетельство, выданное русскими, было датировано 8 августа 1914 года и подписано генерал-майором Эрдели^[25]:

«По приказанию начальника Генерального штаба, предъявителям сего: великобританскому подданному Сиднею Георгу Райллэ и русскому подданному И. Т. Жиратовскому^[26] необходимо оказывать содействие в как можно скором и беспрепятственном переходе границы.

Указанные лица имеют поручение от начальника Главного артиллерийского управления о производстве закупок материалов и вооружения для нужд армии»^{421}.

Несмотря на это, 30 января СИС направил в МИ5 запрос о Рейли.

«Нет ли возражений против того, чтобы навести справки о типе, работающем на разведывательный отдел?

Сидней Дж. Рейли, клуб Королевского авиакорпуса, Брутон-стрит и Райдер-стрит, 22, Сент-Джеймс»^{422}.

2 февраля из МИ5 пришел следующий ответ:

«Мы не располагаем никакими сведениями об упомянутом вами лице. В полиции также нет никаких предосудительных сведений о нем»^{423}.

В МИ5, впрочем, был один сотрудник, который знал о Рейли больше, чем кто-либо другой, и мог бы предоставить самую точную и достоверную информацию о его загадочном прошлом и тайной деятельности, если бы был в состоянии это сделать. 2 февраля сведения, которыми владел Мелвилл о Рейли, уже никак не могли отразиться на ходе рассмотрения заявления Райли о приеме на службу в английскую разведку. Вынужденный подать в отставку в сентябре предыдущего года из-за болезни почек, Мелвилл скончался в больнице «Болингбрук» в Беттерси 1 февраля 1918 года^{424}, буквально за день до того, как МИ5 сообщило СИС об отсутствии каких-либо сведений о нем в их досье.

В результате 15 марта Рейли было сообщено, что он вызывается на собеседование к Си. Несмотря на то что МИ5 не обнаружил в своих архивах ничего компрометирующего Рейли, Си тем не менее посчитал необходимым навести более подробные справки об этом загадочном господине. 28 февраля он послал телеграмму в нью-йоркский разведпункт СИС^{425} с просьбой сообщить ему как можно более подробную информацию о прошлом Рейли. Эти запрос вряд ли был бы необходим, если бы личность Рейли не вызывала у него сомнений.

Ответ не заставил себя долго ждать. 4 марта, в 10 часов утра, в лондонскую штаб-квартиру СИС из Нью-Йорка пришла телеграмма от Нормана Дж. Туэйтса, подписанная инициалами «Н.Дж.»:

«В ответ на Вашу телеграмму № 206 от 28 февраля: СИДНЕЙ РЕЙЛИ является британским гражданином, женатым на РУССКОЙ ЕВРЕЙКЕ, который к началу войны сколотил капитал благодаря влиянию и связям с продажными членами русской закупочной комиссии. Ходят слухи, что в 1903 году он шпионил в пользу Японии в ПОРТ-АРТУРЕ. Мы наблюдаем за ним с 1916 года. Мы считаем этого человека не заслуживающим никакого доверия и не пригодным для предложенной работы.

Н. Дж.»^{426}.

Ничуть не смущенный столь убийственной характеристикой, Си телеграфировал в Нью-Йорк еще один запрос с просьбой сообщить

больше деталей. Тем временем МИ5 было дано указание установить слежку за Рейли, который в это время ожидал решения по своему вопросу. 9 марта, отчитываясь за три дня наблюдения за Рейли, агенты МИ5 сообщили следующее: «Ничего особенного в его передвижениях замечено не было по причине того, что он, как правило, пользовался такси; нам же в большинстве случаев даже не удавалось поймать кэб, чтобы продолжать слежку за ним»^{427}. Часто филеры были вынуждены ловить автобус и ехать туда, куда, как они предполагали, направлялся Рейли, — в отель «Савой». Один раз им действительно удалось поймать такси, но только для того, чтобы узнать от водителя, что кэб Рейли имеет более мощный двигатель и преследовать его не имеет никакого смысла!

SECRET

Information has been received from a reliable source that one, Sydney G. REILLY is reported to be one of a gang of confidence men of an international character. Believed to have been born in Russian Poland but claims to be a British Subject and his wife lives in United States. Working on war contracts in U.S. At time of war between Russia and Japan was spying for latter in Port Arthur. In December 1917 he joined the R.F.C. and was sent abroad in January 1918. He afterwards worked for the British Consul General at Moscow. May have consorted with suspected spies of names of Alexander (Weir?), ^{127 AUG 1958} ~~Tom~~ Parlaway, Jahalsky; ^{DELETED} ~~127 AUG 1958~~ bears a very bad character. Said to be well off, banking with National Guarantee Trust. It is reported that he was held in suspicion by Major Thwaites in New York.

МИ5 получило множество донесений о сомнительном прошлом Рейли

Слежка за его квартирой на Райдер-стрит и беседы с соседями привели МИ5 к заключению, что Рейли «очень респектабельный господин, исправно платит по счетам, обедает и ужинает в отелях «Савой» и «Беркли» и всегда возвращается домой до полуночи»^{428}.

В 14 марта, в 2.20 пополудни, Уайтхолл-Корт получил ответ из Нью-Йорка на вторую телеграмму Си.

«На Вашу телеграмму за № 210 от 5-го:

По конфиденциальным сведениям, полученным нами от одного служащего «Нешнл Паудер Бэнк», он знаком с запрашиваемым лицом несколько лет и может сообщить о нем следующее. Это очень практичный, обладающий несомненными способностями коммерсант, не имеющий, однако, ни чувства патриотизма, ни каких-либо принципов, вследствие чего он не может быть рекомендован для работы, требующей благонадежности, поскольку, не колеблясь, будет использовать ее в своих интересах. Он был связан с правительственными контрактами во время РУССКО-ЯПОНСКОЙ и нынешней войн и, без сомнения, обладает великолепным знанием обеих стран.

Приведенное выше мнение подтверждается и нашими собственными оценками этого человека.

Н.Дж.»^{429}.

На следующий день, не подозревая, разумеется, о том, какой оживленный обмен телеграммами через Атлантику вызвала его persona, Рейли появился на Уайтхолл-Корт, 2, для встречи с Си^{430}. Беседа с шефом была формальностью, через которую проходили все агенты, и Рейли в данном случае не был исключением. Прошел через эту формальность и Пол Дюкс, будущий друг и коллега Рейли по СИС. В своей книге «Багровый закат и восход» он оставил интереснейшие воспоминания об этом поистине трепетном событии.

В Уайтхолл-Корте Дюкса встретил безымянный полковник и препроводил его в кабинет Си.

«Войдя в здание, мы сели в лифт, который унес нас на самый последний этаж. Выйдя из лифта, мы с моим провожатым поднялись вверх еще на один пролет лестницы, столь узкий, что тучный человек наверняка застрял бы здесь, успешно обогнули невесть откуда взявшиеся на нашем пути углы и опять поднялись еще на один пролет».

7th March, 1918.

REILLY, 2nd Lieut.

In company with A.L.W., I kept observation on 22, Ryder Street commencing at 9.a.m. The above came out at 1.25.p.m. proceeded to a taxi in the centre of the road in St. James' Street, and disappeared in the direction of Pall Mall. Whilst I kept observation on this taxi, A.L.W. proceeded to one drawn up close to the curb higher up the Street. The driver informed A.L.W., that as his was only a two cylinder and the one REILLY was in was a four cylinder it was useless for him to try and catch him. We took up observation again on 22, RYDER STREET, REILLY returned at 3.40.p.m. and as he did not reappear by 8.15.p.m. the observation was withdrawn.

P.

P.A.W.

Служка агентов МИ5 за Рейли оказалась непростым делом

Кабинет шефа представлял собой «темную комнату с низким потолком на самом верху здания». Постучавшись в дверь, полковник вошел в кабинет и встал в ожидании приказаний. За ним последовал порядком понервничавший Дюкс. Он вспоминал далее:

«Письменный стол был поставлен прямо у самого окна, из-за чего все, что находилось в кабинете, было видно только в очертаниях. Лишь спустя несколько секунд я смог различать вещи. Слева от стола, заваленного бумагами, стояла в ряд дюжина местных телефонов. Сбоку от письменного стола стоял еще один стол, на котором были разложены многочисленные карты и чертежи, модели аэропланов, субмарин и разных механизмов, а батарея разноцветных склянок и перегонный аппарат с подставками для пробирок свидетельствовали о том, что их хозяин занимался химическими экспериментами.»

Уайтхолл-Корт — место, где располагалась первая штаб-квартира Сикрет интеллидженс сервис

Эти следы научных изысканий лишь усиливали и без того царящую здесь непривычную и таинственную атмосферу. Но не это привлекло мое внимание, пока я стоял в кабинете, дрожа как осиновый лист. Мой взгляд был прикован к фигуре, сидевшей за письменным столом. Этот необычный человек был невысокого роста, крепкого телосложения, с округлым лицом и седыми волосами. Очертания губ свидетельствовали о решительности характера, а орлиный глаз быстро скользнул по мне и одновременно пронзил сквозь монокль в золотой оправе. Форменный плащ, висевший на спинке стула, говорил о том, что его хозяином был морской офицер»^{431}.

Какое именно впечатление произвел Мэнсфилд Камминг, или Си, на Рейли, нам не известно. Сам Камминг оставил достаточно скупые впечатления о Рейли в своем дневнике в записи от 15 марта:

«Скейл представил мне Рейли, который изъявляет желание поехать в Россию по нашему заданию. Очень умен — очень подозрителен, — был везде и делал все. Вывезет 500 фунтов банкнотами и бриллианты, пользующиеся сейчас большим спросом, на сумму 750 фунтов. Дело, должен признаться, очень рискованное, так как ему предстоит встретиться с нашими людьми в Вологде, Киеве, Москве и т. д.»^{432}.

Впечатление о Рейли как о «подозрительном» человеке еще больше усилилось с получением последней телеграммы из Нью-Йорка в 2.25 дня 21 марта:

«В дополнение к моей телеграмме № 201 от 13-го:

МАК-РОБЕРТС сообщает, что он лично симпатизирует Рейли, но мало его знает. Другой служащий банка сообщил мне информацию, которую он получил от человека, знавшего РЕЙЛИ много лет: Р. — ГРЕЧЕСКИЙ еврей, очень умный и совершенно беспринципный. Во время войны заработал на русских контрактах около двух миллионов долларов. Имеет связи практически в каждой стране, включая Германию, Японию и Россию. КОНЕЦ.

В связи с вышеизложенным, считаю нужным подчеркнуть, что у РЕЙЛИ должны быть очень веские основания оставить свой

прибыльный бизнес и жену, о которой говорят, что она очень ревнива, и начать работать на вас.

Н. Дж.»^{433}.

Си имел репутацию человека, принимающего рискованные решения и плывущего против течения. Лучшим доказательством этого является его решение дать Рейли шанс, несмотря на целые тома компромата на него, полученные им к этому моменту. Риск, по мысли Си, оправдывался необходимостью иметь в России надежную разведывательную агентуру. Начиная с 22 декабря в Брест-Литовске с переменным успехом шли переговоры между большевиками и немцами, и всем было очевидно, что они подходят к завершению. Пока Си обменивался телеграммами с Нью-Йорком, обе стороны 3 марта наконец поставили свои подписи под Брест-Литовским договором — горькой пилюлей, которую пришлось проглотить русским, — означавшим уступку территорий и выплату колоссальных репараций немцам. Ленин, однако, был решительно настроен на выход России из войны, прекрасно сознавая, что судьба его новорожденного режима всецело зависит от этого фактора. Для Германии же подписание этого договора означало, что она теперь могла полностью перебросить свои силы на Западный фронт против союзников.

Военный кабинет в Лондоне и правительства союзных держав стояли теперь перед выбором: либо предпринять попытку втянуть большевиков в войну против Германии, либо вторгнуться в Россию в надежде, что большевики будут свергнуты, а на их место придет правительство, выступающее за продолжение войны. Каким бы ни было это решение, необходимость иметь в России разведывательную агентуру была сейчас важна как никогда.

22 марта, на следующий день после получения последней телеграммы из Нью-Йорка за подписью «Н.Дж.», Си и его сослуживец по СИС полковник Клод Денси посетили ювелирный магазин Шуйлера в Сити и приобрели бриллианты на сумму 750 фунтов стерлингов^{434}, которые Рейли должен был доставить в Москву.

В тот же день МИ5 стала наводить справки с целью проверки сведений, сообщенных о себе Рейли, и сделала запрос в управление Ирландского военного округа в Дублине:

«Мы будем Вам благодарны, если Вы сообщите нам, действительно ли упомянутое лицо родилось в Клонмеле 24 марта 1874 года, а также любую информацию о его родителях. Пожалуйста, дайте нам ответ как можно быстрее, так как дело не терпит отлагательства».^{435}.

30 марта, не получив ответа, МИ5 послало повторный запрос. На следующий день управление Ирландского военного округа дало следующий ответ:

«На Ваши запросы 267275/D от 22 и 30 марта сообщаем, что по сведениям, полученным нами из полицейского управления, документов, подтверждающих факт рождения означенного лица в Клонмеле, не обнаружено. Подписал (за) майор И. Х. Прайс».^{436}.

Прошло еще три дня, прежде чем МИ5 забило тревогу и послало в СИС срочное донесение майору Кендаллу о том, что новый агент Си совсем не тот, за кого себя выдает. Однако события вспять повернуть уже было невозможно: агент ST1^{437}. — а именно такое кодовое имя было теперь дано Рейли — уже находился на борту датского торгового судна «Королева Мария», уверенно рассекавшего волны в направлении русского порта Архангельск.

Глава 9. Заговор Рейли

Через четыре дня после отъезда Рейли в Россию Си послал сообщение по кабелю в британскую миссию в Вологде, предупреждая их о том, что:

«25 марта Сидней Джордж Рейли, лейтенант Королевского авиакорпуса, выехал из Англии в Архангельск. Имеет еврейско-японскую внешность, карие навывкате глаза, морщинистое землистого оттенка лицо, может носить бороду, рост пять футов девять дюймов. Даст о себе знать в апреле. Имеет при себе зашифрованное сообщение, по которому вы установите его личность. По прибытии должен явиться к консулу и спросить, где можно найти чиновника, занимающегося оформлением паспортов. Спросите, по какому вопросу он пришел, он ответит: «Покупка бриллиантов». В его распоряжении имеются бриллианты стоимостью 640 фунтов 7 шиллингов и 2 пенса как наиболее удобная валюта. Если у Вас не хватит средств, у него есть приказ поделиться с вами. Он будет полностью в Вашем распоряжении, если нужно, пусть станет членом вашей организации, так как он должен иметь свободу передвижений. Его необходимо отправить в Стокгольм в конце июня. Ждите дальнейших инструкций»^{438}.

Однако вместо того чтобы подчиниться приказу и высадиться в Архангельске, Рейли сошел с корабля в Мурманске. Сам порт находился в руках английских морских пехотинцев, посланных туда 6 марта для охраны военного снаряжения, которому стала угрожать опасность с момента заключения Брест-Литовского договора между большевиками и немцами. Не успел Рейли сойти с трапа торгового судна «Королева Мария», как был задержан для проверки документов и немедленно арестован, после чего его поместили на борт эсминца «Глори», куда по приказу адмирала Кемпа был вызван для его допроса возвращавшийся в Лондон майор СИС Стивен Элли. «Его паспорт выглядел очень подозрительно, а фамилия писалась как REILLI. Это обстоятельство, равно как и то, что он явно не походил на ирландца, послужило причиной его ареста», — вспоминал Элли^{439}.

Этому предшествовали следующие события. Через несколько дней после своей встречи с Си Рейли попытался связаться с Литвиновым, полномочным представителем России в Англии, занимавшим небольшое помещение в районе Вестминстера, на Виктория-стрит, 82. Однако добиться аудиенции у Литвинова было задачей не из легких. После двух неудачных попыток Рейли послал еще одну телеграмму.

«К сожалению, я не получил от Вас ответа на мою вторую телеграмму. Пожалуйста, телеграфируйте мне, в каком часу и где я могу встретиться с Вами завтра утром, в субботу. Я буду ждать Вашего телефонного звонка завтра по номеру Риджент 1332 с восьми до десяти тридцати утра»^{440}.

Именно эта телеграмма и сыграла свою роль: он, наконец, получил ответ, в котором сообщалось, что ему назначена аудиенция на 23 марта.

После встречи с Литвиновым Рейли или, точнее, «Sidney George Reilli» получил документы, разрешавшие ему въезд на советскую территорию. Была ли ошибка в написании его имени сделана Литвиновым или сам Рейли представился ему под этим именем, неизвестно^{441}. Не исключено, что Рейли не хотел, чтобы его имя вызвало у кого-то ассоциации с петербургским Рейли, имевшим столь тесные связи с царским режимом.

...При появлении Элли Рейли извлек из пробки бутылочки с аспирином микроскопическую шифровку, которую Элли немедленно опознал как шифровку СИС, после чего Рейли был быстро освобожден^{442}. Любопытно, что в телеграмме Камминга говорится о предполагавшемся возвращении Рейли из России в конце июня, эту же дату сообщила американским следователям Беатрис Тремен^{443}.

«Капитан Рейли бросает вызов красному террору»

Причина, по которой Рейли был послан в Архангельск, вполне очевидна: оттуда он мог сесть на экспресс, следовавший в Москву через Вологду. Столь же очевидно, что у Рейли и в мыслях не было следовать предписаниям своего начальства и ехать в Москву. Единственное объяснение тому, что он сошел в Мурманске, — это то, что оттуда было прямое железнодорожное сообщение с Петроградом, куда он не мог бы добраться, высадившись в Архангельске.

Действительно, Рейли провел в Петрограде почти месяц перед тем, как наконец перебраться в Москву. Если целью его возвращения в Россию было спасение своей семьи, о которой упомянул в своих показаниях Норберт Родкинсон, или имущества, спрятанного где-то в городе, то это может быть вполне правдоподобным объяснением столь длительного пребывания в Петрограде^{444}. Тем не менее, каковы бы ни были причины, задержавшие его в Петрограде, он нашел время и 16 апреля послал Си подробную телеграмму, в которой предлагал свое доморощенное решение проблем, в гущу которых он оказался:

«Все источники информации заставляют меня сделать вывод, что сегодня БОЛЬШЕВИКИ единственная реальная власть в РОССИИ. В то же время оппозиция в стране постоянно возрастает, и если ее своевременно поддержать, то она в конечном счете добьется свержения БОЛЬШЕВИКОВ. Поэтому, с нашей стороны представляется целесообразным действовать сразу в двух направлениях. Сотрудничество, во-первых, с БОЛЬШЕВИКАМИ — ради достижения ближайших практических целей, во-вторых, с оппозицией — с целью постепенного возвращения порядка и обороноспособности страны.

Нашими непосредственными задачами должны быть: защита МУРМАНСКА и АРХАНГЕЛЬСКА; эвакуация огромного количества металлов, боеприпасов и артиллерийских орудий из ПЕТРОГРАДА, оккупация которого немцами — дело нескольких недель; уничтожение или приведение в полную непригодность кораблей Балтийского флота, чтобы он не достался немцам; также возможна замена моратория на окончательное возвращение иностранных кредитов. Все перечисленные выше цели можно достигнуть только путем прямого соглашения с БОЛЬШЕВИКАМИ. Касательно менее значительных вопросов, таких, как МУРМАНСК-АРХАНГЕЛЬСК, полупризнание их правительства и более благосклонное отношение к их послам в союзных державах будет вполне достаточно».^{445}.

Подходя к вопросу о своем участии в этих делах, Рейли делает вывод, что решающим фактором в этой ситуации являются деньги. Только твердая наличность позволит эффективно выполнить поставленные задачи. Приписывая успех немцев их готовности тратить деньги, Рейли хладнокровно предлагает Си:

«...Это может означать, что нам, возможно, понадобится один миллион фунтов, причем часть этой суммы может быть потрачена без каких-либо гарантий на успех. Работать в этом направлении нужно уже сейчас, и не исключено, что мы уже опоздали. Если мы выработаем нашу стратегию, то Вы должны быть готовы выполнить обязательства в любой момент и в кратчайший срок. Что касается оппозиции, то вопрос, по существу, стоит так: либо ее поддерживаем мы, либо немцы».^{446}.

Не моргнув глазом, Рейли просит выделить ему лично не менее одного миллиона фунтов наличными, причем срочно и без каких бы то

ни было гарантий, что эти деньги принесут успех. Разумеется, осторожный Си никак не отреагировал на это предложение. Хотя Рейли позже и получил средства, они были предназначены для конкретных целей и, уж конечно, были значительно меньше той суммы, которую он требовал. Читатель, вероятно, легко может себе представить, что бы произошло с одним миллионом фунтов, если бы Си легковерно поддался на уговоры Рейли.

Handwritten: sent to
127935
D. M. I.
M. I. 2
M. I. 2
M. I. 2 D.
M. I. 2 & C

POLITICAL.

Ref.No. S. X. 025402.
1/7/350.

MOSCOW. 29.5.18.
LONDON. 10.6.18.

AFFAIRS IN RUSSIA.

The following from S.T.1.

An interview with General Bonch Brusvitch.

A. Chicherin had been to see him with a note from Mirbach containing further (?demands).

After the interview with Chicherin, the General addressed a report to Trotsky and his brother. ^B

This deals with the German demands under the following heads:-

- Handwritten:* Care
Ref. C.
SS
1. The demarcation of the line of the Don district leaving Bataisk in German hands.
 2. The removal of any portion of the Black Sea Fleet now at Novo Rosiisko to Sebastopol, with a promise to return the vessels after the conclusion of a general peace.
 3. The cession to Finland of West Murman, and (? the setting up of a) German or Finnish control of the Rybatchi Peninsular.

B. The General, in discussing the above demands said he did not know whether Chicherin, in agreeing to them, did so in fear of o (? because he was) bought by the Germans. He was in a desperate frame of mind, and said that the only means to counterbalance German dominion was an immediate understanding with the Allies.

"Cannot the Allies see that by keeping aloof, they give a free hand to Germany, that they are abandoning us, the officers, who alone can save the situation.

If they wait much longer there will be no Russia left to save. Our Chicherin will have given it away."

^B (i.e. The General's brother, who is Chairman of the Council of People's Commissars).

SECRET

MISCELLANEOUS MILITARY.

Ref.No.C.X.013892.
M/14387.

MOSCOW. 12.5.18.

The following from S.T.1.

Bonch-Bruevitch
Russia
1219

In an interview with General Bonch-Bruevitch on May 9th, the following information was obtained:-

A. Bonch-Bruevitch's official position is that of "Military Director of the Supreme Military (?Council)", where he is the brain-centre of the whole organisation, originating reforms and new schemes for (?military)organisation.

His relationship to Trotsky and Podvoiski, the Military Commissars, he defines as being those of military adviser to political (? administrators).

The Military Commissars see to his proposals being carried out, and see that such proposals do not clash with their own political views. (He gives the impression of being a student rather than a man of action).

B. He considers that a marked change for a more rational and common sense outlook among the Bolshevik leaders is noticeable. Regarding the re-organisation of the army, he has drawn up a plan, more or less on the old military lines.

The elective principle - the chief cause of the destruction of the old army - he insists should be abolished and regimental committees are to have a say only in matters of supplies, (? entertainments) and recreation.

Copies to:- M.I.1.
F.O.
19.5.18.

Sent to--
D. M. 1.
M. I. C.
M. I. O. A.
M. I. C. E.
M. I. 2. 1. 2.

Два «совершенно секретных» донесения Рейли из Москвы, в которых он дает свою оценку намерений России в отношении к Германии

Свое донесение Рейли заключает почти пророческими словами: «Как бы то ни было, мы подошли сейчас к той критической точке, когда-либо нужно действовать, либо бросить эту затею раз и навсегда». Как позже окажется, он отнесся к своему собственному совету слишком буквально.

7 мая Рейли в полной форме офицера британской армии приехал в Москву и немедленно направился в Кремль. Дойдя до главных ворот, он заявил часовым, что является эмиссаром премьер-министра Великобритании Дэвида Ллойд-Джорджа, и потребовал личной встречи с Лениным.

Как ни странно, Рейли впустили в Кремль, однако ему удалось добиться встречи лишь с секретарем Ленина Владимиром Бонч-Бруевичем^[27]. Рейли объяснил ему, что он явился в Кремль по поручению премьер-министра для того, чтобы получить информацию из первых рук относительно целей и задач большевистского правительства. Он также заявил о том, что английское правительство выразило свое неудовлетворение донесениями, которые оно получает от главы британской миссии в Москве Роберта Брюса Локкарта, и поручило ему восполнить недостаток информации.

Беседа Бонч-Бруевича с Рейли была, по-видимому, недолгой. В шесть часов утра Роберта Брюса Локкарта подняли с постели телефонным звонком с требованием срочно приехать в Кремль^{447}. Когда Локкорт туда явился, его спросили, действительно ли человек, называющий себя «Рейли», является английским офицером или же это самозванец. Поначалу Локкорт с недоверием отнесся к рассказу о визите Рейли. О Рейли он никогда не слышал, однако, как истинный дипломат, ответил, что сможет дать определенный ответ после того, как наведет справки.

Выйдя из ворот Кремля, Локкорт немедленно послал за Эрнстом Бойсом, главой разведпункта СИС в Москве, и раздраженно потребовал от него объяснений^{448}. Бойс подтвердил, что Рейли — новый агент, присланный из Лондона, однако ему ничего не известно о его столь драматическом дебюте в Кремле. Бойс пообещал прислать Рейли к Локкарту на следующий день для личных объяснений. Неудивительно, что Рейли отрицал все, кроме самого факта своего визита в Кремль.

Локкорт не поверил ни одному слову из рассказа Рейли, но вынужден был признать в своих воспоминаниях, написанных много лет спустя после этого инцидента, что ответы Рейли были столь остроумны, что в конце концов они оба расхохотались. По какой-то причине Локкорт не был ознакомлен с телеграммой Камминга в британскую миссию в Вологде и был в полном неведении о том, что

происходит в Лондоне. Утверждение Рейли, что он явился в Москву по поручению самого премьер-министра Великобритании, было, разумеется, чистым блефом, однако его слова о том, что Лондон недоволен донесениями и рекомендациями Локкарта, считая их противоречивыми и поспешными, были действительно недалеко от истины^{449}.

История посещения Рейли Кремля довольно живо воспроизводится в ряде биографий Рейли^{450}, из которых складывается впечатление, что это была первая и последняя попытка Рейли установить прямые контакты с большевистскими властями до того, как он ушел в подполье. Целая серия телеграмм в Лондон с грифом «секретно», однако, полностью опровергает это убеждение. Из них видно, что на следующий день после того, как Локкарт устроил ему головомойку, он опять явился в Кремль, где, как выяснится много лет спустя, провел одну из нескольких длительных и подробных бесед с братом Владимира Бонч-Бруевича, генералом Михаилом Бонч-Бруевичем^[28]. В своем донесении «по разным военным вопросам» Рейли указал, среди прочего, на два аспекта встречи, которая состоялась 9 мая:

«А. Официальная должность, которую занимает Бонч-Бруевич, называется военный руководитель Высшего военного (?^[29] совета). Он является мозговым центром всей организации, занимающейся разработкой реформы и новых проектов в деле (? военной) организации.

Говорк о своих отношениях с Троцким и Подвойским, военными комиссарами, он определяет себя как «военный советник политических (? руководителей)».

Военные комиссары обеспечивают исполнение его предложений, а также следят за тем, чтобы эти предложения не входили в противоречие с их собственными политическими взглядами (он производит впечатление скорее школяра, нежели человека действия).

Б. Он считает, что во взглядах большевистских лидеров произошел значительный сдвиг в сторону здравого смысла. Что касается реорганизации армии, то в соответствии с его планом она должна быть скроена более или менее по образу и подобию старой армии.

Он настаивает на том, чтобы выборный принцип — главная причина распада старой армии — был упразднен, а полковые комитеты могли иметь свое мнение лишь в вопросах снабжения (? увеселений) и рекреации»^{451}.

Несмотря на Брест-Литовский договор, в донесении Рейли содержится явный намек, что отношения между большевиками и немцами были далеко не самыми гладкими. Это впечатление еще больше усиливается при прочтении донесения Рейли от 29 мая, в котором он сообщает подробности встречи между Бонч-Бруевичем и Георгием Чичериным, народным комиссаром по иностранным делам, на которой обсуждались новые требования, предъявленные советскому правительству германским послом графом Мирбахом. Немцы, в частности, выдвигали следующие условия:

«1. Проведение демаркационной линии в районе Донской области, при котором Батайск остается в руках немцев.

2. Перемещение кораблей Черноморского флота из Новороссийска в Севастополь, с обещанием вернуть обратно судна после заключения мира.

3. Передача Западного Мурманска Финляндии и установление германо-финского контроля над полуостровом Рыбачий»^{452}.

Бонч-Бруевич был резко настроен против немецких предложений, которые Чичерин к этому времени уже принял, и, по-видимому, заявил Рейли, что он не знает, пошел ли Чичерин на эти уступки «из страха или потому, что его купили немцы»^{453}. По мнению Бонч-Бруевича, единственным способом противостоять немцам могли быть переговоры с представителями союзных держав.

Рейли даже приводит дословно гневное восклицание Бонч-Бруевича: «Неужели союзники не понимают, что, держась в стороне, они протягивают руку Германии... если они прождут еще немного, то никакой России уже не надо будет спасать. Наш Чичерин просто подарит им ее».

К моменту следующей встречи между Рейли с Бонч-Бруевичем 31 марта большевики уже сформулировали свое отношение к условиям, выдвинутым немцам. В частности, Рейли сообщает в своем донесении о решении большевиков «выпустить прокламацию к народу, призывающую к массовому восстанию против немцев». Основные пункты прокламации гласили:

«1. Каждый немец, перешедший границу, подлежит расстрелу.

2. Население оккупированных немцами районов обязано прятать или уничтожать все съестные запасы, металлы и т. д., портить дороги, взрывать мосты и пр.».

Рейли утверждает, что Бонч-Бруевич спросил его, какие, по его мнению, шаги следовало бы предпринять, на что Рейли предложил «разослать циркулярную телеграмму военным руководителям в губерниях с приказом мобилизовать все ресурсы и подготовить войска и население для борьбы с немцами». Бонч-Бруевич затем, как говорится в донесении, в присутствии Рейли позвонил по телефону Троцкому и зачитал ему предложения, которые якобы тут же получили одобрение Троцкого. Бонч-Бруевич заявил Рейли, что «очень скоро комиссары начнут понимать, что единственное спасение для советского правительства — это открытая война с Германией»^[30].

Однако какие бы предположения ни были у Рейли относительно большевистской политики по отношению к Германии, он уже понял, что режим достаточно уязвим изнутри, и, несомненно, решил извлечь для себя выгоду из этой ситуации. Без каких-либо официальных указаний или инструкций он быстро «похоронил» лейтенанта Королевских ВВС Рейли и перешел на нелегальное положение, одновременно выдавая себя за двух разных людей. В Москве он стал господином Константином, греческим коммерсантом, проживающим в доме 3 по Шереметьевскому переулку^[31], в квартире, которую он снимал совместно с актрисой Дагмарой Карозус^{454}. Вопреки версии Робина Брюса Локкарта и Эдварда ван дер Роера (который, кстати, называет ее Дагмарой Оттен), любовные отношения у Рейли завязались вовсе не с ней, а с ее сожительницей по квартире Елизаветой Эмильевной Оттен.

Елизавета была двадцатидвухлетней блондинкой, с детства мечтавшей стать актрисой. Однако ее отец, управляющий чайной фабрикой «Губин и Кузнецов», не одобрял ее желанья и хотел, чтобы она стала учительницей математики. Он умер незадолго до того, как она окончила гимназию, и Оттен поступила в Первую художественную театральную студию, дебютировав в спектакле «Зеленое кольцо» в декабре 1916 года. Будучи привлекательной женщиной и хорошо зная английский, немецкий и французский, она идеально подходила для работы, которую планировал для нее Рейли^{455}. Согласно показаниям,

которые она даст позже на суде, Рейли переехал в квартиру в конце июня и выехал из нее 7 августа^{456}.

В Петрограде Рейли превращается в Константина Марковича Массино, турецкого коммерсанта, там он живет у своей довоенной приятельницы Елены Михайловны Боюжовской на Торговой, 10. В Петрограде Рейли также прибег к помощи еще одного старого знакомого, бывшего судьи Владимира Орлова^[32], который снабдил его документами на имя сотрудника ВЧК — тайной полиции, созданной по приказу Ленина Феликсом Дзержинским в декабре 1917 г. Таким образом, Рейли осуществил еще одну часть своего заговора, который он собирался осуществить позднее.

Так называемый «заговор Локкарта», или, если говорить точнее, «заговор Рейли», с течением времени вызвал массу разных вопросов. Действительно ли союзнические державы планировали заговор с целью устранения большевиков? Если это так, то действительно ли ЧК раскрыла заговор в самый последний момент или она внедрилась в среду заговорщиков с самого начала? Некоторые даже идут еще дальше и выдвигают гипотезу, что ЧК с самого начала и до конца была организатором заговора, а Рейли был агентом-провокатором большевиков^{457}.

В середине мая Локкарт провел серию встреч с членами возглавляемого Борисом Савинковым «Союза защиты родины и свободы» (СЗРС). Эсер Савинков занимал пост военного министра^[33] во Временном правительстве, а к моменту описываемых событий был одним из самых непримиримых противников большевиков. Бывший член партии социалистов-революционеров, Савинков стал во главе подпольной организации (СЗРС), насчитывавшей около двух тысяч человек. В июле Локкарт сообщал в своих донесениях о своих контактах с антибольшевистской группировкой под названием «Центр», которая была связана, с одной стороны, с Савинковым, а с другой — с генералом Добровольческой армии А. В. Алексеевым. Локкарт снабжал этих людей большими денежными суммами, тем самым все активнее поощряя и поддерживая антибольшевистские группы. Одновременно Локкарт устанавливал более тесные связи с французским генеральным консулом Фернаном Гренаром, американским генеральным консулом Де Виттом Пулем и

их агентами-разведчиками полковником Анри де Вертеманом и Ксенофоном Каламатиано.

В июне двое чекистов Ян Буйкис (выдававший себя за Шмидхена) и Ян Спрогис, бывшие офицеры латышских стрелковых частей, приступили к операции внедрения в оппозиционные круги в Петрограде. Выдавая себя за разочарованных в большевистской власти латышей, они очень скоро вышли на капитана Кроми^{458}, английского военно-морского атташе, и «г-на Константина». В результате столь удачного развития событий, а также из-за вероятности того, что латышские полки могут взбунтоваться против большевиков, Рейли в августе организовал Буйкису и Спрогису встречу с Локкартом в здании английской миссии в Москве. Латыши считались «преторианскими гвардейцами»^{459} большевиков, и именно им была доверена охрана Кремля и других ключевых правительственных учреждений. Сейчас можно спорить о том, действительно ли Локкарт действовал, имея на то какие-то полномочия, если он вообще имел какие-либо полномочия на этот счет. Если это так, то Рейли, который и без того действовал в нарушение всех инструкций, организовав переворот, по сути, сделал попытку нанести удар Локкарту.

Будучи давнишним поклонником Наполеона и обладая граничащей с шизофренией манией величия, Рейли убедил себя в том, что наконец-то пришло время такому великому человеку, как он, проявить себя, как столетие назад это сделал Наполеон. Вряд ли Камминг, посылая Рейли в Россию, намеревался сделать его прямым участником тайных операций против большевиков, а уж тем более заговора с целью свержения большевистского режима. Рейли уже приступил к составлению списка «теневых министров», которые будут готовы по первому требованию приступить к выполнению своих обязанностей с падением большевистского правительства. В списке Рейли фигурировали такие личности, как генерал Николай Юденич, которому отводился пост военного министра, а также несколько друзей и приятелей Рейли, как Александр Грамматиков (министр внутренних дел), Владимир Орлов (министр юстиции) и Владимир Шуберский (министр транспорта).

4 июля Рейли вместе с Робертом Брюсом Локкартом и другими представителями союзнических правительств пришел на Пятый съезд Советов, заседание которого было устроено в Большом театре. В

перерыве между заседаниями в фойе театра он впервые заметил Ольгу Дмитриевну Старжевскую. Ольга была привлекательной двадцатипятилетней машинисткой, работавшей в исполнительном отделе ВЦИКа.

По утверждению Эдварда ван дер Роера, Рейли представился ей Константином Георгиевичем Реллинским, служащим Народного комиссариата иностранных дел, и подарил ей бутылку грузинского шампанского^{460}. Однако в ее собственных воспоминаниях обстоятельства этого знакомства изложены несколько по-другому.

Начнем с того, что Рейли представился Ольге Константином Марковичем Массино, служащим какого-то советского учреждения. Вскоре после первой встречи у них начался роман, и «Массино» дал ей 20 тысяч рублей на покупку квартиры и обстановки, и они стали жить вместе^{461}.

Третий день съезда был ознаменован мятежом левого крыла партии эсеров, которая организовала убийство германского посла графа Вильгельма фон Мирбаха с целью сорвать Брест-Литовский договор. На усмирение мятежа были посланы латыши, окружившие Большой театр, Кремль и другие стратегические места. Опасаясь обыска, Рейли уничтожил несколько компрометирующих документов, которые у него были с собой, проглотив их. Однако никакого обыска не произошло, и он смог беспрепятственно покинуть здание.

В то время как планы переворота стали обретать некоторые очертания, 4 августа союзнические войска высадились в Архангельске. Эти войска были нужны не для борьбы с большевиками, а для того, чтобы помешать германским войскам захватить склады с оружием в этом районе. Кроме того, пяти тысяч человек было недостаточно, чтобы предпринять серьезные боевые действия. Когда большевики узнали реальную численность союзнического десанта, высаженного в Архангельске, они, наверное, вздохнули с облегчением. Но это не помешало им, однако, 5 августа устроить облавы и закрыть английские и французские дипломатические миссии в качестве ответной меры.

Это значит, что организованная Рейли встреча латышей с Локкартом в здании английской миссии должна была состояться в первые четыре дня августа, так как миссия была закрыта 5 августа, после налета на нее ЧК. Локкорт, относясь с недоверием к этой затее, все же был заинтригован развитием событий и попросил его

представить латышскому командиру. Для этого ЧК организовало встречу Локкарта с подполковником Э. П. Берзиным, командиром 1-го дивизиона легкой артиллерии, охранявшего Кремль. Берзин не был чекистом, но был известен как преданный сторонник большевиков^[34].

14 августа Буйкис, Спрогис и Берзин явились в апартаменты Локкарта в гостиницу «Элит»^{462}. Локкерт, все еще терзаемый сомнениями относительно своего участия в латышском мятеже, в этот же день обсудил подробности этой встречи с консулами Франции и Америки. На следующий день он снова встретился с Берзиным, только на этот раз на встрече присутствовали «Константин» и французский консул Гренар. Именно на этой встрече и было принято роковое решение вверить «Константину» дальнейшее взаимодействие с Берзиным. Это означало ни больше ни меньше, чем то, что Рейли теперь фактически возглавил заговор. Берзин пообещал переговорить с представителями других латышских частей, которые, по его мнению, могут оказать помощь союзникам при освобождении Латвии. На это, по оценкам Берзина, потребуется сумма примерно в 4 миллиона рублей. Локкерт и его коллеги обещали подумать^{463}.

17 августа^{464} состоялась первая из нескольких встреч Рейли с Берзиным. Рейли информировал Берзина о том, что получил одобрение на запрашиваемую Берзиным сумму, которая будет выплачена несколькими частями. Первая же сумма составила 700 тысяч рублей, которые Рейли тут же вручил Берзину. Затем Рейли предложил Берзину нечто такое, что вообще никак не обсуждалось представителями союзных держав. Почему бы, спросил он, не подготовить латышский мятеж в Москве к моменту интервенции союзных войск? Не в последний раз роль посредника давала Рейли блестящую возможность преследовать свои собственные интересы^{465}.

По воспоминаниям Локкарта, Рейли сообщил ему, что его переговоры с латышами идут гладко, и предложил, что мог бы с помощью латышей организовать контрреволюционное восстание в Москве. В своей книге «Воспоминания британского агента» Локкерт пишет, что он обсудил предложение Рейли с генералом Лавернем и французским консулом Гренаром, после чего Рейли недвусмысленно было сказано, чтобы он забыл раз и навсегда о столь «опасной и сомнительной затее»^{466}.

5 ноября 1918 года^{467}. Локкарт написал английскому министру иностранных дел Бальфуру пространную записку, в которой он попытался внести ясность в вопрос о «так называемом заговоре союзников против советского правительства», однако в ней он ни единым словом не упоминает о цитируемом выше предупреждении Рейли. По версии записки, он лишь предупредил Рейли, что «этой акцией он вряд ли добьется успеха» — фраза, которую в любом языке мира вряд ли можно истолковать как запрет.

Далее Локкарт пишет, что потерял Рейли из виду и случайно встретился с ним уже спустя несколько месяцев в Англии. Будучи связанным еще с одним английским нелегалом, капитаном Джорджем Хиллом^{468}, Рейли несколько раз встречался с Берзиным и передал ему оставшиеся суммы в 200 и 300 тысяч рублей. Рейли и Берзин также условились о дате переворота, который должен был произойти 6 сентября, в день совместного заседания Исполкома Совнаркома и Московского Совета в здании Большого театра. В планы Рейли не входило убийство Ленина и Троцкого, он лишь хотел предельно унижить их, проведя без штанов по московским улицам. В ответ на это Берзин в лучших традициях чекистских провокаций предложил убийство Ленина и Троцкого. Несмотря на то что Рейли возражал против этой идеи на том основании, что убийство сделает из них мучеников, официальная советская версия «дела Локкарта» утверждает, что Рейли планировал их расстрелять сразу же после ареста^{469}.

25 августа французский журналист Рене Маршан вместе с французским консулом Гренаром присутствовал на совещании в американском консульстве. Совещание было созвано по инициативе консулов Пуля и Гренара для того, чтобы собрать вместе своих агентов: Рейли, Каламатиано и Вертемана. Маршан, который был позже разоблачен как сторонник большевиков, передал отчет об этой встрече в ЧК. Чтобы не допустить разоблачения Маршана, Дзержинский предложил ему написать письмо французскому президенту Раймону Пуанкаре с подробным описанием обсуждения планов заговорщиков, свидетелем которых он был. Предполагалось, что это письмо будет «обнаружено» чекистами, которые явятся на квартиру Маршана с обыском до того, как он успеет отправить это

послание. Эта находка должна была послужить поводом к раскрытию заговора.

Однако этим планам предшествовало два драматических и совершенно непредвиденных события. 30 августа Леонид Канегиссер, активист Рабочей народной социалистической партии, убил из револьвера председателя петроградской ЧК Моисея Урицкого. В этот же день совершенно независимо от покушения Канегиссера член партии эсеров Фаня Каплан выстрелила в Ленина в тот момент, когда он собирался уезжать с митинга на заводе Михельсона в Москве. Ленин чудом остался в живых. Из двух пуль, выпущенных с близкого расстояния, одна прошла в нескольких миллиметрах от сердца, а другая едва не задела сонную артерию.

Таким образом, ЧК получила великолепную возможность представить эти не связанные между собой события как огромный заговор, на который необходимо было ответить акцией возмездия. В результате проведения так называемого «красного террора» было схвачено и расстреляно более тысячи политических противников большевиков. Во время налета чекистов на здание английского посольства был убит капитан Кроми, оказавший им вооруженное сопротивление. Имея при себе список Берзина, чекисты произвели аресты лиц, имевших отношение к «заговору Локкарта», и многих других. Локкарт был арестован, хотя позже и выпущен в обмен на освобождение Литвинова, арестованного в Лондоне в качестве ответной меры. Елизавета Оттен, любовница и главный курьер Рейли, также была арестована вместе с другой его любовницей, Ольгой Старжевской.

Позже Ольга расскажет об обстоятельствах своего ареста в своем заявлении в Общество Красного Креста помощи политическим заключенным:

«12 сентября я была арестована во ВЦИК, где служила в распределительном отделе с мая месяца. Накануне у меня вечером был обыск на квартире, но ничего не было взято, и никто не был арестован. Причина моего ареста мне известна и заключается она в том, что мой жених Константин Маркович Массино, которого я очень любила и с которым я решила уже вместе жить, — оказался англичанином Рейли, участвовавшим в заговоре англо-французов. Во время нашего знакомства он выдавал себя за русского и только перед

тем, как скрылся, он сказал мне — кто он. До того момента у меня никаких сомнений не было, что он русский. Я ему верила и любила и видела в нем человека очень честного, благородного, интересного и очень большого ума, и в душе я гордилась любовью его. Поэтому то, что открылось передо мною о нем при допросах, — было для меня ужасно. Получилось два ничего общего не имеющих человека. Я увидела и почувствовала до боли — обман, грязь, низость поступков этого человека. Об этом заговоре я узнала только из газет. Никогда он мне о нем ничего не говорил. Наоборот, мне он казался сторонником Советской власти, хотя серьезно на политические темы я с ним не говорила, т. к. была занята исключительно устройством личной жизни, своей новой квартиры, хозяйством и службой. Политической жизнью я интересовалась поверхностно. За все время моего пребывания в Москве, как и до этого, я не только не участвовала ни в каких противоправственных организациях, я не высказывалась против существующего порядка, но, наоборот, всегда была за большевизм и коммунизм, как я это понимала, и все, кто меня знали, — называли большевичкой»^{470}.

Елизавета Отген также обращалась с прошением в политический Красный Крест:

«Я арестована 1 сентября за знакомство с английским офицером Рейли, замешанным в англо-французском заговоре. С Рейли я была знакома более четырех месяцев, и с самого начала знакомства он сумел привязать меня к себе. О своей политической деятельности он никогда со мной ничего не говорил, кроме того, что он служил в английской миссии. Он у нас жил на квартире, и, когда начались преследования английских офицеров, он уехал от нас, сказав, что скоро совсем покинет Россию. При прощании он просил меня оказать ему услугу, состоявшую в том, что, пока он будет в Москве, передать письма, которые могут ему принести по прежнему адресу. Я обещала, не подозревая, что эти письма имеют политическое значение, так как в противном случае я не согласилась бы, потому что никогда не принимала участия в политической жизни. На допросах я узнала, что Рейли самым гнуснейшим образом обманывал меня, пользуясь моим исключительным отношением к нему для своих политических целей, а своим будто бы отъездом из Москвы хотел замаскировать перемену своего отношения ко мне, так как в это время он собирался переехать

на квартиру к одной разведенной даме^{471}, на которой обещал жениться»^{472}[35]

Несмотря на то что Оттен и Старжевская несколько преувеличивают свое неведение относительно действий Рейли и к их словам следует относиться с долей скептицизма, их письма, безусловно, свидетельствуют о том шоке, который перенесли эти женщины, узнав о подлом и двуличном использовании их Рейли в своих собственных интересах.

3 сентября 1918 года советские газеты вышли с сенсационными подробностями «заговора Локкарта»^{473}. В них Рейли был назван одним из главных заговорщиков и объявлен в розыск. ЧК устроило засаду на его квартире, однако Рейли, как это ему удавалось и раньше, в последний момент ускользнул от преследователей и исчез, как будто растворившись в воздухе.

Глава 10. За особые заслуги

Пока ЧК устраивала облавы по всему Петрограду, капитан Джордж Хилл послал Локкарту шифровку: «Я проверил всю нашу разведывательную сеть и убедился в ее полной сохранности». Однако ниже он отмечал: «Многие из наших агентов сильно нервничают»^{474}. Хилл, у которого сложилось впечатление, что Рейли арестован ЧК, заверял Локкарта: «Я держу под контролем все дела лейтенанта Рейли, и если у меня будут средства, я смогу их продолжить»^{475}. Но Локкарту было не суждено получить эту шифровку, так как девушка-курьер Хилла, пришедшая на квартиру Локкарта, обнаружила, что его квартира подверглась обыску, а сам хозяин арестован незадолго до ее прихода. Поэтому шифровка была передана помощнику Локкарта, капитану Уиллу Хиксу. Хикс ответил, что сейчас лучше «залечь на дно» на несколько дней, добавив к этому, что, по его сведениям, у Хилла вряд ли будет возможность получить деньги для дальнейшей работы. Хикс также полагал, что Рейли арестован, хотя достоверных сведений об этом у него не было. Получив эту информацию, Хилл в свою очередь послал генералу Пулю сводку событий в Москве за этот день.

Днем 4 сентября «девушка от лейтенанта Рейли» принесла Хиллу записку, в которой говорилось, что он в безопасности в Москве, куда приехал в вагоне первого класса из Петрограда. По прибытии на Николаевский вокзал в Москве Рейли узнал, что его главный курьер и любовница Елизавета Оттен арестована. Хилл немедленно отправился на встречу с Рейли, который в это время скрывался в двухкомнатной квартире «на окраине города»^{476}. Рейли был срочно нужен новый паспорт, одежда и другое убежище, так как его нынешнее укрытие было «совершенно непригодным»^{477}.

судьбы, так как Хилл теперь мог передать ему паспорт на имя Георга Бергмана, с помощью которого он мог бы осуществить свой побег. Согласно донесению Хилла, Рейли выехал из Москвы в Петроград в спальном вагоне поезда в воскресенье, 8 сентября^{480}, хотя в собственных показаниях Рейли, которые он дал на следствии семь лет спустя, говорится, что это была среда, 11 сентября^{481}. Свидетельство Хилла представляется нам более надежным, поскольку свое донесение он писал по свежим следам. Как бы то ни было, рассказ самого Рейли о своем побеге во многом совпадает со свидетельствами других участников этого события. Предоставим слово Рейли:

«Окончив ликвидацию своих дел в Москве, кажется, 11 сентября, я в вагоне международного общества, в купе, заказанном для немецкого посольства, совместно с одним из секретарей этого посольства, с паспортом балтийского немца выехал в Петроград. В Петрограде пробыл около 10 дней, скрываясь с разных мест, для ликвидации своей тамошней сети, а также же для изыскания способов переезда финляндской границы (я хотел бежать в Финляндию). Последнее мне не удалось, и я тогда решил ехать в Ревель. Из Ленинграда я выехал в Кронштадт, получив от германского консульства охранное свидетельство, которое тогда выдавалось уроженцам Балтики. Кроме этого документа, у меня для выезда из Петрограда в Кронштадт имелся документ, выданный одним из петроградских фабкомов на русское имя. В Кронштадте уже меня поджидал катер (с капитаном финном), на который я и пересел ночью и отправился в Ревель^{482}. В Ревеле я пристал поздно ночью в минном порту, оттуда отправился пешком в город (чтобы избежать карантина) и поселился в «Петроградской» гостинице под именем Георгия Бергмана, антиквара, уехавшего из России ввиду крупных недоразумений с Сов. властью... Дней через 10 я тайно на катере выехал в Гельсингфорс^{483}, а оттуда в Стокгольм и Лондон, куда и прибыл 8 ноября»^{484}.

Путь через Ревель и далее в Гельсингфорс через Финский залив был небезопасным, так как Эстония в то время была оккупирована немцами, а порт был их главной военно-морской базой, где была масса офицеров германского Балтийского флота. К счастью, немцы нашли документы «герра Бергмана» в полном порядке, и он смог беспрепятственно пройти в город. В отеле на улице Харью он

смешался с немецкими офицерами и даже несколько раз обедал вместе с ними, а также с капитаном катера и его женой.

Рейли, вероятно, вздохнул с облегчением, когда узнал, что из Ревеля в Гельсингфорс через несколько дней отплывает небольшой катер. Перед отплытием он попрощался с капитаном и вручил ему запечатанное в конверте письмо, написанное им на немецком языке:

«Полагаю, что после того, что Вы для меня сделали, я не могу более лгать Вам о том, кто я на самом деле. Я не Бергман и не антиквар. Я английский офицер, лейтенант ВВС Сидней Рейли. Около полугода я находился со специальным заданием в России и был обвинен большевиками в организации военного переворота в Москве... Я считаю своим долгом заявить Вам, что меня не интересуют здесь сведения военного характера и я не собираюсь выпытывать секреты у офицеров, с которыми здесь познакомился. Полагаю, что я вполне правдоподобно сыграл роль герра Бергмана, только раз или два я поймал себя на том, что в моей речи проскользнули английские выражения; хотя Ваша супруга, наверное, относилась ко мне с некоторым подозрением! Я считаю бессмысленным выражать Вам мою признательность — она слишком велика»^{485}.

Сиднеем Рейли было придумано множество легенд о своих подвигах в немецком тылу. На самом деле это был его единственный контакт с немецкими военными служащими во время войны. Необходимо также признать, что в Ревеле Рейли сильно рисковал: будь он разоблачен как английский шпион, его, вне всякого сомнения, тут же расстреляли бы немцы.

В то время, когда Рейли добирался из Гельсингфорса в Лондон, американский консул Де Витт Пуль по пути в Америку посетил английское посольство в Христиании (ныне Осло), где имел беседу с английским послом сэром Мэнсфельдтом Финдлеем. Вскоре после этой встречи Форин офис получил от своего посла в Норвегии телеграмму следующего содержания:

«Существуют серьезные подозрения в том, что агент по имени Рейли, чья жена, по-видимому, проживает в Нью-Йорке, скомпрометировал Локкарта, поручившего ему ведение пропаганды среди латышей, тем, что превысил свои полномочия и совершил попытку устроить мятеж против большевиков или даже предал его.

Рейли всячески настаивал на необходимости организации восстания, однако Локкарт после консультаций с генеральным консулом Соединенных Штатов и французским генеральным консулом отказался поддержать эту затею и призвал Рейли ограничиться пропагандой среди латышей, призывая их не оказывать вооруженного сопротивления союзническим войскам. Есть некоторые основания считать, что Рейли был связан с неким русским провокатором и дал ему адрес квартиры, на которой проживал еще несколько дней тому назад. Локкарт арестован. Ни Рейли, ни русский не арестованы и до сих пор находятся на свободе. Отсюда подозрения»^{486}.

Телеграмма явно вызвала некоторый переполох, когда ее расшифровали в Лондоне. Английский министр иностранных дел Артур Бальфур, однако, вынужден был согласиться с осторожными рекомендациями своего отдела политической разведки, руководитель которого Рекс Липер напомнил Бальфуру о том, что он уже читал донесения Рейли и признал их вполне удовлетворительными. Далее он указал на то, что в своем донесении Пуль вообще снял с Локкарта обвинения, предъявленные ему большевиками. Русский отдел Форин офиса также заверил Бальфура, что по возвращении Рейли будет «допрошен с пристрастием».

Рейли в форме офицера Королевских военно-воздушных сил (1919 г.). Шарж офицера СИС Х. Ф. Краутер-Смита

После этого дело было передано начальнику военной разведки Военного министерства генерал-майору Джорджу Макдоноу. Макдоноу, в свою очередь, направил копию телеграммы подполковнику К. Н. Френчу, офицеру ПО СВЯЗЯМ С СИС, который и связался непосредственно с Си. На основании его ответа Френчу 1 октября было составлено донесение в Форин офис на имя сэра Рональда Грэма:

«Рейли — офицер, командированный прошлым мартом в Россию в качестве военного агента. В июне нам стало ясно, что его полезность как военного агента снизилась вследствие того, что он имел дело с г-ном Локкартом, который использовал его в своих политических целях.

Рейли уже получил строжайшее предупреждение не выражать никакую официальную позицию, ни тем более вмешиваться в политические дела; когда же стало очевидно, что именно этим он и занимается, была послана телеграмма, предписывающая ему выехать в Сибирь и сообщать нам о положении содержащихся там в лагерях немецких военнопленных — основным смыслом этого приказа было устранение его из политики. Он, похоже, так и не выехал туда; возможно, он не получил распоряжение на то от г-на Локкарта. Совершенно очевидно, что ведением пропаганды он вообще не занимался, как ему было предписано г-ном Локкартом. Майл [СИС] имеет подробные сведения о его карьере, и я бы счел целесообразным направить телеграмму сэру М. Финдлею и г-ну Пулю с просьбой не поднимать паники, пока мы не получим более подробной информации об этом деле. Нами получены сведения о том, что заговорщиков выдал некий латышский офицер; однако только лишь потому, что заговор провалился, я не считаю правильным или справедливым предъявлять обвинения человеку, который должным образом не был привлечен к этой работе. Американский генеральный консул упоминает о том, что жена Рейли проживает в Америке. У Майла есть ее адрес, а также случайно оказавшиеся в его руках некоторые драгоценности Рейли и его завещание»^{487}.

Рейли прибыл обратно в Англию 8 ноября и тут же отрапортовал Си о своем прибытии. Предъявил ли Си на этой встрече Рейли результаты расследования его прошлого или решил вообще не трогать эти факты, нам неизвестно. Однако оставалось следующее: обеспокоенность Пуля и разоблачение Рейли. Информация о Рейли, напечатанная в советской прессе, теперь появилась в английских и европейских газетах, что создало нежелательную рекламу для начинающего шпиона.

Эта история, помимо прочего, имела еще один неприятный аспект для Рейли, так как одним из читателей, жадно следившим за развитием событий «дела Локкарта» в брюссельской прессе, была не кто иная, как его жена Маргарет, которая 15 октября явилась в британский отдел нидерландской миссии с запросом о судьбе своего мужа. Двумя днями позже она появилась там опять, на этот раз уже со следующим письмом:

«Уважаемый сэръ!

15 числа текущего месяца у меня состоялась беседа со служащим вашего бюро. Только после того как я вернулась домой с рю де ла Съянс, я вдруг вспомнила, что забыла дать вам свой адрес. Поскольку мне пришлось съехать из моего прежнего дома на рю Монтойе, я в настоящий момент проживаю у своих друзей (г-н и г-жа Уори) на рю де Линтхут, 13.

Несколько дней назад я узнала из голландских газет о том, что английский агент полковник Локкарт прибыл на шведскую границу из России. Полковника Локкарта также сопровождает целый ряд англичан, и возможно, мой муж находится среди них. В любом случае я уверена, что полковник Локкарт сможет предоставить мне достоверные сведения о нем.

Я очень прошу вас, г-н ван Каттендейк, помочь мне связаться с моим мужем как можно быстрее. Мои душевные силы на исходе — больше я ждать не в состоянии.

С надеждой, искренне ваша, Маргарет Рейли»^{488}.

Прошел месяц, и, не получив никакого ответа на свое письмо, она 16 ноября 1918 года обратилась непосредственно в Военное министерство в Лондоне:

«Господа!

Обращаюсь к вам с просьбой сообщить мне о судьбе моего мужа Сиднея Джорджа Рейли. У меня есть все основания считать, что он работал против большевистского правительства в России.

В первые недели сентября этого года местные газеты сообщили о франко-английском плане по захвату Ленина, Троцкого и компании с целью установления военной диктатуры в Москве. Были упомянуты имена американского и французского консулов ПУЛЯ и ГРОНАРА. А также французского генерала Лаверня. Лидером этого движения, кажется, был полковник Локкарт, правой рукой которого являлся английский агент лейтенант Рейли.

Читая эти сообщения, я пришла к выводу, что этот агент [Рейли] не кто иной, как мой муж, — он великолепно знает русский,

поскольку до войны был известным судовым маклером в Петербурге. Так как я не получала никаких известий от своего супруга с 28 июля 1914 года, то вы, господа, наверное, хорошо поймете мое беспокойство о его судьбе, жив он или нет, и желание передать ему весточку. Молю Бога, что он жив, и прошу вас дать мне ответ как можно скорее.

Искренне Ваша, Маргарет Рейли»^{489}.

Ответ из Военного министерства заканчивается следующей рекомендацией: «Если вы пошлете ему письмо по указанному адресу, то мы его перешлем ему при первой возможности». Хотя в сохранившейся в архиве машинописной копии нет никакого указания на адрес, можно с уверенностью предположить, что это был Совет по делам авиации, через который проходил весь персонал КВВС. Официально Рейли был лейтенантом ВВС, и любые запросы близких родственников военнослужащих об их местонахождении шли именно через него. Нет ничего удивительного в том, что Рейли, похоже, не ответил на письмо Маргарет, так как 4 января 1919 года она обратилась напрямую в Совет:

«Господа!

Прошу вас срочно сообщить о судьбе моего мужа Сиднея Дж. Рейли, который, как мне сказали, является капитаном Королевского авиакорпуса. С начала войны я не получила от него ни единой весточки. Война застала меня в Бельгии, а мой муж в это время находился в Петербурге, где вел важные коммерческие дела как морской агент и судовый маклер.

Мои друзья встречались с ним в Лондоне в апреле 1918 г. Он был одет в форму капитана ВВС и проживал по адресу: Сент-Джеймс, Райдер-стрит, 22. В разговоре с друзьями он упомянул о том, что вскоре поедет за границу, однако не сказал куда.

Британский министр, сэр Френсис Виллиерс, бывший здесь с визитом, получил депешу из Форин офиса, в которой говорится, что г-н Рейли работал против большевиков и, будучи скомпрометирован, бежал в Финляндию.

Именно сэръ Френсис посоветовал мне обратиться к вам. Неужели вы не пожалеете меня, господи, и не сообщите как можно скорее, что стало с моим дорогим мужем? Если у вас есть связь с ним, пожалуйста, сообщите ему, что я в добром здравии, но мне чрезвычайно необходимо связаться с ним. Кроме того, я нахожусь в достаточно стесненном финансовом положении. Прилагаю фотографию г-на Рейли. Заранее благодарю за ответ.

Искренне Ваша, Маргарет Рейли»^{490}.

При чтении этого письма возникает подозрение, что основным мотивом Маргарет найти своего все еще законного мужа было «стесненное финансовое положение», о котором она упоминает в своем письме. На первый взгляд может показаться, что во время войны Маргарет испытывала достаточно серьезные финансовые затруднения с того момента, как потеряла из виду своего мужа. Однако достаточно достоверные свидетельства на этот счет позволяют сделать вывод, что ей все же удалось решить свои финансовые проблемы. 15 мая 1914 года Маргарет составила завещание, по которому объявляла своим единственным наследником некоего Джозефа Уори с виллы Шарлот, Зеллик, Бельгия, «в знак моей благодарности за финансовую помощь, которую он оказал мне»^{491}.

Однако Маргарет вряд ли подозревала о том, что, пока она писала свое письмо в Совет по делам авиации, ее «дорогой муж» вновь находился в России, в нескольких тысячах миль от нее, и обедал в Екатеринодаре с Борисом Сувориным. В знак доверия Си Рейли был послан еще с одной миссией, на этот раз в компании с капитаном Джорджем Хиллом.

11 ноября, спустя несколько дней после возвращения Хилла в Лондон, Си вызвал его в штаб-квартиру СИС для доклада о работе, проделанной им в России^{492}. Затем Хиллу был предоставлен месячный отпуск. «Увы, — вспоминает Хилл, — менее чем через неделю меня опять вызвали на службу»^{493}. По прибытии он лицом к лицу столкнулся в кабинете Си с Рейли. Присутствие там Рейли было, вне всякого сомнения, результатом его настойчивого стремления вернуться в Россию при первой же возможности. 25 ноября, к примеру, он написал письмо Локкарту с просьбой оказать ему содействие.

«Я заявил Си (и намерен довести это и до Вашего сведения), что считаю своим долгом продолжать службу, если она может принести пользу России и борьбе с большевизмом. Я также считаю себя не вправе вернуться к коммерции, пока не буду свободен от своих обязательств. Я также полагаю, что государство не должно отказываться от моих услуг. Даже если мне предложат пусть небольшую, но приличную работу в этой области, я брошу коммерцию и посвящу всю свою чертову жизнь этой работе. Си пообещал переговорить на эту тему в Форин офисе»^{494}.

Пять дней спустя, 30 ноября, Форин офис дал свое согласие на посылку двух агентов на юг России под прикрытием британской торговой корпорации. Рейли, как было договорено, «возьмет себе помощника по собственному выбору»^{495}, что и явилось причиной вызова Хилла в Уайтхолл-Корт. Стоящим перед ним Рейли и Хиллу Си объяснил, что «необходимо собрать важную информацию о Черноморском побережье и юге России для Мирной конференции, которая должна состояться в Париже в конце этого года».

Хилла не только попросили «добровольно» согласиться на поездку с Рейли в Россию, тем самым лишив его отпуска, но и сообщили, что через два часа с вокзала Ватерлоо отправляется саутгемптонский поезд. После некоторых попыток вежливо отказаться от этого задания Хилл в конце концов вынужден был уступить. Рейли получил свой паспорт и окончательные инструкции о своем задании за два дня до своего отъезда^{496}. Почему Хилла вызвали в последний момент, не совсем, ясно. Хилл, возможно, ошибается, когда говорит, что отгулял всего одну неделю отпуска, когда его неожиданно вызвали к Си, однако, если верить дневникам Рейли, эта встреча состоялась 12 декабря.

За несколько дней до встречи Рейли с Каммингом «Известия» сообщили, что решением Революционного трибунала Рейли и Локкарт заочно приговорены к смертной казни за свое участие в попытке переворота и что этот приговор будет приведен в исполнение немедленно в случае появления кого-либо из них на советской территории.

Эта новость, похоже, мало беспокоила Рейли, так как мы не находим никакого упоминания о ней в его дневнике. Дневник, однако, подтверждает тот факт, что Хилл проявил в отношении поездки куда

меньше энтузиазма. Хилл вспоминает, что «Рейли не мог вынести того безучастного вида, с которым я выходил из здания [Уайтхолл-Корта]»^{497}, — и далее приводит слова самого Рейли: «Хилл, я не верю, что ты действительно хочешь сесть на этот поезд. Спорю на пятьдесят фунтов, что ты опоздаешь». Почти так и случилось — Хилл успел вскочить в поезд за несколько секунд до его отхода. На платформе он увидел Рейли «высунувшимся из окна» купе вагона первого класса, «Будучи по натуре игроком, он отдал мне проигранные деньги», — пишет Хилл. А Рейли в своем дневнике в тот день сделал запись: «Отъехали в 4.30 дня. Хилл таки успел на поезд».

По словам Хилла, «во время поездки Рейли был в исключительно приподнятом настроении духа». Возможно, он уже наслаждался своей новой ролью «шпиона-джентльмена», возможно, для этого были другие причины. Если предположить, что история о том, что Рейли скрывал от посторонних глаз жену и двоих детей в Порт-Артуре, а затем в Петрограде, не вымысел, то лучшего места, чем Одесса, для эвакуации семьи в нынешних условиях придумать было нельзя. У Рейли были очень хорошие личные и деловые связи в городе, который не только был свободен от большевистского контроля, но и являлся международным портом, через который можно было выехать за границу в случае необходимости.

Приехав на следующий день в Париж, они пошли обедать в ресторан «Ля Рю» на бульваре Мадлен, владельцем которого был не кто иной, как бывший шеф-повар петербургского кафе «Париж» (больше известного как «Кюба»), Хилл вспоминает, что им «оказали восторженный прием и накормили великолепным обедом с восхитительным вином и бренди многолетней выдержки, поданным именно так, как и должен подаваться бренди, — в хрустальных бокалах»^{498}.

Отобедав в ресторане, Рейли и Хилл направились к Лионскому вокзалу, чтобы успеть на восьмичасовой поезд в Марсель. Несмотря на то что они ехали в купе первого класса, Рейли записал в своем дневнике, что они провели «ужасную ночь»^{499}. Это и неудивительно, так как в воспоминаниях Хилла об этом эпизоде мы находим следующее: «В нашем купе первого класса мы ехали как сельди в бочке — люди сидели на полу, занимая весь проход поезда». Вагон был переполнен не только обычными пассажирами, но и «большим

количеством тяжело раненных французских солдат, возвращавшихся домой из госпиталей»^{500}.

Прибыв наконец в Марсель в 11 часов утра следующего дня, они столкнулись лицом к лицу с Джоном Пиктоном Багге, генеральным консулом, возвращавшимся в Одессу для того, чтобы вновь приступить к своим обязанностям, и бывшим генеральным консулом в Гельсингфорсе Джоном Уэйтом. Как коммерсанты, аккредитованные при Торговом совете, Хилл и Рейли вместе с Багге и Уэйтом сели на борт греческого военного корабля «Исонзо», следовавшего курсом на Мальту. Хилл отмечает в своих воспоминаниях, что это не вызвало ни у кого удивления, так как греческие военные суда зачастую брали к себе на борт торговцев.

17 декабря, в полдень, «Исонзо» бросил якорь в порту Валетты, где компания и осталась ночевать. Рейли весь день провел в Валетте, где «делал покупки»^{501} и писал письмо Надин в Нью-Йорк. На следующий день, в 3 часа дня, Рейли и Хилл сели на борт «Рована» — судна, вызвавшего большое неудовольствие Рейли, отозвавшегося о нем в своем дневнике, как о «самой замызганной посудине, которую я когда-либо видел»^{502}. Чуть не столкнувшись у берегов Галлиполи с плавучей миной, в восемь утра 22 декабря они наконец прибыли в Константинополь. Увидев его, Рейли записал в своем дневнике: «Чудное зрелище»^{503}.

Отобедав в приятной компании с адмиралом Калторпом, главнокомандующим Средиземноморским флотом, на английском корабле «Лорд Нельсон», Рейли и Хилл наконец сели на борт минного тральщика «Лейм», направлявшегося в конечный пункт их путешествия — Севастополь. Рейли быстро подружился с капитаном «Лейма» Хилтоном, о котором отозвался в своем дневнике как об «отличном парне»^{504}. Наконец, под Рождество они ступили на севастопольский берег и тут же принялись налаживать связи.

Рейли и Хилл прибыли как нельзя вовремя, так как 13 ноября 1918 г. английское правительство приняло решение оказывать помощь антибольшевистским силам, или, как их называли, «белым», во главе которых стоял генерал Антон Деникин. Стратегический план разгрома большевиков состоял в вытеснении их с юга России силами Добровольческой армии в центральную часть страны, где их должна была взять в кольцо наступающая с востока армия адмирала Колчака.

Празднование Рождества, как записал Рейли в своем дневнике, проходило исключительно спокойно, так же мирно проходила и встреча Нового года в Кубанском собрании в Екатеринодаре^{505}. Хилл, однако, дает совершенно противоположное описание этих событий, вспоминая, что они праздновали встречу Нового года в «Палас-отеле» в Ростове. Его описание этих событий отличается фотографической точностью:

«...большой танцевальный зал с лоджией был разделен на сектора, а в центре зала бил великолепный фонтан. За столиками сидела многочисленная и разношерстная компания причудливо одетых мужчин и женщин. Красавицы в поношенных платьях и стертых туфлях демонстрировали всем напоказ кольца и ожерелья, которым могли бы позавидовать ювелиры из «Картье». Другие же дамы с царственным видом щеголяли в шикарных меховых шубках, которые, впрочем, старались не распахивать, так как в противном случае все бы увидели, что под ними скрываются убогие лохмотья. Одна барышня, помню, особенно выделялась своим великолепным нарядом, в то время как на ногах ее красовались носки ручной вязки и лапти»^{506}.

Рейли и Хилл, очевидно, пришли на праздник, как и подобает, во фраках. Публика, вспоминает Хилл, казалось, хорошо веселилась, хотя Рейли сильно раздражали «старорежимные формальности», такие, как оркестр, который время от времени исполнял «Боже, царя храни...», заставляя присутствующих вставать в почтении. Во время одного такого исполнения Хилл с любопытством наблюдал за тем, как Рейли «попивал маленькими глоточками турецкий кофе, иногда запивая его водой со льдом, и курил одну папиросу за другой»^{507}.

Спустя много часов и будучи в изрядном подпитии, Хилл почувствовал «невероятную усталость», поднялся в свою спальню и переоделся в пижаму. Внизу он услышал отдаленные звуки оркестра. Не в состоянии устоять перед ритмом «Марша старого охотника», он надел халат и спустился вниз, где, повинувшись неведомой силе, повел за собой музыкантов и толпу гуляк «вниз-вверх по лестничным пролетам и коридорам, на чердак, через кухни «Палас-отеля»^{508}.

Так чьим же воспоминаниям верить? Как Рейли и Хилл могли находиться в совершенно разных местах и вместе отмечать Новый год? Ответ на это кажущееся неразрешимым противоречие чрезвычайно прост. До прихода к власти большевиков Россия жила по календарю,

на тринадцать дней отстававшему от летосчисления, принятого в Англии и большинстве других стран мира. Придя к власти, большевики вскоре издали декрет о переходе на новое время^[36]. Белые же, под чьим контролем находилась территория, где в это время находились Рейли и Хилл, принципиально не принимали большевистских нововведений и упрямо продолжали жить по старому стилю.

Свои записи Рейли делал в маленьком латышском ежедневнике, где он, с момента своего отъезда из Лондона, отмечал все, что в этот момент происходило на юге России. Будучи человеком, никогда не переводившим свои часы при переезде в другую часовую зону, Рейли просто продолжал жить по своему времени. Хилл же, напротив, соблюдал местный календарь, чем и объясняется разница в тринадцать дней в их воспоминаниях. Подтверждение этому можно найти в дневнике Рейли, где 13 января 1919 г. он делает следующую запись: «Шумные новогодние празднества, все страшно напилось — Хилл в домашнем халате вел за собой оркестр. Все как при старом режиме»^{509}.

Из дневника видно, что Рейли отнесся к задаче сбора информации о Черноморском побережье и Юге России с энтузиазмом, проведя целую серию встреч с политическими и военными лидерами Белого движения, о которых подробно написал в своих донесениях. 27 декабря он встречался с военным министром Деникина генералом Лукомским^[37] и имел с ним «длительную беседу». Уже в своем первом донесении Рейли занял твердую проденикинскую позицию: «Добровольческая армия представляет собой единственную конкретную и надежную силу, живое олицетворение единения России», успех или неудача которой зависит от объема помощи союзников^{510}.

Под Новый год Рейли послал свое донесение вместе с письмом к Надин. О новогодних торжествах он отозвался как об исключительно скучном мероприятии.

Однако во втором его донесении уже отмечается, что «здесь во всем преобладает нездоровая атмосфера как с точки зрения политической стабильности Кубани, так и в самой Добровольческой армии, находящейся в большой зависимости от местных ресурсов и людских резервов»^{511}. 5 января Рейли встретился с генералом Пулем,

недавно вернувшись с фронта, и отметил, что их «оценки ситуации практически совпадают»^{512}.

Эти оценки и легли в основу его следующего донесения:

«...в военном отношении нынешнее положение Добровольческой армии представляется чрезвычайно серьезным; состояние ее боевой техники, снабжение провиантом и вооружением, а также ее технические средства не могут быть охарактеризованы иначе как ужасающие (я цитирую это определение из своей беседы с генералом Пулем); из этого можно заключить, что безотлагательность союзнической помощи сейчас более важна, нежели ее объем»^{513}.

Для продолжения борьбы, пишет Рейли, необходимы «танки «Уиппет», самолеты-бомбардировщики» и обмундирование^{514}. По оценкам Рейли, Красная армия уже к весне 1919 года будет представлять собой внушительную силу численностью более миллиона штыков. Он полагал, однако, что ее разгром будет «сравнительно легкой задачей». Рейли верил в то, что «большевистские армии не выдержат напора регулярных войск», тем более «хорошо экипированных», и считал, что «ситуация окажется роковой как для России, так и для Европы, если эта задача не будет выполнена к следующему лету». Однако, как показал печальный опыт, борьба деникинской армии с большевиками оказалась задачей далеко не из легких.

В своем политическом анализе сложившейся ситуации Рейли утверждает, что реформистские цели «Национального центра»^{515} соответствуют конечным целям Деникина. «Хотя в основных направлениях политические воззрения главнокомандующего и его совета совпадают с позицией «Национального центра», необходимо признать, что монархические настроения все еще сильны в некоторых политических кругах, близких к главнокомандующему».

Эти высказывания чрезвычайно характерны для Рейли. Подобно древнегреческому дельфийскому оракулу, он часто делал безоговорочные утверждения и давал характеристики другим людям. В данном случае он назвал генералов Лукомского и Драгомирова «убежденными монархистами», с мнением которых по политическим вопросам Деникин вынужден был считаться.

В заключение своего второго донесения Рейли сделал почти пророческий вывод: «Другого мнения нет: необходима всемирная

пропаганда против большевизма как против величайшего зла, угрожающего цивилизации»^{516}. Испытывая явное «удовлетворение от положительного эффекта» своего второго донесения^{517}, Рейли 10 января добился встречи с Деникиным и его непосредственным окружением. На следующий день он сделал запись в своем дневнике, в которой процитировал позицию, высказанную Деникиным на этой встрече:

«Народ считает, что для того, чтобы восстановить мир в России, нужно всего лишь взять Москву. Услышать звон кремлевских колоколов было бы приятно всем, но взятие Москвы не означает спасение всей России. Россию нужно отвоевать всю, а сделать это можно только масштабным продвижением с юга через всю Россию. Мы не сможем это сделать в одиночку. Нам необходима помощь союзников. Только лишь боевой техники и вооружения недостаточно; необходимо, чтобы за нами шли союзнические войска, которые удерживали бы отвоеванные нами территории, оставляли войска в городах, поддерживали порядок в стране и обеспечивали охрану наших коммуникаций»^{518}.

Обращает на себя внимание то, что Деникин в своей речи использует слово «отвоевывать», а не «освободить», что уже во многом характеризует его взгляды и дает возможность понять причины его полной неспособности завоевать доверие и поддержку населения.

Трудно сказать, вызвали ли эти слова у Рейли какое-то беспокойство или он остался к ним равнодушен — в его дальнейших дневниковых записях и донесениях это высказывание Деникина более нигде не упоминается. Однако он не мог не заметить всеобщего разочарования людей, отметив, что рабочих «толкает в руки большевиков запрет на деятельность любых профессиональных союзов»^{519} и что все слои общества выражают свое возмущение реакционным характером и злоупотреблениями режима казачьего атамана Петра Краснова^[38].

Рейли был, несомненно, прав, полагая, что недавно заключенный союз между Красновым и Деникиным ненадежен и что Краснов не будет признавать авторитет Деникина^{520}. Его опасения не заставили себя долго ждать: на одной из встреч, состоявшейся между двумя генералами, Краснов «пришел в ярость» и «вел себя вызывающе»^{521}.

Крича на всех, казачий генерал обвинил командование Добровольческой армии в том, что оно думает «лишь о том, чтобы урвать как можно больше власти»^{522}. Осуждая деникинское правительство за то, что оно «все еще занимается экспериментами», Краснов поставил им в пример свое собственное руководство, которое было «достаточно хорошо организовано, чтобы решать не только военные, но и хозяйственные вопросы»^{523}.

Давая личностные характеристики другим людям, Рейли с неодобрением отмечает, что генерал Пуль «волочится» сразу за двумя женщинами^{524}. Не совсем понятно, однако, что именно вызвало неодобрение Рейли: сам факт интимной связи генерала или то, что женщины были «ужасными»^{525}. Рейли полагал, что это производит на всех «очень плохое впечатление».

Копія.

П Р И К А З Ъ

Главнокомандующаго вооруженными силами на Югѣ
Россіи.

№ 26.

Г. Екатеринодаръ.

5 Января 1919 года.

НАГРАЖДАЮТСЯ: Орденомъ Св. Анны 3-й степе-
ни съ мечами и бантомъ Англійской службы лей-
тенантъ резерва Рейлли, Сидней.

Подлинный подписаль:
Гепераль-Лейтенантъ Деникинъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:
Начальникъ Наградного Отдѣленія,
Полковникъ Яковлевъ.

(По Управленію Дежурнаго Генерала).
(Часть Наградная).

Приказ Деникина о награждении Рейли орденом Св. Анны 3-й степени

22 января Рейли и Хилл узнали, что Си представил их к Военному кресту за «особые заслуги, оказанные ими во время боевых действий в военное время»^{526}. В тот вечер Рейли угощал всех шампанским, однако отметил в своем дневнике, что полковник Теренс Кейз отказался пить за его здоровье и вел себя как «последняя скотина и дурак»^{527}. Кейз и Рейли невзлюбили друг друга с первого же дня знакомства. Дневник Рейли испещрен записями о хамских выходках

Кейза^{528}. Незадолго до того как Рейли получил известие о своем награждении Военным крестом, генерал Деникин приказом от 18 января 1919 года^[39] удостоил его ордена Св. Анны^{529}. В отличие от других наград, полученных Рейли, этот орден сохранился и по сей день находится в архиве МИБ.

3 февраля Рейли и Хилл прибыли в Одессу, конечный пункт их совместной миссии. На следующий день Хилл должен был возвращаться в Англию, и Рейли предложил ему прогуляться по улицам города. Когда они оказались на Александровском проспекте, у Рейли вдруг подкосились ноги, его лицо побелело, и он рухнул на мостовую. Через несколько минут он пришел в себя, однако отказался объяснить своему товарищу, что же произошло.

Хилл предположил, что обморок Рейли явился следствием сильных эмоциональных переживаний, вызванных воспоминаниями детства^{530}. Это происшествие случилось у дома 15 по Александровскому проспекту, из чего Хилл высказал догадку, что Рейли жил там в детстве. Скорее всего, «эмоциональные переживания» Рейли были не чем иным, как слабым эпилептическим припадком, которые и раньше случались с ним во время сильного нервного напряжения. Однако сам по себе этот эпизод достаточно любопытен. Было ли случайностью то, что Рейли потерял сознание именно в этом месте, или же причиной этого обморока явились какие-то иные обстоятельства?

В восьмидесятые — девяностые годы XIX века этот дом принадлежал некоему Филурингу Леону Соломоновичу^{531}. Мы не располагаем никакими свидетельствами того, что кто-либо по фамилии Розенблюм был владельцем этого дома при жизни Рейли. Не исключено, что его семья могла снимать квартиру в этом доме, однако строить дальнейшие предположения было бы бессмысленно, так как все документы за этот период были уничтожены во время Второй мировой войны. Тем не менее изучение семейных архивов Розенблюмов позволяет сделать одно предположение. В пяти домах от того места, где Рейли потерял сознание, стоит дом под номером 27, в котором проживал покойный Михаил Розенблюм. В 1919 году в этом доме жила его дочь Елена Розенблюм^{532}.

На следующий день Рейли проводил Хилла до вокзала, откуда тому предстояло совершить долгий путь к себе на родину. По каким-то

неясным причинам, которые Рейли никак не объясняет, он делает следующую запись в своем дневнике: «Проводил Хилла; в нас стреляли»^{533}. Это самая загадочная запись в его дневнике, так как Хилл ничего об этом не говорит в своих воспоминаниях. Хотя этот эпизод мог произойти уже после отхода поезда, обстоятельства этого происшествия до сих пор остаются загадочными.

В тот день, когда Хилл выехал из Одессы, Маргарет Рейли прибыла в Лондон из Брюсселя. Не имея никаких сведений о своем муже с момента своих запросов, Маргарет пересекла Ла-Манш, сняла номер в «Букингем-отеле» на Стренде и отправилась напрямик в Министерство авиации. Там ее принял некий Дж. Е. Пеннигтон, позже так описавший эту встречу.

«Эти жены Рейли ужасно назойливы. Около двух месяцев тому назад одна из них явилась в Министерство авиации и попросила дать ей адрес мужа. Я отослал ее к Кэррингтону. Она оставила свой адрес: Брикстон-Хилл, Мейплстед-роуд, 2. Не думаю, впрочем, что большевики или немцы будут в восторге, если мы позволим людям Маша некоторые вольности»^{534}.

Тем не менее Маргарет дали адрес капитана Спенсера из Военного министерства, к которому она обратилась 4 февраля:

«Уважаемый сэр!

В Военном министерстве мне дали адрес (комната 443, капитан Талбот), где я могу получить сведения о моем муже лейтенанте авиации С. Дж. Рейли. Я очень прошу Вас сообщить мне, где Он сейчас находится и как я могу с ним связаться.

К началу войны мой муж находился в Петрограде, где вел коммерческие дела как морской агент и судовой маклер. Военные действия застали меня в Брюсселе, где я продолжала оставаться в надежде получить весточку от г-на Рейли. С тех пор я так и не получила от своего мужа ни одного письма, а потом и вообще потеряла его из виду. Надеюсь на Вашу любезность и доброту, а также на скорый ответ.

Искренне Ваша, Маргарет Рейли»^{535}.

Это письмо в конце концов возымело действие. Капитан Талбот установил личность Рейли, отметив, что он находится в распоряжении СИС. Поэтому он и перенаправил Маргарет к «Капитану Спенсеру», это имя использовали старшие офицеры СИС для официального общения с посторонними лицами. Неизвестно, что именно написала миссис Рейли в своем письме к мужу, однако оно произвело желаемый эффект. Уже через несколько дней с момента получения этого письма Рейли отправил в лондонскую штаб-квартиру СИС телеграмму следующего содержания:

«19 февраля 1919 г.

Пожалуйста, снимите с моего счета 100 фунтов и выплатите их 2-же РЕЙЛИ. Сообщите ей, что я [неразборчиво] дополнительные средства, когда вернусь»^{536}.

Этот ответ Рейли написал, сидя в одесской гостинице «Лондонская», где он жил с 9 февраля. Оставшись один, он составлял свои донесения в Лондон в основном уже о ситуации в Одессе. Юг России был поделен союзниками на две оккупационные зоны: восточную (английскую) и западную (французскую).

В Одессе, находившейся во французской зоне, стоял французский гарнизон численностью 60 тысяч человек, которых Рейли критиковал за их «исключительно недружественное» отношение к Добровольческой армии. Особенную неприязнь Рейли вызвал полковник Анри Фрейденберг, которого он без обвиняков обвинил в саботировании поставок вооружения Добровольческой армии. В частности, он обвинил французов в том, что они «относятся к русским штабным офицерам не только без элементарной вежливости, но и зачастую с оскорбительной грубостью», превратив при этом Одессу «в один из самых плохо управляемых и наименее безопасных городов мира»^{537}.

21 февраля Рейли обратился к своему начальству с просьбой: «Прошу распорядиться о моем возвращении домой, так как мое дальнейшее пребывание здесь чистейшая трата времени, и лишь мой устный доклад может прояснить эту запутанную ситуацию»^{538}. 10

марта он уже был в Константинополе на совещании с Джоном Пиктоном Багге и помощником британского Верховного комиссара в Константинополе, вице-адмиралом Ричардом Уэббом.

Уэбб охарактеризовал донесения Рейли как «внушающие тревогу» и немедленно организовал ему возвращение в Лондон для предоставления полного отчета о его миссии в Форин офис. Уолфорд Селби, чиновник русского отдела Форин офиса, заключил, что донесения Рейли содержат «массу полезной информации о нынешней ситуации на Юге России»^{539}. Он также сделал особую пометку на донесении Рейли за номером 13 о положении в Одессе: «Для доклада королю и военному кабинету».

Если сравнить его нынешнюю миссию в Россию с предыдущей, то может создаться впечатление, что на этот раз Рейли занял относительно пассивную, если не нейтральную позицию, сообщая Лондону о ситуации на Юге России. В действительности же Рейли играл чрезвычайно активную роль, поддерживая Деникина, которого бессовестно рекламировал как главного противника большевиков. Как мы убедимся далее, верный себе, Рейли по-прежнему использовал любые возможности для того, чтобы завести личные знакомства и выведать коммерческую информацию, из которой позже извлек выгоду самыми различными способами.

Отчитавшись перед Форин офисом, Рейли вновь увиделся с Хиллом, на этот раз для выполнения еще одного небольшого задания. Хилл вспоминает:

«Неожиданно я получил приказ ехать в Париж, и Рейли, который только что вернулся из Одессы, должен был сопровождать меня. Нам было поручено быть наготове и в любой момент составить экспертный доклад о том, что происходит в Париже, особенно в связи с русскими делами, а также в случае необходимости выступить в роли офицеров связи для контактов с недавно образованным Советом послов»^{540}.

Из Лондона Рейли и Хилл отправились в одной компании с чиновниками адмиралтейства, а также с сэром Уильямом Буллем, депутатом парламента от консервативной партии и близким другом Си. Все они остановились в отеле «Мажестик», где Булль представил Рейли и Хилла новому военному министру Уинстону Черчиллю, его

помощнику Арчибальду Синклеру и лорду Нортклиффу, владельцу газеты «Дейли мейл».

Проведя несколько дней в отеле, Рейли и Хилл были вынуждены переехать в отель «Мерседес», так как Форин офис счел неуместным их дальнейшее пребывание в одной гостинице с членами официальной британской делегации^{541}.

Перебравшись в новый отель, они узнали, что в «Мерседесе» также остановился греческий премьер-министр Элефтериос Венизелос вместе с членами своей делегации, занимавшей два этажа гостиницы. Хилл лично знал Венизелоса и ранее, когда познакомился с ним во время своей разведывательной миссии в Салониках в 1916 году, вскоре после того, как греки вступили в войну на стороне Антанты. Во время этой и других встреч, проходивших поздно ночью и с обильными возлияниями, Рейли и Хилл узнали о территориальных притязаниях Венизелоса^{542}^[40], о которых они тут же составили информацию и передали ее в Форин офис. Именно здесь до них дошли слухи о возможном признании советского правительства и приглашении советской делегации на Парижскую мирную конференцию.

За ленчем с журналистом Джульельмо они узнали, что в Москву на переговоры с большевиками были посланы два американских дипломата — Уильям Буллит и Линкольн Стеффене^[41]. Буллит, по слухам, телеграфировал текст предложений большевиков, касающихся потенциального признания их, президенту США Вильсону, на которого эти предложения якобы произвели большое впечатление. На следующий день, 25 марта, Рейли и Хилл завтракали с чиновниками Форин офиса Уолфордом Селби и Гарольдом Николсоном в отеле на рю Сен-Рок, о котором Рейли с особым удовольствием сказал, что в нем в 1795 году находился штаб Наполеона^{543}.

Обсудив слухи о «признании Советов», Рейли устроил Селби и Николсону импровизированную экскурсию по наполеоновским местам, поражая их своими энциклопедическими знаниями.

Позже вечером, по воспоминаниям Хилла, к ним присоединился «знакомый из американской военной делегации», сообщивший им, что «завтра утром Буллит приглашен на завтрак к Ллойд-Джорджу»^{544}. Что случилось после, доподлинно неизвестно, так как ответственность за передачу информации о предстоящих переговорах американского правительства с большевиками главному редактору «Дейли мейл»

Генри Уиккем-Стиду, находившемуся в тот момент в Париже, взяли на себя как Рейли, так и Хилл^{545}.

На следующий день, 26 марта, «Дейли мейл» напечатала сенсационную статью под заголовком «Мир с честью». В ней Уиккем-Стид обрушился с обвинениями на тех, кто «прямо или косвенно предоставляет официальные полномочия злу, именуемому большевизмом»^{546}. В результате Ллойд-Джордж был вынужден дезавуировать американские предложения и, таким образом, на какое-то время похоронить идею признания Англией советского правительства.

После разоблачений «Дейли мейл» Хилла вновь командировали на Юг России, а Рейли вернулся в Лондон, где он ненадолго воссоединился с Надин, которая 26 марта приехала в Лондон из Нью-Йорка. Прошло долгих полтора года с того момента, когда он видел ее в последний раз, и за это время в жизни каждого из них произошло немало событий. Рейли не потребовалось много времени, чтобы осознать, что в его отношениях с Надин произошли кардинальные перемены. Долгие месяцы разлуки и взаимные измены, несомненно, сделали свое дело. То, что через две недели после их короткого воссоединения Рейли уехал один в Саутгемптон, где 15 апреля купил билет на отправлявшийся в Нью-Йорк лайнер «Олимпик», лишь подтверждает предположение об их разрыве.

Глава 11. Финальный занавес

Ввиду неполадок с гребным винтом лайнер «Олимпик», направлявшийся в Нью-Йорк, 21 апреля 1919 г. сделал вынужденную остановку в канадском городе Галифаксе, в Новой Шотландии^{547}. Хотя большая часть пассажиров судна благополучно добралась до места назначения, пересев на пароход «Адриатик», Рейли не хотел терять время и сел на поезд, с пересадкой в Бостоне доставивший его до Пенсильвании-стейшн в Нью-Йорке^{548}.

Целью его поездки была встреча с Сэмюэлем Мак-Робертсом и многими другими банкирами, которых он намеревался убедить в достоинствах своего последнего «выдающегося плана». Действуя от имени польского банкира Кароля Ярошинского^{549}, своего старого довоенного петербургского приятеля, Рейли, несомненно, хотел заложить основы англо-американского синдиката для инвестиций в постбольшевистскую экономику.

Подтверждение намерений Рейли мы обнаруживаем в телеграмме, посланной им 10 мая Джону Пиктону Багге в Департамент внешней торговли. В ней он выражал уверенность в том, что для американского бизнеса, ищущего новые рынки сбыта, Россия должна представлять несомненный интерес, поскольку это страна обладает инвестиционным потенциалом^{550}. По мнению Рейли, Мак-Робертс должен был быть особенно заинтересован в создании этого англо-американского синдиката, поскольку это предприятие сулило большие перспективы в случае победы Деникина. 15 мая Рейли отправился в Англию на борту лайнера «Балтик» пароходной компании «Уайт стар»^{551}. Прибыв 25 мая в Ливерпуль, он остановился на ночь в отеле «Адельфи», а на следующее утро выехал в Лондон.

Багге также увидел в предложениях Ярошинского некоторые перспективы, признав, что в случае их успеха Англия получит не только новый рынок сбыта, но и возможность экономически и политически контролировать Россию. Однако крупные английские банки, такие, как «Ллойдс», «Лондон Каунти энд Вестминстер Бэнк» и «Нэншл энд Провиншл Бэнк», не проявляли особого желания давать кредиты, между тем как победа Белого движения вызывала все больше

и больше сомнений. Нерешительность, пассивные и затяжные обсуждения этого вопроса в Форин офисе, Казначействе и Департаменте внешней торговли означали, что к тому времени, когда стороны достигнут согласия, для Деникина это не будет иметь уже никакого значения.

Хотя миссия Рейли на Юг России завершилась еще в марте, он тем не менее продолжал поддерживать личную переписку с Рексом Липером, Джоном Пиктоном Багге и им подобными и заваливал их письмами и посланиями из своей квартиры в Олбани, неподалеку от одного из самых престижных лондонских кварталов Пикадилли. Среди высокопоставленных знакомых Рейли был также и депутат парламента сэр Арчибальд Синклер, с которым он впервые познакомился месяц назад в парижском отеле «Мажестик». Рейли использовал все те же испытанные способы проникновения в политические круги, что и десять лет тому назад в Петербурге. Эти методы состояли прежде всего в том, чтобы завести и поддерживать знакомства с людьми из близкого окружения высокопоставленных персон, с помощью которых можно было бы получить доступ на политический Олимп. Так, в свое время Рейли, пользуясь знакомством с лейтенантом Петром Залесским, стал вхож в ближайшее окружение морского министра адмирала Григоровича; сейчас же он шел на все, даже на некоторые жертвы, чтобы завоевать симпатии Арчибальда Синклера.

Можно только догадываться, что думало высшее руководство СИС о внеслужебной деятельности Рейли. В октябре 1919 года для многих стало очевидно, что это человек с сомнительной репутацией. Став лишь совсем недавно кавалером ордена Военный крест, Рейли, очевидно, полагал, что его «особые заслуги» должны быть вознаграждены еще и повышением по службе. Второго лейтенанта он получил в 1917 году при зачислении в корпус^{552}, однако сейчас, год спустя, он явно жаждал большего признания. Ведь Джордж Хилл, также начавший службу в чине лейтенанта, был уже капитаном, то есть на один чин выше Рейли. Все эти соображения и побудили Рейли обратиться к майору Д. Дж. Ф. Мортону, руководителю агентурного отдела СИС^{553} и своему непосредственному начальнику. В результате 3 октября 1919 года Мортон составил ходатайство на имя полковника Стюарта Мензиса, начальника II отдела СИС, ведавшего военными вопросами:

«Прошу Вас рассмотреть ходатайство о почетном производстве лейтенанта Рейли в чин майора. В настоящее время он состоит во временном чине лейтенанта военно-воздушных сил. Ввиду того, что лейтенант Рейли выполняет особые задания Форин офиса, требующие от него общения с высокопоставленными военными и гражданскими лицами, он считает свой нынешний чин большой помехой для выполнения своих обязанностей. Я уверен, что Форин офис со своей стороны поддержит это ходатайство, и, если Вы готовы рассмотреть этот вопрос, я постараюсь заручиться их письменными рекомендациями на этот счет».^{554}.

На это полковник Мензис незамедлительно ответил отказом:

«Лейтенант Рейли проходит по ведомству военно-воздушных сил, мы-то здесь чем можем помочь? В любом случае ВМ [Военное министерство] будет стоять насмерть, но не допустит почетного повышения, так как в случае смерти этого офицера оно будет вынуждено платить пенсию его вдове. Хотя я не вижу и никакого греха в том, чтобы попробовать обратиться в Министерство авиации».^{555}.

Хотя ответ Мензиса и отражал позицию Военного министерства, из него можно понять, что если бы он и в самом деле захотел помочь Рейли продвинуться по службе, то, несомненно, сделал бы это. Хотя Мортон и был на стороне Рейли, его коллеги по СИС явно не разделяли его симпатий, относясь к Рейли как к выскочке или как к человеку, от которого всего можно ожидать. Однако, будучи человеком, не привыкшим получать отказы, Рейли «повысил» сам себя без чьей-либо помощи.

С этого момента вне своей службы он представлялся людям как «капитан Рейли», и именно в этом чине он фигурирует в книгах Уинфрида Людеке^{556}, Пепиты Бобадилья (позже Рейли)^{557} и массе других книг и публикацией о нем. В 1932 году даже его старый враг Норман Туэйтс в своей биографии также именовал его как «капитан Сидней Рейли, кавалер Военного креста»^{558}.

С момента приезда Рейли в Нью-Йорк прошло уже пять месяцев, однако Рейли не покладая рук пытается протолкнуть свою русскую банковскую авантюру. Из его письма Пиктону Багге от 10 октября видно, что он попытался втянуть в эту авантюру французских банкиров и был чрезвычайно окрылен их ответом:

«Мой дорогой Багге!

В подтверждение своего письма от 8-го числа прилагаю проспект SOCIETE COMMERCIALE, INDUSTRIELLE ET FINANCIERE LA RUSSIE^[42], недавно образованного в Париже.

Это тот самый банковский картель, о котором нам с Вами рассказывал мсье ЯРОШИНСКИЙ и к которому уже проявили интерес некоторые из его банков. Вы можете убедиться, что французские банкиры оказались куда более восприимчивыми, нежели наши друзья в Сити. Об этом французском банковском объединении я уже получил из Парижа следующую информацию. На прошлой неделе во французском Торгово-промышленном министерстве состоялось совещание под председательством генерала МАНЖЕНА, главы экономической миссии в России, которая должна была отбыть 8-го числа этого месяца. Помимо представителей министерства, французских банков и промышленности, там еще присутствовали представители русского правительства и банков, а также и ряд русских промышленников.

Совещание приняло резолюцию о возобновлении широких торговых отношений с Россией и приветствовало идею отправки экономической миссии в Россию. Более того, также получила одобрение идея создания упомянутой мною компании с уставным капиталом в 50 миллионов франков, которой была обещана правительственная поддержка в области кредитов. Из 50 миллионов франков 20 миллионов принадлежат французским банкам, 15 миллионов — французским промышленникам и еще 15 миллионов франков зарезервированы для русских банков и русских промышленников. Французские банки предоставят кредит в 400 миллионов франков. Представители русских банков, однако, выдвинули условие, что, участвуя в учреждении этой компании, они сохраняют за собой свободу действий и право участвовать в аналогичных объединениях в других странах».^{559}.

Три дня спустя после этого письма деникинские войска взяли Орел. Находясь всего лишь в 200 милях к югу от Москвы, белые и их сторонники уже были готовы праздновать победу. Территория, находившаяся к этому моменту под контролем Деникина, составляла в общей сложности 600 тысяч квадратных миль. Однако всего через

неделю Красная армия выбила белых из Орла, повернув тем самым исход войны в свою пользу.

Растянув свои линии снабжения до критической точки, Деникин был вынужден начать отступление, дойдя в конце концов до Черного моря, откуда когда-то началась его кампания. По мере того как шансы Деникина на успех становились все меньше и меньше, ослабевали и претензии Рейли на роль главного реформатора русской экономики. Если бы Деникину удалось взять Москву и одержать окончательную победу над большевиками, Рейли, несомненно, сыграл бы решающую роль в экономической реконструкции страны. Деньги, заработанные им на оружейных контрактах, были ничтожны по сравнению с теми капиталами, какие сулила ему свободная от большевиков Россия.

Рейли, однако, был не из тех, кто надолго впадал в уныние. Недолго думая, он сел писать девятнадцатистраничный меморандум, озаглавленный «Русская проблема»^{560}, где излагал свои взгляды на меры, которые, с его точки зрения, необходимо принять для свержения большевистского режима. В заключение своей программной статьи Рейли констатировал:

«Стратегию и предложения, высказанные в данной статье, можно свести к следующим пунктам:

1. Свержение большевистской власти — только насильственное, так как других действенных способов сделать это у нас нет или они вообще невозможны.

2. Необходимые для этого силы могут быть сформированы путем сотрудничества между русской национальной армией и армиями Финляндии, Польши и пограничных государств.

3. Для реализации этого сотрудничества Деникину нужно прийти к соглашению с другими государствами по вопросу политических и территориальных разногласий, которые должны быть обсуждены на специальном межгосударственном совещании.

4. Условиями для достижения этого соглашения и для предоставления ему времени, достаточного для выполнения главной задачи, должны быть:

4.1 Подписание договора между правительствами союзнических держав относительно конкретных условий, которые будут предложены на межгосударственном совещании.

4.2 Готовность союзнических правительств навязывать эти условия другим сторонам путем морального и, если необходимо, экономического давления; с другой стороны, немедленное оказание сторонам, принявшим эти условия, всей необходимой поддержки.

4.3 Некоторые перемены в составе и политике польского и денкинского правительства.

5. Устранение вредоносного влияния Германии путем попытки достижения экономических соглашений, где бы учитывались интересы России. Для этого необходимо:

5.1 Подготовить соответствующую почву во Франции с тем, чтобы она не создавала препятствий этим соглашениям, а по возможности даже участвовала в них.

5.2 Убедить ряд английских финансистов сформировать британо-германское объединение для учреждения контроля над акционерным капиталом русских банков.

5.3 Выполнение всех этих пунктов (некоторые из них я перечислил выше) необходимо для сохранения решающего права голоса в этом объединении за Англией и Францией».

Самозванный эксперт по России и один из немногих агентов разведки, кто действительно находился в России в критический момент, Рейли использовал любую возможность для распространения своих взглядов среди влиятельных лиц в надежде, что хотя бы у некоторых эти идеи найдут отклик. Свидетельством его успеха в этом направлении может служить записка Арчибальда Синклера Уинстону Черчиллю от 15 декабря 1919 года^{561}.

Очевидно, Рейли встречался с Синклером за несколько дней до этого, чтобы передать ему экземпляр своей «Русской проблемы». Во время обсуждения своей статьи Рейли показал Синклеру письмо от владельца газеты «Дейли мейл» лорда Нортклиффа, которому он также послал экземпляр меморандума. В результате, как Рейли и предполагал, Синклер направил меморандум Черчиллю с сопроводительным письмом, в котором отмечал: «Рейли мне показывал ответ Нортклиффа, в котором он пишет, что «прочитал каждое слово меморандума, до самой последней страницы»^{562}.

Данный эпизод является еще одним наглядным примером тактики Рейли — завоевания влияния через связи. Несмотря на взаимное

недоверие Нортклиффа и Черчилля, Рейли хорошо знал, что Черчилль клюнет на материал, которым заинтересовался Нортклифф.

В то время как Рейли строил грандиозные планы, СИС был занят куда более насущными проблемами, а именно разжиганием интриг между прогермански настроенными русскими и германскими милитаристскими кругами в Берлине. В результате информации, полученной Форин офисом от дочери Чайковского^[43], члена делегации русских белоэмигрантов в Париже, СИС отправил кабелем в свой парижский разведпункт сообщение следующего содержания:

«На Вашу телеграмму СХР.583 от сегодняшнего дня прилагаем сообщение с подробностями реакционного германо-русского заговора. Данная информация получена от дочери Чайковского, которой мы сообщили Ваш частный адрес и попросили ее написать Вам и назначить с Вами встречу. Она будет держать Вас в курсе всех дел, которые коснутся ее ушей... Также свяжитесь с Рейли, ознакомьте его с прилагаемым донесением и попросите его оказывать Вам всю посильную помощь»^{563}.

В сообщении говорилось:

«Нами получена информация о заговоре, вынашиваемом германскими и русскими реакционерами. Центр заговора находится в Берлине, откуда его нити тянутся в Париж и Крым. Первым шагом заговорщиков планируется свержение руководства ВСЮР^{564} с целью устранения проантантовских элементов, включая Деникина, если последний откажется поддержать немецкие планы. В случае успеха заговора Добровольческая армия, по директивам из Германии, заключает перемирие с большевиками».

В сообщении также утверждалось:

«Центр этих интриг находится в Берлине, и руководит ими генерал Людендорф. Генерал Людендорф имеет своего агента в Париже, чье имя мне неизвестно, который имеет строгое распоряжение генерала не вступать ни в какие сношения с официальным представителем германского правительства в Париже, так как его берлинская организация занимает враждебную позицию по отношению к германскому правительству и вынашивает планы его свержения»^{565}.

За этим последовал оживленный обмен телеграммами между Лондоном и Парижем. 23 марта Рейли послал из Парижа Каммингу

подробный аналитический отчет:

«Не желая ни в коей мере преуменьшать опасность так называемого «германо-русского заговора», я все же склонен полагать, что в нынешних обстоятельствах ему придадут большее значение, чем он представляет собой в действительности. Исходя из моего опыта, я не слишком верю в возможности русских монархистов, равно как не могу себе представить, что немцы, со своей стороны, могут рассматривать их как серьезных партнеров»^{566}.

Доклад Рейли также примечателен тем, что в нем излагаются пророческие мысли Николая Корейво^{567}:

«России нечего ожидать от союзников, которые на протяжении всего этого времени преследовали корыстную политику, дурачили и предавали КОЛЧАКА, ДЕНИКИНА и ЮДЕНИЧА, исходя из своих собственных интересов. Если говорить о русских национальных интересах, то наиболее приемлемой линией для России был бы союз с германской военной партией. Лига Наций — это красивая мента, которая, к счастью, развеивается благодаря неучастию в этом Америки, поэтому сегодня представляется более чем необходимым проводить «Realpolitik»^{568}, в которой Россия и Германия будут играть главные роли и которая сулит быстрое политическое и экономическое выздоровление обеих стран»^{569}.

Приблизительно так и развернулись события два года спустя, в апреле 1922 года, когда Россия и Германия подписали Рапалльский договор, по которому стороны признавали правительства друг друга и отказывались от взаимных финансовых претензий. Это было неизбежное признание двумя державами интересов друг друга.

Компромиссом стало решение Сиднея и Надин Рейли подать на развод. Хотя их брак не имел юридической силы, Надин ничего не знала об этом, и Рейли пришлось пройти через все бракоразводные процедуры, чтобы продолжать держать ее в неведении. 4 марта 1920 года они отправились в Париж для того, чтобы начать бракоразводный процесс. Рейли и Надин зашли в контору СИС на Эдам-стрит в Лондоне, чтобы получить паспорт и проездные билеты, хотя заранее Рейли об этом не договаривался. На следующий день Си получил докладную записку из отдела X: «Рейли и его жена № 2 вчера пришли на Эдам-стрит за паспортом и билетами в Париж. Поскольку Вы отсутствовали, я дал устное распоряжение Кроули выдать им все

надлежащие документы, однако мне ничего не известно ни о самой поездке, ни о том, оплачиваем мы ее или нет»^{570}.

Рейли не впервые смешивал свои личные дела со служебными. Связавшись с адвокатами, которые должны были участвовать в бракоразводном процессе, он написал два письма сэру Роберту Натану в Форин офис из отеля «Лотти» на рю де Кастильон, где он и Надин сняли номер. Из этих писем, датированных 13 и 14 марта, очевидно, что он встречался с Барановым и Бурцевым^{571}. [44] в связи с волнениями в Германии^{[45]{572}}. По возвращении в Лондон Рейли не терял времени и отпечатал на машинке еще два программных документа по вопросам русской политики, послав экземпляры на отзыв Арчибальду Синклеру, перед тем как направить их в Форин офис и Департамент внешней торговли. Синклер, как и надеялся Рейли, немедленно направил их Черчиллю, сопроводив коротким письмом:

«Г-ну Министру.

Надеюсь, Вы найдете время, чтобы прочитать два коротких меморандума, написанных Рейли, приятелем моего замечательного друга Майла. Они содержат конкретные предложения о том, какие экономические меры следует принять, чтобы способствовать падению советского правительства, и как можно быстрее воспользоваться этим моментом, чтобы получать продовольствие и сырье из Советской России. Он очень просит меня высказать «мое» мнение о своих предложениях, перед тем как изложить их в Форин офисе и Департаменте внешней торговли.

Рейли пользуется репутацией специалиста по финансовым вопросам, каковой опыт он приобрел благодаря исключительно успешному ведению своих коммерческих дел, а также благодаря авторитету, которым пользуется среди русских финансистов, таких, как г-н Ярашинский^[46]. Со своим знанием России и русских проблем, с умением улавливать политические и экономические тенденции и делать прогнозы, безошибочность которых не раз подтверждалась в течение последнего года, он не имеет равных среди тех русских и англичан, с которыми мне доводилось встречаться. С моим мнением, наверное, не согласится Пиктон Багге и, я полагаю, Си из Интеллидженс сервис»^{573}.

Предложения Рейли о том, как подорвать Россию изнутри, сводились к трем пунктам: убедить руководство Красной армии заключить союз с Деникиным с целью свержения большевиков; заручиться помощью и поддержкой высших иерархов Русской православной церкви; и, наконец, убедить правительство Украины пойти на альянс с Деникиным и начать совместное наступление на большевиков.

Хотя Рекс Липер из отдела политической разведки высказался вполне одобрительно относительно предложений Рейли, начальник русского отдела Форин офиса Рональд Грэм отнесся к ним с ярко выраженным скептицизмом. Министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон был более склонен разделять мнение Грэма, нежели Липера, и предложения Рейли, таким образом, были решительно отклонены.

В это же время Надин возвращается в Нью-Йорк и расстается с Рейли уже навсегда^{{574};[47]}. В течение года у Рейли возникло еще одно романтическое увлечение, на этот раз с совсем юной девушкой, моложе его на тридцать лет.

Кэрилл Хауслендер^{575}, недавняя выпускница школы художественной росписи по дереву Св. Иоанна, познакомилась с Рейли через свою подругу по школе Делию Клиффорд, которая в свою очередь встречала Рейли в русских эмигрантских кругах. Делия показала Рейли рисунки Кэрилл, поскольку, по ее словам, та «слишком стеснялась своих работ и считала их слишком недостойными, чтобы лично показывать посторонним людям»^{576}.

Кэрилл была очарована Россией, ее религией, искусством и мистицизмом, поэтому нет ничего удивительного в том, что молодая девушка очень быстро увлеклась человеком, который, казалось, олицетворял все то, перед чем она так восторженно преклонялась. Будучи набожной католичкой, Кэрилл предпринимала невероятные душевные усилия, чтобы примирить свои чувства и религиозные убеждения. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1955 году, она так описывает душевное смятение, которое ей пришлось испытывать в тот момент:

«Я чувствовала, что стремительно скатываюсь в психологическую и духовную пропасть, все больше и больше отдавая себя во власть собственных чувств. Доведя себя до состояния полной

опустошенности и вытравив из себя все, что составляло смысл моей жизни, я внезапно ощутила потребность заполнить эту пустоту. Я не могла передать это ощущение словами, но, безусловно, оно многократно усиливало любые мои естественные желания и не давало мне возможности открывать свою душу другим людям»^{577}.

Кэрилл оказалась не в силах побороть искушение. Ее роман с Рейли продлился два года:

«Понимая, что иду по неверному пути, я тем не менее никогда не переставала ощущать себя католичкой и в глубине души осознавала греховность своих поступков... В какой-то момент у меня вдруг появилось искушение порвать с церковью раз и навсегда и познать радости мирской жизни... Правда же заключалась в том, что страсть искушения стала испепелять меня подобно тому, как лесной пожар охватывает сухую листву»^{578}.

Как и Беатрис Тремен, Кэрилл содержал Рейли, и она была готова выполнять любой его каприз. В отличие от Беатрис и других женщин, с которыми у него были близкие отношения, у Кэрилл были достаточно простые потребности.

Дермот Морра вспоминал: «Я знал Кэрилл с 1919 года и часто виделся с ней... она была любовницей одного человека... который выплачивал ей недельное пособие, небольшое, но вполне достаточное, чтобы удовлетворить ее скромные жизненные запросы»^{579}. Верный себе, Рейли потчевал ее разными байками о себе, в том числе и историей о своем «друге» Распутине. В 1950 году Кэрилл вспоминала:

«Человек, который был моим близким другом и который... одно время был разведчиком... был другом Распутина, но испытывал к нему смешанные чувства — неприязнь и симпатию одновременно. Тем не менее он прожил вместе с ним целый год, путешествовал вместе по России, и Распутин поведал ему историю своей духовной жизни, сказав, что однажды по своей собственной воле продал душу дьяволу и с этого времени стал целителем»^{580}.

Хотя Рейли, несомненно, и был связан с Распутиным и его окружением, его утверждение о том, что он жил и путешествовал с ним целый год, легко опровергается документами охраны. Все действия и связи Распутина Охранное отделение фиксировало в своих донесениях лучше, чем чьи-либо еще, за исключением разве что царя. При всем колоссальном объеме информации, собранной охранкой о

Распутине и его передвижениях, имя Рейли не встречается ни в одном полицейском донесении.

Еще одной подругой Кэрилл по художественной школе была Элеанор Той^{581}. Элеанор служила у Рейли секретарем около двух лет и позднее поделилась с Джин Брюс Локкарт (женой Роберта Брюса Локкарта) своими воспоминаниями о скрытых для постороннего глаза сторонах личности Рейли. Он, по ее словам, «временами испытывал серьезные душевные расстройства, сопровождавшиеся галлюцинациями, и однажды заявил, что он Иисус Христос»^{582}.

Однако на коммерческом фронте Рейли, как всегда, проявлял бурную энергию. Увидев родственную душу в Леониде Красине^[48], возглавлявшем недавно созданную советскую экономическую миссию в Лондоне, он предложил ему повернуть взаимовыгодную сделку, по которой советское правительство и фирма «Маркони» подписывали договор на поставку радиооборудования в Россию^{583}. Рейли и Красин также работали над другими сделками, принесшими им немалые барыши. Так, спустя несколько месяцев после подписания договора с «Маркони», Красин организовал вывоз из России и тайную продажу русских бриллиантов на Западе. Правительство Ленина срочно нуждалось в иностранной валюте, и с помощью таких сделок иностранные торговые миссии обеспечивали ее приток. Однако эта сделка несколько отличалась от других.

По свидетельству Георгия Соломона, хорошо знавшего Красина и сотрудничавшего с ним, Красин продал бриллианты по цене ниже рыночной третьей стороне, выручка от которых пошла в Москву. Третья сторона организовала распилку бриллиантов на более мелкие и продажу их в Париже по значительно более высокой стоимости втайне от Москвы. В 1930 году Соломон вспоминал, что этой третьей стороной был некий английский офицер в чине капитана, «по-видимому, русский еврей, натурализовавшийся в Англии»^{584}.

В досье СИС на Рейли мы находим и другие компрометирующие его документы, также исходящие из Парижа. Так, 3 сентября 1920 года СИС получил донесение из Отдела военно-морской разведки:

«Сидней Рейли, Париж.

Из надежного источника сообщают, что этого субъекта видели в Париже в мундире морского офицера, причем он явно не отличался достойным поведением. Он до сих пор работает на Си?»^{585}.

На это Си ответил 7 сентября в свойственной ему грубоватой манере:

«На Ваше донесение сообщаю, что г-н Сидней Рейли был принят мною на службу и в настоящий момент занят выполнением чрезвычайно ответственного и конфиденциального задания. Прошу Вас связаться с вашим информатором и попросить его дать более подробные объяснения, в каком именно недостойном поведении был замечен этот экс-офицер. Я уверен, что утверждение, что он носит морской мундир, не соответствует действительности, равно как и обвинение его в недостойном поведении»^{586}.

Отдел военно-морской разведки ответил, что получил эту информацию от одного русского, который уехал из Парижа за две недели до описанного в донесении события. Этот человек утверждал, что слышал, как Рейли хвастался своими близкими связями с английским военным министром, а также подтвердил, что на Рейли был мундир морского офицера^{587}. Прочитав ответ, Си размашисто написал на документе: «Этих дополнительных фактов явно недостаточно для обвинения»^{588}.

Этот инцидент, хотя и незначительный, несомненно, хорошо запомнил директор военно-морской разведки Великобритании адмирал Хью Синклер. Через три года он сменил Камминга на посту руководителя МИ1С и будет относиться с меньшей терпимостью к Рейли и его выходкам, чем Камминг.

Вернувшись в Лондон из Парижа, Рейли после короткого отдыха был вызван к Си, чтобы получить инструкции о своем новом задании. Хотя Версальский договор перекроил карту Европы, в Париже оставалась еще масса вопросов, ожидавших своего решения. Одним из вопросов первостепенной важности была русско-польская граница. Сами поляки хотели для себя границу 1772 года, в то время как Совет послов в Париже 8 декабря 1919 года предложил вариант, во многом напоминающий границы Польши периода ее вхождения в состав Российской империи.

Этот вопрос был окончательно решен, но не переговорами в Париже, а в ходе советско-польской кампании, разразившейся в апреле 1920 года как следствие польских вооруженных набегов на территорию Украины. Хотя на первых порах удача в войне

сопутствовала Красной армии, поляки тем не менее одержали победу в этом конфликте в бою под Вислой в августе 1920 г.

В условиях, когда разговоры о скором перемирии между поляками и русскими носились в воздухе, англичанам срочно требовалась разведывательная информация о возможных результатах этого перемирия и их последствиях для пришедшего на смену Деникину генерала Врангеля, главнокомандующего Добровольческой армии на Юге России.

21 октября 1920 года Рейли выехал в Польшу^{589}, где встретился с агентом ST25 (Полом Дюксом). 29 октября Рейли телеграфировал донесение через первого секретаря английского посольства в Варшаве Перси Лорэна.

«Перемирие, заключенное 25-го по настоянию большевиков между украинцами и большевиками, следует рассматривать в настоящий момент всего лишь как прекращение военных действий до 7 ноября. Оно не содержит ни военных ограничений, ни политических условий. Оно фактически явилось следствием инициативы, проявленной командирами некоторых большевистских дивизий, нуждающихся в передышке»^{590}.

Послав это донесение через сэра Перси, Рейли вызвал явное неудовольствие Форин офиса. 3 ноября Форин офис направил депешу в СИС^{591}, после чего отдел G-2 8 ноября направил Рейли скупую, но вполне вежливую телеграмму, в которой указывалось, что, «хотя делу и не был нанесен ущерб», в будущем ему не следует прибегать к открытым каналам передачи информации^{592}. В личных бумагах Рейли мы также находим подтверждение того, что он не единственный раз злоупотреблял своими контактами с посольством, — в его переписке встречается целый ряд писем, написанных на бланке дипломатического представительства.

Эти мелкие проступки вряд ли вызывали симпатию к нему со стороны старших офицеров СИС, но причиной окончательного ухудшения отношений с английской разведкой стали его участившиеся контакты с Борисом Савинковым, которого Рейли считал вторым Наполеоном, призванным спасти Россию.

Одним из поводов для недовольства СИС стал визит Рейли к Савинкову в Варшаву, откуда полковник Сергей Павловский^[49] совершал террористические вылазки на советскую

территорию, нападая на расположения Красной армии и пуская под откос поезда. Не довольствуясь просто сбором информации, Рейли (не в первый и не в последний раз) превысил свои полномочия и стал участником савинковских рейдов:

«В конце 1920 г. я, сойдясь довольно близко с Савинковым, выехал в Варшаву, где он тогда организовывал экспедицию в Белоруссию. Я участвовал в этой экспедиции. Я был и на территории Советской России. Получив приказание вернуться, я выехал в Лондон»^{593}.

Участвовал ли Рейли в савинковских экспедициях с оружием руках или просто наблюдал за ходом сражений, неизвестно. Однако какова бы ни была его роль во всей этой истории, он, безусловно, не имел полномочий переходить советскую границу или принимать участие в боевых операциях, что и побудило Си отдать распоряжение о его возвращении.

Мирный договор между Россией и Польшей был подписан 18 марта 1921 года, и Польша была вынуждена уступить требованиям большевистской стороны о прекращении деятельности организации Савинкова на территории Варшавы. Осенью этого же года он покинул Польшу и переехал в Прагу, где получил более чем холодный прием со стороны чешского правительства. Поиск средств для финансирования своей деятельности был еще одной головной болью Савинкова, поскольку его главный благодетель — Рейли — сам сейчас находился в достаточно затруднительном финансовом положении.

Несмотря на свой судебный иск к паровозостроительной компании «Болдуин» с требованием выплатить причитающиеся ему комиссионные от продажи вооружений в размере 542825 долларов, Рейли наверняка осознавал, что до суда его дело дойдет не скоро (как в действительности и оказалось).

Столкнувшись с необходимостью еще и материально поддерживать Савинкова, Рейли оказался на грани финансового банкротства. Единственным, хотя и малоприятным выходом из этой ситуации была продажа драгоценной наполеоновской коллекции, которую он собирал почти двадцать пять лет. Недолго думая, Рейли принял решение выставить ее на продажу в Нью-Йорке, где он предполагал получить за нее максимальную выручку. Неудивительно, что продажа привлекла большое внимание — не каждый день

подобные коллекции выставлялись на аукцион. В газете «Нью-Йорк таймс» об этом, в частности, было помещено следующее сообщение:

«Изумительная коллекция жителя Лондона и Нью-Йорка Сиднея Дж. Рейли, содержащая литературные, художественные и исторические ценности, относящиеся к жизни Наполеона Бонапарта, выставляется на продажу в Американской художественной галерее 4 и 5 мая. Это одно из редчайших частных собраний, продающихся сейчас в Америке. В нем содержится целый ряд наиболее значительных материалов, иллюстрирующих жизнь и эпоху великого императора с момента его первых достижений как выдающегося полководца и взлета его карьеры до заката и смерти на острове Св. Елены»^[594].

Однако выручки, полученной от продажи коллекции (немногим менее 100 тысяч долларов), хватило ненадолго. В июне 1921 года Савинков созвал первое заседание Антибольшевистского съезда, который состоялся в Варшаве 13–16 июня. Главной целью этого конгресса было собрать под одну крышу разрозненные силы, враждебные режиму Ленина. Хотя съезду и удалось несколько примирить враждующие между собой группировки, отсутствие денег явилось главной причиной невозможности проведения более решительных действий. По окончании съезда помощник Савинкова Дмитрий Философов^[50] отправил Рейли письмо:

«Признаюсь Вам честно, что мне было стыдно общаться с людьми, которые приехали на этот съезд и поедут обратно в Россию, полные надежды и рискующие ради дела своими жизнями, тогда как мы не в состоянии оказать им никакой помощи в продолжении этой борьбы.

Я повторяю в десятый раз, что все упирается в деньги. Пресса готова, крестьяне ждут своего освобождения, но без тщательно планируемой организации эта затея безнадежна. Особое беспокойство у нас вызывает мысль о невозможности предотвратить случайные или преждевременные мятежи. Это особенно относится к Петрограду, откуда мы получили подробные сведения (уже после Вашего отъезда). Из них мы можем заключить, что восстания можно ожидать в любой момент, и, если его не поддержать, оно будет подавлено. Даже Борис Савинков не имеет

возможности поехать туда ввиду недостаточности финансовых средств. Другими словами — деньги, деньги, деньги!»^{595}.

С удвоенной энергией Рейли откликнулся на призыв Философова, используя все имевшиеся у него средства. Письмо в Совет по делам авиации, написанное от имени Рейли неким Х. Ф. Пауэром, — яркий пример того, что для достижения своих целей Рейли не брезговал ничем:

«Уважаемый сэр!

Прошу прощения за нескромность, но отставной лейтенант ВВС Сидней Дж. Рейли дал мне Ваш адрес с просьбой официально объявить в правительственном вестнике о состоявшемся производстве его из второго лейтенанта в лейтенанты и выплате ему соответствующей разницы в жаловании. В своем письме, которое я прилагаю ниже, он пишет, что Вам понятна суть этого дела. Я буду чрезвычайно признателен, если Вы сможете поспособствовать скорейшему разрешению этого вопроса.

Преданный Вам, Х. Ф. Пауэр»^{596}.

Совет по делам авиации обратился в СИС за разъяснениями, и Рейли был явно сконфужен, когда его упрекнули в меркантильности. С видимым пренебрежением он заявил: «Пауэр служит мелким клерком в банке Холта, я ему время от времени помогал деньгами. Я обещал ему дать денег, рассчитывая на прибавку к жалованью, которое мне причитается»^{597}.

Рейли также продолжал лоббировать интересы Савинкова по всем каналам и стал строить планы его приезда в Англию с целью поднять компанию в поддержку его движения. Представив доклад о Савинкове в СИС, он попросил как можно внимательнее его изучить и «придать лоск» этому документу:

«...его нужно размножить на гектографе и начать распространять. Так как Савинков собирается приехать ко мне в Лондон, чрезвычайно важно, чтобы с докладом предварительно ознакомились высокопоставленные лица, с которыми у него, возможно, состоится встреча (скажем, Уинстон Ч[ерчилль]; Липер. Секретарь депутата парламента сэр Эдв. Григг и кто-нибудь еще, кого Вы сочтете полезным)»^{598}.

Однако намерения Рейли организовать приезд Савинкова вызвали протест Форин офиса, который отказался выдать ему въездную визу.

Нисколько не смутившись, Рейли добился приема у Си и попытался убедить его проигнорировать позицию Форин офиса и дать распоряжение сотруднику паспортного отдела английского посольства в Париже^{599} выдать ему визу.

Си, разумеется, категорически отверг эту просьбу. Однако, будучи человеком, не привыкшим к отказам, Рейли отправился в Париж, чтобы напрямую переговорить о выдаче визы Савинкову в паспортном отделе посольства. Выдачей виз в Париже занимался майор Томас Лэнгтон, но более вероятно, что Рейли напрямую связался с его заместителем, майором Уильямом Филд-Робинсоном, с которым был в приятельских отношениях. К каким ухищрениям прибегнул Рейли, остается только догадываться, однако британскую визу Савинков все же получил^{600}.

Вся эта история вызвала большой скандал в СИС, не говоря уже о правительственных кругах. Поэтому не приходится удивляться, что к началу 1922 года СИС предпринял все меры, чтобы свести к минимуму свои контакты с Рейли.

В письме к одному из своих сослуживцев по СИС от 23 января 1922 года Рейли посетовал: «Я уже больше не бываю в конторе; Мортон, возможно, говорил Вам, что в моих интересах лучше не появляться там какое-то время»^{601}.

О том, какую позицию Си занял по отношению к Рейли, можно судить по его ответу на запрос разведцентра СИС в Вене о статусе Рейли в английской разведке.

«В ответ на ваш запрос о Рейли я телеграфировал вам вчера, что ему не следует более давать никакую информацию за исключением той, которую мы сочтем нужной ему сообщить.

Признаться, я склонен разделять ваше мнение и полагаю, что он знает слишком много о нашей организации. Несмотря на то что он работает на нас неофициально, он знает так много, что, я полагаю, нам не стоит портить с ним отношения или давать ему понять, что к нему стали относиться по-другому.

Он работал на нас во время войны в России и, несомненно, оказал нам ценные услуги. После заключения мира он продолжал контактировать с нами, и, я думаю, мы получили от него куда больше информации, чем он от нас, хотя во многих случаях мы предоставляли

ему такие средства и возможности, которые он вряд ли сумел бы получить от кого-либо еще.

Вы наверняка знаете, что он является правой рукой Бориса Савинкова. Он, похоже, финансирует его движение и в этой связи представляет для нас большую ценность.

Он необыкновенно умен, настроен вполне пробритански и искренне отдает свои силы борьбе с большевизмом.

Надеюсь, на основании всего того, что я сообщил вам, вы, несомненно, выберете правильную линию поведения с ним; ни в коем случае не подавайте вида, что вы скрываете что-то от него, и не демонстрируйте неискренность; в то же время будьте чрезвычайно с ним осторожны и старайтесь не выдать важной для нас информации.

Мне только сейчас пришло в голову, что он может к вам обратиться с просьбой оказать помощь в организации поездки двум людям Савинкова в Константинополь. Любые подобные просьбы должны переадресовываться компетентным властям, так как менее всего мы бы хотели быть замешанным в историю с Савинковым, хотя, разумеется, мы не прочь быть в курсе дел и планов этого господина.

Искренне Ваш, Б.М.»^{602}.

Телеграмма СИС чиновнику отдела паспортного контроля британского посольства в Нью-Йорке была куда более лаконична:

«С. Дж. Рейли работал на нас во время и после войны в России и знает достаточно много о нашей организации. Он, по-видимому, знает Вас, так как просил нас составить рекомендательное письмо на Ваше имя в случае, если у него возникнут трудности с паспортами. Мы отклонили его просьбу, так как, хотя он и полагает, что отдел паспортного контроля является прикрытием для нашего отдела, необходимо, чтобы он не был в этом слишком уверен. Если он будет задавать Вам какие-нибудь вопросы, ответьте ему, что вы занимаетесь только паспортами и не в курсе того, чем занимаются другие отделы, так как организация претерпела структурные изменения. Так как Рейли ездит по британскому паспорту, я не думаю, что он вообще Вас беспокоит; если все же он объявится, то мы хотим предупредить Вас, что мы более не имеем с ним никаких дел»^{603}.

Надо сказать, Рейли был далеко не единственным, с кем СИС расторгла контракт. Его увольнение пришлось на тот период, когда Интеллидженс сервис резко сокращала свой штат и избавлялась от многих агентов, завербованных ею во время войны. Джордж Хилл и Уильям Филд-Робинсон тоже не были исключением и покинули ряды СИС в 1922 году. С окончанием войны, улучшением отношений с Россией и сокращением бюджета английская разведка была уже не в состоянии содержать столь многочисленный персонал, как это было во время войны. Рейли, очевидно, воспринял свое увольнение как личное оскорбление и обратился к Си с просьбой пересмотреть это решение.

Си, однако, остался глух к его мольбам. Никогда более в своей жизни Рейли не получит шанс восстановиться в английской разведке — его короткая, но головокружительная шпионская карьера подошла к концу.

Глава 12. Смена наживки

Уход Рейли из СИС был не единственным значительным событием, произошедшим в его жизни в 1922 году. Еще в начале предыдущего года он завязал деловые отношения с отставным бригадиром Эдвардом Спирсом. За годы армейской службы Спирс приобрел массу полезных знакомств, но, по его собственному признанию, ему не хватало опыта в коммерции^{604}. Он решил компенсировать этот недостаток, взяв Рейли компаньоном в табачную компанию, которую они совместно учредили в Праге. Однако их главной затеей была попытка сбыта чешского радия, для чего ими была создана компания «Редиум корпорейшн».

В своем дневнике Спирс сделал запись о своем первом впечатлении о Рейли: «Сомнительный, но довольно обаятельный тип»^{605}. За все время своих достаточно тесных деловых контактов с ним Спирс, как до него Локкарт и Камминг, так и не смог сформировать однозначного отношения к Рейли. Часто возмущаясь его необязательностью и методами работы, Спирс тем не менее никогда не выказывал неприязни к нему.

В июле 1921 года Рейли вновь встретился с Локкартом во время своей деловой поездки в Прагу. Локкарт, который к этому времени занимал должность секретаря торгового отдела английской миссии в Праге, занимался «поиском возможностей восстановления центральноевропейских банков»^{606}.

Спирс и Рейли пригласили Локкарта на обед, за которым они принялись обсуждать коммерческие перспективы Чехословакии и переговоры с чехословацкими банкирами, которые в этот момент вел Локкарт. Закончив обсуждение дел с Локкартом, Рейли, всегда соединявший приятное с полезным, пригласил Спирса посетить местные увеселительные заведения. В день, когда они обедали с Локкартом, Спирс сделал следующую запись в своем дневнике:

«Вместе с Рейли отправился на русский благотворительный праздник, было очень людно и душно, не получил никакого удовольствия. Р[ейли] хорошо знаком с некоторыми русскими певцами. Бедняги, для них сейчас настали нелегкие времена. Они как

осиротевшие дети... один из них — полковник русской армии, бывший адъютант великого князя и друг Половцова. Р[ейли] потащил меня обедать с ним в заведение, где они играют. Они для нас исполняли цыганские романсы... были чрезвычайно тронуты щедростью Р[ейли]»^{607}.

Месяц спустя Спирс убедился в крайней ненадежности Рейли. Он записал в своем дневнике:

«Рейли должен был прийти на встречу с Гведаллой^{608} в 3 часа, но он так и не появился, поглощен русскими делами, меня это крайне раздражает. Гведалла и Гай^{609} дали мне понять, что они не в восторге от Рейли... встречался с Р[ейли] в Олбани — он весь сияет от счастья после своей встречи с Черчиллем, который хочет его представить Л[лойд]-Д[жорджу]»^{610}.

Отношения Спирса с Рейли стали еще хуже, когда две недели спустя он получил от Рейли телеграмму, которую посчитал «хамской». «Не выношу наглецов»^{611}, — записал Спирс в своем дневнике в этот день. Через несколько месяцев, однако, их отношения обострились еще больше. Все более усиливавшееся беспокойство Спирса относительно невыполнения Рейли своих обязательств теперь уже переросло в сомнения в его честности как компаньона. Эти подозрения были вызваны тем, что Рейли стал присваивать себе средства, выделявшиеся на оплату счетов компании^{612}. Однажды, придя в контору, Спирс с возмущением узнал, что его телефон выключен, так как «Рейли не заплатил по счету»^{613}. Повздорив со Спирсом по поводу неоплаченного счета, Рейли в конце концов замял ссору и предложил своему компаньону повернуть еще одну махинацию — в дневнике Спирса мы находим запись о том, что 22 ноября они с Рейли отправились с визитом в «Британо-Североевропейский банк» на встречу «с Райером относительно болгарской яичной сделки». На следующей неделе Спирс вновь отчитал Рейли:

«Подвергает нас риску, общаясь с темными личностями и смешивая коммерцию с политикой, — Рейли, как я опасюсь, скомпрометировал себя в Праге связями с Савинковым, который здесь сейчас не в фаворе. Особенную опасность представляют бывшие компаньоны Рейли — он был не слишком-то разборчив в связях»^{614}.

Если в 1921 году Рейли и Спирс хотя периодически и ссорились, но все же продолжали поддерживать отношения друг с другом, то к 1922 году их союз стал стремительно разваливаться. Причиной этому был крах еще одной авантюры Рейли. Несмотря на все заверения Рейли в стопроцентном успехе «моравского предприятия», оно, по словам Спирса, «лопнуло с большим треском»^{615}. В июне, после очередной крупной ссоры с Рейли^{616}, Спирс принял для себя окончательное решение прекратить какие бы то ни было деловые отношения с Рейли. 2 августа за ленчем Спирс «очень вежливо» заявил Рейли о том, что более не желает иметь с ним никаких дел.

Это был еще один удар по и без того отощавшему кошельку Рейли, который все еще продолжал финансировать деятельность Савинкова, Случайная встреча в Берлине с богатой вдовой Пепитой Бобадильей четыре месяца спустя после разрыва со Спирсом была, таким образом, для него неожиданным подарком судьбы.

Личность, национальность и происхождение Пепиты Фердинанды Бобадильи столь же таинственны, как и происхождение самого Рейли. Согласно многочисленным утверждениям, она родилась в Латинской Америке и переехала в Англию, где прославилась как актриса. В интервью, которое Пепита дала журналу «Тетлер» в октябре 1918 года, она утверждала, что родилась в Эквадоре^{617}. Другим она говорила, что местом ее рождения были Аргентина и Чили. Рейли сам рассказывал своим друзьям и знакомым, что ее отец был эквадорианцем, а мать ирландка^{618}, хотя не очень понятно, верил ли он в это в действительности или сознательно поддерживал и распространял этот миф.

Истинное происхождение Пепиты, однако, куда более прозаично. Ее мать Изабель родилась в 1862 году в Ланкастере в семье владельца мучного склада^{619}. В 1888 году Изабель приехала в Гамбург и зарегистрировалась в английском консульстве, заявив там, что ищет работу прислуги^{620}.

Скорее всего Изабель познакомилась с Францем Брюкманом еще в Англии и последовала за ним в Германию. Спустя месяц после приезда в Гамбург она родила сына, которого назвала Францем Куртом Бертоном^{621}. Хотя в метрике Франца Курта нет ни слова о его отце,

им, вне всякого сомнения, был Брюкман. После рождения сына Изобель переехала в квартиру Брюкмана.

Ее второй ребенок, Нелли Луиза Бертон, тоже родился в Гамбурге, в январе 1891 года^{622}. Так же как и в первом случае, имя отца не фигурирует в метрике. Изобель в то время проживала в квартире Брюкмана. В апреле 1892 года Изобель вернулась в Англию, держа на руках двоих маленьких детей^{623}. Спустя еще два года Изобель родила своего третьего и последнего ребенка — девочку, которую окрестили Элис. Как и в случае с другими детьми, имя отца не было внесено в документы о рождении^{624}.

В 1910 году Нелли скромно дебютировала на сцене, а через два года получила предложение работать в парижском кабаре «Мулен Руж» на пляс Пигаль^{625}. «Мулен Руж» в то время имел репутацию самого златного заведения в Париже и прославился тем, что в 1890 году впервые коммерциализировал канкан. Именно там Нелли взяла себе сценическое имя Джозефина Бобадилья^{626}.

В 1915 году «Мулен Руж» сгорел, и Нелли пришлось возвратиться в Англию. На ее счастье, война вдохнула новую жизнь в шоу-бизнес. Мюзиклы оказались единственной отдушиной для прибывавших с фронта солдат, которым надо было как-то заполнить свой короткий досуг. Весной 1916 года Нелли удачно прошла пробу и была принята хористкой к владельцу лондонского кабаре Чарльзу Кохрану.

С увеличением количества эстрадных представлений возрастал и спрос на актеров. Для Нелли это обстоятельство было как нельзя более кстати, так как с хористками напрямую имели дело антрепренеры. В ноябре 1916 года Кохран дал ей роль Глэдис в кордебалете «Оп-ля» — премьере нового театра «Сент-Мартин», который должен был открыться в декабре этого же года. Главными исполнителями шоу «Оп-ля», которое сам Кохран назвал «комедией, положенной на музыку»^{627}, были Герти Миллар и Джордж Грейвз. Герти Миллар, на двенадцать лет старше Нелли, была уже не первой молодости и играла на сцене с тринадцати лет. Она была любовницей русского коммерсанта по имени Александр Вайнштейн, недавно выехавшего из Лондона в Нью-Йорк^{628}.

Лондонская сцена как мед мух притягивала к себе богатых кутил вроде Вайнштейна и Рейли. Примерно три года спустя, в январе 1920

года, после представления мюзикла «Папаши» в театре «Хеймаркет» Нелли впервые представили Рейли. Рейли, по-видимому, также знал и богатого мужа ее сестры Элис — Стивена Мензиса, с которым познакомился в Нью-Йорке. Ни для кого не было секретом, что Элис и Стивен Мензис жили в «свободном» браке, и ходили слухи, что по возвращении Рейли в Лондон между Рейли и Элис стали складываться более чем дружеские отношения. Элис по своему характеру была куда более эмоциональная и заводная, чем ее сестра. Бросившись очертя голову в «ревушие двадцатые», эта эмансипированная прожигательница жизни ночи напролет отплясывала чарльстон и тратила немалые деньги на содержание квартиры на Пемброк-Мьюс в Белгравии — одном из самых дорогих кварталов Лондона.^{629}

В октябре 1920 года Нелли-Пепита вышла замуж за шестидесятилетнего драматурга Чарльза Хеддон-Чемберса, который был старше ее на тридцать один год.^{630} Этот брак был неожиданностью для всех, в том числе и для сорокалетней невесты Хеддон-Чемберса, которая однажды утром узнала о расторжении им помолвки из раздела светской хроники газеты «Ивнинг стендерд».^{631}

Пепита, как и ее сестра, теперь обзавелась состоятельным мужем и так же, как и Элис, жила в своей собственной квартире по Три-кингз-ярд в лондонском квартале Мейфер.^{632} Этот брак оказался непродолжительным, так как пять месяцев спустя Хеддон-Чемберс скончался от сердечного приступа в клубе «Бат», оставив своей молодой вдове кругленькую сумму в 9195 фунтов стерлингов.^{633}

Хотя Пепита познакомилась с Рейли еще в 1920 году, в ее книге, вышедшей в 1931 году, говорится о том, что она «влюбилась в него с первого взгляда» год спустя после смерти Хеддон-Чемберса:

«Моя первая встреча с Сиднеем Рейли состоялась в гостинице «Адлон» в Берлине. Это было в декабре 1922 года, когда в германской столице происходила сессия Репарационной комиссии. Я жила там с сестрой и матерью. Среди наших знакомых был один господин из британской делегации».^{634}

Член британской делегации, очевидно, щедро потчевал миссис Бертон и двоих ее дочерей рассказами о великом английском шпионе и его невероятных подвигах. Этим же вечером за ужином Пепита, по ее утверждению, впервые увидела Рейли:

«Оторвавшись от чашки кофе, я неожиданно для себя обнаружила, что смотрю прямо в карие глаза человека, сидевшего в противоположном углу зала. Он смотрел на меня долго и пронизательно, и я почувствовала приятную дрожь. Владелец карих глаз был хорошо сложен, прилично одет, а его худощавое и довольно смуглое лицо выражало необычайную силу воли и решимость. Глаза его были спокойные, добрые и немного грустные. Его взгляд, несколько насмешливый, свидетельствовал о том, что он не раз смеялся в лицо смерти»^{635}.

Далее в этом исключительно романтическом эпизоде говорится о том, что Рейли попросил члена делегации представить его Пепите, и уже к концу этой недели они были тайно помолвлены, а через несколько месяцев, в мае 1923 года, обвенчались. Подобно невесте Хеддон-Чемберса, Кэрилл Хауслендер практически в последний момент узнала, что мужчина, которому она была так преданна, собирается жениться на другой. От душевного потрясения, нанесенного ей браком Рейли, она так и не смогла окончательно оправиться. В 1947 году она призналась своей близкой подруге:

«Я знаю, что означает расстаться с человеком, которого ты горячо любила на протяжении многих лет... Но несколько лет земных переживаний ничто в сравнении с духовным единением с Господом»^{636}.

Рейли и Пепита тщательно скрывали факт своей помолвки от своих друзей и близких. «Я, — писала она, — тщательно скрывала это от своей матери и сестры в течение того короткого периода времени, пока мы были вместе».

9 января 1923 года Рейли вернулся в Лондон и написал своей «милой маленькой подружке», которая все еще находилась в Берлине^{637}, о том, что не сможет выехать к ней 15 января в связи с непрекращающейся тяжбой с паровозной компанией «Болдуин Локомотив». Он надеялся, однако, что она сможет приехать к нему в Лондон. Хотя содержание письма не представляет никакого интереса, его ценность состоит в том, что это одно из немногих уцелевших личных посланий Рейли своей последней жене. Заключительные строки этого письма наглядно иллюстрируют его «нежность» по отношению к ней:

«Нет нужды говорить о том, что означает для меня твой приезд сюда. Но, зная твою зависимость от Ситы, я умоляю тебя не нарушать своих планов ради меня. Многократное спасибо за твои нежные письма. Они подобны ласкам твоих чудных маленьких ручек. С бесконечной нежностью, твой Сидней»^{638}.

Для людей, которые якобы познакомились всего несколько недель назад и прожили вместе немногим более недели, это письмо содержит слишком много подробностей и сведений о личной жизни друг друга.

18 мая 1923 года Сидней и Пепита официально обвенчались в церкви Св. Мартина в Лондоне^{639}. В качестве свидетелей на церемонии присутствовали бывшие сотрудники СИС Джордж Хилл и Стивен Элли, а со стороны невесты — ее сестра Элис. На роскошный свадебный банкет в отеле «Савой» пришли многочисленные театральные знакомые Пепиты и несколько бывших сослуживцев Рейли по СИС. Некоторые из них знали или подозревали, что Рейли не развелся со своими предыдущими женами, однако хранили молчание по этому поводу. Хотя Пепита пребывала в счастливом неведении о многоженстве Рейли на протяжении целых десяти лет, она довольно быстро познакомилась с реалиями мира, в котором пребывал и действовал Рейли:

«Постепенно я входила в курс тех странных событий, которые происходили за кулисами европейской политики. Я узнала, что в каждой столице Европы русские эмигранты плели заговоры против тиранов, правящих в их стране... во всем этом движении Сидней был весьма заинтересован, выделял для него много денег и тратил уйму личного времени»^{640}.

Большевики тоже не теряли времени даром. 6 февраля 1922 года ЧК была расформирована, а вместо нее было создано Государственное политическое управление (ГПУ). Вскоре после образования Советского Союза в 1922 году ГПУ было переименовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Отныне главной целью этой организации стало подавление инакомыслия и борьба с политической оппозицией как внутри страны, так и за рубежом, а лидеры этой организации рассматривались ОГПУ как основные противники большевистского режима. Окончательная ликвидация этих людей явилась главной и приоритетной задачей ОГПУ.

Для осуществления этой задачи ОГПУ разработало и осуществило самую крупную и успешную мистификацию в истории контрразведки. Усовершенствовав методы Департамента полиции, Контрразведывательное отделение (КРО) ОГПУ создало организацию под названием «Монархическая организация Центральной России», прикрытием которой в Париже был трест, называвшийся «Московское муниципальное кредитное объединение». Главной целью операции «Трест» было заманивание в СССР проживавших за границей контрреволюционеров, которых по их возвращении на родину физически уничтожали или сажали в тюрьму. Предлагая якобы свою помощь антибольшевистским силам, организация, членами которой были агенты КРО, получала возможность внедряться в среду белых эмигрантов. Благодаря этому ОГПУ не только получало из первых рук сведения о планах антибольшевистских организаций, но и имело блестящую возможность влиять на ход событий и ставить своих людей на ответственные посты в этих организациях.

Одной из главных мишеней ОГПУ был Борис Савинков. Для того чтобы заманить его в Россию, ОГПУ была разработана аналогичная операция под названием «Синдикат-2».

Когда в июле 1923 года Сидней и Пепита посетили Савинкова в отеле «Чатэм» в Париже, они увидели его в плотном кольце телохранителей, которые вполне серьезно относились к возможному похищению его агентами ОГПУ. Если Рейли был в восхищении от наполеоновских замашек Савинкова, то его жена осталась к Ним совершенно равнодушна, напротив, в его манерах она увидела что-то от дешевого фарса: «Маленький осанистый человек важной походкой вошел в номер; было что-то ужасно комическое в его напыщенном и самодовольном виде»^{641}. Пепита едва могла сдержать свое презрение, когда Савинков «встал перед камином», положив руку «за борт своего пиджака, подражая Наполеону»^{642}.

Главный предмет беседы между Рейли и Савинковым в Париже касался дальнейшего финансирования савинковской организации ввиду недавнего решения правительств Франции, Чехословакии и Польши прекратить финансовую поддержку Савинкова. Как и многие другие европейские правительства, они постепенно стали приходить к выводу, что большевики прочно стоят у власти, несмотря на все попытки их свержения антибольшевистской оппозицией. В конечном

итоге Рейли остался единственным, кто оказывал финансовую помощь савинковскому движению.

В довершение всего на горизонте все время маячила Маргарет, продолжавшая сохранять магическую власть над своим мужем. Их последнее свидание состоялось перед отъездом Рейли во Францию, и вряд ли приходится сомневаться, что главным предметом этой встречи были деньги.^{643} За все эти годы финансовое положение Маргарет так и не улучшилось. Будучи стеснена в средствах, Маргарет практически ничего не делала бесплатно, и не исключено, что она продавала информацию о своем блудном муже в компанию «Болдуин Локомотив», которая в это время выстраивала свою линию защиты на предстоящем судебном процессе по иску Рейли о выплате ему причитающихся комиссионных от оружейных контрактов.^{644}

Хотя у Пепиты было изрядное состояние, Рейли хотел иметь свой независимый источник доходов. Будучи во власти своих привычек, он вновь вернулся к патентной медицине как к способу зарабатывания денег. Совместно с Хью Ковардом и своим давним партнером Александром Вайнштейном он учредил компанию «Модерн медисин лтд» с уставным капиталом в пять тысяч фунтов стерлингов.^{645} К ним вскоре присоединился Уильям Баркли Колдер, бывший партнер Рейли по компании «Озон».^{646} Рейли возлагал большие надежды на эту компанию, а в особенности на препарат «гумагсолен».^{647}, который он намеревался продавать в Америке. Для этой цели Рейли и Пепита запланировали на июль поездку в Америку, где Рейли также надеялся продолжить свою тяжбу с компанией «Болдуин Локомотив», изрядно затянувшуюся из-за встречных исков.^{648}

Незадолго до своего отъезда Рейли явился в лондонскую контору своего приятеля майора Филд-Робинсона на Стренде с просьбой одолжить денег: «Робби, я разорен. На моем банковском счету не осталось ни пенни, а я должен ехать в Нью-Йорк на судебный процесс. Это мой последний шанс. Ты сможешь помочь?»^{649}

Филд-Робинсон немедленно отправился в банк и снял со своего счета 200 фунтов, которые выдал Рейли под расписку. Получив деньги, Рейли тут же заказал билеты на пароход. «Разумеется, я так больше и не увидел своих денег», — вспоминал Филд-Робинсон через

двенадцать лет после этого эпизода, во время своей встречи с Джорджем Хиллом, которому помогал писать биографию Рейли {650}.

Тем не менее многие друзья и знакомые Рейли относились к нему как к озорному ребенку, на которого невозможно долго держать обиду. Прекрасно сознавая это, Рейли часто обращался с просьбой оказать ему небольшие услуги к людям, с которыми ему приходилось ранее иметь дело или даже ставить в весьма затруднительное положение, например к Локарту, Си или Филд-Робинсону. Эдвард Спирс тоже не был исключением, так как через неделю после того, как Рейли выпросил у Филд-Робинсона 200 фунтов, он обратился к Спирсу написать для него рекомендательные письма двум чикагским бизнесменам, с которыми ему предстояло встретиться. 19 июля Спирс писал Рейли:

«Прилагаю обещанные рекомендации... При встрече с г-ном Борденом будет лучше, если Вы сошлетесь на г-на Герца. Мое письмо, разумеется, тоже сыграет некоторую роль, однако по силе воздействия оно несравнимо с рекомендациями г-на Герца, поскольку Борден доверяет Герцу как самому себе. Желаю Вам счастливого путешествия» {651}.

1923. Marriage solemnized at the Registrar Office in the District of ST. MARTIN in the County of LONDON.							
1	2	3	4	5	6	7	8
No.	When Married.	Name and Surname.	Age.	Condition.	Rank or Profession.	Residence at the time of Marriage.	Father's Name and Surname.
29	24th May 1923	Lianay George Reilly	49	Widow	Captain R.A.F.	5 Adelphi Lane Strand W.C.	George Reilly (deceased)
		Willie Pepita Louise Haddon Chambers	29	Widow		14th Harrietta Street Ave diol Square	Captain Royal Reserve
Married in the Registrar Office according to the Rites and Ceremonies of the							
This Marriage was solemnized between us		Lianay Reilly	in the Presence of us		Alice Mangian	W. P. Spence Registrar	Stephan Alley

Единственной правдивой информацией, которую Рейли сообщил о себе в очередном брачном свидетельстве, был его адрес. Все остальное, включая имя, возраст, прежний чин, а также сведения об отце, являлось откровенной ложью.

В своем рекомендательном письме Спирс писал, что «Модерн медисин компани» имеет «блестящее будущее» {652}. Однако, приехав в Чикаго, Рейли так и не смог убедить Бордена и Герца в чудодейственности своего препарата «гумагсолен». Блестящему

будущему «Модерн медисин» так и не суждено было сбыться, и компания в конце концов благополучно обанкротилась^{653}. Второе дело, из-за которого Рейли отправился в Америку, также не доставило ему много радости: компания «Болдуин Локомотив» была решительно настроена не выплачивать Рейли ни цента комиссионных, на которые он претендовал.

Вернувшись в Англию в январе 1924 года с пустыми руками, Рейли столкнулся еще с одной проблемой: неудачи прошлого года стали явно сказываться на его здоровье. Когда врачи сообщили Рейли, что он на грани нервного срыва, он с неохотой последовал их совету и отправился на юг Франции для восстановления здоровья и смены обстановки.

Супруги Рейли уже заказали номера в отелях и железнодорожные билеты и готовы были выехать из Лондона во второй половине января 1924 года, когда к ним домой явился незванный гость. В своей книге воспоминаний «Британский супершпион», отредактированной профессиональным журналистом и вышедшей через десять лет после описываемого эпизода, Пепита называет этого загадочного посетителя с густой бородой «мистером Уорнером» и в драматических красках описывает события, развернувшиеся через несколько дней после его появления на пороге их дома^{654}.

Если верить книге, мистер Уорнер был противником большевиков и его настоящая фамилия была Дребков. Приняв приглашение пройти в гостиную, он стал объяснять Рейли, что приехал из России по поручению антибольшевистской организации с целью уговорить его вернуться в Россию и стать их вождем. Явно играя на тщеславии Рейли, он заявил ему: «В России нам нужен свой человек... человек, который умеет отдавать приказы, которые не обсуждаются, и добиваться их исполнения, человек, который будет нашим вождем».

С «нараставшим волнением» Рейли продолжал слушать Дребкова, еле удерживая себя от искушения принять его предложение: «У нас до сих пор нет вождя... которому бы все подчинились. Балков, Опперпут, Альвендорф, Бориславский и другие обращаются к вам с призывом — все готово для выступления, мы ждем лишь момента, когда вы станете нашим вождем»^{655}.

В подтверждение своих слов Дребков предъявил документы и пригласил Рейли отобедать с ним в «Савое». Под впечатлением от

этого неожиданного поворота событий Рейли принял приглашение и решил отложить на неделю свое путешествие во Францию, для того чтобы «изучить... перспективы наших друзей в России»^{656}. Борясь с непреодолимым желанием вернуться в Россию, Рейли в конце концов сказал Дребкову, что не может принять его предложение ввиду плохого состояния здоровья, но пообещал ему, что, когда выздоровеет, Дребков может полностью на него рассчитывать.

Проводив разочарованного Дребкова на вокзал, откуда тот отправлялся обратно в Россию, Рейли вернулся домой и обнаружил, что там никого нет. Не прошло и нескольких минут, как в его дверь позвонил незнакомец, сказавший ему, что Пепиту сбила машина и ее отвезли в больницу. Рейли уже собирался ехать в больницу, когда услышал телефонный звонок. Звонила Пепита, сообщившая ему, что вскоре после того, как он уехал на вокзал, ей позвонил некий человек и сказал ей, что Сиднея сбила машина и что его отвезли в клинику. Незнакомец предложил Пепите подвезти ее в больницу, на что она охотно согласилась. В автомобиле Пепита почувствовала укол шприцем, потеряла сознание и очнулась в помещении аптеки. Рейли сразу понял, что это была попытка его похищения и вывоза обратно в Россию.

Достоверность этой, как, впрочем, и множества других шпионских историй, которыми изобилует книга Пепиты, несомненно, вызывает большие сомнения. Но при всей невероятности описываемых событий мы считаем нужным привести цитату из письма, написанного Пепитой 25 января 1924 года своей сестре Элис, которая в это время отдыхала в Каннах: «Вчерашние события ясно показали, что враги Сиднея уже не останавливаются ни перед чем»^{657}.

Была ли история с похищением реальностью или вымыслом, очевидно одно: в последнюю неделю до отъезда Рейли и Пепиты во Францию в их жизни произошли какие-то драматические события.

На следующей неделе супруги Рейли остановились в отеле «Ля Террас» в Теуле, недалеко от Канн, где проводила отпуск сестра Пепиты Элис. Хотя Рейли приехал во Францию с явным намерением поправить свое здоровье, его письма свидетельствуют, что он вел ежедневную переписку с представителями политических и деловых кругов.

Так, в своих письмах к Савинкову Рейли часто сетует на свое удручающее материальное положение. Хотя финансовое состояние Рейли действительно было далеко не идеальным, его постоянные жалобы на отсутствие денег являлись несомненной тактической уловкой, поскольку ему к этому времени явно надоело быть денежным мешком для Савинкова: «Я не в состоянии прислать Вам даже 500 fr. Я жду из Лондона несколько фунтов, но до сих пор еще не получил их».

Проведя несколько недель на юге Франции, Рейли изо всех сил стремится во что бы то ни стало вернуться в Нью-Йорк для завершения своей судебной тяжбы с компанией «Болдуин»:

«Окончательно решил покинуть этот мнимый рай и вернуться к суровой действительности. Нечем больше жить. Оставаться дольше здесь — это быть тем лежащим камнем, под который вода не течет. Написал ряду приятелей, которые в совокупности должны мне около 200 фунтов... В Лондоне мое положение с кредиторами такое, что не могу там появиться и что со дня на день могу быть объявлен несостоятельным должником. Хотя для окончания моего процесса мое личное присутствие в Нью-Йорке необходимо, я не вижу ни малейшей возможности туда поехать. Для этого и для обратного приезда нужно по меньшей мере 500 фунтов. Сейчас с таким же успехом могу мечтать о рудниках на Луне».^{658}.

Жалобы на безденежье, «рудники на Луне» и тому подобное — все это, разумеется, далеко не соответствовало действительности. Рейли потребовался всего один месяц, чтобы привести в полный порядок свои дела в Лондоне, после чего они с Пепитой заказали билет на пароход «Нью Амстердам» и 7 мая отплыли в Нью-Йорк.^{659}

Пока Рейли консультировался со своими адвокатами в Нью-Йорке, ОГПУ готовилось к последнему и завершающему этапу операции по заманиванию Савинкова на территорию СССР. Внедрившиеся в близкое окружение Савинкова агенты ОГПУ использовали все свое умение и аргументацию, чтобы убедить Савинкова вернуться в Россию. После нескольких недель душевных мучений он наконец дал свое согласие — несмотря на предупреждения Рейли, который тем не менее отправился через Атлантику, чтобы попрощаться со своим другом.

10 августа 1924 года Савинков выехал из Парижа в Берлин, где его встретили агенты ОГПУ Александр Якушев^{660} и Эдуард Опперпут.

Они снабдили его русским паспортом на имя В. И. Степанова и 15 августа организовали переход белорусской границы. На следующий день, 16 августа, под Минском, всего лишь в двадцати пяти километрах от границы, во время завтрака в сторожке лесника, он был арестован сотрудником ОГПУ Романом Пиляром.

Когда 29 августа «Известия» напечатали об аресте и суде над Савинковым, Рейли поначалу отказался этому верить. 3 сентября «Таймс» поместила репортаж об этом процессе, и Рейли немедленно написал письмо в газету «Морнинг пост» (с копией Уинстону Черчиллю), утверждая, что сообщение об аресте и суде над Савинковым — большевистская пропаганда и что, по всей вероятности, Савинков был убит при переходе границы^{661}. Его письмо было полностью опубликовано 8 сентября, однако через несколько дней «Таймс» напечатала информацию, не оставлявшую сомнений в подлинности произошедших событий. Когда Рейли осознал, что арест Савинкова не выдумка, он написал еще одно гневное письмо редактору «Морнинг пост», которое было опубликовано 15 сентября.

«Сэр!

Беру на себя смелость еще раз испытать Ваше терпение. Я пишу сейчас это послание по двум причинам. Во-первых, чтобы выразить свою глубокую признательность за публикацию моего письма в защиту Бориса Савинкова (см. газету от 8 сентября), хотя все факты, которыми Вы располагали, говорили о том, что я скорее всего ошибаюсь. Во-вторых, чтобы с болью признать, что моя слепая вера в Савинкова сыграла со мной злую шутку.

Подробные стенографические отчеты заседаний суда над Савинковым, подтверждаемые показаниями надежных и беспристрастных свидетелей, вне всякого сомнения, говорят об измене Савинкова. Он не только предал своих друзей, свою организацию, свое дело, но и перешел на сторону тех, кого раньше называл своими врагами. Теперь же он потворствует своим недругам в деле раскола антибольшевистского движения, помогая им одержать политическую победу как внутри России, так и за ее

пределами. Своим предательством он навсегда вычеркнул свое имя из почетного списка борцов с коммунизмом.

Его прежние друзья и последователи скорбят об этой потере, но среди них нет никого, кого бы обескуражил этот поступок. Духовное самоубийство их лидера только прибавило им решимости и сил продолжать политическую борьбу.

С уважением, Сидней Рейли»^{662}.

Прочитав письмо Рейли в «Морнинг пост», Черчилль послал экземпляр своего предыдущего письма Арчибальду Синклеру и немногословный ответ Сиднею Рейли:

«Дорогой мистер Рейли!

Очень заинтересовался Вашим письмом. События развернулись именно так, как я и предполагал. Полагаю, однако, что Вам не следовало бы судить Савинкова слишком строго, необходимо понимать, в какое ужасное положение он попал. Осуждать его могут только те, кто прошел через такие же испытания, что и он сам. Как бы то ни было, я буду ожидать развязки этой истории до тех пор, пока мое мнение о Савинкове не изменится.

С глубоким уважением, У. С. Черчилль»^{663}.

В своем ответе Черчиллю от 23 сентября Арчибальд Синклер еще больше развивает мысль Черчилля, ссылаясь на оценку поведения Савинкова финским финансистом Брюнстромом, который отнесся к нему «с большим состраданием и пониманием, чем Рейли, чья бескомпромиссность, вне всякого сомнения, была вызвана горьким разочарованием, которое он испытал, осознав, что его планы потерпели полный крах»^{664}.

Несмотря на глубокое потрясение, вызванное предательством Савинкова, Рейли находит в себе силы продолжить вести тяжбу с компанией «Болдуин» в Верховном суде Нью-Йорка, которую в конечном счете он с треском проиграл. Адвокаты ответчика Уайт и Кейз проделали огромную работу, раздобыв компрометирующие материалы о сомнительном прошлом Рейли^{665}. Оглашение этих свидетельств в суде вызвало у Рейли приступ дикой ярости и

одновременно явилось той каплей, которая перетянула чашу весов Фемиды в пользу ответчика, положив тем самым конец затянувшемуся процессу.

Хотя решение присяжных явилось для Рейли тяжелым ударом, он все же решил остаться в Нью-Йорке, чтобы попытаться поправить свое финансовое положение. В декабре 1924 года он вместе с Аптоном Дейлом Томасом и рядом других своих бывших партнеров по оружейному бизнесу учредил компанию «Трейдинг венчурз инкорпорейтед», расположившуюся в одном из нью-йоркских офисов на Бродвее, 25.^{666} В своем письме Эдварду Спирсу от 22 января 1925 года Рейли писал:

«Я теперь обосновался в Нью-Йорке. Я являюсь директором упомянутой выше компании [«Трейдинг венчурз инк.»], которую сам основал и в которой у меня есть контрольный пакет. К сожалению, я проиграл большой процесс, однако здешние перспективы кажутся мне чрезвычайно благоприятными, и я подумал, что было бы глупо не воспользоваться теми чрезвычайно широкими связями, которые у меня здесь остались».

Далее Рейли описывал деятельность своей новой компании:

«В целом я занят здесь тем же, чем мы в свое время занимались с Брюнстромом. Самым модным бизнесом здесь сейчас является выпуск облигаций для заграничных муниципальных корпораций и иностранных промышленных компаний».^{667}

Дойдя наконец до главного пункта своего письма, Рейли отметил, что если Спирс хоть краем уха услышит о подобном бизнесе, то он, Рейли, «с удовольствием возьмется за него». «Я, — продолжал он, — был бы чрезвычайно заинтересован в организации экспортно-импортных операций между Великобританией и Соединенными Штатами, как, впрочем, и во внедрении и финансировании здесь английских изобретений и технологий».^{668}

Изучение документов компании^{669} позволяет сделать вывод, что для осуществления своих честолюбивых целей Рейли необходимы были крупные капиталовложения, и он уже начал рыскать в нью-йоркских финансовых джунглях в поисках денег для своей новой фирмы. Вместе с тем чутье хищника подсказывало ему, что в Нью-Йорке уже началась охота иного рода, а главной, мишенью преследователей является не кто иной, как он сам.

Глава 13. Заключение № 73

Несмотря на то что операция «Синдикат-2» и арест Савинкова породили массу противоречивых слухов и домыслов, на Западе все же никто не усомнился в подлинности «Треста»^[51] и его намерений, хотя в западных разведывательных кругах широко обсуждался вопрос о лицах, поддерживающих эту организацию, ее влияние и возможности. Капитан Эрнст Бойс, глава разведпункта СИС в Гельсингфорсе, где отныне разрабатывались планы разведывательных операций на территории России, несомненно, хотел выяснить, действительно ли «Трест» обладал реальными возможностями для захвата власти в России. Для того чтобы это узнать, туда необходимо было послать своего человека; лучшей же кандидатуры, чем Рейли, он и представить себе не мог. Засылка агента английской разведки в Россию была предприятием крайне рискованным и вряд ли была бы санкционирована Каммингом.

Не проведя никаких консультаций по этому вопросу со своим лондонским начальством, 25 января 1923 года Бойс года написал Рейли следующее письмо:

«Дорогой Сидней!

В Париже к Вам могут явиться от моего имени супруги Красноштановы. Они сообщат Вам известие из Калифорнии и передадут Вам письмо со стихотворением Омара Хайяма, которые Вам будет необходимо выучить наизусть. Если их дело Вас интересует, попросите их остаться. Если же дело Вас не интересует, скажите просто: «Благодарю Вас, до свидания».

Дело же заключается в следующем. Люди, с которыми Вам предстоит встретиться, являются представителями предприятия, которое, по всей вероятности, приобретет большое влияние на европейском и американском рынке. Они полагают, что их предприятие достигнет полного расцвета не ранее через два года, но обстоятельства могут сложиться для них желательным образом уже в течение ближайшего будущего. Это очень крупный трест, но говорить о нем пока нельзя, так как если конкуренты прослышат, что эту концессию можно заполучить, то они пойдут на все, чтобы

узнать, кто за ней стоит и почему ее так тщательно скрывают от других. Ею интересуются, в частности, две группы. Одна из них — могущественная международная группировка — хочет раздавить трест, поскольку лица, входящие в нее, опасаются, что успех нашего предприятия может неблагоприятно отразиться на их финансовых интересах. Другая, германская, хотела бы вступить в трест, но его основатели, которых я упоминал ранее и которые придают большое значение установлению контактов, проделали слишком большую предварительную работу по его организации и поэтому не желают с ней иметь никаких дел, так как боятся, что эта группировка заберет все дело в свои руки. Поэтому они вошли в связь с небольшой французской группой, состоящей из менее амбициозных людей. Дело это, однако, настолько серьезно, что они опасаются, хватит ли у французов сил в одиночку справиться с ним. Поэтому они хотели бы привлечь к совместной работе английскую группу. Новые члены нашего общества должны, разумеется, осознавать, что когда наше предприятие крепко встанет на ноги, то его правление будет состоять из лиц, проделавших всю основную работу. Они отказываются в настоящий момент назвать кому бы то ни было имя человека, стоящего во главе этого предприятия. Пока могу лишь сообщить, что некоторые из заинтересованных лиц являются представителями оппозиционной группировки, поэтому Вам не надо объяснять, что информация, которую я сообщил Вам, носит конфиденциальный характер.

Из разговора с этими людьми Вы сможете вынести свое суждение, насколько серьезно и реально это предприятие. Пишу Вам об этом, так как думаю, что этот план, возможно, заменит тот, над которым Вы в свое время работали и который так катастрофически рухнул. Вы окажете мне очень большую услугу, если согласитесь заняться этим делом. Единственное, о чем я хотел бы Вас попросить, так это не посвящать в наши с Вами дела отдел, в котором я работаю, поскольку, как государственный чиновник, я не имею права заниматься подобными вещами. Я знаю Ваш интерес к делам, которые требуют терпения и выдержки в отношении всевозможных происков и враждебных действий. Я знаю также, что Вы сможете защищать мои интересы без каких-либо особых договоренностей со мной.

Пожалуйста, сообщите мне адрес, по которому я могу писать Вам в будущем.

С сердечным приветом, желаю удачи. Передайте от меня наилучшие пожелания своей жене»^{670}.

«Калифорния, — полагала Пепита Рейли, — означала Россию, стихотворение Омара Хайяма — условный шифр, а под планом, потерпевшим катастрофу, подразумевался провал Савинкова. Письмо, в частности, сообщало, что в России действует сильная антибольшевистская группа, в которую входят некоторые члены советского правительства».

Явно заинтригованный этим неожиданным письмом, Рейли ответил Бойсу из своего бродвейского офиса:

«Мне в высшей степени досадно, что я не могу приехать в Париж и встретиться с Вашими калифорнийцами. Но Вы понимаете, разумеется, что, даже находясь здесь, я не теряю контроль над ситуацией и продолжаю находиться в сношениях с деловыми группами в различных странах. План, который предлагают калифорнийские купцы, представляет исключительный интерес. Банкротство предприятия, на создание которого я положил столько сил, а также борьба в совете директоров за право обладания контрольным пакетом навели меня на мысль, что инициатива должна напрямую исходить от рядовых акционеров. Я полагаю, что именно сейчас настает момент, когда эти рядовые акционеры должны понять, что предприятие может обанкротиться, если они не решатся наконец поделиться доброй частью своих идей и спуститься с облаков на землю, причем так, чтобы это было приемлемо для внутреннего и международного рынков. Приняли ли эти акционеры это решение или нет, я сказать не могу, поэтому чрезвычайно сожалею, что не имею возможности встретиться с калифорнийцами».

Изрядно поразглагольствовав о том, что должны делать «калифорнийцы», Рейли наконец перешел к «рядовым акционерам»:

«Прекрасно осведомлены о состоянии внутреннего рынка, они знают точно, что им нужно, равно как и то, как и какими средствами можно реорганизовать это дело. Единственное, чего им не хватает, так это, первое, — денег и, второе, — понимания, кто главные игроки на этом международном рынке».

В заключение Рейли констатировал:

«Что же касается более тесных связей с международным рынком, полагаю, что только с одним человеком стоит пока связаться — я имею в виду неукротимого Мальборо^[52]. Я всегда находился с ним в добрых отношениях, а в прошлом году, после краха моего предприятия, у меня с ним состоялась интересная переписка по этому вопросу. Он готов выслушать любые здравые мысли, особенно если они представляют интересы меньшинства. Он заявил об этом в одном из своих конфиденциальных писем ко мне».

Явно клюнув на наживку, он заключает свое письмо следующими словами:

«Я был бы рад, если бы калифорнийские купцы связались со мной лично, приехав сюда или путем переписки. Я уверен, что от этого выиграем не только мы, но и ситуация в целом.

С наилучшими пожеланиями, Сидней Дж. Рейли^{671}.

Получив от Рейли положительный ответ, Бойс связал его с одним из своих гельсингфорских агентов, Николаем Бунаковым, английским агентом с кодовым именем ST28. 27 марта Рейли написал откровенное письмо Бунакову, в котором изложил ему свои соображения о стратегиях антибольшевистской борьбы. Фрагменты из этого письма были позже опубликованы в советской и иностранной коммунистической прессе как доказательство враждебных намерений Запада против Советского государства и террористических планов самого Рейли. Трудно, однако, сказать, на самом ли деле Рейли собирался осуществить этот план или это письмо является еще одним свидетельством его бахвальства. Несмотря на то что Рейли действительно принимал участие в савинковских вылазках на территорию Белоруссии в декабре 1920 года, практически нет никаких доказательств того, что у него были реальные планы применять террор как средство для свержения советского режима. Как мы убедимся ниже, его цели были несколько более практическими.

Так, в своем письме Рейли рассматривает террор как средство, без которого решение вопроса (имеется в виду ликвидация большевиков) практически невозможно. Он также обосновывает Бунакову свою точку зрения на этот предмет:

«Террор, направленный из центра, но осуществляемый маленькими, независимыми группами или личностями против

отдельных выдающихся представителей власти. Цель террора всегда двойка. Первая — менее существенная, устранение вредной личности; вторая — самая важная — всколыхнуть болото, прекратить спячку, разрушить легенду о неуязвимости власти, бросить искру. Нет террора — значит, нет пафоса в движении»^{672}.

Развивая далее свою мысль о практических способах достижения этих целей, Рейли пишет:

«Вы скажете, что хорошо говорить о терроре тем, кто сидит за границей, а я отвечу Вам, что я знаю людей, потративших громадную энергию на его подготовку (соответственно с настоящей обстановкой и последними требованиями техники) и готовыми пойти на него, как только будут готовы в наличии нужные средства»^{673}.

Наконец, 4 апреля Рейли написал Бойсу письмо, в котором выражал свою готовность участвовать в операции.

«Я вполне согласен с правлением в том, что самый простой и наиболее действенный способ собрать необходимую информацию и прийти к окончательному соглашению относительно дальнейшего плана производства и его усовершенствования — это мне самому съездить и осмотреть фабрику.

Я не только этого хочу, но страстно желаю это сделать и готов выехать немедленно после того, как улажу все свои личные дела. Конечно, я предприму эту поездку только после подробных консультаций с Вами и инженером Б. Хотя для меня не существует ничего, что бы послужило препятствием для моей поездки, которая, как я надеюсь, поспособствует тому, чтобы эта новая технология появилась на рынке, я, разумеется, меньше всего желаю, чтобы плодами моих усилий воспользовались бы наши конкуренты. Я полагаю, не будет преувеличением, если я скажу, что успех моей инспекционной поездки и благоприятное впечатление от моего доклада о ней на заинтересованные круги станет залогом дальнейшего претворения этого плана в жизнь.

Буду ждать более подробных известий от Вас к 20-му числу. Сам же я сделаю все, чтобы как можно быстрее завершить свои дела до отъезда»^{674}.

26 августа Рейли и Пепита отбыли на пароходе в Париж. Там 3 сентября на Северном вокзале их встретил Бойс, с которым они вместе

отобедали в ресторане. На следующий день Пепита уехала в Остенде на несколько дней, чтобы навестить свою мать, с которой не виделась уже более года. В ее отсутствие Рейли встретился с рядом «подпольщиков» из «Треста», после чего заявил, что он «убежден в подлинности и потенциале «Треста».

По возвращении Пепиты их пригласил к себе на ужин генерал Кутепов^[53], который также очень хотел, чтобы Рейли встретился с представителями «Треста», однако долго отговаривал его от перехода советской границы. Пепита в своей книге приводит совет Кутепова: «Пусть они сами приедут к вам. С московским центром мы уже договорились, их представители встретятся с вами в Гельсингфорсе»^{675}. На следующий день Сидней и Пепита сели в поезд до Кельна, где их пути должны были разойтись: Рейли предполагал ехать в Гельсингфорс через Берлин, полагая, что в целях предосторожности ему следует ехать одному. Пепита же направлялась в Гамбург, где и должна была ждать его возвращения. Однако на платформе Пепиту вдруг охватило дурное предчувствие:

«Раздался пронзительный свисток. Сидней вдруг крепко сжал меня в своих объятиях. Подержав мгновение, он отпустил меня и, не оборачиваясь, быстро шагнул в вагон. Все, что я видела теперь, это его руку, машущую мне на прощание из темноты купе. Неожиданно для себя я почувствовала, как меня стали душить рыдания. Поезд медленно набирал скорость. Сквозь пелену слез я еще продолжала видеть эту машущую руку, она быстро уменьшалась в размерах, а вскоре и совсем исчезла из виду»^{676}.

Приехав в Гельсингфорс, 22 сентября Рейли послал Пепите обстоятельное письмо:

«Любовь моя!

Поездка моя прошла отвратительно. В воскресенье погода была хуже некуда, а посудина, на которой я плыл, превратила это путешествие в суицид. Морской болезни у меня не было, но отчаянно раскалывалась голова и нестерпимо болел живот. Вчера, около двенадцати дня, мы сделали короткую остановку в Ревеле, и с палубы моего пароходика я смог обозревать места своей былой боевой славы... В 5 часов дня мы наконец прибыли на место. Благодарю Бога, что предварительно телеграфом заказал номер из Парижа, все здешние гостиницы оказались переполненными. Встретился с

помощником Е. (очень разумный малый, все схватывает на лету и очень услужлив)»^{677}.

К этому времени Рейли уже встретился с Николаем Бунаковым (ST28), бывшим царским морским офицером, который работал под началом Бойса в Ревеле и через него познакомился с Шульцами («калифорнийцами»), Шульцы произвели на него сильное впечатление:

«Удивительная пара. Он еще совсем мальчик, очень милый и, видно, не робкого десятка, но совершенно бесхарактерный. Она же совершенная командирша, не женщина, а черт в юбке, тип американской школьной наставницы, который, кстати, довольно распространен в России. Малопривлекательная внешне, эта баба подавляет своей силой воли и характером»^{678}.

Выборг, находившийся в то время у самой границы с Россией, и был тем самым местом, где Рейли должен был встретиться с представителями «Треста». Там его представили секретным агентам ОГПУ: Якушеву, игравшему роль одного из первых лиц в «Тресте», и Щукину^[54], выдававшему себя за ленинградского представителя этой фракции. Их задача состояла в том, чтобы заманить Рейли на советскую территорию, арестовать и подвергнуть тщательному допросу.

На встрече Якушев, не жалея красок, рассказывал Рейли о могуществе «Треста» и о том влиянии, которое он имеет в правительстве, а также спрашивал его мнение относительно позиции будущего «трестовского» правительства по тем или иным внутривнутриполитическим вопросам. Якушев позднее вспоминал:

«Что-то жесткое и колючее было во взгляде его выпуклых черных глаз, резко выпячивалась нижняя губа, чересчур лоснилась гладь черных волос, подчеркнуто элегантен был костюм. Во всем его облике ощущалось какое-то высокомерие и пренебрежение к окружающим. Он сел в кресло, аккуратно расправил складки брюк, причем выставил напоказ новенькие с иголочки желтые туфли и щегольские носки, устало с серьезным и высокомерным видом он начал разговор. Он начал с того, что заявил о невозможности поехать к нам»^{679}.

Якушев спросил затем у Рейли, сколькими днями он располагает, упрекнув его в том, что «обидно, проделав такой огромный путь из

Америки до Выборга, остановиться у порога, который он словно рискует переступить». Эти слова, очевидно, произвели желаемый эффект. Далее в своем отчете Якушев пишет:

«Рейли сосредоточенно думал минуту, потом сказал: «Вы меня убедили, решено, я еду с вами».^{680}.

Несмотря на то что Рейли и принял решение пересечь границу, его все же мучили некоторые сомнения. Это явствует из письма, написанного им Лепите незадолго до того, как он уехал из Выборга в сопровождении представителей «Треста». Рейли отдал это письмо Николаю Бунакову, строго проинструктировав его послать его Лепите только в том случае, если он не вернется обратно, как запланировано, 28 сентября. Бунаков в свою очередь передал это письмо другому агенту СИС, Гарри Карру, который запер его в своем сейфе:

«Моя любимая, родная!

Мне совершенно необходимо съездить на три дня в Санкт-Петербург и Москву. Уезжаю сегодня и вернусь обратно во вторник утром. Ты понимаешь, конечно, что я не решился бы на такое путешествие, если бы не считал его абсолютно необходимым и если бы не был уверен, что не подвергаюсь почти никакому риску. Хоть это и маловероятно, я пишу это письмо на тот случай, если со мной случится несчастье. Если это произойдет, то ты не должна предпринимать никаких шагов для моего спасения; пользы от них будет мало, а вот большевики узнают, кто я такой. Если же, паче чаяния, меня арестуют в России по какому-нибудь пустяковому обвинению, то мои новые друзья достаточно могущественны, чтобы выволить меня из тюрьмы. Я не могу себе представить ситуацию, при которой большевики смогли бы меня опознать, если только ты не дашь им повода сделать это. Одним словом, если во время путешествия произойдут какие-нибудь неприятности, то возвращение мое в Европу задержится на очень короткий срок, на неделю, не больше. Зная тебя, я уверен, что ты окажешься на высоте и успешно заменишь меня на время моего отсутствия.

Само собой разумеется, что никто из этих людей не должен иметь ни малейшего понятия, где я нахожусь и что со мной происходит. Тебе необходимо помнить, что любой, даже малейший шум может привести меня в лапы большевиков.

Родная моя, я поступаю так, как велит мне долг, и не сомневаюсь, что ты вполне одобрила бы мое решение, если бы была со мной. В мыслях я всегда с тобой, и твоя любовь является для меня спасительным талисманом. Храни тебя Господь...

Сидней»^{681}.

Для успешного перехода границы Рейли был выдан советский паспорт на имя Николая Николаевича Штейнберга. Переход границы должен был происходить южнее Выборга через реку Сестру, через «окно», не прикрытое советскими пограничниками.

Перевод Рейли через советско-финскую границу поручили начальнику 13-й заставы Сестрорецкого погранотряда Тойво Вякя, выдававшему себя за продажного пограничника. Вякя и до этого по заданию ОГПУ неоднократно переводил через границу Захарченко-Шульц и Радкевича и пользовался их доверием. Вот как он описывает этот эпизод в своих воспоминаниях:

«На какой-то миг все умолкло, потом до боли заостренный слух уловил осторожные, почти бесшумные шаги человека к берегу и легкие, еле уловимые всплески воды...

У нашего берега течение образовало неширокую, метра в три промоину, в которой вода доходила до плеч среднего человека. Опасаясь, как бы этот господин не струсил, назад бы не повернул, а то, чего доброго, еще упадет и утонет, — я в одежде, скинув только шинель, бросился к нему навстречу, обнял его и затащил на наш берег. Хотя он и голенький был — завернутую в пальто одежду над головой держал, — но тяжелый, мускулистый, черт. Но ничего, осилил я и в душе радовался: «Мой ты теперь, мой!»^{682}.

По сценарию ОГПУ, Вякя должен был доставить Рейли до станции Парголово и посадить на первый утренний поезд до Ленинграда, в котором ехали два чекиста, выдававшие себя за членов «Треста». Само путешествие от реки Сестры до станции заняло около двух часов, на протяжении которых Рейли развлекал своего проводника анекдотами из советского быта и высмеивал состояние российских дорог. Пограничник настолько убедительно сыграл свою роль, что Рейли не заметил никакого подвоха и даже дал ему на прощание хорошие чаевые.

Wyborg 25th Sept. 1925
Friday.

My most beloved, my sweetheart,
. It is absolutely necessary that
I should go for three days to
Petrograd and Moscow. I am
leaving tonight and will be back
here on Tuesday morning. I want
you to know that I would not
have undertaken this trip unless
it was absolutely essential and
if I was not convinced that
there is practically no risk attached
to it. - I am writing this letter
only for the most improbable case
of a mischance befalling me.
Should this happen, then you
must not take any steps. ~~They~~
will help little but

Последнее письмо Рейли своей жене Пепите, написанное им в Выборге 25 сентября 1925 г.

В Ленинграде, на квартире Щукина, Рейли познакомили с Владимиром Стырне^[55], помощником начальника КРО ОГПУ, представившимся ему «оппозиционно настроенным рабочим, депутатом Моссовета». Стырне не преминул воспользоваться ситуацией и расспросил Рейли о тех эпизодах его жизни, которые были неизвестны ОГПУ. В этот же вечер Рейли, Якушев и еще один член «Треста», настоящий белогвардеец Мукалов-Михайлов, в отдельном

купе международного вагона выехали в Москву. После того как его сомнения окончательно улеглись, Рейли вновь почувствовал уверенность в себе и стал охотно общаться со своими новыми знакомыми. Из отчета Якушева видно, что главной темой этого разговора был Савинков, которого Рейли без тени иронии критиковал за «полное неумение выбирать людей, женолюбие, неразборчивость в источниках денежных средств и колоссальную склонность к комфорту». Любовницу Савинкова, Деренталь, Рейли нелестно назвал «вонючей жидовкой с лоснящимся лицом, толстыми руками и ляжками». В этой нелестной характеристике просматривается явная аналогия с едким замечанием о любовнице генерала Пуля, сделанным им во время пребывания в ставке Деникина на Юге России.

Рейли с большой охотой поделился со своими собеседниками своими политическими взглядами. Некоторые из них, по воспоминаниям Якушева, были слишком откровенными, если не сказать шокирующими. Отрекаясь от своих еврейских корней, Рейли заявил своим слушателям, что погром является «выражением народного гнева» и без него нельзя обойтись, но «не может связать своего имени с погромом»^{683}. Он посоветовал им также установить контроль над православной церковью и использовать ее влияние, что должно принести куда больше выгод, нежели ее полное уничтожение^{684}.

На следующее утро Рейли встретили на московском вокзале и отвезли на дачу в Малаховку, где за накрытым столом его уже ждали остальные члены «Треста». Пообедав, компания в целях безопасности расположилась на лесной полянке, где состоялось обсуждение вопроса о финансировании «Треста». Рейли заявил своим собеседникам следующее: «На отпуск средств не решится сейчас ни одно правительство. Но сейчас главная причина — горит собственный дом. Черчилль так же, как и я, твердо верит, что Советская власть будет свергнута, и свергнута в недалекий срок, но прийти на помощь со значительными денежными средствами он не может»^{685}. Вместо этого Рейли предложил им свой вариант изыскания денег, который, по его словам, был груб и мог вызвать «вначале презрение и брезгливое отношение»^{686}.

План Рейли предполагал серию ограблений советских музеев и изъятие из них художественных ценностей, которые затем

предполагалось переправить на Запад и продать там с его помощью. Эта идея, похоже, пришла Рейли в голову не в последний момент, так как он представил сотрудникам ОГПУ подробный список, в котором были французские мастера, офорты Рембрандта, античные монеты, гравюры и миниатюры»^{687}. Когда же пораженный Якушев попытался возразить ему, что это может «нанести урон репутации» всей организации, Рейли цинично отмел этот аргумент, заявив ему, что «ради денег репутацией можно и пожертвовать»^{688}. Он посулил Якушеву 50 тысяч долларов на финансирование плана кражи музейных ценностей, а также пообещал представить его Черчиллю, если он сможет приехать в Англию.

С наступлением темноты Рейли попрощался и сел в автомобиль, который, как он полагал, доставит его до Октябрьского вокзала, откуда он ночным поездом предполагал отправиться обратно в Ленинград. Когда автомобиль уже ехал по московским улицам, Рейли спросил, можно ли его доставить на безопасную квартиру, где он может написать открытку своему английскому знакомому (Эрнсту Бойсу), чтобы подтвердить свое пребывание в Москве. Этот вопрос был согласован, и Рейли привезли на квартиру Эдуарда Опперпута. Как только Рейли отправил письмо и сел обратно в автомобиль, на его руках защелкнулись наручники, и машина на полной скорости понеслась в главное здание ОГПУ на Лубянке.

По прибытии на Лубянку Рейли был доставлен в кабинет Романа Пиляра^{689}, чекиста, который за год до этого арестовывал Савинкова. Пиляр напомнил Рейли, что смертный приговор, вынесенный ему революционным трибуналом в 1918 году, никем не отменен, заявив, что в его же интересах сотрудничать со следствием. Из документов следствия видно, что на первых допросах Рейли проявил большое самообладание, подтвердив лишь свое имя и отказавшись назвать имена других английских агентов в России. Рейли также подвергли личному обыску, в результате которого, по утверждению Михаила Трилиссера, начальника Иностранного отдела ОГПУ, у него были изъяты некие ценности, взятые им из тайника в Ленинграде^{690}. Затем Рейли доставили в камеру № 73, и с этого момента он стал именоваться лишь как «заключенный № 73», или просто «73».

На следующий день, 28 сентября, ОГПУ инсценировала инцидент на советско-финской границе в то время и в том месте, где Рейли и его

соучастники должны были вернуться в Финляндию.

Жители поселка Ванха Алакюля в тот день слышали ружейную перестрелку. Наблюдавшие за этой сценой с другой стороны реки финские пограничники увидели, как к границе подъехал грузовик, в него бросили «трупы», после чего грузовик уехал. В Москве было созвано экстренное заседание совета «Треста», членов которого информировали о смерти Рейли. ОГПУ, разумеется, дало «утечку» этой информации через настоящего заговорщика-белогвардейца, который сообщил эти сведения в Гельсингфорс. Между тем Пепита безуспешно пыталась найти своего мужа в отеле «Андреа» в Выборге, куда он должен был приехать в тот вечер. Когда же ее попытки не увенчались успехом, она 30 сентября послала Бойсу телеграмму: «От Сиднея нет новостей с двадцать пятого. Должен был возвратиться сегодня. Отель «Андреа» в Выборге ожидал его прибытия вчера, но он не приехал. Что мне делать? Телеграфируйте, если у Вас есть новости — очень обеспокоена». Бойс ответил ей короткой телеграммой: «Никаких новостей, уже телеграфировал»^{691}. На следующий день он послал Пепите письмо:

«Дорогая г-жа Рейли!

У меня до сих пор нет никакой информации о Сиднее. Более того, я не получал никаких новостей из той части света с тех пор, как он уехал. Судя по Вашей телеграмме, он все же согласился на операцию. Это меня удивляет, так как, по моим сведениям, парижские врачи сочли ее необязательной. Полагаю, что в его здоровье произошли какие-то изменения к худшему, побудившие его лечь на операционный стол. Насколько мне известно, сама операция не должна быть сложной, однако процесс выздоровления, возможно, несколько более затянется, чем я ожидал. Но мы не должны паниковать. Я уверен, он в надежных руках и будет сделано все возможное, чтобы он пошел на поправку как можно быстрее. Не сомневаюсь, что мы получим от него весточку, как только он встанет на ноги»^{692}.

Сидя в камере № 73 и размышляя о своем незавидном положении, Рейли, очевидно, надеялся, что, узнав о его аресте, английское правительство предпримет шаги для его освобождения или обмена, как это произошло с Локкартом в 1918 году. По здравом размышлении он решил для себя, что лучший способ выжить — это попытаться выиграть время.

Глава 14. Дорога в Сокольники

Вопреки распространенному мнению, в ОГПУ Рейли не подвергали пыткам или какому-либо другому физическому воздействию. Борис Гудзь, в то время двадцатитрехлетний связной офицер ОГПУ, прикрепленный к Владимиру Стырне, через 77 лет после произошедших событий с уверенностью утверждал, что «никаких физических методов к нему не применялось, я могу это гарантировать»^{693}. С самого начала сотрудники ОГПУ относились к Рейли как к достойному противнику. Несмотря на то что он сделал ряд признаний о своем прошлом и рассказал о своей деятельности в России во время своего последнего пребывания там, это было явно не то, что ОГПУ хотело от него узнать. Владимир Стырне, считавшийся одним из лучших следователей ОГПУ, тщательно за протоколировал свой допрос Рейли:

«1925 г. октября 7 дня я, пом. нач. КРО ОГПУ Стырне, допрашивал в качестве обвиняемого гр-на Рейли Сиднея Георгиевича, 1874 г. рожд., британский подданный, родился Клонмел, Ирландия, отец капитан морской службы, постоянное местожительство Лондон, последнее время Нью-Йорк. Капитан британской армии, жена за границей, образование университетское. Университет закончил в Гейдельберге, философский факультет, и в Лондоне Королевский горный институт, по специальности химик. Партийность — английский консерватор. Судился в 1918 г. в ноябре месяце Верховным трибуналом РСФСР по делу Локкарта (заочно)»^{694}.

Ниже приводится полный и неотредактированный текст показаний, которые Рейли дал на следствии:

«Во время войны 1914 г. в армию поступил добровольцем в 1916 г., а до этого времени с начала 1915 г. был в Нью-Йорке, где занимался военными поставками; между прочим, и для русского правительства. Поступив добровольцем в британскую армию, был назначен в авиационный корпус (с 1910 г. занимался авиацией и могу считать себя одним из пионеров авиации в России; был одним из учредителей 1-го в России авиационного общества «Крылья»), где и прослужил до 1

января 1918 г., а с января 1918 г. перешел в секретную политическую службу, где и работал до 1921 г., после чего занялся своими частными делами финансового характера (займы, учреждения акц. о-в и т. п.). За время моей службы в авиационном корпусе я в России не был. В марте месяце 1918 г., служа на секретной службе, я был командирован в Россию как член Великобританской миссии в России для ознакомления в качестве эксперта с тогдашним положением (в то время я был в чине лейтенанта). Проехал я через Мурманск в Петроград, затем в Вологду, а впоследствии в Москву, где и пробыл до 11 сентября 1918 г., большую часть времени находясь в разъездах между Москвой, Петроградом и Вологдой.

От пассивной разведывательной роли как я, так и остальная британская миссия, постепенно перешли к более или менее активной борьбе с сов. властью по следующим причинам.

Заключение Брест-Литовского мира на весьма выгодных условиях для Германии, естественно, вызывало опасение общих действий сов. власти и немцев против союзных держав, к этому нужно прибавить наличие многочисленных сведений (многие из которых впоследствии оказались вздорными) о продвижении немецких военнопленных из России в Германию и, наконец, раздражение, вызываемое разными притеснениями по отношению к союзным миссиям со стороны сов. власти. Я считаю, что сов. правительство в то время вело неправильную политику, по крайней мере, по отношению к английской миссии, так как Локкарт, вплоть до конца июня м-ца в своих донесениях британскому правительству советовал политику соглашения с сов. властью. В то время, насколько я помню, сов. правительство было озабочено сформированием регулярной армии, и Троцкий неоднократно по этому вопросу говорил с Локкартом и указывал ему на целесообразность сочувствия этому делу со стороны союзных правительств. Перелом начинается со времени приезда Мирбаха и его окончательного внедрения и постоянных уступок сов. властью его требований (требований германскому правительству).

Смерть Мирбаха немедленно вызвала репрессии против нас. Мы предвидели, что за этим последует требование немцев среди других их требований высылки всех союзных миссий. Это и случилось. Сейчас же начались обыски в консульствах и аресты отдельных членов миссий, которые, впрочем, вскоре были освобождены. Также было

издано распоряжение о запрещении союзным офицерам путешествовать. С этого момента и начинается моя активная борьба с сов. властью, выразившаяся главным образом в военной и политической разведке, а также изысканий тех активных элементов, которые могли бы быть использованы в борьбе с сов. правительством. Для этой цели я перешел на подпольное (нелегальное) положение, получив ряд документов разных лиц, например, одно время я был комиссаром по перевозке запасных автомобильных частей во время эвакуации Петрограда, что мне давало возможность свободно двигаться между Москвой и Петроградом, даже в комиссарском вагоне. В это время я проживал главным образом в Москве, чуть ли не изо дня в день меняя квартиры. Кульминационным пунктом моей работы я считаю мои переговоры с полк. Берзиным, с которым я познакомился у Локкарта. Суть дела должна быть известна по процессу. В это время я передал патриарху Тихону крупную сумму денег, предназначенную для нужд духовенства, в то время находящегося в чрезвычайно бедственном положении. Я особенно подчеркиваю, что между мною и патриархом или каким-нибудь из его приближенных никогда не было разговоров о контрреволюционных делах и что моя работа и мои намерения патриарху и его людям были особенно не известны. Деньги были ему переданы из предоставленных мне ассигнований; в моем распоряжении были весьма крупные суммы, которые ввиду моего особого положения (полная финансовая независимость и исключительное доверие благодаря связям с высокопоставленными лицами) представлялись безотчетно. Эти-то деньги я и употреблял на начатую мною работу по противодействию сов. власти.

Я считаю, что к процессу Локкарта были привлечены лица, ко мне не имевшие никакого отношения или в некоторых случаях лишь самое отдаленное; лица же, близко ко мне стоящие, немедленно по раскрытию заговора уехали на Украину».

После этого Рейли рассказал о своем побеге из Петрограда (текст этого рассказа приводится в главе 10), после чего продолжил свои показания:

«Я назначаюсь политическим офицером на юг России и выезжаю в ставку Деникина, был в Крыму, на Юго-востоке и в Одессе. В Одессе оставался до конца марта 1919 года и приказанием Верховного

комиссара Британии в Константинополе был командирован сделать доклад о положении денкинского фронта и политическое положения на юге руководящим офицерам в Лондоне, а также представителям Англии на мирной конференции в Париже. В течение Мирной конференции я служил связью по русским делам между разными отделами в Лондоне и Париже; в этот период я, между прочим, и познакомился в Б. В. Савинковым. Весь 19 и 20 гг. у меня были тесные сношения с разными представителями русской эмиграции разных партий (с-р компания в Праге, организация Савинкова, торгово-промышленные круги и т. д.). В это время я проводил у английского правительства очень обширный финансовый план поддержки русских торгово-промышленных кругов во главе с Ярошинским, Барком и т. д. Все это [время] я состоял на секретной службе, и моя главная задача состояла в освещении русского вопроса руководящим сферам Англии.

В конце 20 г. я, сойдясь довольно близко с Савинковым, выехал в Варшаву, где он только организовал экспедицию в Белоруссию. Я участвовал в этой экспедиции. Я был и на территории Сов. России. Получив приказание вернуться, я выехал в Лондон.

В 21 г. я продолжал деятельно поддерживать Савинкова, возил его несколько раз в Лондон, знакомил его с руководящими сферами и находил для него всякую возможную поддержку.

Кажется, в этом году я его возил в Прагу, где познакомил его с руководящими сферами. В этом же году я устроил Савинкову тайный полет в Варшаву.

В 1922 у меня был известный перелом в направлении борьбы — я совершенно разубедился во всех способах интервенции и склонялся к тому мнению, что наиболее целесообразный способ борьбы состоит в таком соглашении с сов. властью, которое широко откроет двери России английской коммерческой и торговой предприимчивости; к этому моменту относится составленный мною проект образования огромного международного консорциума для восстановления русской валюты и промышленности, проект этот был принят некоторым руководящими сферами, и во главе его стала компания «Маркони», точнее сказать, Годфри Айзакс, председатель К-о и брат вице-короля Индии. Этот проект в течение долгого времени обсуждался с Красиным, но в конце концов был оставлен; тем не менее именно

этот проект был взят почти целиком в основание предполагаемого международного консорциума во время Генуэзской конференции. Я хотел этим добиться мирной интервенции.

В 1923 и 1924 гг. мне пришлось посвятить очень много времени моим личным делам, в борьбе с сов. властью я был менее деятелен, хотя писал много в газетах (английских) и поддерживал Савинкова, продолжал по русскому вопросу консультировать во влиятельных сферах в Англии, т. к. в эти годы часто ездил в Америку.

В 1925 г. я все время провел в Нью-Йорке.

В конце сентября я нелегально перешел финскую границу и прибыл в Ленинград, а затем в Москву, где и был арестован.

Сидней Рейли (подпись)»^{695}.

Протокол допроса.

5-го Октября мес. 7 дня, я *Маш. Кош. Косо отцу*
 ГПУ *Степанов* допрашивал в качестве
 гражданина (ку) _____ и на первоначально предложенные вопросы он (а)
 (а):
 Фамилия *Рейли*
 Имя, отчество *Сидней Георгиевич*
 Возраст (год рождения) *1874*
 Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность) *Британский*
наемный рабочий Ирландия, офицер
линии морской службы
 Место жительства (постоянное и последнее) *Лондон, последние годы Нью-Йорк*
 Род занятий (последнее место службы и должность) *Кавальер Британской*
армии
 Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род за-
 до революции и последнее время) *Жена за арестом*
 Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его
 родственников)
 Образовательный ценз (первонач. образование, средняя школа, высшая, специаль-
 ность и т. д.) *Университетское*

Лист протокола первого допроса Рейли на Лубянке

Двумя днями позже, 9 октября, Рейли признался: «Я прибыл в Советскую Россию по собственной инициативе, узнав от Н. Н. Бунакова о существовании, по-видимому, действительно серьезной антисоветской группы. Антибольшевистским вопросом я усиленно занимался всегда и посвящал ему большую часть времени, энергии и личных средств. Касаясь личных средств, могу, например, указать, что савинковщина с 1920 по 1924 год обошлась мне по самому скромному расчету в 15–20 тысяч фунтов стерлингов»^{696}.

Девять дней спустя, 18 октября, Пепита получила письмо от Бойса из Гельсингфорса, в котором он сообщал, что дела, по всей очевидности, пошли по совсем иному сценарию:

«Я еду в Париж через Лондон и надеюсь увидеться с Вами в четверг или, в крайнем случае, в пятницу. Вынужден признать, что ситуация сейчас обстоит намного хуже, чем я предполагал по ранее полученной мною информации. Похоже, что в последний момент, буквально перед тем как они намеревались завершить всю операцию, четверо из них, проходя через лес, подверглись неожиданному нападению бандитов. Они оказали сопротивление, в результате чего двое из них были убиты наповал. Мэтт^{697} был серьезно ранен, а четвертого они захватили, с собой»^{698}.

Бойс закончил свое письмо обещанием встретиться с ней в Париже, когда у него будут свежие новости. Однако история, изложенная Бойсом, не вызвала доверия у Пепиты, так как к этому времени она уже начала подозревать, что Бойс работал на ОГПУ и заманил в ловушку ее мужа^{699}. Подобные подозрения падали на Бойса не в последний раз.

Из материалов допросов Рейли видно, что следователи ОГПУ были явно не удовлетворены той информацией, которую он сообщил о себе. 13 октября Стырне предъявил Рейли ультиматум, заявив, что, если он будет отказываться давать откровенные показания следствию, это будет иметь для него крайне серьезные последствия, на что Рейли ответил: «Я не могу на это пойти»^{700}.

17 октября он вновь написал заявление Стырне, в котором отказывался сообщить «подробную информацию», которую ОГПУ хотело от него получить^{701}.

После этого Рейли подвергли методам психологического давления, которые, в конце концов, вынудили его сотрудничать со следствием. Но даже до этого момента, очевидно, Рейли делал все, чтобы выиграть время.

Каким же образом ОГПУ удалось заставить его заговорить? Ответ на это мы можем найти в тюремном дневнике самого Рейли. Микроскопическим почерком на тонких листках папиросной бумаги он ежедневно записывал карандашом все события, произошедшие с

ним за день. Эти записи он прятал в своей одежде, постели, а также в щелях растрескавшейся штукатурки. Позже эти листки были обнаружены при обыске его камеры, а технические специалисты ОГПУ сфотографировали их с сильным увеличением^{702}. Чтение этих дневников не оставляет никаких сомнений в том, что они написаны Рейли. Построение фраз, грамматика, сокращения в тексте не только типичны для общего стиля письма Рейли, но вполне согласуются с образцами дневниковых записей, которые он вел ранее.

В 1992 году Робин Брюс Локкарт поставил под сомнение подлинность этого дневника в своей новой версии книги «Король шпионов»^{703}, отвергнув его как «советскую фальшивку». Если бы это была фальшивка ОГПУ, созданная с исключительной целью ввести Запад в заблуждение, почему, в таком случае, оно не использовало ее в течение шестидесяти четырех лет коммунистического правления в Советском Союзе? Напротив, дневник Рейли оставался засекреченным на самом высоком уровне и все это время хранился в архивах советской госбезопасности.

Вопрос, впрочем, в другом: что заставило Рейли вести тюремный дневник? Наиболее вероятное объяснение этому мы видим в том, что Рейли до конца надеялся, что за него заступится английское правительство. Если бы это произошло, то он, несомненно, попытался бы тайно вывезти этот дневник с собой. Как и в случае с открыткой, которую он отправил Эрнсту Бойсу за несколько минут до своего ареста, главной целью этих дневников было продемонстрировать всем, что он побывал в пасти льва и выбрался оттуда целым и невредимым. В нем также содержится описание методов следствия ОГПУ, которые, как он считал, будут очень интересны английской разведке. Сам дневник содержит множество сокращений, мы приводим из него лишь те выдержки, смысл и содержание которых не вызывает никаких вопросов.

«Пятница, 30 октября 1925 г.»^{704}

Еще один допрос поздно днем. Переоделся в рабочую одежду. Вся личная одежда унесена. Сумел сохранить второе одеяло. Разбудили, велели взять пальто и фуражку. Комната внизу, около ванной. Все время нехорошее предчувствие от этой железной двери.

Присутствующие в комнате: Стырне, его товарищ, тюремщик, молодой парень из Владимирской губернии, палач, возможно, кто-то еще. Стырне сообщил мне, что Коллегия ГПУ пересмотрела приговор и что если я не соглашусь сотрудничать, приговор будет приведен в исполнение немедленно. Сказал, что это не удивляет меня, что мое решение остается то же самое и что я готов умереть. Стырне спросил, не хочу ли я иметь время на размышление. Ответил, что это их дело. Дали один час. Приведен обратно в камеру молодым человеком и помощником надзирателя. Молился про себя за Питу^{705}, сделал небольшой узелок из своих вещей, выкурил несколько сигарет и спустя 15–20 минут сообщил, что готов. Палач, который был снаружи камеры, был послан объявить о моем решении. Держали в камере целый час. Приведен обратно в ту же комнату. Стырне, его товарищ и молодой парень. В соседней комнате палач и другие, все до зубов вооружены. Объявил опять о моем решении и попросил сделать письменное заявление в том духе, что я счастлив показать им, как англичанин и христианин понимаем свой долг^{706}. Отказ. Попросил отослать вещи Пите. Они сказали, что о моей смерти никто не узнает. Затем начался длинный разговор — убеждение, — как обыкновенно. После 3/4 часа препираний, разговор на повышенных тонах в течение 5 минут. Молчание, затем Стырне и его товарищ позвали палача и ушли. Держали в ожидании около 5 минут, в течение этого времени звуки заряжаемого оружия во внешней комнате и другие приготовления. Затем вывели к машине. Внутри палач, надзиратель, молодой парень, шофер и охранник. Короткая поездка до гаража. Во время поездки солдат схватил своей грязной рукой наручники и мое запястье. Дождь. Очень холодно. Бесконечное ожидание на гаражном дворе, в то время как палач вошел внутрь — охранники матерятся и рассказывают друг другу грязные анекдоты. Шофер что-то сказал о том, что сломался радиатор, бесцельно слоняется. Наконец завелся, короткий переезд и прибытие в ГПУ с севера. Стырне и его товарищ сообщили о том, что приговор отложен на 20 часов. Ужасная ночь. Кошмары».

В документах следствия мы находим свидетельство того, что ночами Рейли плакал и молился перед маленькой фотографией

Пепиты. Все это говорит о том, что классическая инсценировка казни окончательно сломала его волю. Бесконечное ожидание, неопределенность, откладывание казни чрезвычайно характерны для подобных психологических методов следствия, что, вне всякого сомнения, породило у Рейли кошмары, о которых он пишет в своем дневнике.

В этот же день, 30 октября, после описанной инсценировки казни, Рейли пишет письмо Дзержинскому. Это письмо содержится в его следственном деле. Приводим его полный текст.

«Председателю ОГПУ Ф. Э. Дзержинскому

После происшедших с В. А. Стырне разговоров я выражаю свое согласие дать Вам вполне откровенные показания и сведения по вопросам, интересующим ОГПУ относительно организации и состава великобританских разведок и, насколько мне известно, такие же сведения относительно американской разведки, а также тех лиц в русской эмиграции, с которыми мне пришлось иметь дело.

Сидней Рейли.

Москва, внутренняя тюрьма 30 октября 1925 г.»^{707}.

Некоторые исследователи считают, что это письмо — еще один пример «фальшивки ОГПУ». Гордон Брук-Шеперд, в частности, утверждает:

«Представляется совершенно невероятным, чтобы Рейли, так стойко державшийся на следствии, не упомянул [в своем дневнике] столь важного эпизода. Практически не вызывает сомнений, что этот документ был сфабрикован ОГПУ с целью скрыть противоречия, которыми изобилует это дело»^{708}.

Эдвард Газур, офицер контрразведки ФБР, беседовавший с Александром Орловым^[56], бежавшим в Соединенные Штаты, еще более категоричен: «Нет никаких сомнений, на мой взгляд, в том, что Орлов не знал о существовании этого письма до своей смерти в 1973 году, иначе бы он, несомненно, сообщил бы мне об этом»^{709}. Он твердо уверен в том, что «письмо было сфабриковано и распространялось КГБ»^{710}. Газур обосновывает свою точку зрения тем, что «если бы Рейли дал признательные показания, то над ним бы,

несомненно, устроили процесс, который сопровождался бы громкими пропагандистскими фанфарами»^{711}.

30^о 101

Председателю О.Т.П.У
Ф.Э. Дзержинскому

После происшедших с В.А. Стурге разговоров, а также свое согласие дать Вам в том отношении показания и сведения по вопросам интересующим О.Т.П.У относительно организации и работы Великобританской разведки и насколько мне известно так же сведения относительно Американской разведки, а также так же и в русской эмиграции с которыми мне приходится иметь дело.

Москва, Внутренняя Штабная
30-го Окт. 1925. Сидней Рейли

30 октября 1925 г. Рейли написал заявление на имя председателя ОГПУ Ф. Э. Дзержинского в отчаянной попытке выиграть время

Подобное, однако, вряд ли было возможно. На сегодняшний день нет никаких доказательств того, что большевики вообще собирались устроить над Рейли показательный процесс. Во-первых, в 1918 году ему уже был заочно вынесен смертный приговор. И во-вторых,

дезинформация о его смерти была пущена ОГПУ через членов московского совета «Треста» буквально через несколько дней после его ареста. Совершенно очевидно, что ОГПУ было бы достаточно трудно объяснить его «воскрешение» для того, чтобы предать его суду. Кроме того, письмо Рейли вряд ли можно охарактеризовать как «признание». Это не более чем заявление о готовности сотрудничать со следствием. Савинков, к примеру, полностью покаялся в своей вине: в своем заявлении, сделанном на суде, он безоговорочно отказался от какой-либо борьбы с большевиками:

«Я не ищю никакого снисхождения, но я прошу Вас помнить, — и пусть революционная совесть ваша напомнит вам об этом, что перед вами стоит честный человек, который никогда лично для себя ничего не искал и ничего не хотел, который не раз, и не два, и не десять лез головой в петлю за русский рабочий народ и отдал свою молодость за это... Я признаю безоговорочно советскую власть, для этого нужно было мне, Борису Савинкову, пережить неизмеримо больше того, на что вы можете меня осудить»^[712].

Рейли же, со своей стороны, надеялся, что его заявление спасет ему жизнь или, по крайней мере, поможет выиграть время. Его собственные записи лишь подтверждают, что он сделал именно то, что и обещал в своем письме Дзержинскому. Также очевидно, что информация, которую он сообщал чекистам, не представляла особой ценности, так как многое из того, что Рейли рассказал им во время допросов, они уже знали и без него. Единственное, чего чекисты действительно добивались от него, так это сообщить им имена английских агентов на территории СССР, но именно этого он и не мог сделать, так как уже четыре года не работал на английскую разведку.

«Суббота 31 октября, 1925 г.

На следующее утро вызвали на допрос в 11. Провел весь день в комнате 176 с Сергеем Ивановичем и доктором Кушнером^[57]. Стырне, кажется, очень доволен своим докладом — повышенное внимание. В 8 часов поездка, я одет в форму ГПУ. Прогулка за город ночью. Прибытие в московское помещение. Отличные бутерброды. Чай. Ибрагим. Затем разговор наедине со Стырне — этот протокол, выражающий мое согласие. Ничего не знаю об агентах здесь — цель

моей поездки. Оценка Уинстона Черчилля и Спирса. Мое неожиданное решение в Выборге. Стырне отправился с протоколом к Дзержинскому, возвратился спустя полчаса. Сообщил — приговор остановлен, согласился в принципе с моим планом. Возвращение в камеру, спал крепко 4 часа после веронала^{713}. К сожалению, надо рано утром вставать. Вызвали в 11. Форма, предосторожности, чтоб не увидели. Разработали план со Стырне — 1) 1918 г., 2) СИС, 3) Английские политические сферы, 4) Американские секретные службы, 5) Политика и банки США, 6) Русские эмигранты. Источники информации относительно 1918 г. Главный объект — немецкая идентификация, сцена в американском консульстве^{714}. Отверг обвинения в саботаже продовольствия^{715}. Обвинен в провокации. 2а) Савинков изменил свою позицию, недоверие, моя вина доказана. Мои намерения, если бы Савинков вернулся. Отдых. Спрашивает, знаю ли я Старка^{716}, Куртца^{717}. Беседа об Опперпуте^{718}, Якушеве^{719}. Затем начали с номера 2 — СИС. Только предисловие — закончили в 5 вечера. Возвратили в комнату 176. Отдых, ужин. В 7 вечера наговорил под запись номера 4 и 5. Опять камера. Веронал не подействовал».

alone with St. - that procedure, suffering my age. - ign. any
 at. live, non-accept any adv. fr. them. about my trip. official
 W.C. Sp. - St. their. Disapproval, not unexpected because in Wydosy
 St. went with prot. to St., returned after 1/2 h. informed veronol
 stopped & apt. in principle my plan - Return to cell letters,
 4 great h. after Veronol. - Unfortunately my turn got up early.
 Called out 11. Uniform, precaution that I not seen. -
 Savin program with St. 1) 1918, 2) S.S. 3) Polit. spheres Engl.
 4) Am. S.S., 5) Polit. & Banks U.S.A. 6) Russ. Emig. (No 2 @
 Savin) - 1) Some junk info re 1918 mention health, Sev. Bolshak -
 Cinnabon gran. 2) Mass. Mass - Mass Dept German ident -

Страница тюремного дневника Рейли

«Воскресенье 1 ноября, 1925 г.

Во время допроса много спрашивают, есть ли у Ходжсона^{720} свои агенты, а также внутренние агенты в Коминтерне. Вопросы о Дюксе^{721}, Куртце, Лифлянде, Пешкове^{722}. Вопросы о лице^{723}. Рассказал им о Гнилорыбове^{724} и другом случае попытки побега. Спросили, есть ли еще агенты в Петрограде. Длительная беседа о моей жене — предлагают любые

деньги или положение — Сергей Иванович Хейдулин^{725}. Федулеев и надзиратель в очках были со мной в камере. Больше не работали. Поездка днем. Исправил американский отчет.

Понедельник 2 ноября, 1925 г.

Вызвали в 10 утра. Продолжение о СИС — общие организационные вопросы^{726}. Постоянно спрашивают меня об их агентах здесь^{727}. Берберри, норвежец Эбсен^{728}, Хадсон^{729} в Дании и другие. Объяснил, почему агенты здесь невозможны, — никого с времен Дюкса^{730}. Вернулись к моей миссии в 1918 г. Кемп^{731}, недоразумения с Локкартом^{732}. Беседа с Артуром Христиановичем Артузовым^{733}. Письмо Зиновьева^{734}. Доктор обеспокоен моим состоянием. Стырне надеется закончить в среду — сомневаюсь. Спал очень плохо всю ночь. Читал до 3 ночи. Чувствую большую слабость.

Вторник 3 ноября, 1925 г.

Голоден весь день. Похороны Фрунзе^{735}. Вызван в 9 вечера. Письмо и послание Стырне через Федулеева. Шесть вопросов: работа немцев, наше сотрудничество: какие материалы мы имеем относительно СССР и Коминтерна. Китай. Агенты Дюкса. Мой разговор с Федулеевым. Веронал. Спал хорошо.

Среда 4 ноября, 1925 г.

Очень слаб. Вызвали в 11 утра. Извинения Стырне. Дружественность. Работа до 5 — затем обед. Затем поездки, прогулка. Работа до 2 часов утра. Спал без веронала. Стырне дал подписать предыдущий протокол. Начали со Скотленд-Ярда — Чайлдс^{736}, Картер^{737}. Исполнительная работа. Бэзил Томпсон^{738}. Борис Саид^{739}. Наблюдение за Красиным^{740}. Закон об иностранцах... Париж. Бунаков выехал в Париж. Длинный разговор о его путешествиях. Протокол. Мое мнение об Амторге^{741} и Аркосе^{742}. Уайз^{743}. Брокер, Уркварт^{744}. Возможность соглашения. Русские держатели ценностей. Разделяй и властвуй^{745}.

Мои идеи о соглашении с Англией (Черчилль, Болдуин, Беркенхед, Чемберлен, МакКенна. Нефтяные группы, Бальфур, Маркони), фондирование долгов в САСШ. Английское беспокойство^{746}. Вопросы — опять Хадсон, Житков, Персон, Абаза^{747}. Вопросы о Персии. Военный атташе США Файмонвил^{748}. (Китай) использует молодого английского агента, посланного в Россию. Очень интересуется Беренсом. Имеются ли агенты в Аркосе и смешанных компаниях... Успокоился относительно своей смерти — вижу впереди большие развития».

Фразу Рейли «успокоился относительно своей смерти» можно интерпретировать двояко. С одной стороны, она может означать, что Рейли смирился со своей смертью, с другой же — что в результате пятидневного сотрудничества со следствием и прекращением разговоров о приведении в исполнение приговора он, по-видимому, решил, что смертная казнь ему больше не угрожает.

Следует признать, что независимо от выводов, которые можно сделать из дневника Рейли и документов следствия по его делу, последние недели своего пребывания в лубянской камере Рейли, безусловно, перенес с большим мужеством и стойкостью. Каково бы ни было отношение к прошлым деяниям Рейли, последние недели его жизни, несомненно, делают ему честь. Тот факт, что его мужество было в конце концов сломлено психологическими методами допросов ОПТУ, нисколько не умаляет этого обстоятельства.

4 ноября руководство ОГПУ пришло к выводу, что Рейли уже больше ничего ценного сообщить следствию не может. Существовало также опасение, и небезосновательное, что чем дольше будет затягиваться его пребывание в тюрьме, тем более велика окажется вероятность того, что история с «убийством» Рейли на границе будет разоблачена как чекистская мистификация. Некоторые сотрудники ОГПУ, входившие в «Трест», полагали, что Рейли не стоит арестовывать, так как это может поставить под удар всю операцию. Однако решение об аресте Рейли и его казни было принято лично самим Сталиным.

Борис Гудзь вспоминает: «Сталин настаивал на том, что Политбюро решило ни в коем случае его не выпускать, а поскорее расстрелять. Потому что рано или поздно поползут слухи, что он у нас арестован, узнают за границей, пойдут дипломатические ноты,

интриги. Сталин это предвидел и приказал покончить с этим делом раз и навсегда, уничтожить его — и все»^[749].

Хотя решение о расстреле Рейли было принято на самом высоком уровне и не подлежало обсуждению, сотрудники ОГПУ, которым предстояло выполнить этот приказ, подошли к его исполнению неформально. Борис Гудзь, лично знавший всех четырех чекистов, на которых было возложено это задание, полагает следующее: «Как это ни парадоксально, но к нему в каком-то смысле проявили гуманность. Рейли и до этого вывозили на прогулки в Сокольники, и для него это была не последняя прогулка, а очередная. Возможно, он что-то и подозревал, так как в этот день с ним поехало больше сопровождающих, чем обычно. Все было сделано так, что он был расстрелян внезапно»^[750].

Григорий Федулеев^[58], один из чекистов, принимавших участие в казни, дал в своем донесении подробное описание событий, произошедших в тот вечер, 5 ноября 1925 года:

*«Помощнику начальника КРО ОГПУ
тов. Стырне
Рапорт*

Довожу до Вашего сведения, что согласно полученному от Вас распоряжению со двора ОГПУ выехали совместно с № 73 т. Дукис^[59], Сыроежкин^[60], Ибрагим^[61] и я ровно в 8 часов вечера 5/XI-25 г., направились в Богородск (что находится за Сокольниками). Дорогой с № 73 очень оживленно разговаривали... На место приехали в 8½ — 8¾ ч. Как было условлено, чтобы шофер, когда подъехали к месту, продемонстрировал поломку машины, что им и было сделано. Когда машина остановилась, я спросил шофера — что случилось. Он ответил, что-то засорилось и стоим минут 5—10. Тогда я № 73 предложил прогуляться. Вышедши из машины, я шел по правую, а Ибрагим по левую сторону № 73, а т. Сыроежкин шел с правой стороны, шагах в 10 от нас. Отойдя шагов 30—40 от машины, Ибрагим, отстав немного от нас, произвел выстрел в № 73, каковой, глубоко вздохнув, повалился, не издав крика; ввиду того, что пульс еще бился, т. Сыроежкин произвел еще выстрел в грудь. Подождав немного, минут 10—15, когда окончательно перестал биться пульс,

внесли его в машину и поехали прямо в санчасть, где уже ждали т. Кушнер и фотограф. Подъехав к санчасти, мы вчетвером — я, Дукис, Ибрагим и санитар — внесли № 73 в указанное т. Кушнером помещение (санитару сказали, что этого человека задавило трамваем, да и лица не было видно, т. к. голова была в мешке) и положили на прозекторский стол, затем приступили к съемке. Сняли — в шинели.^{751} по пояс, затем голого по пояс так, чтобы были видны раны, и голого во весь рост. После чего положили его в мешок и снесли в морг при санчасти, где положили в гроб и разошлись по домам. Всю операцию кончили в 11 час. вечера 5/XI-25 г.

№ 73 был взят из морга санчасти ОГПУ тов. Дукисом в 8 1/2 вечера 9/XI-25 г. и перевезен в приготовленную яму-могилу во дворе прогулок внутр. тюрьмы ОГПУ, положен был так, как он был, в мешке, так что закапывавшие его 3 красноармейца лица не видели, вся эта операция кончилась в 10–10 1/2 вечера 9/XI-25 г.^{752}

Уполномоченный 4 отдела КРО ОГПУ Федулеев».

Возможно, что Рейли расстреляли где-то здесь

Важным обстоятельством в рапорте Федулеева является то, что тело Рейли было положено в мешок так, чтобы посторонние не видели его лица. Причина, по которой чекисты предприняли эти меры предосторожности, объясняется их опасениями, что если хоть одно слово о захоронении Рейли на Лубянке выйдет наружу, то это опровергнет версию о его мнимой смерти 28 сентября. Тот факт, что Рейли умер, так и не узнав, что его казнили, а не погиб от пуль расстрельной команды, как это могло случиться в 1918 году, скорее

можно рассматривать как акт гуманности или даже уважения к нему со стороны чекистов.

Но какими бы ни были обстоятельства его смерти, они все же не дают ответа на главный вопрос: почему Рейли дал себя заманить в ловушку ОГПУ? Не стало ли причиной гибели Рейли его собственное тщеславие и неспособность правильно оценить ситуацию? Была ли его смерть просто следствием рокового стечения обстоятельств или результатом чьего-то злого умысла?

12 августа 2001 г. газета «Санди таймс» поместила рецензию на новую книгу Эдварда Газура под заголовком «Двойной агент, возможно, послал Короля шпионов на смерть». В этой статье говорится следующее: «По утверждению Газура, Александр Орлов в свое время сообщил ему, что Эрнст Бойс, офицер МИБ и товарищ Рейли, сыграл решающую роль в заманивании Рейли в ловушку. «Бойс уже давно был завербован русскими, и его главным интересом были деньги», — говорит Газур».

Историк разведки Найджел Вест, мнение которого также приводится в публикации «Санди таймс», утверждает: «Причина, по которой эта информация появилась только сейчас, состоит в том, что с Орловым никогда не беседовали представители английской разведки, единственный человек, с которым он делился воспоминаниями, был Эдвард Газур». Тем более удивительным в этой связи представляется следующий пассаж из книги Газура:

Если это так, то на каком основании Газур предъявляет Бойсу обвинение в сотрудничестве с советской разведкой? Читаем дальше:

«Имея в своем распоряжении дополнительные факты, сообщенные мне Орловым, а также документы из других источников, я наконец смог расшифровать имя этого человека. Поскольку Орлов никогда напрямую не называл его имя, я считал благоразумным не задавать ему прямых вопросов; однако по дальнейшем размышлении я пришел к выводу, что СИС знала, кем был: этот человек. Поскольку эта информация имела теперь только историческое значение, то у меня уже не оставалось никаких серьезных причин хранить это имя в тайне от общественности»^{754}.

Однако в подтверждение своих слов Газур не приводит никаких «дополнительных» фактов или документов. При отсутствии неопровержимых доказательств обвинения против Бойса остаются не более чем предположениями.

Помимо мнения, что Рейли погиб в результате предательства, существуют еще версии о том, что он остался в живых. Во всяком случае, Пепита отказывалась верить в смерть своего мужа, полагая, что его содержат в тюрьме^{755}. Маргарет также не хотела признать его гибель^{756}. Отказываясь верить в смерть Рейли, женщины, в душах которых, вероятно, еще теплилась надежда на то, что их муж жив, несомненно, выдавали желаемое за действительное. Однако целый ряд лиц уже по другим соображениям также отказываются поверить в смерть Рейли. Робин Брюс Локкарт^{757}, Эдвард ван дер Роер^{758} и Ричард Спенс^{759} в разное время высказывали предположение, что Рейли на самом деле бежал из СССР в 1925 году, а его смерть была инсценирована для того, чтобы замести следы его побега. Локкарт даже написал целую книгу в защиту этого тезиса, практически ничего не сказав о самом Рейли^{760}.

Версия о том, что Рейли удалось бежать из СССР, фактически основывается лишь на одном предположении — что он не погиб от рук чекистов 5 ноября 1925 года. В уже процитированном выше донесении Федулеева говорится о том, что тело Рейли был сфотографировано в помещении морга ОПТУ. В нашей книге опубликована одна из фотографий, сделанных в тот вечер. Робин Брюс Локкарт объявил, что на этой фотографии изображен «не Рейли, а кто-то другой» и что «вся

эта история говорит о том, что его смерть была симитирована»^{761}. Спустя некоторое время он заявил автору, что чекистская фотография не что иное, как фальшивка, поскольку изображенный на ней человек выглядит «если не китайцем, то по крайней мере азиатом»^{762}.

Но именно эта характеристика в точности соответствует описанию, которое Камминг дал Рейли в своей телеграмме в британскую миссию в Вологде 29 марта 1918 года^{763}: «Имеет японско-еврейскую внешность». Другие официальные описания его внешности также подчеркивали «восточные черты» его лица^{764}. Поскольку Локкарт объявил фотографию человека в морге фальшивкой, она была передана на криминалистическую экспертизу сотруднику Британского института профессиональной фотографии и руководителю отдела фотоэкспертизы Главного полицейского управления Эссекса Кеннету Линджу. Опытнейший эксперт-криминалист, имеющий за плечами 200 выездов на места преступлений, Линдж часто выступает со своими экспертными заключениями в суде, а также занимается установлением личности по фотографиям.

По просьбе автора книги Линдж исследовал фотографию тела Рейли, сделанную в ОГПУ, сравнив ее с другими фотографическими изображениями его лица за пятнадцатилетний период. В результате своего исследования Линдж пришел к следующему заключению: «Вероятность совпадения черт внешности у разных людей столь мала, что практически равна нулю. Исходя из этого я считаю, что внешность человека, изображенного на фотографии (умершего), совпадает с внешностью человека, изображенного на других фотографиях»^{765}. Таким образом, предположение, что человек, лежащий в морге ОГПУ, не Рейли, а кто-то другой, опровергнуто результатами криминалистической экспертизы.

Обстоятельства смерти Рейли, равно как и его рождения, на протяжении многих десятилетий оставались тайной. Возможно, он не был «величайшим шпионом в истории»^{766}, каким его считает Робин Брюс Локкарт, а может быть, и вообще шпионом в принятом смысле этого слова. Не вызывает сомнений, однако, что он был одним из величайших аферистов своего времени. Тот факт, что миф о «супершпионе» пережил его более чем на восемьдесят лет, является лучшим тому доказательством. Девиз мошенника: «Честного человека

нельзя не обмануть», — сыграл злую шутку над ним самим. Удачливый аферист, всю свою жизнь без зазрения совести обманывавший других людей, Рейли сам совершил фатальную ошибку, легковерно клюнув на приманку, подброшенную ему чекистами. Ценою этой ошибки стала его собственная жизнь.

Кэрилл Хауслендер

С. Дж. Р., убитому в России [{767}](#).

Тебя, о Господи, молю,
Тебя, которого люблю.
В полете ветра, в беге вод —
Во всем я вижу Твой оплот.
Но есть превыше высота —
Та, где с тобою скорбь креста.
И ты, Господь, в Своей любви
Вновь воскресенье мне яви.
Молю, воскресни! Вот опять
Уже идут Тебя предать,
Опять отвержен Ты толпой,
Опять глумятся над Тобой.
И я склоняюсь перед ней —
Голгофой новою твоей.
В ней для того, кого уж нет,
Мне видится бессмертья свет [\[62\]](#).

Приложения. Мифы о Рейли

За многие годы жизнь Сиднея Рейли обросла большим количеством мифов и небылиц. Некоторые легенды были выдуманы самим Рейли и слепо повторялись на протяжении десятилетий его друзьями, сослуживцами, журналистами и писателями. Другие же, появившиеся уже после его смерти, либо были созданы людьми, которым очень хотелось верить в истинность своих слов, либо явились следствием не очень добросовестного изучения обстоятельств его жизни и смерти.

О том, кем Рейли не был и чего он не делал, можно было бы написать целое исследование, куда более объемное, чем эта книга. В семи приложениях, помещенных в конце книги, мы попытаемся проследить, каким образом на протяжении последнего столетия возникли эти мифы.

Приложение 1. «Овод»

Публикация романа, в основу которого были положены факты его биографии и который получил высокую оценку критиков, не вызвала у него никакого раздражения.

Робин Брюс Локкарт. «Король шпионов»^{768}

Вышедшая в 1897 году книга Этель Лилиан Войнич «Овод» имела большой успех в Великобритании и США, где она была впервые опубликована, — издатели побоялись выпустить эту книгу на родине автора из-за боязни, что она, как они полагали, может воспламенить революционные страсти. Обозреватель газеты «Дейли грэфик» писал: «Нечасто можно встретить произведение, столь значительное и оригинальное, как «Овод», а «Дейли кроникл» охарактеризовало его как «несомненно, сильное и самобытное произведение»^{769}. Однако куда большим успехом роман Войнич пользовался именно в России. Антиклерикальный и революционный по содержанию, «Овод» находил отклик в умах людей, оппозиционно настроенных по отношению к царскому режиму, а позднее поддержавших большевистскую революцию.

Роман был одновременно переведен на тридцать языков. Пьеса по этой книге, впервые поставленная в Москве в 1920 году и не сходившая со сцены в течение десятилетий, сопоставима по успеху разве что с «Мышеловкой» Агаты Кристи. В СССР по этой книге было сделано два полнометражных фильма: первый — черно-белый, в 1928 году, и второй — цветной, в 1955 году, удостоенный приза Каннского кинофестиваля. По книге «Овод» также были поставлены три оперы. К моменту смерти Этель Войнич в 1960 году в возрасте девяноста шести лет в одном только Советском Союзе общий тираж ее книги составил пять миллионов экземпляров и один миллион в Китае и Восточной Европе.

Действие романа «Овод» разворачивается в Италии в первой половине XIX века, в нем повествуется о жизни Артура Бертон, который, не подозревая об этом, является незаконным сыном

итальянского священника Монтанелли и англичанки Глэдис Бертон. История рождения Артура Бертон поразительно напоминает легенду о «Георгии», которую Сидней Рейли рассказывал Джорджу Хиллу и другим в двадцатые годы. До смерти своей матери Артур так же, как и Георгий, находится под духовной опекой своего настоящего отца, ректора духовной семинарии в Пизе. Этот мягкий по натуре и набожный молодой человек даже собирается стать священником, пока не становится членом тайной организации «Свободная Италия», поставившей целью освободить Италию от австрийского господства. В истории, рассказанной Рейли, Георгий учится в университете, находясь под опекой доктора Розенблюма, и так же становится членом радикального политического кружка «Лига просвещения».

После того как Монтанелли рукополагают в епископы и он уезжает в Рим, Артур признается на исповеди о своей связи с обществом «Молодая Италия» преемнику Монтанелли, падре Карди, который немедленно доносит об этом властям. Артура арестовывают и сажают в тюрьму, а после освобождения он узнает, что его настоящим отцом является Монтанелли. Потрясенный этим известием, он имитирует самоубийство, бросив шляпу в воду, и пробирается на судно, идущее в Буэнос-Айрес. Как, возможно, помнит читатель, Георгий, также не в силах перенести позора, «кончает самоубийством» и отплывает на пароходе в Южную Америку.

Оказавшись в Центральной Америке, Артур бесцельно слоняется по улицам, а его сердце переполняет ненависть к окружающим. Страдая от унижения и едва не погибнув в драке с пьяным матросом, в результате которой становится калекой, он после долгих мытарств нанимается горбуном в бродячий цирк, выставляя свои увечья на посмешище зрителей. Прожив в Южной Америке тринадцать лет, он возвращается домой, чтобы не только бороться за освобождение своей родной Италии, но и избавиться от всех священников и лично отомстить Монтанелли. Под именем Фелис Риварес он принимает участие в вооруженной борьбе.

В конце концов Артура арестовывают и сажают в крепость, где он вступает в свой последний спор с Монтанелли, который к этому времени уже стал кардиналом. Артур признается Монтанелли, кто он есть на самом деле, и ставит кардинала перед дилеммой: выбрать его или Бога. Монтанелли, как и должно быть, выбирает последнее, и

Артура приговаривают к расстрелу^{770}. От всех этих событий, однако, кардинал помрачается рассудком: во время торжественной процессии он в неистовстве швыряет на землю чашу со святыми дарами, таким образом отождествляя себя с богом-отцом, пожертвовавшим своим единственным сыном ради спасения человечества.

С момента выхода в свет в 1967 году книги Локкарта «Король шпионов» целый ряд авторов и журналистов безоговорочно приняли его версию «Овода» и приводили ее как неоспоримый факт^{771}. Первым, кто усомнился в этом, был Тибор Самюэли, который в своей статье в журнале «Спектейтор»^{772}, появившейся через несколько месяцев после публикации «Короля шпионов», писал: «Можно ли себе представить большую нелепость, нежели то, что прототипом одного из самых почитаемых в советской России литературных героев [Артура Бертона] был один из самых злейших ее врагов?»

Самюэли, впрочем, был не единственным, кто не смог удержаться от иронии. Русская служба Би-би-си также посвятила одну из своих передач роману «Овод»^{773}. Авторы этой программы не только выдали «сенсацию» о том, что прототипом главного героя романа «Овод» был не кто иной, как участник антисоветских заговоров Сидней Рейли, они пошли еще дальше. Напомнив своим слушателям, что Овод был героем, вдохновившим на подвиги Павку Корчагина, главного героя классического советского произведения о гражданской войне «Как закалялась сталь», Би-би-си не отказала себе в удовольствии позубоскалить над тем, что молодой борец за Советскую Республику был на самом деле злейшим врагом советской власти.

Десмонд Макхейл, выпустивший в 1985 году биографию отца Войнич Джорджа Буля^{774}, также не усомнился в версии Локкарта, хотя и признал, что Войнич никогда не упоминала о том, что Рейли имел какое-то отношение к этой книге или ее главному персонажу^{775}.

Тибор Самюэли вообще подвергает сомнению вопрос о том, был ли у Артура Бертона какой-то прототип, так как сама Войнич намеренно не раскрывала его. Он вспоминает эпизод, когда в 1955 году, впервые с момента начала «холодной войны», делегация советских журналистов приехала в Нью-Йорк.

Однажды утром советский дипломат ворвался в номер отеля, в котором остановился Борис Полевой. Задыхаясь от волнения, он поведал ему, что этим утром он видел Этель Войнич, которую русские

считали давно умершей. Журналисты немедленно схватили такси и подъехали к ее дому на 24-й Вест-стрит, 450. Появившись внезапно на пороге ее Дома, они попросили Войнич дать интервью и рассказать им, кто был человек, вдохновивший ее на создание образа Артура Бертона.

По словам Самюэли, ее ответ был якобы следующим:

«Нет, боюсь, я не помню... это было так давно».

Кто сообщил Самюэли ответ Войнич, из его статьи неясно, так как эта цитата никогда не появлялась в советской прессе. Известно, однако, что Борис Полевой и Евгения Таратута достаточно длительное время переписывались с Этель после 1955 года. Переписка Таратуты и ее интервью с ней явились большим вкладом в биографию Этель Войнич^{776}, единственную, вышедшую к этому времени. В ответ на передачу Би-би-си Полевой и Таратута напечатали в 1968 году в газете «Известия» выдержки из своей переписки с Этель Войнич по вопросу о прототипе главного героя ее романа^{777}. Так, в своем письме к Таратуте от 25 апреля 1956 года Войнич пишет о замысле своей книги:

«Довольно долгое время в течение всей моей юности я мечтала о воображаемом человеке, который добровольно принес себя в жертву чему-либо. Может быть, отчасти это было вызвано очень сильным влиянием на меня жизни и деятельности Мадзини^{778}. Осенью 1885 года я в первый раз очутилась в Париже и провела там несколько месяцев. В Квадратном салоне Лувра я увидела знаменитый портрет итальянского юноши, известный под названием «Человек в черном», который приписывают кисти Франчия, Фрачабиджо, Рафаэля и т. п., и история «Овода» как-то выкристаллизовалась во мне».

В этом же письме она опять возвращается к вопросу о героях книги:

«Джемма — единственный характер в романе, взятый из жизни. В ней можно узнать более или менее близкий портрет моей подруги Шарлотты Вильсон, которую я и называла Джеммой, когда писала книгу».

Год спустя, 14 января 1957 года, Войнич написала письмо Борису Полевому, который до этого просил ее раскрыть прототип Артура Бертона: «Вы спрашиваете у меня, существовал ли в жизни реальный прототип Артура... Разумеется, образы в романе не всегда имеют прототипами реально существующих людей». Далее она продолжала:

«Происхождение образа Артура связано с моим давним интересом к Мадзини и с портретом неизвестного юноши в черном, находящимся в Лувре».

Полевой и Таратута были не единственными, кто бросил вызов Локкарту. Актер Хью Миллар, давний сосед и близкий друг Этель Войнич по Нью-Йорку, написал письмо Робину Брюсу Локкарту вскоре после выхода в ноябре 1967 года его «Короля шпионов» с просьбой еще раз проверить истинность своих утверждений. Ответ Локкарта, датированный 8 декабря 1967 г.^{779} и до настоящего времени не публиковавшийся, более чем красноречив.

На просьбу Миллара сообщить ему, откуда ему известно, что Этель Войнич была любовницей Рейли и что Рейли вдохновил ее на создание образа Артура, Локкарт ответил:

«Автором утверждения о том, что между Рейли и нею «что-то было», является сам Рейли. Сама Войнич еще до войны заверила в этом одного автора, намеревавшегося писать книгу о Рейли, но бросившего эту затею из-за нехватки материалов».

Процитированное выше письмо лишний раз подтверждает, что Рейли не может служить надежным источником информации. Что же касается «одного автора», упомянутого Локкартом в своем письме, то им был не кто иной, как сослуживец Рейли по СИС Джордж Хилл. Из личных бумаг Хилла, которые Локкарт передал на хранение в Гуверовский институт, видно, что в 1935 году Хилл собирал материал для своей книги о Рейли.^{780} Что же касается слов Локкарта о том, что Хилл якобы непосредственно связывался с Войнич, чтобы узнать ее мнение относительно утверждений Рейли, то этот факт вызывает большие сомнения. В личных бумагах Хилла нам не удалось обнаружить никаких следов его переписки с Войнич. С 1920 года и до своей смерти в 1960 году Войнич жила в Нью-Йорке, и теоретически Хилл мог съездить в Нью-Йорк, чтобы взять у нее интервью. Однако архивы американского иммиграционного ведомства не подтверждают, что Хилл до войны въезжал на территорию США.^{781}

Примечательно, что в качестве дополнительного довода для обоснования своего тезиса Локкарт в своем письме Хью Миллару ссылается на следующий факт: «Есть еще один момент, который я ненамеренно пропустил в своей книге: в юности Рейли был заикой, эта же особенность была и у Овода».

Из бесчисленного количества людей, которые были знакомы с Рейли в течение продолжительного времени или оставили о нем воспоминания, никто не упоминает о том, что он страдал заиканием. Единственная особенность его речи, отмеченная некоторыми из его современников, это акцент, но уж никак не заикание^{782}. Не исключено, однако, что Рейли в свое время мог сказать Хиллу о том, что в детстве был заикой, чтобы еще больше подчеркнуть свое сходство с Артуром Бертоном и таким образом дать понять, что именно он вдохновил Войнич на создание этого образа.

Но, как бы мы ни относились к утверждениям самой Этель Войнич и теоретизированиям Локкарта, факты — упрямая вещь. Этель Войнич задумала написать своего «Овода» в 1885–1886 году, а в 1889 году она приступила к работе над ним. Каким образом Розенблюм, которому было в то время 11–12 лет, мог повлиять на замысел романа? В 1895 году, когда он приехал в Англию, роман был уже фактически завершен. Из всего этого можно сделать лишь один вывод: не Сидней Рейли был прообразом Артура Бертона, а Артур Бертон оказался «прототипом» Сиднея Рейли. Стал бы Рейли примерять на себя образ Артура, если бы знал, что ему уготована та же судьба, что и Оводу?

Таким образом, можно утверждать, что именно сюжет романа «Овод» и был той основой, на которой Рейли построил свою легенду. Однако это никак не объясняет происхождение еще одного мифа Рейли о годах, проведенных им якобы в Южной Америке. За объяснением, однако, далеко ходить не надо, достаточно снять с полки еще один, менее известный роман Войнич, написанный ею в 1910 году и озаглавленный «Прерванная дружба». Эта книга, написанная ею с целью воскресить успех «Овода», повествует о скитаниях Артура Бертона, взявшего себе вымышленное имя Фелис Риварес, в Южной Америке.

Сюжет книги заключается в следующем. В Эквадоре экспедиция, возглавляемая полковником Дюпре, остается без толмача и вынуждена искать ему замену. Это оказывается нелегким делом, так как уважающие себя переводчики опасаются присоединиться к этой экспедиции. Свои услуги предлагают многие проводники, но экспедиция вынуждена отказать им из-за того, что те не владеют иностранными языками. Когда появляется Риварес, то его сначала принимают за бродягу^{783}. Вскоре, однако, обнаруживается, что за

этим грязным оборванцем скрывается настоящий джентльмен, говорящий на нескольких языках. Полковник Дюпре решает взять его с собой, и они отправляются в путь.

Во время перехода реки один из участников экспедиции, Рене, падает в воду, все его снаряжение намокает, и, в тот момент, когда на него набрасывается ягуар, его ружье дает осечку. Ягуар уже готов вонзить свои когти в руку несчастного, когда меткий выстрел Ривареса убивает зверя наповал и тем самым спасает жизнь Рене. В какой-то момент экспедиции грозит нападение племени дикарей — Риварес отправляется к ним на переговоры и убеждает их оставить экспедицию в покое. Когда он живым и невредимым возвращается обратно, полковник Дюпре предлагает Риваресу остаться в экспедиции в знак благодарности за мужество, проявленное им при спасении своих товарищей. Он добавляет, что сделает все, чтобы прославить его имя, когда вернется во Францию. Через три года экспедиция возвращается в Европу.

История с Риваресом — не что иное, как миф о Фозергилле. С точки зрения хронологии не исключено, что Розенблум мог вдохновить Войнич на написание этого романа, однако это представляется маловероятным. Все указывает на то, что именно Рейли позаимствовал у Войнич этот сюжет, а не наоборот.

Приложение 2. Настоящий Рейли: случай «ошибочного опознания»

В июле 1905 года Рейли окончил Королевский горный институт с отличными оценками... Он тут же поступил в Тринити-колледж в Кембридже на факультет гражданского строительства.

Майкл Кеттл. «Сидней Рейли — подлинная история» [{784}](#)

Аргументы, которые Кеттл приводит в поддержку своей теории, на первый взгляд кажутся неопровержимыми. Так, по словам Кеттла, 15 сентября 1904 года Рейли под именем Станислава Джорджа Рейли успешно поступил на электротехнический факультет Королевского горного института, располагавшегося в лондонском районе Кенсингтон на Экзибишн-роуд. В своем заявлении он сослался на свой опыт строительства Дорог, железных дорог и водных путей в Индии. К бланку своего заявления Рейли также приложил свидетельство об окончании Рурки-колледжа в Индии, а также указал дату своего рождения — 24 апреля 1877 г. [{785}](#)

Далее в своей книге Кеттл пишет о том, что он попытался проверить эти утверждения, обратившись к находящимся в Лондоне архивам английской администрации в Индии. Изучив эти документы, он сделал вывод, что заявление Рейли о том, что он обучался в Рурки на инженера-электрика, ничем не подтверждается. [{786}](#) По его мнению, все это — не что иное, как искусная легенда, которой Рейли «придерживался всю жизнь» для прикрытия своей шпионской деятельности. [{787}](#) Однако Кеттл не приводит никаких доказательств, свидетельствующих о том, что Сидней Рейли когда-либо брал себе имя Станислав Рейли или использовал его биографию, вымышленную или подлинную, с целью сокрытия своей подлинной личности. Примечательно также, что никто из друзей, знакомых или сослуживцев Рейли не слышал и не упоминал в своих воспоминаниях «индийскую историю».

Студенческие формуляры Станислава Рейли за 1905 г. свидетельствуют о том, что после сдачи выпускных экзаменов он

получил квалификацию инженера-электрика, после чего в октябре 1905 года поступил в Тринити-колледж в Кембридже на факультет гражданского строительства. На основании этих фактов Кеттл строит предположение, что с 1907 по 1908 год Рейли с Маргарет жили в Кембридже в доме на Джизус-лейн.

В своем заявлении о поступлении в колледж Станислав Рейли указал, что он окончил ряд «учебных заведений в Индии». Посчитав этот документ вполне убедительным, Кеттл, однако, для пущей солидности обратился к сотруднику Британской академии криминалистических наук Джону Конвею с просьбой провести его графологическую экспертизу. Сравнив почерк заявлений Рейли за 1904 и 1905 годы с письмом Сиднея Рейли своей жене Пепите от 25 сентября 1925 года, Конвей пришел к выводу, что все три образца написаны рукой одного человека.^{788}. Кроме того, Кеттл раскопал заявление Станислава Рейли о принятии его на работу в Институт гражданского строительства, датированное маем 1925 года. В архивах этого же института он нашел и подтверждение того, что Станислав Рейли числился там аж до 1948 года, т. е. до того времени, когда СИС, по предположению Кеттла, уже давно должен был вычеркнуть его имя из своих списков.

Собранные Кеттлом свидетельства, казалось, неопровержимо доказывали его гипотезу о том, что Рейли сочинил себе вымышленную биографию Станислава Рейли для сокрытия своего подлинного прошлого и поступления в Королевский горный институт и Тринити-колледж в Кембридже. Однако более внимательное изучение доказательств, представленных Кеттлом, обнаруживает целый ряд существенных изъянов в его теории.

На поиски перечисленных выше документов Кеттла, очевидно, подтолкнула книга «Король шпионов» Локкарта, в которой приводилось утверждение Рейли о том, что он окончил Королевский горный институт в Лондоне.^{789}. Обратившись в архив Лондонского университета, он неожиданно для себя обнаружил личное заявление Станислава Джорджа Рейли от 5 сентября 1904 года с просьбой разрешить ему держать экзамены на поступление в учебное заведение. Нельзя не отметить, что совпадение было поразительное. То, что это заявление было написано человеком примерно того же возраста, что и Сидней Рейли, а его имя и фамилия практически полностью совпадали

с именем и фамилией Рейли и первое имя — Станислав — было явно польского происхождения, казалось, неопровержимо доказывало тот факт, что Рейли не лгал, когда говорил, что окончил Королевский горный институт.

Однако Рейли всегда утверждал, что он учился на химика, а не на инженера-электрика. Более того, документ, обнаруженный Кеттлом, является заявлением о поступлении не в Королевский горный институт, а в смежный городской центральный технический колледж, который в 1907 году вместе с Королевским горным институтом был присоединен к Империял-колледж^{790}. В Тринити-колледж С. Дж. Рейли действительно поступил в октябре 1905 года и снимал комнату по Джизус-лейн, 8, в Кембридже. Однако проживать там со «своей женой Маргарет» он никак не мог, так как согласно документам Кембриджского муниципального архива по этому адресу находилось студенческое общежитие с одноместными номерами. Владелицей этого дома в то время, когда в нем жил С. Дж. Рейли, была миссис Л. Флэттерс^{791}.

Протоколы студенческих собраний колледжа также говорят о том, что С. Дж. Рейли принимал активное участие в различных внеучебных мероприятиях и даже стал членом лодочного клуба Тринити-колледж 14 октября 1905 г.^{792}. Что же касается заключения о том, что почерк автора заявления совпадает с почерком Сиднея Рейли, то даже среди экспертов-графологов подобные утверждения не являются истиной в последней инстанции. Необходимо отметить и то, что автор этого заключения, Джон Конвей, никогда не был экспертом-графологом, а больше специализировался на определении подлинности тех или иных документов.

Хотя Кеттл раскопал мельчайшие детали, связанные с рождением Рейли, он почему-то полностью проигнорировал документы, касающиеся его смерти. Если бы он сделал это, то наверняка бы обнаружил, что Станислав Джордж Рейли умер 13 июня 1952 года в больнице Хортон в Эпсоме, графство Суррей, в возрасте семидесяти пяти лет^{793}.

Свидетельство о смерти является ключевым документом для установления личности Рейли, поскольку именно в нем содержится достоверная информация о том, кто из ближайших родственников Станислава Рейли унаследовал его состояние. Ими оказались его дочь

Элин и племянник Ноэль. Именно они и поведали историю семьи Рейли и в особенности этапы жизни и карьеры Станислава^{794}. Эти факты позже нашли свое подтверждение в британских и индийских документах^{795}. В частности, индийские архивные документы подтверждают тот факт, что Станислав Рейли до 1903 года прожил в Индии, работая прорабом и помощником главного инженера в Кхандаве и Дармпуре. Поскольку с 1904 по 1907 годы он проходил обучение в Лондоне и Кембридже, то вполне естественно, что его имя отсутствует в списках англичан, проживавших в Индии. По возвращении в Индию он в 1909 году в Агре женится на Эдит Энн, матери Элин. Элин родилась два года спустя в Дехрадуне вскоре после того, как Рейли стал главным инженером и управляющим узкоколейной железной дороги в Дехриротасе^{796}. 11 июня 1918 г. Станислав Рейли был произведен во вторые лейтенанты запаса индийской армии (пехота) и прикомандирован к корпусу королевских инженеров, а год спустя был произведен в лейтенанты и вышел в отставку в 1920 году. Незадолго до начала Первой мировой войны Рейли со своей семьей возвратился в Англию, где вскоре нашел работу по специальности. Эдит умерла в 1945 году^{797}, здоровье Станислава также пошатнулось после войны. Вполне естественно, что Рейли уволился из Королевского горного института по состоянию здоровья, а не в результате хитроумных игр английской разведки. Приведенные нами факты ясно свидетельствуют о том, что Станислав Джордж Рейли был реально существовавшим человеком, не имевшим никакого отношения к Сиднею Джорджу Рейли, а вовсе не легендой, выдуманной Сиднеем Рейли или сотрудниками Сикрет интеллидженс сервис.

Приложение 3. Фабричный пожарный

Кайзер был занят строительством гигантской военной машины... но британская разведка не располагала никакой информацией о том, какое оружие разрабатывается на германских военных заводах. Чтобы выяснить это, туда был послан Сидней Рейли.

Джей Роберт Нэш. «Шпионы» {798}

История о том, как Рейли проник на завод Круппа в Эссене и выкрал оттуда чертежи самого секретного германского оружия — классический пример мифа, повествующего нам о подвигах отважного и находчивого «супершпиона», находящего правильное решение даже в самой запутанной и безвыходной ситуации. После Первой мировой войны эта история, вне всякого сомнения, была принята за чистую монету друзьями и сослуживцами Рейли.

В своей книге «Король шпионов», впервые вышедшей в 1967 году, Робин Брюс Локкарт датирует этот эпизод 1904 годом. Однако двадцать лет спустя в своей книге «Рейли: первый настоящий герой» дата этого эпизода уже изменена на 1909 год {799}. Несмотря на то что историю о проникновении Рейли на секретный завод приводят разные авторы, такие, как Локкарт, Нэш и ван дер Роер {800}, в ней мы не обнаруживаем видимых разночтений.

Эта захватывающая дух история начинается с того, как Рейли прибывает в немецкий город Эссен под видом судостроительного рабочего, прибалтийского немца Карла Хана {801}. Для того чтобы его легенда выглядела как можно более убедительной, Рейли за несколько месяцев до своей поездки в Германию устраивается на машиностроительный завод в Шеффилде с целью освоить профессию сварщика.

По прибытии на завод в Эссене Рейли немедленно получает работу сварщика, а также становится членом пожарной команды, что дает ему возможность свободно передвигаться по заводу в ночное время, не навлекая при этом на себя подозрений. Хитроумному Рейли удается убедить старшего бригадира пожарной команды в том, что ему

необходимо получить доступ к заводским чертежам для того, чтобы определить расположение огнетушителей. С этого момента Рейли приступает к разработке плана кражи чертежей, которые хранятся в конторе прораба и к которым пожарные в случае необходимости могут получить доступ.

Глухой ночью с помощью отмычек Рейли проникает в помещение конторы, в которой хранятся секретные чертежи, но его планы нарушает невесть откуда появившийся прораб. Рейли набрасывается на прораба, душит его, а затем выкрадывает чертежи из шкафа. Во время побега Рейли преграждает путь фабричный сторож, однако Рейли оглушает его мощным ударом, связывает веревкой и после этого беспрепятственно выносит чертежи с территории завода.

В Эссене Рейли садится в поезд до Дортмунда, где у него находится надежная квартира, переодевается в дорогой костюм от фирмы «Сэвил Роу», рвет чертежи на четыре куса и каждый по отдельности отправляет по почте. В случае потери одного из них по трем оставшимся фрагментам можно восстановить основную идею чертежа.

То, что эта захватывающая дух история является не более чем вымыслом, подтверждается документами гигантского архива завода «Крупп» в Эссене. Одна только опись этого архива насчитывает более 100 страниц, а его сохранившиеся в целости и сохранности до сегодняшнего времени документы содержат подробную информацию о заводе, в том числе и списки пожарных команд. После крупного пожара, случившегося на заводе в 1865 году, Альфред Крупп решил организовать у себя пожарные команды общей численностью тридцать шесть человек^{802}. Из документов компании «Крупп» видно, что его пожарные команды состояли из профессионалов, а не из добровольных пожарных, как это было принято в то время в Англии^{803}. Таким образом, история, в которой Рейли под видом немца Хана приходит по объявлению на завод и вступает там в пожарную команду, не соответствует реалиям того времени^{804}.

Члены пожарной команды жили либо на самой территории предприятия, либо в близлежащих фабричных домах, которые им предоставлял Крупп, К 1900 году ввиду нехватки жилья Круппу пришлось отказаться от этой идеи, однако уже на следующий год им был предпринят ряд мер по обеспечению жильем всех членов

пожарной команды завода. В 1902 году Круппом были приобретены 214 квартир на Альтендорферштрассе, Бунзенштрассе и Харкортштрассе^{805}. Однако в списках жильцов этих квартир мы не находим ни одного человека по имени Карл Хан, а списки пожарных команд за период с 1873 по 1915 годы не сохранились^{806}.

Любопытно, что пожарные бригады помимо своих основных функций выполняли также обязанности сторожевых команд^{807}. Однако в документах и переписке, относящихся к сторожевым командам, за период с 1878 по 1915 годы мы также не находим ни единого упоминания о Карле Хане. Но если Карл Хан и не был пожарным, то, может быть, он был сварщиком? В картотеке работников завода мы нашли нескольких людей с таким именем, работавших на заводе с начала 1900 года до начала Первой мировой войны:

Карл Хан, род. 16 июня 1889 г. в Билефельде, токарь (годы работы 1903–1945).

Карл Хан, род. 10 ноября 1875 г. в Бейрене, каменщик (годы работы 1912–1936).

Карл Хан, род. 12 декабря 1887 г. в Демерате, машинист (годы работы 1912–1927).

Карл Хан, род. 20 июня 1878 г. в Шенберге, чернорабочий (годы работы 1906–1926).

Из всех четырех только один работал на заводе в период, описываемый Локкартом. Более того, все четверо рабочих числились на заводе до 1925 года, т. е. до момента смерти Рейли, и, следовательно, не могли исчезнуть с чертежами завода в глухую ночь 1904 года. По иронии судьбы, в архиве завода «Крупп» содержится один-единственный документ с упоминанием имени Сиднея Рейли. Это вырезка из американской газеты «Чаттануга тайме» от 1 августа 1981 года с рецензией на книгу Эдварда ван дер Роера «Супершпион»^{808}.

Приложение 4. Рейли и чертежи германского флота

Запершись на ключ в своей квартире на Почтамтской, Рейли, используя два стекла, горячий утюг и промокательную бумагу, часами занимался фотокопированием чертежей. В течение трех лет, вплоть до начала Первой мировой войны, Британское адмиралтейство регулярно получало информацию о самых последних разработках и модификациях в германском флоте: водоизмещении, быстроходности, вооружении, а также о технических характеристиках военных кораблей вплоть до камбузного оснащения.

Робин Брюс Локкарт. «Король шпионов»^{809}

Легенда о том, как Рейли в 1911 году, будучи агентом фирмы «Мендрохович и Шуберский» (!), зарабатывал состояние на морских контрактах, одновременно занимаясь кражей чертежей германского военно-морского флота, является чистейшей воды фантазией^{810}. Если верить этой легенде, Рейли, будучи агентом фирмы «Блом унд Фосс», использовал свое положение для того, чтобы от имени Морского министерства добывать последнюю техническую документацию германских военных кораблей. Перед тем как вернуть чертежи в министерство, Рейли фотографировал их, а копии отсылал в Британское адмиралтейство в Лондон.

Как мы уже знаем, несмотря на свои многочисленные утверждения, Рейли был мало связан с Мендроховичем и Лубенским, не говоря уже о том, что он вообще не имел никакого отношения к их посреднической работе на компанию «Блом унд Фосс». Мы также знаем, что до 1918 года он не работал ни на СИС, ни на английскую военно-морскую разведку. Неудивительно, поэтому, что в дневнике Мэнсфилда Камминга нет ни единого упоминания имени Рейли, поскольку до марта 1918 года они даже ничего не слышали друг о друге. Из дневника Си, однако, мы можем узнать, каким образом СИС получала германские военные чертежи как раз в то время, когда Рейли якобы раздобывал их в Петербурге.

Гектор Байуотер, британский журналист и военно-морской эксперт, проживавший в Германии, был завербован английской разведкой в 1910 году^{811}. В течение последующих трех с половиной лет он добывал информацию с германских верфей и из берлинского Министерства военно-морского флота^{812}. Работая с небольшой группой других агентов, Байуотеру удавалось доставать фотографии, кальки и другую техническую документацию практически на каждое судно. Если бы Рейли действительно работал в это время на английскую разведку и добывал немецкие чертежи, как это утверждает Локкарт, то англичане вряд ли бы пользовались услугами Байуотера и его товарищей, к тому же подвергавших свою жизнь смертельному риску.

Скорее всего этот миф был придуман Рейли, с тем чтобы дезавуировать слухи о своих близких довоенных связях с немцами — факт, который особенно после окончания Первой мировой войны, несомненно, поставил бы пятно на и без того подмоченной репутации Рейли.

Приложение 5. Как Рейли спасал русского царя

В конце 1917 — начале 1918 года Чарльз Крейн, польско-русский банкир и близкий друг Романовых Кароль Ярошинский и Сидней Рейли, бывший русский двойной агент, работавший на англичан, разрабатывали планы спасения России и царской семьи от большевиков.

Шей Макнил. «Заговор по спасению царя»^{813}

Предположение, что успешный и дерзкий план по спасению Николая II действительно имел место и держался в глубокой тайне в течение более восьмидесяти лет, поражает даже самое смелое воображение. Была ли подобная попытка действительно предпринята или нет, мы утверждать не беремся, поскольку это не является темой нашей книги, несмотря на заявление Шей Макнил о том, что Сидней Рейли находился в самом центре заговора. Так, по словам Макнил, Рейли был командирован в Россию в начале 1918 года с секретным заданием по спасению царя и его семьи^{814}. Эта миссия была настолько секретна, что любое упоминание о ней в официальной переписке было строжайше запрещено. В подтверждение своих слов Макнил даже привела выдержку из телеграммы начальника английской военной разведки в Лондоне генерала Макдоноу генералу Пулю в Мурманске от 28 мая 1918 года:

«На двух нижеупомянутых офицеров возложено выполнение секретного задания, их имена не должны упоминаться в официальной переписке или сообщаться другим офицерам, за исключением особых случаев. Это лейтенанты Митчелсон и Рейли»^{815}.

Однако тот, кто привел эту телеграмму в качестве доказательства гипотезы об участии англичан в заговоре по спасению Николая II и его семьи, явно неверно истолковал ее содержание. Для того чтобы читатель понял смысл этого документа и исторический контекст, в котором он был написан, мы приведем его полностью:

«Нижеследующая информация для вашего сведения и для передачи адмиралу. Касательно организации военной разведки на следующее была получена условная резолюция. На подполковника Торнхилла возложена обязанность руководства всеми офицерами разведки, находящимися в России, за исключением тех, которые находятся там на секретной службе и отношения которых с ним будут определены позднее, но которые обязаны оказывать ему любое возможное содействие и держать его в курсе последней военной и политической информации, которой они будут располагать. На двух нижеупомянутых офицеров возложено выполнение секретного задания, их имена не должны упоминаться в официальной переписке или сообщаться другим офицерам, за исключением особых случаев. Это лейтенанты Митчелсон и Рейли.

Предлагаю временное штатное расписание офицеров разведки под командованием Торнхилла: один офицер генерального штаба I-го ранга, Торнхилл, один офицер генерального штаба 3-го ранга, Архангельск, один офицер генерального штаба 3-го ранга, Мурманск. Ван Сомерен назначается на прежнее место. Кого бы Вы и Торнхилл хотели видеть в Мурманске? Пять прикомандированных офицеров — Картин, А. Ф. Хилл, Тенплин, Ходсон и Питтс — будут распределены по усмотрению Торнхилла. Два писаря, один в штаб в Мурманске, другой — в Архангельск. Локкарта информировали о том, что в будущем вся разведка будет контролироваться Торнхиллом. Руководство всей секретной службой возлагается на офицера с особыми полномочиями, назначаемого из Лондона. Мне бы хотелось знать, кого Торнхилл прочит на этот пост. Я предлагаю следующие кандидатуры: Макларен, Ли или Бойс».^{816}

После высадки в марте 1918 года в Мурманске роты английских морских пехотинцев под командованием генерала Пуля на Макдоноу была возложена обязанность организации разведки на этой территории.

Термин «официальная разведка», о котором идет речь во втором абзаце каблотелеграммы, требует некоторого разъяснения. «Официальной разведкой» в британской армии занимались офицеры, в обязанности которых входил сбор оперативной разведывательной информации (например, передвижение войск, тыловое обеспечение, вооружение, военное снаряжение противника и т. д.), в отличие от

офицеров секретной разведывательной службы (СИС), работавших под прикрытием военной разведки. Именно по этой причине Секрет интеллидженс сервис числилась при британском Военном министерстве под вывеской МИ1С (позже она была переименована в МИБ). Как и сегодня, в те годы британская разведывательная служба занималась не военной разведкой, а политическим и экономическим шпионажем.

В каблотелеграмме содержится четкое указание Пулю и адмиралу Кемпу (главнокомандующему английским Беломорским флотом) на то, что из группы офицеров военной разведки, прикомандированных к подполковнику Торнхиллу, двое — Рейли и Митчелсон — в действительности являются офицерами СИС и действуют под прикрытием военной разведки. Именно это и объясняет требование держать их имена в строгом секрете.

Макнил также указывает на контакты Рейли с русской православной церковью летом 1918 года как на еще одно свидетельство его участия в планах по спасению царя. По ее мнению, «есть основания полагать, что русская церковь предприняла бы все возможное, чтобы спасти бывшего главу церкви, которого она считала помазанником Божиим». На этом основании она делает вывод, что Рейли «дал церкви деньги, для того чтобы помочь ей на некоторое время укрыть царскую семью до того, как она будет перевезена в другое место или до окончательной реставрации монархии»^{817}.

Автор «Заговора», однако, не приводит никаких мало-мальски достоверных доказательств того, что Рейли предлагал свою помощь русской православной церкви в деле спасения Николая II. Напротив, ряд документов предполагает куда более логичный сценарий: поскольку православная церковь еще пользовалась поддержкой достаточно широких слоев населения, Рейли намеревался использовать эту поддержку в своих целях для свержения большевистского режима. 6 июня 1918 года Рейли даже послал в Лондон донесение, в котором говорилось, что в результате его встречи с представителем церкви Н. Д. Кузнецовым патриарх Тихон намеревался благословить вторжение союзников в Россию, чего бы это ни стоило.^{818}.

Комментируя донесения и телеграммы Рейли, Макнил утверждает, что она обнаружила некоторые лакуны в личном деле

Рейли, хранящиеся в архиве английской разведывательной службы: «С мая по октябрь 1918 г. от него не поступает никаких донесений»^{819}. На основании этого она делает вывод, что Рейли был занят выполнением секретной операции, которая не могла быть отражена в официальной документации по причине конфиденциальности. Действительность, однако, была несколько иной.

Рейли действительно посылал серию каблотелеграмм в Лондон в мае — июне 1918 года, но они хранились в документах английского Военного министерства и Форин офиса^{820}, что и объясняет их отсутствие в его личном деле. Кроме того, с июля по сентябрь 1918 г., как и ранее в апреле этого года, Рейли был фактически занят реализацией своих собственных планов. Он полностью игнорировал распоряжения и инструкции из Лондона, предписывавшие ему не вмешиваться в политические дела^{821}, и не посылал своему начальству регулярных донесений. Джордж Хилл, в то время тесно сотрудничавший с Рейли, вел подробный дневник, куда записывал все действия и передвижения Рейли за этот период — в нем мы также не находим ни единого упоминания о царе и содержании его под стражей^{822}.

Приписываемые Рейли связи с мультимиллионером банкиром Каролом Ярошинским за этот период также подаются как доказательства участия Рейли в планах по спасению царской семьи. Ярошинский, по утверждению Макнил, «был близким другом и благодетелем семьи Романовых в период их пребывания в неволе»^{823}, а Рейли, по словам Арчибальда Синклера, — «его правой рукой»^{824}. Хотя последняя цитата действительно принадлежит Синклеру, она, как и другие приводимые Макнил цитаты, явно вырвана из контекста. В данном случае она взята из письма Синклера Тилдену-Смиту, представителю Торгового совета, написанного 11 ноября 1919 года. В письме Синклера просто констатируется связь Рейли и Ярошинского на момент написания письма, и речь в нем идет об интересе, проявленном к Ярошинскому Торговым советом.

Рейли и Ярошинский действительно познакомились в Петербурге еще до войны, а в послевоенный период проворачивали совместные банковские махинации, описанные в 11 главе настоящей книги. Однако на сегодня нет никаких убедительных доказательств того, что за время

своего пребывания в России в апреле — сентябре 1918 года Рейли был как-то связан с Ярошинским.

Несмотря на то что дневник руководителя Сикрет интеллидженс сервис Мэнсфилда Камминга не содержит никаких, даже косвенных, упоминаний о судьбе царской семьи и их возможном спасении, Макнил приводит в своем труде утверждение Джеймса Смайта из книги, опубликованной им в 1920 году^{825}. По утверждению Смайта, царскую семью освободили из заключения агенты английской разведки, которые прокопали туннель из Ипатьевского дома в находившееся неподалеку здание британского консульства^{826}. Однако Смайт не привел никаких конкретных доказательств в подтверждение своих слов, как, впрочем, и других своих домыслов. Главным аргументом в пользу участия Рейли в заговоре являются, по мнению Макнил, записи камердинера Николая II Парфена Домнина. В этом документе^{827} Домнин упоминает некоего инженера по фамилии Ильинский. На этом основании Макнил делает предположение, что Ильинский имел отношение к подкопу и что он и Рейли являются одним и тем же лицом, так как Ильинский, возможно, является искаженным вариантом «Реллинского» — одной из вымышленных фамилий, которой Рейли пользовался в этот период.

В целом утверждение о том, что Рейли имел какое-либо отношение к освобождению Николая II, не выдерживает никакой критики за отсутствием убедительных доказательств.

Приложение 6. «Письмо Зиновьева»

Из всех многочисленных авантур Рейли фабрикация «письма Зиновьева» была, вероятно, самой удачной и эффективной.

Майкл Кеттл. «Сидней Рейли — подлинная история»^{828}.

Документы, якобы исходившие от исполкома Коммунистического интернационала (Коминтерна) в Москве, циркулировали в эмигрантских кругах в Париже еще за несколько месяцев до обнаружения так называемого «письма Зиновьева» в октябре 1924 года. Авторство этого письма, которое, вне всякого сомнения, было фальсификацией, приписывалось Григорию Зиновьеву, в то время председателю Коминтерна. Письмо призывало английских коммунистов мобилизовать «группировки в лейбористской партии, симпатизирующие договору», для того чтобы оказать давление на правящие круги Англии с целью ратификации договора с Советским Союзом. «Письмо Зиновьева» также призывало развернуть «агитационно-пропагандистскую деятельность» в британских вооруженных силах.^{829}

На Пятом конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся в июне — июле 1924 года, Зиновьев действительно недвусмысленно высказывался о том, что Англия должна стать главным объектом агитационно-пропагандистской деятельности Коминтерна. Таким образом, письмо в своих главных чертах соответствовало уже сложившемуся образу Григория Зиновьева. Хотя имя человека, сфабриковавшего письмо, так и не было установлено, Майкл Кеттл с уверенностью утверждает, что этим человеком был не кто иной, как Сидней Рейли. Более того, Кеттл заявляет, что «автору (т. е. Кеттлу. — Э.К.) удалось определить, что почерк принадлежит именно Рейли»^{830}. Для придания большего веса своей теории он призвал к себе в союзники эксперта-графолога Джона Конвея, объявившего, что «на основании анализа почерка он с удовлетворением может констатировать, что такие отличительные черты, как нажим, расстояние между буквами, их форма и размер, а

также другие характерные особенности почерка свидетельствуют о том, что эти тексты написаны одним и тем же человеком»^{831}.

Учитывая, что Конвей и до этого делал крайне сомнительные заключения для Кеттла (см. *Приложение 2*), то к его выводам относительно «письма Зиновьева» следует относиться с большой осторожностью.

Необходимо также учитывать и тот факт, что единственный образец почерка Рейли, имевшийся в распоряжении Конвея, полученный им для сравнения от Кеттла, представлял собой письмо Сиднея Лепите, написанное на английском языке и воспроизведенное в книге «Британский супершпион»^{832}. По признанию самого Конвея, «тот факт, что тексты написаны на разных языках, с использованием разного алфавита, несколько затрудняет сравнительный анализ». Тем не менее это не помешало ему прийти к заключению, что «черты почерка и написание отдельных букв одинаковы»^{833}. Для того чтобы провести более достоверный сравнительный анализ почерка Рейли, эксперту-графологу необходимо было бы иметь образец его письма, написанного по-русски. Со времени экспертизы Конвея прошло более тридцати лет, и за это время на свет выплыли документы^{834}, написанные Рейли на русском языке, что позволяет нам с большей вероятностью утверждать, что Рейли не был автором письма, опубликованного в книге Кеттла.

Учитывая репутацию Конвея и его неспособность провести сравнительный почерковедческий анализ, его заключение следует признать ошибочным. Если отбросить в сторону его заключение, утверждение Кеттла фактически основывается исключительно на сомнительных и косвенных уликах, а именно на дневнике бывшего офицера МИ5 Дональда Им Турна^{835}.

Им Турн имел весьма отдаленное касательство к событиям вокруг письма Зиновьева и его публикации в газете «Дейли мейл» — он якобы продал экземпляр этого письма лорду Янгеру, тогдашнему казначею консервативной партии. 8 октября Им Турн записал в своем дневнике, что встречался с неким человеком, которого он именует X, передавшим ему на словах содержание документа, впоследствии ставшего известным как «письмо Зиновьева»^{836}. Явно заинтригованный, Им Турн попросил X разузнать для него побольше деталей.

13 октября Х связался с Им Турном, сказав, что ему необходимо еще немного времени, чтобы «перепроверить еще раз факты», а на следующий день заявил, что премьер-министр Рамсей Макдональд якобы прилагает все усилия, чтобы скрыть информацию об этом письме^{837}. Не имея в своем распоряжении никаких других фактов, кроме всего одной фразы, которая встречается в письмах Рейли от 25 и 30 марта к его бывшему сослуживцу по СИС Эрнсту Бойсу, Кеттл немедленно сделал вывод о том, что Рейли и Х — одно и то же лицо^{838}. Рейли, однако, не мог встречаться с Им Турном в Лондоне по одной лишь причине: 13 октября он вообще находился по другую сторону Ла-Манша^{839}.

Недавно рассекреченные архивные документы тогдашнего кабинета министров Великобритании, касающиеся пресловутого «письма Зиновьева», позволяют еще больше усомниться в состоятельности гипотезы, выдвинутой Майклом Кеттлом. Эти документы указывают на полковника Стюарта Мензиса, в то время заместителя начальника СИС, как на человека, ответственного за «утечку» письма в «Дейли мейл». Мензис был ярким сторонником «консервативного лагеря»^{840}, и позже он признался, что именно он послал экземпляр письма Зиновьева в редакцию газеты^{841}.

В апреле 1952 года Мензис, который в 1939 году уже занимал пост главы английской разведывательной службы, писал в Форин офис, что он не видит «никакого греха»^{842} в том, чтобы уничтожить некоторые бумаги, имевшие отношение к «письму Зиновьева». Спустя некоторое время Форин офис признал, что, «возможно, некоторые уничтоженные в прошлом письма и документы должны были быть сохранены в соответствии с законом об архивах»^{843}. Маловероятно, что СИС знала о подлинном происхождении этого письма или что Рейли имел к нему какое-то отношение.

Несмотря на то что «Дейли мейл» опубликовала письмо за четыре дня до всеобщих выборов под заголовком «Социалисты и их хозяева вынашивали планы гражданской войны», нам представляется крайне сомнительным, что именно эта публикация привела к поражению лейбористов на выборах. Еще задолго до огласки «Дейли мейл» пресловутого письма многие факты указывали на то, что лейбористы обречены на поражение. Правда, несмотря на то что количество мест в

парламенте у лейбористской партии упало со 191 до 151, на выборах 1924 года она получила на один миллион голосов больше, чем на предыдущих выборах. Кто действительно оказался в проигрыше, так это Либеральная партия — количество ее мест в парламенте сократилось со 159 до 40.

Приложение 7. Заключение криминалистической экспертизы фотоизображений Рейли

Сравнительно-портретная экспертиза

К. Э. Линдж, магистр наук, член Британского института профессиональной фотографии

Я являюсь судебным фотографом и экспертом по изображениям из агентства D.A.V.S. Fingerprints/Forensic Services, находящегося в г. Кальведоне, графство Эссекс.

Мой стаж работы профессионального фотографа насчитывает 45 лет, за которые я накопил значительный опыт экспертного анализа изображений и их содержания. В течение более 21 года я заведовал отделом фотокриминалистической экспертизы полиции Эссекса, а также проводил обучение других экспертов-криминалистов.

Я также состою членом Британского института профессиональной фотографии.

В полиции Эссекса в мои профессиональные обязанности входило сотрудничество с другими экспертами по таким вопросам, как интерпретация и сравнение изображений, соответствие физических черт, анализ изображений, сделанных при обычном освещении, экспертиза изображений, сделанных в рентгеновских лучах. За прошедшие двенадцать лет мною были проведены обширные экспертные исследования по идентификации изображений человеческой внешности и сделаны более 200 экспертных заключений.

Я являюсь автором диссертации о технике распознавания и идентификации лиц, сделанных камерами видеонаблюдения (методом габитоскопии), за которую мне была присвоена степень магистра наук университетом Эссекса. Диссертация освещает все аспекты практической работы в этой области.

Борис Розенблюм

Саломон Розенблюм

В своей практике я использую все известные методики, включая наложение видеоизображений. Я применял их для габитоскопической экспертизы, для подготовки экспертных заключений в судах, а также для исключения лиц из списка подозреваемых. Методы, применяемые мною, помогают установить соотношения между отдельными элементами внешности по двум или более изображениям и тем самым установить сходство или различие между ними.

13 сентября 2002 г. ко мне обратились с просьбой провести габитоскопическое сравнение фотоизображений двух белокожих мужчин с целью установления между ними возможного родства.

Метод исследования: габитоскопия

Он основан на применении следующих научных методик:

Морфологическое сравнение. Задачей этой методики является сравнение основных черт лица. Несмотря на то что все люди обладают одними и теми же элементами внешности, их особенности различаются в зависимости от генетического кода.

Антропометрическое сравнение. Иногда его называют пропорциональным сравнением, т. е. сопоставлением размеров элементов внешности, их пространственного соотношения, ракурсов и общей конфигурации лица.

Биометрия. Изучение частоты встречающихся черт внешности на основе расовых, генетических и популяционных исследований с использованием обширной базы данных человеческих лиц.

Первые два метода заключаются в сравнении индивидуальных черт внешности, уникальных для каждого человека, которые позволяют нам отличать одного человека от другого.

Морфология

Я начал с детального визуального исследования изображений, расположенных рядом на компьютерном экране. Я имел возможность увеличить любой фрагмент изображения до размера полного экрана для более детального рассмотрения отдельных черт внешности. Ниже приведены некоторые результаты этого сопоставления.

На изображениях, показанных выше, я выделил следующие черты, между которыми имеется ярко выраженное сходство:

1. Общая форма лица.
2. Лобовая/височная часть (явно выраженное сходство).
3. Надбровные дуги.
4. Глаза (явно выраженное сходство).
5. Нос. Прямая спинка носа и одинаковая ширина его крыльев (ноздрей).
6. Губы. Верхняя губа, с явно выраженным луковидным контуром. Нижняя губа немного отличается по толщине и выступанию.
7. Подбородок.
8. Уши. Явно выраженное сходство форм ушной раковины (см. фото ниже).

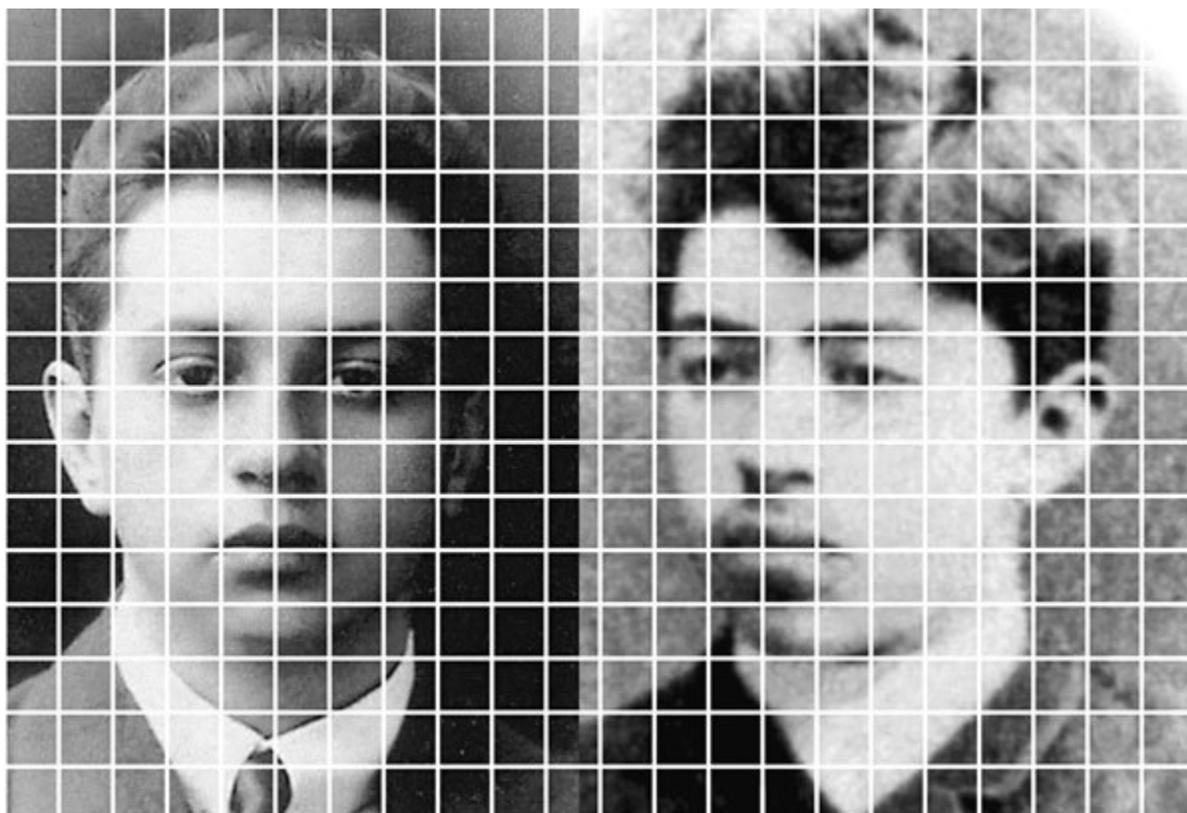
Ушная раковина считается многими уникальной чертой внешности, ее очертания и формы весьма различны у разных людей. Степень сходства между ушными раковинами, изображенными выше, является весьма выраженной.

Антропометрическое сравнение

Этот метод иногда называют пропорциональным сравнением. Он заключается в проведении научных экспериментов для определения соотношений между изображениями.

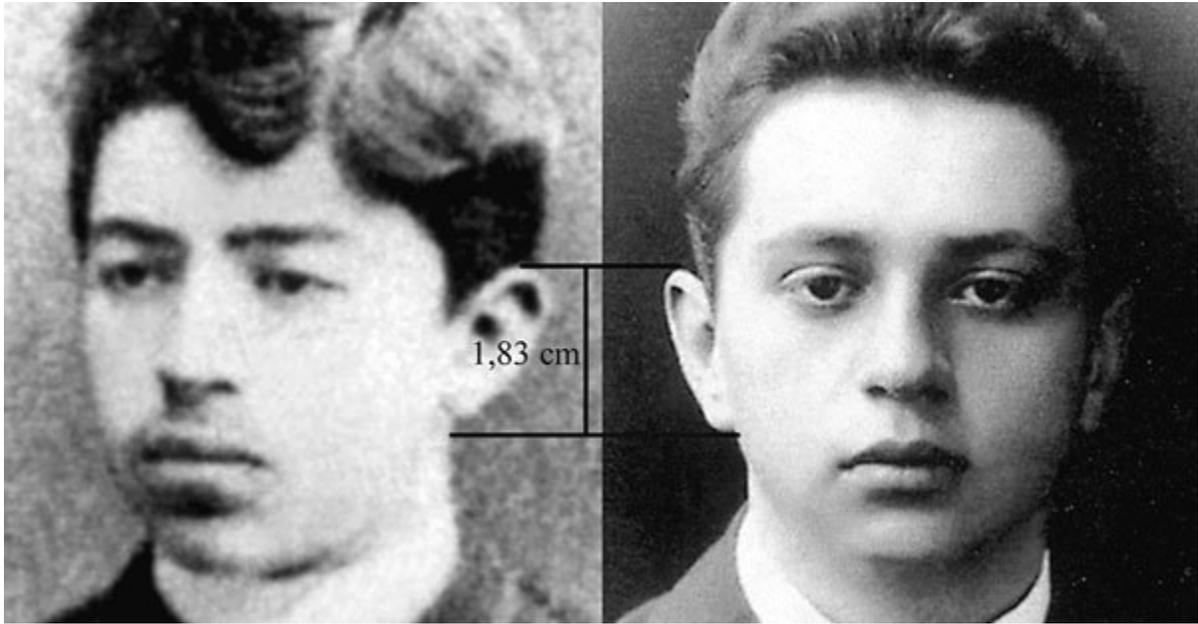
1. Изображения были приведены к единому масштабу и пропорционально выравнены с помощью компьютерно-генерируемой сетки.

2. Между левым и правым изображением был проведен ряд горизонтальных линий для установления пропорциональных соотношений.

3. Было проведено метрическое сопоставление размеров ушей на каждом из равномасштабных изображений.

Результаты сравнения других черт внешности приведены в следующей таблице:

Черты внешности	Борис Розенблюм	Саломон Розенблюм
Длина носа	1,31 см	1,31 см
Губы (центр по вертикали)	0,55 см	0,69 см
Фильтр (по вертикали)	0,49 см	0,36 см
Расстояние от ротовой щели до подбородка	1,09 см	1,26 см

Габитоскопический анализ, проводимый с целью установления тождественности двух или нескольких изображений внешности человека, заключается в выявлении различий между этими изображениями, которые не зависят от ракурса, положения головы, выражения лица или качества самого изображения. Если таковые различия обнаруживаются, то на этом основании делается вывод о нетождественности изображенных на них людей. Сравнительный анализ внешних черт изображений показал, что, несмотря на незначительные расхождения, на этих снимках изображены два разных человека. Однако сходство многих черт изображенных на снимках лиц является столь ярко выраженным, что это позволяет нам утверждать о наличии между ними генетической связи. Хотя установить степень этого родства вряд ли возможно, тем не менее существует большая вероятность того, что у них могли быть общие родители.

К. Э. ЛИНДЖ

Судебный фотозэксперт, консультант по вопросам фотоизображений

18 сентября 2002 г.

Экспертиза идентификации внешности

К. Э. Линдж, магистр наук, член Британского института профессиональной фотографии

Изображения предоставлены Кристофером Уильямсоном в ноябре — декабре 2001 г.

Задача исследования

Мною были получены от Кристофера Уильямсона четыре фотографических изображения. Они воспроизведены на стр. 5 под номерами 1–4. Ко мне обратились с просьбой провести сравнительный анализ этих изображений для установления идентичности внешности лиц, изображенных на снимке № 4 и на снимках № 1–3.

Процедура

Перед тем как приступить к визуальному анализу имеющихся изображений, я отобрал снимки, наиболее пригодные для сравнения. К каждому из этих снимков прилагалась информация, касающаяся их происхождения.

Снимок 1. Приблизительная дата — 1922–1924 гг.

Снимок 2. Приблизительная дата — 1911 г., репродукция из газеты.

Снимок 3. Приблизительная дата — сентябрь 1925 г., источник — документы КГБ.

Снимок 3 представляется наиболее оптимальным для сравнения по ракурсу и качеству, поскольку на нем имеется отчетливое изображение уха — чрезвычайно важного элемента облика человека, обладающего, по мнению многих, неповторимыми признаками.

Следующим этапом моего сравнительного анализа было масштабирование изображений 3 и 4 (см. илл. 2). Затем с помощью компьютера я сделал контур правого уха на снимке 3, скопировал его и наложил на равномасштабное изображение покойного (снимок 4). После его выравнивания этот элемент полностью совпал (см. илл. 3).

Я также произвел тщательное исследование изображения умершего на предмет идентификации в нем ярко выраженной внутренней складки века (эпикантуса) на снимках 1–3. Эта складка находится прямо над веком на внешней стороне правого глаза. Я усилил контрастность изображения умершего и обнаружил темную линию в области складки. Изгиб угла линии соответствует точке стыковки складки с веком. Для большей наглядности я выделил красным цветом области соединения века и складки.

И, наконец, я провел морфологическое сравнение черт внешности и их формы.

Эпикантная складка, идущая над кантусом правого глаза, ярко выраженная на снимках 1–3, также видна на изображении умершего. Мною также были выявлены морфологические совпадения следующих элементов внешности:

1. Уши.
2. Нос.
3. Лобовая часть.
4. Рот, губы.
5. Подбородок.
6. Линия волос.

Мнение эксперта

Сравнительный анализ изображений не обнаружил между ними значительных расхождений; имеющиеся же различия не зависят от качества изображения, ракурса или положения головы.

Все вышесказанное, а также мой опыт работы с базами данных человеческих лиц дает мне право утверждать, что вероятность совпадения черт внешности у разных людей столь мала, что практически равна нулю. Исходя из этого я считаю, что внешность человека, изображенного на снимке 4 (умершего), совпадает с внешностью человека, изображенного на снимках 1–3.

*К. Э. Линдж, магистр наук, член Британского
института профессиональной фотографии*

Представленные фотографии

Снимок 1. 1922–1924 гг.

Снимок 2. 1911 г.

Снимок 3. Сентябрь 1925 г.

Снимок 4. Ноябрь 1925 г., морг

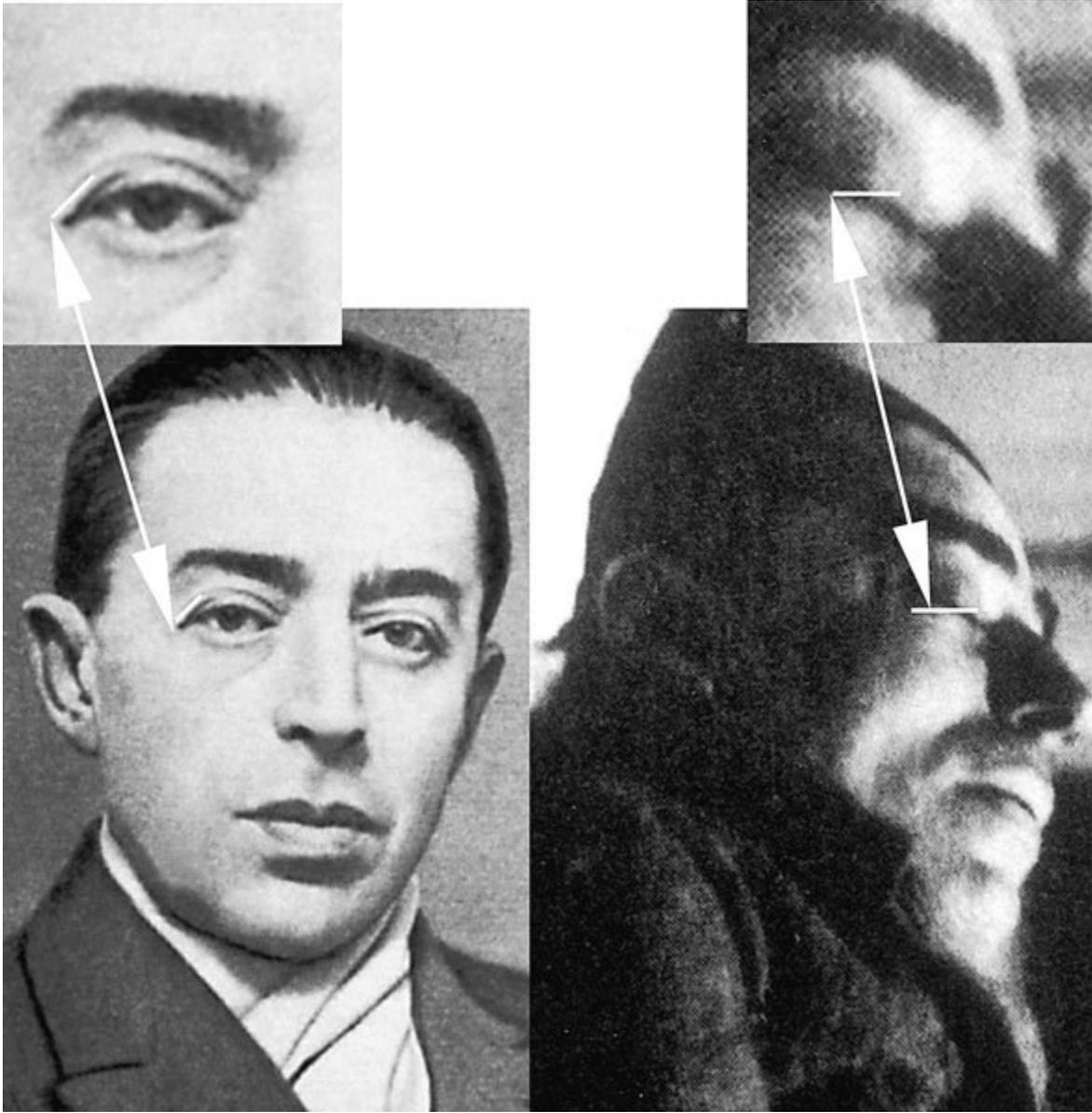
Сравнения

Приблизительно масштабированные изображения

Наложение внутреннего контура ушной раковины

Линия эпикантной складки

Список русских и английских сокращений

ГАОО — Государственный архив Одесской области, Одесса.

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва.

ГИАЛ — Государственный исторический архив Литвы, Вильнюс.

ГПУ — Государственное политическое управление.

ОГПУ — Объединенное, государственное политическое управление.

КРО — Контрразведывательный отдел ОГПУ.

РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота, Санкт-Петербург.

РГВА — Российский государственный военный архив, Москва.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва.

РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург.

ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности, Москва.

BT (Board of Trade) — Торговый совет Великобритании.

СAB (Cabinet) — Кабинет министров Великобритании.

FO (Foreign Office) — Форин офис, Министерство иностранных дел Великобритании.

СНАR (Churchill Archive) — Архив Черчилля, Великобритания.

НО (Home Office) — Министерство внутренних дел Великобритании.

MI5/6 (Military Intelligence 5/6) — военная разведка (контрразведка) Великобритании.

MID (Military Intelligence Division) — Отделение военной разведки США.

NID (Naval Intelligence Department/Division) — Отдел военно-морской разведки Великобритании.

ONI (Office of Naval Intelligence) — Отдел военно-морской разведки США.

PRO (Public Records Office) — Государственный архив Великобритании, Лондон.

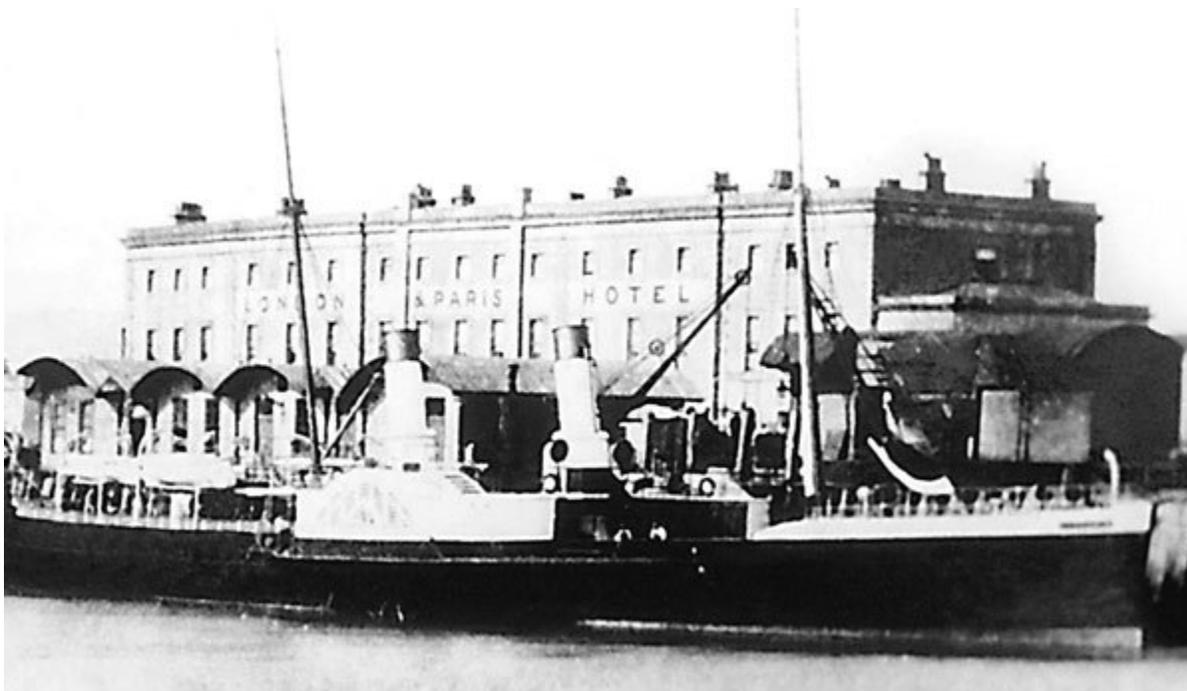
SIS (Secret Intelligence Service) — Секрет интеллидженс сервис, английская разведка.

US Immigration Office — Иммиграционная служба США.

US Bureau of Investigation — Американское бюро расследований.

WO (War Office) — Военное министерство Великобритании.

Вклейка

Отель «Лондон и Париж» — место убийства Хью Томаса в марте 1898 г.

Польский город Ломжа — родовое гнездо Розенблюмов

Портреты членов семьи Розенблюмов (Григорий, Паулина, Елена и Мари), 1880-е гг.

Александровский проспект в Одессе в конце XIX в.

Обложка дела, заведенного в Департаменте полиции на Сигизмунда Розенблюма

Борис Розенблюм в подростковом возрасте

Соломон Розенблюм в подростковом возрасте

Вильфред Войнич

Этель Войнич

Лев Брамсон, двоюродный брат Зигмунда Розенблюма и депутат первой Государственной Думы созыва 1906 г.

Зигмунд Розенблюм (ок. 1899 г.)

Фотография Аппер Вестбурн-террас, сделанная примерно в конце девяностых годов, — дома, в котором жил Хью Томас, а после его смерти — Рейли (дом № 6 — третий справа)

Контора торгового дома «Гинсбург и К°», где работал Рейли. Фотография сделана во время осады Порт-Артура вскоре после того, как здание было повреждено попавшим в него японским снарядом

Моисей Гинсбург

Рейли (в исполнении актера Сэма Нила) передает оборонительные чертежи порта японскому офицеру. Кадр из английского многосерийного фильма «Рейли — король шпионов», 1983 г.

Бывшее здание Департамента полиции (Фонтанка, 16)

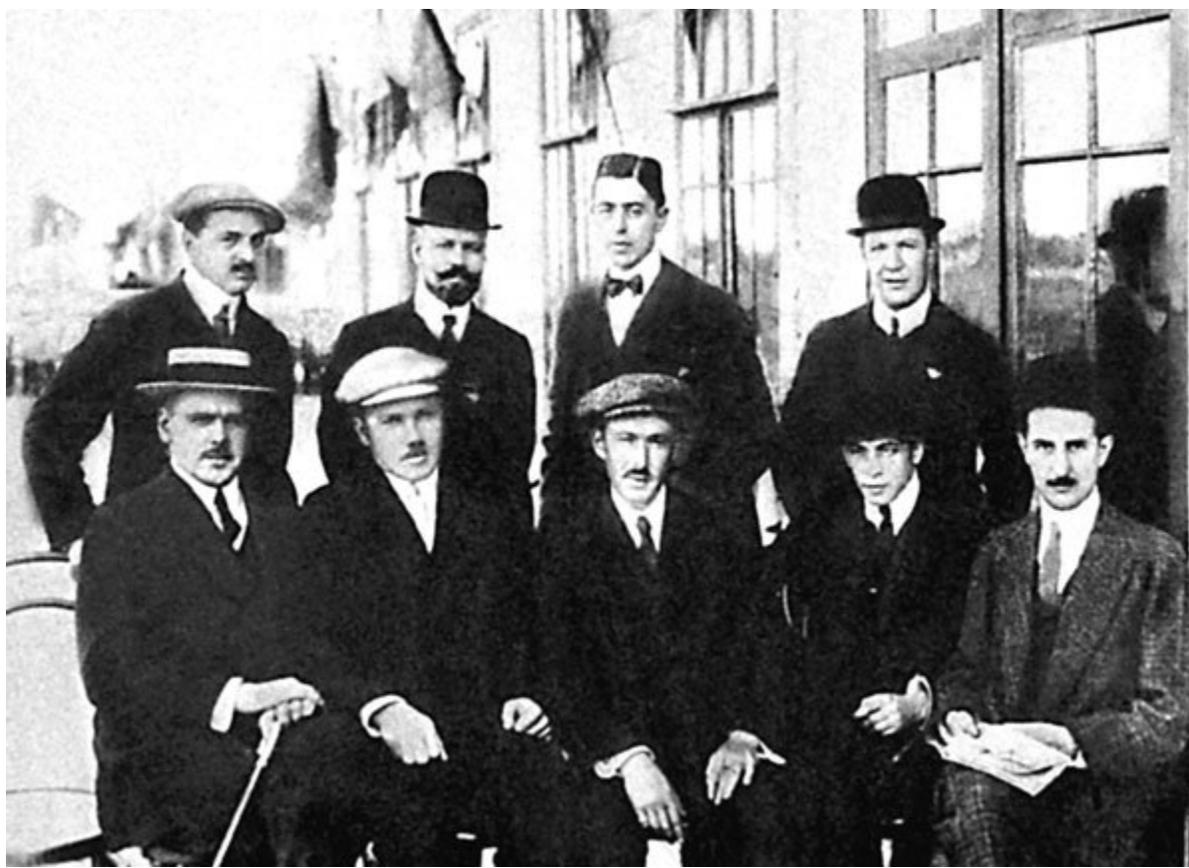
Доходный дом в Петербурге по ул. Казанская, 2, в котором жили Мендрохович, Лубенский и Рейли в 1905 г.

Увеличенный снимок Рейли, сделанный во время проведения авиационной недели в Петербурге в 1911 г.

Надежда Залеская

Рейли в группе авиаторов и коммерсантов во время проведения авиационной недели в Петербурге в 1911 г. (стоят: Дятлинов, Раевский, Рейли, Смит; сидят: Кузьминский, Ефимов, Васильев, Волков и Лебедев)

Великий князь Александр Михайлович и председатель ИВАК Стенбок-Фермор на открытии аэродрома общества «Крылья», 1911 г.

Борис Суворин

 Телеграфъ		Телеграмма.	
		ПБГЪ ЭРТЕЛЕВІ ІІ БОРИСУ АЛЕКСЕЕВИЧУ СУВОРИНУ	
Въ _____			
ПБГЪ ПБГЪ 15214 51 50 26 11 9 Н		№ _____	
Принята _____ во 191 _____ г. № 631 Принято _____	Разр.	Счетъ словъ.	Подана.
		т. сл. ш.	1 — 20 — ч — м. пополу
Службѣнныя отъѣтки:			
ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ ДОРОГОГО БОРИСА АЛЕКСЕЕВИЧА И ГЛУБОКСУВАЖАЕМЫХ ЕГО СОТРУДНИКОВ В ОСОБЕННОСТИ ЛЕОНИДА ІЮЛЬЕВИЧА КОНСТАНТИНА ПЕТРОВИЧА ВАСИЛИЯ АНДРЕЕВИЧА ИВАНА ФЕОДОРОВИЧА И ВАСИЛИЯ СЕРГЕЕВИЧА С ПЕРВЫМ ГОДОВЫМЪ ЮБИЛЕЕМЪ СМЩЕСТВОВАНИЯ ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ ВИВАТ КРЕСКАТИ ФЛОРЕАТ ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ ДРУГОГО НИКОГДА НЕ БЫЛО И НЕ БУДЕТЪ РАЙЛЛЭ.			

Поздравительная телеграмма Рейли Борису Суворину в связи с годовщиной газеты «Вечернее время», 1913 г.

Джон Скейл, офицер английской разведки, давший Рейли рекомендацию в Секрет интеллидженс сервис

Менсфилд Камминг, глава Сикрет интеллидженс сервис в 1909–1923 гг.

Бывший доходный дом в Шереметьевском пер., 3 в Москве, где Рейли снимал квартиру вместе с Дагмарой Карозус и Елизаветой Оттен

Елизавета Оттен

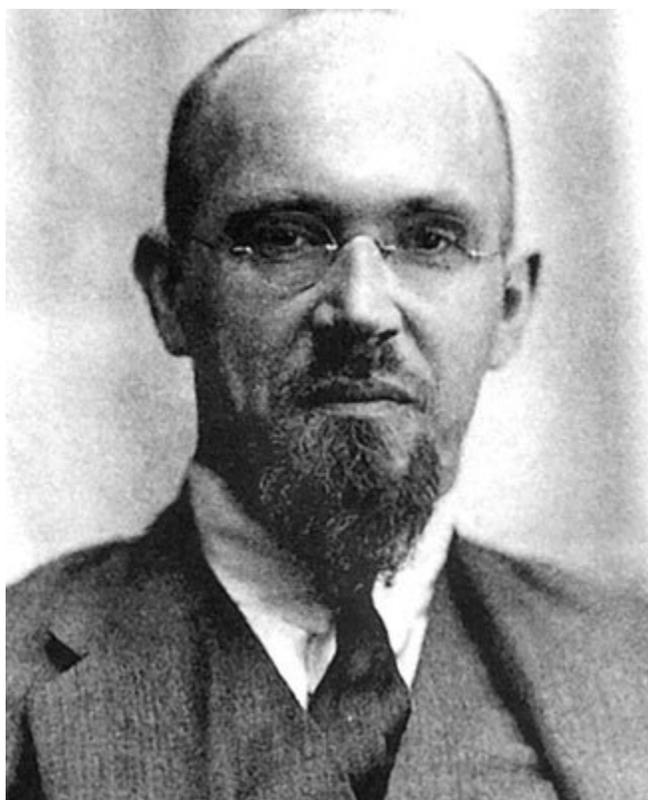
Малая Бронная, 20 — здесь Рейли скрывался у своей любовницы Ольги Старжевской, машинистки распорядительного отдела ВЦИК

Здание бывшего британского посольства в Петрограде на Дворцовой набережной

Капитан Кроми

Владимир Орлов, выдавший Рейли документы на имя сотрудника
уголовного отдела ВЧК Сиднея Реллинского

Роберт Брюс Локкарт

Джордж Хилл

Михаил Бонч-Бруевич

Ян Буйкис

Эдуард Берзин

Сидней Рейли, он же Константин Массино в 1918 г.

Паспортная фотография Рейли на имя антиквара Бергмана

Кафе «Трамбле» на Цветном бульваре, где Рейли передавал Берзину деньги для осуществления заговора

Дом 15 по Александровскому проспекту в Одессе, рядом с которым Рейли потерял сознание. Гравюра XIX века.

Фотография, сделанная летом 2000 г.

Кэрилл Хауслендер

Нелли Бертон (Пепита Бобадилья). 1920 г.

Борис Савинков

7 Park Place
St. James 1111
London S.W. 1
15-20 June 1924

Дорогой мой,
Несмотря на мою крайнюю
бедность, я вчера раскошелился
на телеграмму, т.к. у меня очень
безнадежно насчет Вашего
покаяния. Сегодня утром получил
Ваше письмо, а завтра и телеграмму
и уведомление. — Пригласил Вашего
представителя на вокзалы, но все-таки
не обдумаю. —

В своих письмах к Савинкову Рейли постоянно сетовал на отсутствие денег

Сидней и Пепита Бобадиля на свадебном банкете в отеле «Савой» 18 мая 1923 г.

Дом на Сент-Джеймс-плейс

Сидней Рейли, 1924 г.

Мария Захарченко-Шульц

А. Х. Артузов

Александр Якушев

Тойво Вяяхя

Дача в Малаховке, где Рейли встречался с представителями «Треста» и представил им свой план ограбления советских музеев

Открытка, посланная Рейли Эрнсту Бойсу («Дорогой Эрнст, с наилучшими пожеланиями из прекрасной Москвы») за несколько минут до своего ареста

Здание ОГПУ на Лубянке

Обложка дела «Трест»

Одна из последних фотографий Рейли, обнаруженная в досье
ОГПУ

Владимир Стырне

Григорий Сыроежкин

Еще одна фотография из следственного дела ОГПУ на Рейли

Григорий Федулеев

Труп Рейли был перевезен в санчасть ОГПУ, где и был сфотографирован поздним вечером 5 ноября 1925 г.

Последнее земное прибежище Рейли — могильная яма во внутреннем дворике здания ОГПУ на Лубянке

Реально существовавший Станислав Джордж Рейли

Петр Массино

Эндрю Кук с издателем и участниками исторического исследования о Сиднее Рейли на презентации своей книги «На тайной службе его Величества», состоявшейся 29 октября 2002 г. в лондонском отеле «Ройал хорсгардз», бывшей первой резиденции английской разведки МИ-6. В первом ряду шестой слева — Э. Кук, пятый — Т. К. Гладков, четвертый — Д. А. Белановский

notes

Примечания

1

Ялапа (*ipomea purga*) — вьющееся растение семейства вьюнковых из рода ипомея, произрастающее в Южной Америке. Препараты, изготовленные из высушенных корней ялапы, применяются как сильное слабительное средство. (Прим. пер.)

По-английски это имя пишется Sidney Reilly (произносится «Райли»). По-русски же Сидней Рейли подписывался «Райлли» или «Рейлли», а в дореволюционных публикациях и документах он фигурирует как «Райллэ», «Райлэ» или «Райле». В этой книге, однако, мы будем придерживаться написания, принятого в отечественной литературе, а именно — Сидней Рейли (*Прим. пер.*).

Бригадир — чин в английской армии, выше полковника, ниже генерал-майора. (*Прим. ред.*).

Намек на известную английскую песенку «Далеко до Типперери» (It's a long way to Tipperary), написанную на пари эстрадным автором Джеком Джаджем в 1912 году и прославившую ирландское графство Типперери. В Первую мировую войну песня фактически стала неофициальным гимном английской армии и остается таковой по сей день. (*Прим. пер.*)

Неточность. Охранка или, точнее, Охранное отделение, было органом политической полиции на местах и подчинялось в своей основной деятельности Департаменту полиции (политический сыск, борьба с революционерами и внедрение своих агентов в их среду). Наряду с сетью «районных» (т. е. региональных) охранных отделений, действовавших на территории Российской империи, существовала еще и так называемая «заграничная агентура» со штаб-квартирой в Париже, собиравшая через своих агентов информацию о деятельности русских политических эмигрантов, организаций и партий в Европе и США. Департамент полиции и все подчинявшиеся ему структуры политического сыска, включая охранные отделения, прекратили свое существование после Февральской революции. Слово «охранка» стало обозначением органов политического сыска в дореволюционной России. *(Прим. пер.)*

Второе бюро (Deuxieme Bureau) — разведывательное управление французского Генерального штаба. *(Прим. пер.)*

Мезенцев (Мезенцов) Николай Владимирович (1827–1878) — генерал-адъютант, с 1864 по 1876 — начальник штаба Корпуса жандармов, затем — шеф жандармов и главноуправляющий III отделения. (*Прим. пер.*)

Ныне Каунас. *(Прим. ред.)*

Имя Зигмунда Розенблюма было включено в розыскной циркуляр Департамента полиции № 4900 «Список лицам, за коими по возвращении в пределы России надлежит установить секретное наблюдение», а на самого Розенблюма заведено отдельное дело, в котором, однако, нет ничего, кроме упомянутого циркуляра (ГА РФ. Ф. 102. 00. 1903. Д. 736). Когда рукопись перевода этой книги уже находилась в издательстве, в архиве Заграничной агентуры Департамента полиции мною (Д. Б.) был обнаружен документ, на основании которого за Розенблюмом было предписано вести негласное наблюдение в случае его возвращения в Россию. Это составленный в феврале 1903 г. Л. А. Ратаевым список проживавших в Лондоне русских и польских политэмигрантов с краткой справкой на каждого из них. Агентурное описание Розенблюма заслуживает того, чтобы его привести полностью: *«Розенблюм, Сигизмунд (Keunsham, близ Бристоля, где у него имеется мыловаренный завод). Близкий приятель Войнич и, в особенности, его жены. Всюду сопровождает последнюю, даже когда она уезжает на континент. Женат на богатой англичанке. Недавно привлекался к ответственности за ложную присягу, данную по случаю принятия его в великобританское подданство. Приметы: 33 лет, роста среднего, длинный нос, брюнет, остроконечная бородка, внешний вид приличный»* (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 16. Лит. А. Л. 84 об. — 85). На сегодняшний день эти два документа являются единственными найденными в российских архивах документальными подтверждениями тому, что Зигмунд Розенблюм находился в поле зрения русской тайной полиции. (Прим. пер.)

Objets d'art (*фр.*) — предметы искусства.

Министерство иностранных дел Великобритании. *(Прим, пер.)*

Рачковский Петр Иванович (1851–1910) — организатор политического сыска в России в 1885–1902 — заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции в Париже, был смещен на этом посту Л. А. Ратаевым. С 1905 г. возглавлял политическую часть ДП. В отставке с 1906 г. Инициатор и вдохновитель пресловутой антисемитской фальшивки «Протоколы сионских мудрецов». (*Прим. пер.*)

Modus operandi (*лат.*) — образ действия.

Имеется в виду Анатолий Михайлович Стессель (1848–1915), генерал-лейтенант. За сдачу Порт-Артура в декабре 1904 г. был приговорен к смертной казни, но помилован Николаем II. (*Прим. пер.*).

Гражданский лорд Адмиралтейства — член Совета Адмиралтейства в ранге министра, не обладающий полномочиями члена кабинета. В его ведении находится гражданский персонал Королевского военно-морского флота, отдел главного гражданского инженера, Королевский госпиталь в Гринвиче и морские базы. (*Прим. пер.*).

Си — прозвище Камминга по первой букве его фамилии (Cumming). (*Прим. пер.*)

Григорович Иван Константинович (1853–1930). Адмирал, морской министр в 1911–1917 гг. Умер в эмиграции. *(Прим. ред.)*

Сегодня отношение к П. Бадмаеву изменилось. По мнению многих современных ученых, он действительно был крупным знатоком так называемой «тибетской медицины». *(Прим. ред.)*

Монкевиц Николай Августович – генерал-майор, участник Первой мировой войны и Белого движения, руководитель русской разведки и контрразведки (1909–1914), начальник штаба 9-й армии (1915); с 1920 – в эмиграции, глава Русской военной миссии в Берлине, помощник А. П. Кутепова. Подозревался в сотрудничестве с ОГПУ. Умер в Париже при невыясненных обстоятельствах. *(Прим. пер.)*

До своего вступления в Первую мировую войну США занимали позицию нейтралитета, и любые действия американских или иностранных граждан, противоречащие этой политике, подвергались уголовному преследованию. *(Прим. пер.)*

Уэрта Викториано (1845–1916) – мексиканский диктатор. В 1913 г. совершил вооруженный переворот против правительства Франсиско Мадеро. США не признало диктатуру Уэрты, оказав поддержку конституционному правительству Венустиано Каррансе. В 1914 г. американские войска высадились в Веракрусе, что привело к падению диктатуры Уэрты и его бегству за границу. Попытки Уэрты поднять восстание против президента Каррансе в 1915 г. не увенчались успехом. Сам Уэрта был арестован в Техасе американскими властями и содержался под стражей в форте Блисс под Эль Пасо, где и умер. (*Прим. пер.*)

Проститутка (*фр.*).

Соответствует чину подпоручика в русской императорской армии или званию лейтенанта в нынешней российской армии. *(Прим. ред.)*

Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939), генерал от кавалерии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Умер в эмиграции во Франции. К моменту описываемых событий – генерал-квартирмейстер войск гвардии и Петербургского военного округа. *(Прим. пер.)*

Правильно «И. Т. Животовскому». (*Прим. пер.*)

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955), советский государственный и партийный деятель, один из участников Октябрьской революции. В 1917–1920 гг. управляющий делами Совнаркома. *(Прим. ред.)*

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956) – советский военный деятель, геодезист, генерал-майор. В Первую мировую войну генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта (1914), начальник главкома Северного фронта (1917). После Октябрьской революции перешел на сторону большевиков. К моменту описываемых событий – начальник штаба Верховного главнокомандующего, руководитель Высшего военного совета (ВВС). *(Прим. ред.)*

Так в тексте. (*Прим. пер.*)

Сам Бонч-Бруевич через 40 лет после описываемых событий так описывал свои встречи с Рейли в своих воспоминаниях («Вся власть советам!» М.: Воениздат, 1958. С. 268–260): «Среди зачистивших ко мне иностранцев был и разоблаченный впоследствии английский шпион Сидней Рейли, неоднократно являвшийся ко мне под видом поручика королевского саперного батальона, прикомандированного к английскому посольству. Ко мне Рейли явно тяготел и всячески пытался создать со мной какие-то отношения. Однажды он пришел ко мне с предложением разместить наши дредноуты и некоторые другие военные корабли на Кронштадтском рейде по разработанной им схеме. Он начал убеждать меня, что такая передислокация большей части нашей эскадры обеспечит наилучшее положение флота, если немцы действительно предпримут наступательные операции со стороны Финского залива. Внимательно рассмотрев предложенную Рейли схему, нанесенную им для большей убедительности на штабную десятиверстку, я понял, что и он, и навещавшие меня морские офицеры преследуют одну и ту же предательскую цель – подставить стоившие многих миллионов рублей линкоры и крейсера под удар германских подводных лодок. Несмотря на то что план его провалился, Рейли продолжал изобретать предлоги для того, чтобы посетить мой вагон. Я перестал его принимать, а секретарям ВВС, к которым все еще навевался подозрительный английский сапер, запретил всякие с ним разговоры». (Прим. пер.)

По иронии судьбы, Рейли снимал квартиру (№ 85) в бывшем доходном доме графа Шереметьева, в котором с середины двадцатых годов жила советская и партийная элита (так называемый дом на ул. Грановского, ныне Романов пер.). В «Деле Локкарта», хранящемся в архиве ФСБ, сохранилась справка домового комитета, из которой видно, что Рейли проживал в этой квартире под своим именем и был зарегистрирован в домовых книгах как лейтенант Сидней Рейли. Номер дома не изменился с дореволюционных времен. *(Прим. пер.)*

Орлов Владимир Григорьевич (1882–1941), в 1911–1914 г. судебный следователь в Варшаве, в Первую мировую войну следователь по особо важным делам. С приходом к власти большевиков предложил свои услуги ВЧК и был принят на службу в уголовный отдел ЧК в Петрограде, где работал под вымышленным именем Болеслав Орлинский. Используя свое положение, предупреждал об аресте бывших офицеров и снабжал их фальшивыми документами для переправки, за границу. Из-за угрозы разоблачения и ареста в сентябре 1918 г. бежал в Финляндию, во время Гражданской войны служил в контрразведке у Деникина. С 1920 г. обосновался в Германии, где продолжал борьбу против большевиков, публикуя на них компромат в западной прессе. Существуют подозрения, что он сфабриковал «письмо Зиновьева», однако доказательств этому так до сих пор и не обнаружено. В 1941 г. был убит агентами гестапо за антифашистскую деятельность. *(Прим. пер.)*

Неточность. Савинков был не министром, а управляющим военным министерством. *(Прим. ред.)*

Берзин Эдуард Петрович (1894–1938), участник Первой мировой и Гражданской войн, после Октябрьской революции – командир артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой дивизии (1917), в ВЧК с 1920 г. С 1929 – начальник исправительно-трудовых лагерей: руководитель строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината на Урале (1929–1931), директор треста «Дальстрой» на Колыме (1939–1937). Арестован органами НКВД по обвинению в «создании повстанческой антисоветской колымской организации» в декабре 1937 г., расстрелян Гавгуста 1938 г. Реабилитирован в 1956 г. (*Прим. пер.*)

Елизавета Эмильевна Оттен (1896–1962) решением Революционного трибунала от 3 декабря 1918 г. была оправдана и до 1951-го играла в московских и ленинградских театрах. 29 апреля 1951 г. она была арестована и приговорена Особым совещанием к ссылке в Красноярский край, однако была выпущена досрочно после смерти Сталина, в июне 1953 г. Вернувшись в Москву, она обратилась к директору Театра кукол Сергею Образцову с просьбой принять ее на прежнее место работы. К чести Сергея Образцова, он немедленно взял ее обратно в театр, где она проработала до самой смерти. Судьба Ольги Дмитриевны Старжевской сложилась по-иному: тем же Революционным трибуналом она была приговорена к «лишению прав поступления на советскую службу», что по тем временам было практически равносильно голодной смерти. Оставшись без средств к существованию после выхода из тюрьмы, она 26 апреля 1919 г. обратилась с апелляцией в Революционный трибунал с просьбой о восстановлении ее в правах. Постановлением Революционного трибунала от 30 апреля 1919 г. под председательством Н. В. Крыленко ее просьба была удовлетворена, однако через полгода, 12 сентября 1919 г., она была вновь арестована в сельскохозяйственной коммуне «Труд» на станции Крюково под Москвой по обвинению в том, что якобы дала «удостоверение на покупку коров для кооператива мужу своей знакомой», и заключена в Бутырскую тюрьму. Дальнейшая ее судьба неизвестна. *(Прим. пер.)*

Переход на новое время был введен декретом Совнаркома от 26 января 1918 г. (по новому стилю). *(Прим. пер.)*

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939) – участник Первой мировой войны, генерал-лейтенант (1916), один из организаторов Добровольческой армии. К моменту описываемых событий – начальник Военного управления и помощник главнокомандующего Добровольческой армии. Умер в Париже. *(Прим. пер.)*

Краснов Петр Николаевич (1869–1947), участник русско-японской и Первой мировой войны, генерал-лейтенант (1917 г.). После неудачной попытки вместе с Керенским выступить против большевиков в Петрограде в октябре 1917 г. бежал на Дон, где сформировал Донскую армию, действовавшую независимо от Добровольческой армии. Совещание, на котором между А. И. Деникиным и П. Н. Красновым было достигнуто соглашение о подчинении Донской армии Главнокомандующему ВСЮР и о котором упоминает Рейли в своем донесении, состоялось на станции «Торговая» 8 января 1919 г. (27 декабря 1918 г. по ст. ст.). Эмигрировал, жил во Франции и Германии. В годы Второй мировой войны сотрудничал с фашистами. Выдан англичанами советской военной администрации в 1945 г. и казнен по приговору Верховного суда СССР. (*Прим. пер.*)

5 января по ст. стилю. (*Прим. пер.*)

Под территориальными притязаниями Венизелоса (1864–1936) имеются в виду его планы развязать войну против Турции, что и произошло в мае 1919 г. (*Прим. ред.*)

Уильям Буллит впоследствии стал первым послом США в СССР. Линкольн Стеффене – знаменитый американский журналист, прославился изобличениями коррупции и прочих злоупотреблений властей в США. Основатель направления в журналистике, получившего название «разгребание грязи». *(Прим. ред.)*

«Российский торгово-промышленный и финансовый союз» (Торгпром) – эмигрантская организация крайне правых взглядов, состоящая из бывших русских финансовых магнатов (Н. Х. Денисов, А. О. Гукасов, С. Г. Лианозов, Н. и В. Рябушинские, Г. А. Нобель и др.). Основана в Париже в 1920 г. Просуществовала до 1940 г. ОГПУ регулярно получало подробную информацию о ее деятельности через своего агента, бывшего министра Временного правительства С. Н. Третьякова. *(Прим. пер.)*

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926), известный эсер, политический деятель. Вместе со Степняком-Кравчинским основал «Фонд вольной русской прессы» в Лондоне. В 1918–1919 гг. председатель и управляющий делами Верховного управления (затем Временного правительства) Северной области. С марта 1920 г. член Южнорусского правительства при Деникине. Умер в Лондоне: (*Прим. ред.*)

Бурцев Владимир Львович (1862–1942), знаменитый публицист. Издатель и редактор сборников «Былое». Разоблачал многих агентов царской охранки, в том числе Е. Ф. Азефа, Р. В. Малиновского и др. После Октябрьской революции занял антибольшевистскую позицию. В эмиграции продолжал заниматься разоблачительной деятельностью уже против агентов ОГПУ. Был знаком с Сиднеем Рейли, переписывался с ним. Умер в Париже. *(Прим. ред.)*

Имеется в виду так называемый «Капповский путч» – попытка переворота верхушки рейхсвера с целью восстановления монархии. (*Прим. пер.*)

Так в тексте. Правильно «Ярошинский». (*Прим. пер.*)

После развода с Рейли Надежда Залеская вышла замуж за крупного шведского нефтепромышленника Густава Нобеля, много лет прожившего в России и занимавшегося нефтяными разработками в Баку. По свидетельству его внука, Густава Нобеля, Надежда Залеская умерла в 1954 году в Женеве в возрасте 69 лет. (*Прим. пер.*)

Красин Леонид Борисович (1870–1926), партийный и государственный деятель. В 1918 г. занимал различные руководящие посты в советском правительстве. К моменту описываемых событий занимал пост наркома внешней торговли, а также полпреда и торгпреда в Великобритании. (*Прим. ред.*)

Павловский Сергей Эдуардович (1892–1924), участник Первой мировой войны, боевик савинковского «Народного союза защиты родины и свободы», участник «Мозырского похода» в октябре – ноябре 1920 г. В 1923 г. был заманен чекистами в Москву и там арестован. Дал подробные показания ОГПУ и согласие сотрудничать в операции «Синдикат-2». Был убит в перестрелке при попытке бегства из внутренней тюрьмы ОГПУ в 1924 г. *(Прим. пер.)*

Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940), писатель, редактор савинковской газеты «Свобода».

Неточность. К борьбе с Савинковым и его сторонниками «Трест» никакого отношения не имел. Против савинковцев была направлена другая легендарная чекистами организация – «Либеральные демократы». Сама же операция называлась «Синдикат-2». «Трест» же боролся с монархическими и военными эмигрантскими организациями. Следовательно, арест Савинкова напрямую на репутации «Треста» на Западе не отразился. (*Прим. ред.*)

Имеется в виду Уинстон Черчилль. *(Прим. пер.)*

Кутепов Александр Павлович (1882–1930), генерал от инфантерии, руководитель Русского общевойскового союза (РОВС). Умер в Париже от острого сердечного приступа во время попытки похищения его чекистами. *(Прим. ред.)*

Щукин Семен Дмитриевич – бывший офицер царской армии. Был одним из участников инсценировки перестрелки на границе в ночь с 27 на 28 сентября 1925 г. (*Прим. ред.*)

Стырне Владимир Андреевич (1897–1937), сотрудник ВЧК, ОГПУ, НКВД, участник гражданской войны. На работе в ВЧК с 1921 г. В 1924-м помощник начальника КРО ОГПУ А. Х. Артузова. С начала тридцатых годов занимал руководящие посты в ОГПУ, НКВД. Последняя должность – начальник КРО УГБ НКВД и начальник Особого отдела Киевской области (1937). Расстрелян. Реабилитирован. *(Прим. пер.)*

Орлов Александр Михайлович (1895–1973), майор госбезопасности, ответственный сотрудник НКВД, в 1937–1938 гг. резидент разведки и советник республиканского правительства в Испании. В июле 1938 г. отказался вернуться в СССР и попросил политического убежища на Западе. Умер в США в 1973 г. Автор книги «Тайная история сталинских преступлений». (*Прим. ред.*)

Кушнер Михаил Григорьевич, начальник санчасти ОГПУ. (*Прим. ред.*)

Федулеев Григорий Тихонович (1900–1937), сотрудник ОГПУ-НКВД для особых поручений. Расстрелян, реабилитирован. (*Прим. ред.*).

Дукис Карл Янович, начальник тюремного отдела и внутренней тюрьмы ОГПУ. *(Прим. ред.)*.

Сыроежкин Григорий Сергеевич (1900–1939) – сотрудник КРО, одна из ключевых фигур в проведении ряда чекистских операций тех лет. Впоследствии – на руководящей работе в ГУГБ НКВД. Расстрелян. Реабилитирован в 1958 г. (*Прим. ред.*).

Абиссалов Ибрагим Сафарович, сотрудник для особых поручений
КРО ОГПУ. *(Прим. ред.)*.

62

Перевод А. Чернякова.

comments

Комментарии

Lycett, Andrew. Ian Fleming, The Man Behind James Bond. Weidenfeld & Nicolson, 1995. P. 216–217.

Pearson, John. *The Life of Ian Fleming, Creator of James Bond*. Jonathan Cape, 1966. P. 189.

Леонард Мосли, корреспондент, работавший за рубежом, и современник Флеминга, сам ставший достаточно успешным автором шпионских романов, вспоминал о своем разговоре с ним в рецензии на книгу «Супершпион» Эдварда ван дер Поера (Rhoer Van Der, Edward. Master Spy. N.Y. 1981).

4

Там же (С. 112).

Fraser-Smith, Charles with McKnight, Gerald and Lesberg, Sandy. *The Secret War of Charles Fraser-Smith*. Michael Joseph, 1981. P. 127ff.

Lycett, Andrew. Ian Fleming, *The Man Behind James Bond*. P. 118, 132.

The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart, Vol 1: 1915–1938, Kenneth Young (ed.). Macmillan, 1973. P. 153–154, 165.

Lycett, Andrew. Ian Fleming, The Man Behind James Bond. P. 223.

Уолтер Митти — персонаж рассказов американского писателя и карикатуриста Джеймса Тербера, придумывающий невероятные истории о своих приключениях. (Прим, пер.)

Lucas E. V. Highways and Byways of Succex. Macmillan & Company, 1903.

Биографические сведения о Хью Томасе, почерпнутые из документов архива Главного Синода англиканской церкви, хранятся в архиве графства Энглси (Anglesey County Records, WM/659); см. также Alumni Records (Magdalene College Archives, Cambridge. P. 152–153); Bangor Diocesan Records (B/P/1055).

Компания по изготовлению препаратов «Озон» была первоначально учреждена под именем «Розенблюм энд Ко. Консалтант Кемист» в 1896 году и располагалась по адресу Бэри-Корт, Лондон. В 1897 году она была переименована в «Озон» и сменила адрес на Имperiал Чемберс, Кёрситор-стрит 3, Холборн.

Обстоятельства первой встречи между Зигмундом Розенблумом и Маргарет Томас в собственноручно написанных ею показаниях, которые она дала капитану Военного министерства Уильяму Айзеку 11 ноября 1931 г. Представленное капитаном Айзеком краткое резюме показаний было им напечатано на машинке и содержало много опечаток. В оригинале рукописи говорилось о том, что первая встреча между Маргарет и Розенблумом состоялась «летом 1897 года». Айзек вернул оригинал показаний Маргарет и послал резюме полковнику Валентайну Вивьену, руководителю пятого отдела СИС (контрразведка). Шифр личного дела Сиднея Рейли, хранящегося в архивах СИС-СХ 2616, далее упоминаемого как «Reilly Papers СХ 2616».

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. Hodder and Stoughton 1967. P. 293.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 293; Rhoer Van Der Edward. *Master Spy*. P. 5.

По действующему тогда законодательству (инструкции Форин офиса относительно порядка выдачи паспортов от 15 июля 1895 г.) паспорта для выезда на континент были «бессрочными, действовали в любое время и на любое количество поездок на континент». Однако британским подданным, пожелавшим поехать в Россию, необходимо было обратиться не только за паспортом, но и за въездной визой в русское консульство. Хотя у Томасов были действующие паспорта для поездки на континент, архивные документы не подтверждают тот факт что они когда-либо обращались в Форин офис с просьбой выдать им паспорт для поездки в Россию (см. паспортную картотеку Форин офиса FO 611/18).

Форин офис выдал паспорта на континент и в Египет Хью Томасу 30 декабря 1897 года и Маргарет 9 января 1898 года (паспортная картотека Форин офиса FO 611/18 Passport Names Index).

Компания «Томас Кук» — одно из старейших туристических агентств Великобритании. (Прим. пер.)

Форин офис выдал паспорта на континент и в Египет Хью Томасу 30 декабря 1897 года и Маргарет 9 января 1898 года (паспортная картотека Форин офиса FO 611/18 Passport Names Index).

Альфред Льюис состоял управляющим отеля с 1887 г. По иронии судьбы три года спустя ему было суждено умереть в этом же отеле от сердечного приступа.

Entry 433, Register of Burials in the Parish of Llansadwrn; Anglesey County Records Office WPE/32/6. Примечательно, что похороны состоялись за день до официальной регистрации смерти 17 марта 1898 г.

Sussex Express, 19 March 1898. P. 5.

Entry 316, 1898 Register of Deaths in the Registration District of Lewes in the Subdistrict of Newhaven in the County of Sussex.

В первом издании книги Робина Брюса Локкарта *Ace of Spies* («Король шпионов»), вышедшей в 1967 году, воспроизведена машинописная копия записи о смерти Томаса. Выданная Сомерсетом Хаусом 19 сентября 1938 г. копия свидетельства о смерти, скорее всего, была сделана по запросу Джорджа Хилла, который сам работал в это время над биографией Сиднея Рейли. Согласно копии этого документа, смерть была удостоверена «С. У. Эндрю, членом Королевской корпорации хирургов». Однако если сравнить запись, сделанную от руки, то станет ясно, что машинистка сделала опечатку. Правильное имя — Т. У. Эндрю.

Д-р Томас Эндрю родился в Пертшире в 1837 г. и получил диплом врача в Эдинбурге в 1861 г. Он и его жена Маргарет жили в Балкерак Вилла в Дуне, где Эндрю и умер 21 января 1905 года. В напечатанном сообщении о его смерти подчеркивался тот факт, что он никогда не выезжал за пределы Шотландии.

Луиза Льюис жила в отеле «Лондон и Париж». Ее воспоминания о ночи с 12 на 13 марта 1898 г., возможно, имели бы для нас большое значение.

Письма Дианы Оксфорд из Кингсфорд Стейси Блекуелл, посланные ею автору из гостиницы «Линкольн» в Лондоне.

Почему Розенблюм выбрал для себя имя «Т. У. Эндрю» — не совсем понятно. Стоит отметить, что большая часть имен, которые он присваивал себе в течение многих лет, принадлежали реальным людям, с которыми он был знаком или встречался. Когда он проживал по адресу Альберт-меншнз, 50, его ближайшего соседа по дому 49 звали Эндрюс (Electoral Register 1896/97, Parliamentary County and Parochial Electors in Kennington, Vauxhall Ward, Polling District № 5).

Entry 88, 1869 Register of Births in the Registration District of Clerkenwell in the Sub-district of Goswell Street in the County of Middlesex.

Foreign Office Passport Names Index, A. Luke, issued 13 December 1894, FO 611/17.

См. прим. 13 (Обстоятельства первой встречи между Зигмундом Розенблумом и Маргарет Томас в собственноручно написанных ею показаниях, которые она дала капитану Военного министерства Уильяму Айзеку 11 ноября 1931 г. Представленное капитаном Айзеком краткое резюме показаний было им напечатано на машинке и содержало много опечаток. В оригинале рукописи говорилось о том, что первая встреча между Маргарет и Розенблумом состоялась «летом 1897 года». Айзек вернул оригинал показаний Маргарет и послал резюме полковнику Валентайну Вивьену, руководителю пятого отдела СИС (контрразведка). Шифр личного дела Сиднея Рейли, хранящегося в архивах СИС-СХ 2616, далее упоминаемого как «Reilly Papers СХ 2616».).

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 22.

Rhoer Van Der, Edward. Master Spy. P. 4.

Costello, John & Tsarev, Oleg. *Deadly Illusions*. Century, 1993 P.22.

Kettle, Michael. Sidney Reilly — The True Story. Corgi, 1983 P. 12.

Andrew, Christopher. Secret Service. William Heinemann 1985. P. 12.

Deacon, Richard. *A History Of the British Secret Service*. Frederick Muller, 1969, P. 139.

Цитаты из этих утверждений можно прочитать в предисловии к книге *Britain's Master Spy — The Adventures of Sidney Reilly*. Американское издание этой книги вышло в Нью-Йорке в 1932 г. в издательстве Harper Brothers. *The Adventures of Sidney Reilly*, выпущенная издательством Elkin, Mathews & Marrot, была изъята из продажи по решению суда, инициированного Маргарет Рейли; Крымов, Владимир. *Портреты необычных людей*. Париж, 1971, С. 70; Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 22, и письмо с вложением, адресованное капитаном Военного министерства Уильямом Айзеком в СИС от 17 ноября 1931 г. (Reilly Papers CX 2616).

Там же.

Клонмель (US Immigration records, см. прим. 46); Дублин (US Bureau of Investigation/ONI Memorandum of 23 August 1918. P. 2 и Sonderfahndugsliste GB File. P. 78, R-38 (РХСА, отдел, IV [Гестапо] Е4).

Deacon, Richard. *A History of the British Secret Service*. P. 140. Робин Брюс Локкарт приводит несколько иной вариант этой цитаты: «Я приехал в Англию работать на англичан. Мне нужен был английский паспорт и, соответственно, английское происхождение, а от Одессы, сами знаете, далеко-далеко до Типперери!» (*Ace of Spies*. P. 104). Источником этой цитаты, несомненно, является Роберт Брюс Локкарт, в момент описываемых событий служивший секретарем по торговым делам при английской миссии. В дневниках самого Роберта Брюса Локкарта (*Diaries of Robert Bruce Lockhart*. P. 55) отсутствуют записи за 1921 год, однако по дневникам Эдварда Спирса можно предположить, что обед состоялся 17 июля 1921 г. (*Churchill College Archives Centre, Cambridge MSS SPRS 2/4*).

Britain's Master Spy — The Adventures of Sidney Reilly
(предисловие Р. IX и 7).

Рукопись книги «The Adventures of Sidney Reilly» печаталась сериями в «Ивнинг стандард» до выхода в свет в книжном варианте. Упоминание о годе рождения Рейли есть во второй публикации от 11 мая 1931 г. С. 26.

Britain's Master Spy — The Adventures of Sidney Reilly,
предисловие Р. IX.

Lockhart, Robert Bruce. *Memoirs of a British Agent*. Putnam, 1932. P. 322.

Регистрируя свой брак с Маргарет Томас 22 августа 1898 (Entry 186, 1898 Register of Marriages in the District of Holborn in the County of London), Розенблюм указал годом своего рождения 1873, эту же дату он укажет и при въезде в США в январе 1915 г. (US Immigration, Port of San Francisco, Volume 7978. P. 26, 13 January 1915), еще раз в июле 1915 г. (US Immigration, Port of New York, Volume 5587, P. 103, 6 July 1915) и при регистрации брака (State of New York, Certificate and Record of Marriage (№ 4199) between Sidney G. Reilly and Nadine Zalessky, Borough of Manhattan Bureau of Records).

Женившись на Пепите Хеддон-Чемберс 23 мая 1923 г. (Entry 29, 1923 Register of Marriages in the District of St. Martin, in the County of London), он указал датой своего рождения 1874 год, так же как и при въезде в США в 1924 году (US Immigration, Port of New York, Volume 7978, P. 26, 15 May 1924, and US Immigration, Port of New York, Volume 8155. P. 5, 21 October 1924).

Deacon, Richard. History of the British Secret Service. P. 140 и Kettle, Michael. Sidney Reilly — The True Story. P. 13.

Единственным членом семьи, с которым он стремился поддерживать отношения, была его двоюродная сестра Фелиция Розенблюм, жившая в Варшаве.

Несмотря на то что авторами книги «Britain's Master Spy — The Adventures of Sidney Reilly» официально значились Сидней Рейли и его жена, она не является автобиографией. Книга была фактически написана журналистом Стюартом Этерли со слов Пепиты Рейли шесть лет спустя после смерти Рейли.

Ответ на запрос автора от 11 августа и 12 октября 2000 года. Справка составлена Степаном Желязковым, специалистом по записям актов гражданского состояния в Государственном архиве Одесской области.

Ответ на запрос автора от 11 августа 2000 г. за подписью Герды Раттай из Венского городского архива (исх. № МА 8-А-1285/2000).

Ответы на запросы автора от 4 сентября 2000 г. за подписью д-ра Юлианы Миколецки из архива Технического университета Вены и от 3 сентября 2000 г. за подписью Томаса Майзеля из архива Венского университета.

В архивных документах Военного министерства (армейские списки), хранящихся в Государственном архиве Великобритании (Public Records Office), за указанный период числится только один майор по фамилии Фозергилл. Майор Чарльз Фозергилл поступил на военную службу в 1855 г. и вышел в отставку в 1881 г., после чего занялся коммерцией. Он никогда не был участником экспедиций в Южную Америку и не имел отношения к разведке. Не исключено, что Сидней Рейли знал Чарльза Фозергилла, так как был знаком с его сыном Бэзилем Фозергиллом.

По всей видимости, Абрам родился до указа 1821 г., предписывавшего евреям, проживавшим в Царстве Польском, носить фамилии. Более того, записи актов гражданского состояния по каждой из религиозных конфессий (римско-католическая, иудейская, протестантская и православная) стали вестись только с 1826 г. По этой причине нам не удалось установить точную дату рождения Абрама.

Нееврейские имена приведены в скобках после первого упоминания еврейского имени. Далее в тексте приводятся гойские, или нееврейские, имена, принадлежащие тому или иному лицу (слово «гой» на иврите означает «нееврей»),

Marriage Records 1840, town of Szczuczyn, province of Białystok.
Lomza Gubernia, Fond 264, Białystok Archive, Poland, Jankiel Leyba
Rosenblum and Hana Bramson.

The University of Leeds, Russian Archive, MS 1080/859, Family Tree of the Rosenblum, Neufeldt and Wolff Families; MS 1080/322, letter from Vera Bramson to Sophia Wolff, 24th April 1928; Letter from Esfir Bramson to the author, 3rd March 2003.

Послужной список Михаила Абрамовича Розенблюма (РГВИА. Ф. 326. Оп. 64. Д. 448).

Михаил Розенблюм женился на Софье Зоншейн 24 сентября 1889 г. (ГАОО, Ф. 39, Оп. 5, Д. 46, Л. 106). Их сын Борис родился в Одессе 6 июля 1890 г. (ГАОО. Ф. 39. Оп. 5. Д. 52. Л. 185).

За последние сорок лет на поверхность всплыло несколько вариантов семейных фотографий семьи Розенблюмов (с. 26), включая фотографию Рейли в подростковом возрасте (с. 29). Они были сделаны в разное время и в разных местах на протяжении восьмидесятих годов, а не в одно и то же время, как предполагает Майкл Кеттл (Sidney Reilly — The True Story. P. 72).

На сегодняшний день не найдено ни одного документального подтверждения даты рождения Розенблюма ни в одном из мест бывшей Российской империи, которые когда-либо фигурировали как место его рождения: Бедзинь (Польша), Бельск (Польша), Одесса (Украина), Херсон (Украина), Санкт-Петербург (Россия). Что касается украинских архивов, то многие документы безвозвратно погибли во время Второй мировой войны.

Первая генеральная перепись населения Одессы. XLVII, таблица 24, Л. 152–153.

Выписка из собственноручных показаний Маргарет Рейли от 13 ноября 1931 г. (Reilly Papers CX 2616).

Box 182, XIIIh, files 7 and 10 (index cards), 1891, Ochrana Collection, Hoover Institution Archives, Stanford, California.

Kettle, Michael. Sidney Reilly — The True Story. P. 14.

Там же.

Фелиция Владимировна Нейфельдт (урожденная Розенблюм) была дочерью брата Розенблюма Владимира. Она жила в Варшаве с 1900 г. и овдовела в 1911 г. Вместе со своими сыновьями Айрой и Марекком, а также их семьями она стала узницей варшавского гетто и погибла в концлагере Трешлинка в период с июля 1942 по июнь 1943 г.

Brook-Shepherd, Gordon. Iron Maze. Macmillan, 1998. P. 15–16.

Поводом к беспорядкам явилось решение правительства о призыве студентов на армейскую службу. Это привело к демонстрациям студентов, которые вскоре стали предъявлять политические требования.

В «Списке выданных заграничных паспортов (1892–1899)», обнаруженном в фонде Одесского градоначальника (ГАОО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1241), насчитывается 2400 фамилий. Для получения заграничного паспорта в то время евреям необходимо было представить следующие документы: удостоверение личности, письменное свидетельство за подписью начальника полиции о том, что он не возражает против выезда за границу заявителя; справку от уездного воинского начальника о приписке к воинской части или свидетельство о прохождении воинской службы, а также бумагу из казначейства, подтверждающую уплату 15 рублей пошлины за паспорт.

Досье Второго бюро на Рейли (28779) находилось среди прочих документов, вывезенных немцами в Берлин после оккупации ими Франции в 1940 г. Русские в свою очередь вывезли их в Москву в 1945 г. и передали в один из самых секретных советских архивов — так называемый Особый архив (сейчас являющийся частью Российского государственного военного архива), где им были присвоены новые архивные шифры. Хотя большая часть этих документов была передана во Францию в течение 1993–2000 гг., французы утверждают, что 10 000 ящиков с документами, включая досье 28779, до сих пор находятся в России. Недавний поиск этого документа в Особом архиве показал, что дела Второго бюро со старыми делопроизводственными номерами 28775—28782 по описи не числятся. По утверждению сотрудников архива, они не поступали на хранение в Особый архив и, очевидно, погибли во время Второй мировой войны. Дела, близкие к номеру 28779 (современные шифры 2812–4183), хранятся в фонде 7к, Оп. 2. Т. 3. Некоторые материалы о Рейли в фондах Особого архива все же сохранились: это справки, наведенные о нем Вторым бюро в 1933 г. (РГВА. Ф. 7к. Оп. 1. Д. 104. Л. 256–264).

Согласно досье F7 12894 (полицейские донесения о русских беженцах в Париже) и F7 12904/7 (анархисты во Франции и за границей — 1892/1893), хранящимся в Национальном архиве в Париже, 4-й и 5-й парижские округа были основными местами, в которых концентрировались русские беженцы, евреи и студенты, жившие там в девяностые годы XIX века. Эти два округа также фигурируют и в других досье, помеченных шифром F7 12591/12596/12600 (листы с описаниями иностранцев и подозреваемых — 188/1907).

Артур Эбрахаме был сыном Майкла Эбрахамса, основателя фирмы «Майкл Эбрахаме, Санс энд К^о». В Лондоне Рейли прибегал к услугам различных адвокатских контор, таких, как «Майкл Эбрахаме, Санс и К^о», «Уиллет и Сандфорд» и «Роберт Картер». Благодаря этому ни один из адвокатов не имел полного представления о его деятельности. В парижском городском архиве есть свидетельство о том, что Эбрахаме имел в Париже контору и квартиру на рю Тэбу.

Альберт-меншнз и Виктория-меншнз были элитарными многоквартирными особняками, строительство которых завершилось в 1894 г. Альберт-меншнз стоял на углу Розетта-стрит и Саут-Ламбет-роуд. Предыдущим жильцом по Альберт-меншнз, 50 был Уильям Гоулд. Хотя в почтовом адресе этот дом значился как Розетта-стрит, 50, на почтовых бланках Розенблюма всегда стоял адрес «Саут-Ламбет-роуд», что ясно указывало на престижность района. Любовь к изменению адресов была вполне характерной чертой Рейли.

Дом по Бери-Корт, 9, расположенный в приходе Сент-Эндрю-Андершафт в лондонском Сити, был сдан в аренду Альберту Адольфу, который сдал его в субаренду Розенблюму и еще трем другим арендаторам (City of London Rates Valuation Lists 1891–1896, Section 13).

Согласно списку членов Химического общества за 1897 г., с. 53, Розенблюм был избран членом общества 18 июня 1896 г.

Согласно реестру членов, членов-корреспондентов и студентов Химического института, с. 58, Розенблюм стал его членом 4 марта 1897 г.

Устав института (ст. 5, с. 15) гласит, что «Совет рассматривает каждый индивидуальный случай и принимает решение, нужно ли кандидату сдавать промежуточный или выпускной экзамен или оба из них». От кандидата также требовалось предъявить удовлетворительную нравственную характеристику. Документы на лиц, сообщавших ложные сведения о себе, более не хранятся в архивах Королевского Химического общества.

Контора Уильяма Фокса располагалась по Минсинг-лейн, 39, в непосредственной близости от компании «Розенблюм энд КО» на Бери-Корт. Фокс был также соседом Розенблюма по Альберт-меншнз, Ламбет (Electoral Register 1896/1897, Parliamentary County and Parochial electors in Kennington, Vauxhall Ward, Polling District № 5).

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 27–28.

Там же.

ГИАЛ. Ф. 1226, Оп. 1, Д. 167 (родился в Ковно 17 апреля 1869 г. от Леви, сына Моисея Брамсона, и Леи, дочери Якова).

«Сообщения Заведывающего агентурою Департаменту Полиции в Западной Европе за 1903 год. Лондон». ГА РФ, Ф. 102, Оп. 316, 1898 г. Д. 1, Ч. 16, Литера А, Л. 75–88

Интервью биографа Этель Войнич Кэрол Спиро с ее падчерицей
Унифред Гэй. Бат, Сомерсет, 1992

Sowerby, Millicent E. Rare People and Rare Books. Constable, 1967.
P.21.

Прошение и характеристика Розенблюма, а также данные о посещении им библиотеки находятся в Архиве Британского музея (Зигмунд Георгиевич Розенблюм — номер читательского билета A63702.12044). Наглядное представление о его исследовательских интересах дают названия четырех выданных ему для прочтения книг: Blagden, Sir Charles. *Some observations on ancient inks* (1787); Merrifield, Mary P. *Original treatises on the arts of painting*. 2 vol. (1849); *A Booke of secrets, showing divers waies to make and prepare all sorts of Inke and Colours*, Trans. W.P. London (1569); Linton, William. *Ancient and modern colours* (1852). К слову, читательский билет Вильфреда Войнич была за номером A53962 2897. В архивах Британского музея сохранилось свидетельство, согласно которому этот билет был выдан ему по рекомендации Сергея Степняка-Кравчинского.

PRO MEPO 7/55, P. 264 and 340. Police Orders for 10 April and 5 May 1893.

PRO MEPO 4/342 (Register of Leavers); PRO MEPO 21/32 (Pension Registers).

Adams, H.L., CID, Behind the Scenes at Scotland Yard. P. 167.

Memorandum dated 28 April 1896 (The Melville Papers).

PRO HO 45/10254. Sir Edward Bradford, chief commissioner to the Home Office, 28 April 1902.

Владимир Крымов, знавший Рейли по Петербургу до Первой мировой войны, вспоминал в своей книге «Портреты необычных людей», что за ним закрепилось прозвище «человек, который все знал», явно имея в виду его уникальную способность всегда быть в курсе событий.

Артур Вуд из «Дейли телеграф» и Джеймс Хоган из «Дейли график» снимали комнаты по Кёрситор-стрит в 1898 г.

«Вопрос о допустимости саморекламы будоражит умы наших коллег несмотря на то, что цензоры еще в 1893 г. недвусмысленно высказались на этот счет. И тем не менее в 1895 г. вопрос этот вновь стал обсуждаться. Я сожалею о том, что некоторые из нас восприняли данную позицию как запрет на их законную профессиональную деятельность; деятельность, которую меньшинство — а я надеюсь, что это незначительное меньшинство — наших членов неосознанно хотят свести к коммерции. Я убежден, что рекламирование или расхваливание нашей профессиональной деятельности безнравственно и по сути является фактическим признанием того, что тот, кто этим занимается, не может соперничать на равных со своими коллегами по профессии. Подобная практика считается недопустимой ни в одной другой профессии» (выступление председателя Химического института Томаса Стивенсона на 12-м ежегодном общем собрании членов института 1 марта 1898 г., протокол собрания за 1898 г. С. 25).

Entry 379, Register of births in the District of Gorey in the County of Wexford, Ireland. Margaret Callaghan daughter of Edward and Anne Callaghan (nee Noctor), 1 January 1874.

Entry 55, Register of Marriages in the District of Gorey in the County of Wexford, Ireland. Edward Callaghan, fisherman, and Anne Naughter, 27 February 1870 at the Catholic Chapel of St Michael.

Entry 385, Register of Births in the District of Gorey in the County of Wexford, Ireland. James Callaghan, son of Edward and Anne Callaghan (nee Naughter), 24 February 1872. Джеймс Кэллаган умер 15 марта 1930 г. (Entry 248, Register of Deaths in the Registration District of Manchester South, Sub-district of Didsbury in the County of Manchester CB).

Entry 149, 1895 Register of Marriages in the District of Paddington in the County of London. Hugh Thomas and Margaret Callaghan, 19 February 1895.

Entry 186, 1898 Register of Marriages in the District of Holborn in the County of London. Sigmund Rosenblum and Margaret Thomas, 22 August 1898.

Entry 478, 1903 Register of Marriages in the District of Islington in the County of London. Joseph Bell and Violet Pannet, 4 June 1903. Entry 281, 1910 Register of Marriages in the District of Islington in the Country of London, Charles Cross and Edith Pannett, 24 August 1910. Генри Фримен Пеннетт был служащим Королевской почты и помощником Уильяма Мелвилла с конца девяностых годов вплоть до своей отставки в 1908 г.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 32; Kettle, Michael. *Sidney Reilly — The True Story*. P. 15; Lockhart, Robert Bruce. *Memoirs of a British Agent*. P. 323; Costello John, Tsarev Oleg, *Deadly Illusions*. P. 22; Brook-Shepherd, Gordon. *Iron Maze*. P. 18; Nash, Jay Robert. *Spies* M. Evans and Company, N.Y., 1997. P. 411; Rhoer Van Der, Edward. *Master Spy*. P. 6.

Parish Register, Parish of Ballygarret, County of Wexford, 6 September 1845; Baptism of Edward Callaghan son of John and Elisa Callaghan (nee Quinn) — sponsors Paul Byrne and Mary Callaghan (National Library of Ireland, Ballygarret Parish Register, Microfiche P4255).

Инструкции Форин офиса относительно порядка выдачи паспортов (3). «Натурализованный британский подданный» — именно такая запись была бы сделана в его паспорте в соответствии с положениями тогдашнего английского законодательства (7th clause of the Act 33 Vic; C. 14).

Entry 17, Register of Births in the District of Belmullett in the County of Mayo, Ireland. Sidney Reilly son of Michael and Mary Reilly (nee Barret), 1 February 1878.

Entry 48, Register of Marriages, St George's Catholic Church, St Saviour's, Couthwark, Surrey, between William Belville and Catherine Reilly, 20th February 1879; Согласно переписи населения за 1901 г. (Shragh, County Mayo, 145/DED Derryloughlin 9 1–5), брат Кэтрин Джон и его семья еще жили в этом районе в начале столетия.

Выписка из рукописи от 11 ноября 1931 г. (Reilly Papers CX 2616.)

PRO FO 70/2048, Report dated 10 February 1897.

Под «ликвидацией» имеется в виду упомянутая Маргарет в ее показаниях продажа или ликвидация имущества, находившегося в Мэнор-хаус. Согласно записям в кадастровых книгах (Land Title MX80076 at the Harrow and District Land Registry), владельцем недвижимости на углу Бак-лейн и Кингсбери-роуд являлся Нельсон Хакселл, сдававший дом с 1895 г. Официально дом назывался «Кингсбери-хаус». На самом деле под этим названием в конце девяностых годов XIX века было известно два строения — второе было частью комплексных сооружений, расположенных на ферме Стад, напротив Кингсбери-Грин. Чтобы избежать путаницы, Хью Томас придумал свое название — «Мэнор-хаус», когда вселился туда в 1897 году. Право сдавать дом в аренду было продано 24 июня 1898 г. графине Дандональд, сменившей название дома на «Грейндж» (grange — мыза. — Прим. пер.). Ни одно из этих строений не следует путать с «Кингсбери-мэнор», находящимся сегодня в парке Ро-Грин. Это сооружение было построено в 1899 г. для герцогини Сазерлендской. В 1932 г. название «Коттедж» было изменено на «Кингсбери-мэнор».

См. прим. 105.(Выписка из рукописи от 11 ноября 1931 г. (Reilly Papers CX 2616.)

Lockhart, Robin Bruce. Ace of Spies. P.31.

Согласно записям кадастровых книг Земельного регистрационного участка округа Харроу (Land Title NGL446317 at the Harrow District Land Registry), этот дом принадлежал священнослужителям англиканской церкви, целиком владевшим Паддингтонским имением, частью которого был Аппер-Вестбурн-террас. Хью Томас стал жильцом этого дома после Ройбена Греаторекса в 1891 г. Ормонд Кросс, живший до этого по соседству на Деламер-террас, 32, вселился туда после того, как оттуда съехали Зигмунд и Маргарет Розенблюм в июне 1899 г. 30 августа 1954 г. церковные власти продали дом городскому совету Лондона, который принял решение о его сносе и построил на этом месте здание, ныне принадлежащее совету. Городской совет переименовал «Аппер-Вестбурн-террас» в «Борн-террас», каковое название существует и по сей день.

Passport Names Index, issued to S.G. Reilly, 2 June 1899 (PRO FO 611/19).

PRO FO 372/2756 Nos 7096/7531.

Kettle, Michael. Sidney Reilly — The True Story. P. 15.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 32–36. Материалы переписи 1901 г. не подтверждают того, что кто-либо по фамилии Маргарет Рейли или Розенблюм родился 1 января 1874 г. или проживал в Соединенном Королевстве в этот период времени.

Не существует никакого документального подтверждения того, что Рейли имел какое-либо отношение к Адмиралтейству или военно-морской разведке. Джозеф Белл, делопроизводитель из Адмиралтейства, был свидетелем на бракосочетании Розенблюма в 1898 г. Но и он, как это удалось установить, также не имел отношения к Отделу военно-морской разведки. Согласно документам, хранящимся в архивах Адмиралтейства, Белл был помощником второго класса, служившим в отделе морских календарей.

См. прим. 105 (Выписка из рукописи от 11 ноября 1931 г. (Reilly Papers CX2616)).

Дата, на которую ссылается Маргарет, ошибочна. В 1899 г. Сидней и Маргарет Розенблюм предприняли ряд шагов, чтобы официально взять фамилию Рейли, прибегнув к услугам адвокатской конторы «Майкл Эбрахамс, Санс и Ко». Однако их поспешный отъезд из Англии в июне 1899 г. не позволил им довести дело до конца и представить его на рассмотрение в Высокий суд. Когда десять лет спустя Сидней наконец официально сменил свое имя, его прошение в Высокий суд (PRO/J18/95) уже потеряло силу. Хотя Маргарет называла себя Маргарет Рейли до своей кончины в 1933 г., она никогда официально не отказывалась от фамилии Розенблюм.

В своем письме Мелвиллу, написанном на французском языке, П. Рачковский именует Ф. Гредингера как «procureur adjoint general a St. Petersbourg» (помощник генерального прокурора Санкт-Петербурга). Точная же должность Гредингера на тот момент, согласно его послужному списку (Письмо от 17 апреля 1899 г. (The Melville Papers; Box 35, Index Vc, Folder 3, Ochrana Archive, Hoover Institution, Stanford, California); послужной список Федора Гредингера (РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 3314).), была «товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты». (Прим. пер.).

Письмо от 17 апреля 1899 г. (The Melville Papers; Box 35, Index Vc, Folder 3, Ochrana Archive, Hoover Institution, Stanford, California);
послужной список Федора Гредингера (РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 3314).

«Сообщения Заведывающего агентурою Департаменту Полиции в Западной Европе за 1903 год. Лондон». ГА РФ, Ф. 102, Оп. 316, 1898 г. Д. 1, Ч. 16, Литера А, Л. 75–88

Untitled synopsis by Margaret Reilly (as submitted to Cassell & Co. Ltd and Capt. William Isaac of the War Office, November 1931) (Reilly Papers CX2616), см. также PRO HD 3/117, item 10; Mr. White in Petrovsk, 16th July, 1900.

Untitled synopsis by Margaret Reilly.

Ножин Е. К. Правда о Порт-Артуре. СПб., 1907. С. 927. Ножин работал корреспондентом порт-артурской газеты «Новый край» и имел хорошие связи с местными властями.

Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996. С. 101.

Ножин Е. К. Правда о Порт-Артуре. С. 933.

Позднеев Д. М. Торговля в Порт-Артуре. Статистический отчет министру финансов России С. Ю. Витте. СПб., 1902.

Там же, приложение 1, отчет № 97.

Там же.

РГИА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 58. Л. 122–124. Д. 60. Л. 17.

РГА ВМФ. Ф. 967. Оп. 2. Д. 153. Л. 77 и 83 об.

Document dated 11 January 1921 (The Reilly Papers CX 2616);
Ножин. Е. К. Правда о Порт-Артуре. С. 933.

US Immigration, Port of New York, Volume 6887. P. 20, line 2 (16/9/21), содержащая запись о въезде Маргарет в США в 1903 г.

Ludecke, Winfried. *Secrets of Espionage: Tales of the Secret Service*. Philadelphia, 1929, P. 106; Deacon, Richard. *History of the Japanese Secret Service*. Frederick Muller, 1982. P. 48–49.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 35.

Письмо проф. Пена Ниша автору от 11 апреля 2001 г.

US Bureau of Investigation report written by Agent L. Perkins, 3 April 1917.

Гай Гонт номинально возглавлял отделение британской разведки в Нью-Йорке. Однако он подчинялся отделу военно-морской разведки, а не СИС.

Gaunt, Guy. *The Yield of the Years*. L., 1940. P. 109–116.

«Rakka gyusui» — доклад полковника Акаши Мотохиро от 1906 г. о его тайном сотрудничестве с революционерами в Российской империи во время русско-японской войны. К переводу доклада, сделанного в 1988 г. Инаба Чихару, также приложены телеграммы японского Генерального штаба за 1904–1905 гг. Среди контактов Акаши был Феликс Волховский, пришедший на смену Сергею Степняку и возглавивший в Лондоне «Фонд вольной русской прессы».

Deacon, Richard. *History of the Japanese Secret Service*. P. 49–50. Оригинал этого письма вместе с другими документальными источниками, использованными Диконом в этой книге, был уничтожен. Это подтвердила в своем письме автору от 10 ноября 2000 г. вдова Дикона, Эйлин Маккормик.

Lt-Col. William Isaac. History of the Development of the Directorate of Military Intelligence (PRO WO 106/6083. P. 13).

Подполковник Джозеф Ньюман вышел в отставку в 1892 г., был участником подавления Индийского мятежа 1857–1858 гг. и Зулусской войны, его имя упоминается в донесениях (The Army List 2031/2089, PRO).

РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 100.

Того Хэйхати́ро (1847–1934), маркиз (1934). В русско-японскую войну командовал Первой эскадрой и Соединенным флотом под Порт-Артуром, в сражении в Желтом море и Цусимском сражении. (Прим. пер.)

РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 77.

Untitled synopsis by Margaret Reilly.

Крымков Владимир. Портреты необычных людей, Париж, 1971. С.
78.

Deacon Richard. History of the Japanese Secret Service. P. 49;
Ludecke, Winfried. Tales of the Secret Service. P. 106.

Entry 255, 1870 Register of Births in the Sub-district of Penshurst in the Registration District of Sevenoaks in the County of Kent.

Дело Г. Б. Коллинза. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 92.)

Письма Анны Григорьевны Коллинз и упоминания о ней содержатся в деле Г. Б. Коллинза (см. в прим. 149).

Deacon Richard. History of the Japanese Secret Service, P. 49;
Ludecke, Winfried. Tales of the Secret Service, P. 106.

Memorandum dated 6 June 1904 (Melville Papers).

The Record of the Anglo-Iranian Oil Company Ltd, Vol. 1 (1901–1918). P. 50–51 (BP Amoco Archive, University of Warwick).

Там же.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 41.

London Post Office Directories (Kellys) 1904/18.

Entry 475, Register of Deaths in the Sub-district South West Battersea, Registration District of Wandsworth in the County of London, 1 February 1918.

Автор работ «Counter-Espionage and Security in Great Britain during the First World War» // English Historical Review, Volume 101, 1986 и «British Internal Security in Wartime» // Intelligence and National Security. Vol. 1. 1986.

Porter, Bernard. *The Origins of the Vigilant State*. Boydell Press, 1987.
P. 230.

Барристер Генри Кертис-Беннетт, Королевский адвокат, удостоен звания в 1922 г., выбран депутатом в парламент от Челмсфорда, сменив на этом посту кандидата от консервативной партии Э. Дж. Претимена. Получил почетные полномочия от Королевского добровольческого военно-морского резерва, поступив на службу в МИ5 в 1917 г. Wild, Roland and Curtis-Bennett, Derek. Curtis: The Life of Sir Henry Curtis-Bennett. Cassell, 1937. P. 66–79.

Memoir by William Melville MVO, MBE, PRO RV 1/8; *The Security Service 1908–1945* (Public Record Office, 1999).

Там же. Р. 50.

Контр-адмирал Эсмонд Слейд после выхода в отставку с поста директора Отдела военно-морской разведки в 1909 г., в своем докладе премьер-министру Герберту Эсквиту писал: «Поскольку было невозможно разделить важность информации, получаемой тем или иным отделом (Адмиралтейство и Военное министерство), я взял на себя смелость организовать сотрудничество между этими двумя ведомствами» (PRO CAB 16/9B. P. 195).

Le Littoral, 18 февраля 1904 г. С. 1.

Мелвилл дважды получал благодарность от французского правительства (*Police Review*, 17 May 1895. P. 236; *Police Review*, 17 June 1903. P. 344), он также оказывал помощь русской охране во Франции (*Ochrana Archive*, Box 35, Index Vc, Folder 3).

Будучи королевским телохранителем, он говорил на нескольких языках, включая французский и итальянский; Brust, Harold. *I Guarded Kings*. Hillman Curl, 1936. P. 44.

The Record of the Anglo-Iranian Oil Company Ltd, Vol. 1 (1901–1918). P. 52 (BP Amoco Archive, University of Warwick).

Там же.

Там же.

Letter from Sidney Reilly to Alexandre Weinstein, dated 30 June 1905
(Papers of Mrs A. C. Menzies).

The Record of the Anglo-Iranian Oil Company Ltd, Vol. 1 (1901–1918). P. 52 (BP Amoco Archive, University of Warwick).

Там же.

Untitled synopsis by Margaret Reilly.

Справка Департамента полиции от 21 февраля 1905 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 19. 1905 г. Л. 38).

Там же.

Десятилетие спустя, во время Первой мировой войны, Американское бюро расследований (US Bureau of Investigation), предшественник ФБР, провело тщательное расследование прошлого Рейли. В их досье содержится целый ряд свидетельств о передвижениях его «второй жены» (US Bureau of Investigation Case Files, 1908–1922; Old German File 39368. См. также: Office of Naval Intelligence; Files on A. Jachalski, S. Reilly and A. Weinstein, National Archives, Washington DC (далее в тексте — US Bureau of Investigation/ONI). Список имен, содержащихся в деле Вайнштейна, составленный Американским бюро расследований, 23 августа 1918. С. 8). Об информации, собранной бюро на Рейли, более подробно рассказывается в гл. 7.

US Bureau of Investigation/ONI; 4 September 1918, Reilly, Weinstein, Jechalski Case: Synopsis of Persons involved. P. 12.

Послужной список Рейли, составленный в период его службы в Королевских военно-воздушных силах — Royal Air Force Record of Service; Sidney George Reilly MC (PRO, Pi 21220).

Фелиция в конце концов вышла замуж за доктора Айра Нейфельдта и переехала в Варшаву, где овдовела в 1910 г.

Дневник наружного наблюдения Охранного отделения,
С. Дж. Райллэ, 11–29 сентября 1905 г. (ГА РФ. Ф. 111. Оп. 1 Д. 2960 и
2961.)

Гамбургский государственный архив, фонд компании «Блом унд Фосс»: дело 1061 (Переписка с графом Т. Лубенским и И. Мендроховичем); дело 1062 (прошения о разрешении быть коммерческим агентом в России, 1904–1919).

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 52–53; Донесения Департамента полиции о пребывании иностранцев в Петербурге (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 19. 1905 г. Л. 38).

Дневник наружного наблюдения Охранного отделения, С. Дж. Райллэ (ГАРФ. Ф. 111.Оп. 1.Д. 2960и2961. 11–29 сентября 1905 г.) Уолфорд (Вальфорд) служил делопроизводителем поверенного в делах и членом «английской колонии» в Петербурге. Он умер в Дадли в возрасте семидесяти шести лет (Entry 424, Register of Deaths in the Registration District of Dudley, 13 April 1934).

Гамбургский государственный архив. Фонд компании «Блом унд Фосс» (Blohm & Voss), Д. 1077. Телеграмма И. Мендроховича в «Блом унд Фосс» от 14 декабря 1908 г.

Там же. Письмо Сиднея Рейли Герману Фраму от 13 апреля 1909 г.

Там же. Телеграмма Германа Фрама Сиднею Рейли от 14 апреля 1909 г.

Там же. Письмо И. Мендроховича в «Блом унд Фосс» от 23 апреля 1909 г.

Там же. Телеграмма из «Блом унд Фосс» И. Мендроховичу от 26 апреля 1909 г.

Там же. Письмо из «Блом унд Фосс» графу Т. Лубенскому и И. Мендроховичу от 27 апреля 1909 г.

Там же. Письмо И. Мендроховича в «Блом унд Фосс» от 27 апреля 1909 г.

Там же. Письмо И. Мендроховича в «Блом унд Фоссе» от 1 марта 1909 г.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 52–53.

Там же. Р. 54.

Гамбургский государственный архив. Фонд компании «Блом унд Фосс» Д. 1082. (Переписка с Куртом Орбановским.)

Там же.

Там же.

Крымов Владимир. Портреты необычных людей. С. 69.

Гамбургский государственный архив. Фонд компании «Блом унд Фосс», Д. 1083. (Переписка с разными партнерами по вопросу перевооружения русского военно-морского флота.)

Messenger, Leon C., *The Nanny with the Glass Eye*, 1985 (US National Archives, Washington).

Barker, Ralph. *The Royal Flying Corps in France*, Constable, 1994. P. 9.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 46. Франкфуртская авиационная выставка проводилась в 1909, а не в 1910 г., как утверждает Локкарт.

Там же.

Исследование, выполненное по заказу автора от 11 апреля 2001 г.
Эльмаром Штраке из Франкфуртского института истории города.

Deed Poll Notification, High Court of Justice, 23 October 1908, PRO J18/95. P. 479–480.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 46–46.

Дом 97 по Флит-стрит прихода Сент-Брайд принадлежал С. Р. Картрайту. Ювелирная фирма «Саки и Лоуренс» занимала первый этаж и подвальное помещение. Верхняя часть здания изначально пустовала, но была сдана в аренду компании лекарственных препаратов «Озон» между 1908 и 1911 гг. (City of London Quinquennial Rates Valuation List 1906–1911, Volume 2). Компания «Озон» также числится, в лондонском адрес-календаре Келли в рубрике «патентная медицина» за 1909, 1910 и 1911 годы.

Уильям Баркли Колдер, будучи, как Рейли, человеком разносторонних интересов, был в свое время торговцем лесоматериалами. Совместно с Рейли он участвовал в целом ряде коммерческих предприятий, последнее из которых представляло собой организацию в 1923 г. жульнической конторы по продаже патентованных препаратов «Модерн медисин компани лтд.»: Сам Колдер умер в 1958 г. (Entry 208, Register of Deaths in the Sub-Districts of Harrow in the Registration District of Harrow in the County of Middlesex, 28 January 1958.)

Green, Benny. The Streets of London. Pavilliop, 1983. P. 77.

Чарльз Фозергилл умер 23 февраля 1919 г. (Entry 341, Register of Deaths in the Registration Districts of Kensington in the County of London.) Бэзил Фозергилл умер через десять лет, 6 августа 1929 г. (Entry 317, Register of Deaths in the Registration District of Eton in the County of Buckinghamshire.)

Письмо Е.У.Г.Теппли, главного управляющего отеля «Сесиль»,
Дж. Х. Льюису, дяде Луизы Льюис, от 27 октября 1908 г.

Дональд Маккормик писал свои шпионские романы под псевдонимом Ричард Дикон. Однако книгу «Тщательно спланированное убийство» (Murder by Perfection. John Long, 1970) он опубликовал под своим собственным именем.

Грегори был причастен к скандалу, связанному с продажей медалей и орденов во времена Ллойд-Джорджа (1916–1922). После ухода в отставку правительства Ллойд-Джорджа он продолжал заниматься этим бизнесом и в конце концов был привлечен к суду в 1933 г.

McCormick, Donald. Murder by Perfection. P. 15–16.

London County Council: Names of Streets and Places in the Administrative County of London (4th edition, 1955).

Военно-топографические карты (Ordnance Survey Maps) за 1906–1919 г., 7—73 (HMSO), London Official and Commercial Directory, 1908, 1909.

Главный инспектор Скотленд-Ярда Артур Эскью расследовал дело о продаже орденов в 1933, а также смерть Эдит Росс, случившуюся в этом же году. Он был убежден в том, что Грегори отравил миссис Росс, но так и не смог доказать этого, вследствие чего был вынужден прекратить уголовное преследование Грегори. Однако следует отметить, что он провел самое тщательное расследование по делу Грегори, которое было только возможно в тех условиях. Выводы Эскью можно найти в газете «Санди диспетч» от 12 сентября 1954. С. 5).

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 36.

Untitled synopsis by Margaret Reilly.

Messenger, Leon C. The Nanny with the Glass Eye. P. 31.

Там же. Р. 31.

Там же.

Уилсон в то время был британским вице-консулом в Брюсселе.

226

Letter from D. Wilson to H. Tom (HM Consul General), 29 May 1931,
Brussels Despatch No. 156 (PRO FO 372/2756).

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 55.

Там же.

В 1989 г. Робин Брюс Локкарт выпустил в свет книгу Reilly: The First Man (Penguin, N.Y., 1987). Она была впервые опубликована в США и Канаде.

230

Там же. Р. 6.

«Новое время», 26 октября 1912 г. (или 9 ноября 1912 г. по григорианскому календарю). С. 2.

Персональное дело Маргарет Рейли в Красном Кресте (№ 45345).

Messenger, Leon C. The Nanny with the Glass Eye. P. 26–27.

Там же. Р. 27.

Послужные списки Петра Лукича Масино (РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 13135; Ф. 400. Оп. 12. Д. 28672).

Там же.

237

Послужной список Петра Залесского (РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1410).

Памятная книжка Морского ведомства, 1911.

US Bureau of Investigation/ONI, Report from Operative 101 to H. Hunnewell, 6 September, 1918.

Послужной список Георгия Массино (РГВИА. Ф. 400 Оп. 9.Д. 34550).

См. прим. 232 (Послужные списки Петра Лукича Масино (РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 13135; Ф. 400. Оп. 12. Д. 28672).).

Военно-судное дело Петра Масино (РГВИА. Ф. 801. Оп. 15. Д. 99).

В ноябре 1927 г. большевики выпустили сильно сокращенный вариант протоколов допросов царских министров к десятой годовщине Октябрьской революции. В № 10 за 1964 г. советский журнал «Вопросы истории» опубликовал «Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия», которые до этого хранились в спецхране Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации).

Радзинский Эдвард. Распутин. Жизнь и смерть. М.: Вагриус. С. 249.

Deacon, Richard. History of the Russian Secret Service. N.Y., 1972. P. 141.

246

Ozone Preparations Co., Handbill, 1910.

Крымов Владимир. Портреты необычных людей. С. 69.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 49.

Там же.

Список членов Императорского Всероссийского Аэроклуба, 1912 г. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 40091).

Сашонко В. Н. Коломяжский ипподром. Документальная повесть о русском авиаторе Николае Евграфовиче Попове. Лениздат, 1983.

Справка по регистрационному отделу Департамента полиции от 23 декабря 1910 г. (ГА РФ. Ф. 102. Д 4. 1910. Д. 106 Лит. Б. Т. 8. Л. 19–23).

Александр Михайлович Романов (1866–1933) – великий князь, вице-адмирал и генерал-адъютант Николая II. Двоюродный дядя и личный друг царя, к тому же женатый на его сестре Ксении Александровне. Играл видную роль в становлении российского военно-морского флота, торгового мореплавания и авиации. Умер во Франции. (Прим. ред.)

Воздухоплаватель. 1911. № 8. С. 424.

Там же.

Аэродром на Комендантском поле был закрыт в 1963 г. из-за строительства новых жилых домов. Петербургский аэропорт сегодня находится в Пулково.

Крымов Владимир. Портреты необычных людей. С. 70.

Краткие информационные материалы. С. 94. Государственная публичная библиотека Санкт-Петербурга.

Там же.

Крымов Владимир. Портреты необычных людей. С. 70.

Representation in the Ottoman Empire by Walter Berghaus, Volume 1 1903–1913, File 1118, Archives of Blohm & Voss, GmbH, Hamburg State archive; см. также Walter Berghaus File, Dahiliye Emniye Collection, Babakanlik Osmanli Arsivi, Cagaloglu, Istanbul, Turkey.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Крымов Владимир. Портреты необычных людей. С. 71.

Некролог о смерти Гофмана был помещен в газете «Новое время» от 19 октября 1911 г. на первой странице.

Согласно архивам венской городской полиции, «Д-р Сидней Рейли» (родившийся в Петербурге 20 февраля 1872 г.) останавливался в отеле «Бристоль» со своей «женой» Эрной (Эрнестиной) Рейли (родившейся в 1886 г.) и проживал там до 2 марта 1911 г., а затем снова с 6 марта 1911 г. За неделю до этого он проходил курс лечения в санатории доктора Вайнера (Meldearchiv, Antiquariat «В», 1911, Венский городской архив).

РГИА, архивная справка о кафе «Кюба», сделанная по запросу автора.

Документы «Нового английского клуба» (РГИА. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 1-25).

271

Там же.

272

Письмо Сесия Мэки в консульский отдел от 10 декабря 1918
PRO FO 369/1025, item 7.

Свершившийся факт (фр.).

Автором проекта был Николаев.

Граф Тадеуш Лубенский.

276

Большой крейсер.

277

Малый крейсер.

Гамбургский государственный архив, фонд компании «Блом унд Фосс». Д. 1083. (Письмо Сиднея Рейли Курту Орбановскому от 25 апреля 1912 г.)

Letter from Sir Charles Ottley (St Petersburg to London Office, 30 September 1912 (Rendel Papers 31/7595, Tyne & Wear Archives Service).

Reilly, *Ace of Spies*. Thames Television, 1983.

Deacon, Richard. History of the Russian Secret Service. P. 143ff.

Донесение о результатах наружного наблюдения за Сиднеем Рейли, составленное агентами русской контрразведки от 28 ноября 1911 г. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 177).

Справка по регистрационному отделу Департамента полиции от 23 декабря 1910 г. (ГА РФ. Ф. 102 Д 4 1910 Л 106 Лит. Б. Т. 8. Л. 19–23).

US Bureau of Investigation/ONI, Report of 10 September 1918.

Рейли впервые познакомился с Абрамом Животовским на Дальнем Востоке за десять лет до этого события (см. Крымову Владимир. Портреты необычных людей. С. 70).

В письме Маргарет Рейли в Военное министерство от 16 ноября 1918 г. упоминается о том, что последние известия от ее мужа она получила 28 июля 1914 г. (Reilly Papers CX 2616). Письмо Рейли Надежде упоминается в докладе Американского бюро расследований (US Bureau of Investigation/ONI Report of 10 September 1918).

287

US Bureau of Investigation/ONI, Memorandum of 23 August

Vauclain, Samuel M., May, Earl Chapin. Steaming Up! P. 236.

US Bureau of Investigation/ONI, Report of 11 October 1918.
«Лондонским представителем» Рейли был Александр Вайнштейн.

US Immigration, Port of San Francisco, Volume 7978. P 26 13
January, 1915.

Там же.

New York Directory, 1915.

Там же.

Лебедев В. В. Русско-американские экономические отношения, 1900–1917 гг. М., 1964. С. 142–144.

US Bureau of Investigation/ONI, Memorandum of 23 August 1918
(P.1-3).

Incorporation Certificate, Allied Machinery Company of America, 18 May, 1911, Certificate and Report of Inspectors of Election of the Allied Machinery Company of America, Stockholders Meeting, 27 November 1916.

Forbes, John D.J.P.Morgan Jr. 1867–1943. University of Virginia Press, 1981 P. 89.

Tacoma Daily News, 3 February, 1915. P. 1.

Spence, Richard B. Sidney Reilly in America, 1914–1917 // Intelligence and National Security, Vol. 10, No. 1, January 1995. P. 98–99.

Джеймс Р. Манн был членом палаты представителей Конгресса США, составившим и профинансировавшим «акт Манна» от 1910 г. Этот закон вводил уголовную ответственность за перевоз женщин из одного штата в другой в безнравственных целях.

US Immigration, Port of New York, Volume 5510, 15 February, 1915.

Крымов Владимир. Портреты необычных людей. С. 72.

303

Certificate of Marriage of Sidney G. Reilly and Nadine Zalesky, 16
February 1915, Marriage Register No. 4404-15, Borough of Manhattan.

Owen G. L. The Career of Sidney Reilly, 1895–1925: A Case of Study in Circumstantial Evidence (неопубликованная рукопись).

US Immigration, Port of New York, Volume 5500, 3 April, 1915.

New York Times, 26 April 1915. Пароход «Курск» отплыл 27 апреля 1915 г. пополудни.

US Bureau of Investigation/ONI, Report of 10 September 1918 and Memorandum of 12 August 1918.

US Bureau of Investigation/ONI, Report of 10 September 1918.

Spence, Richard B. Sidney Reilly in America, 1914–1917 // Intelligence and National Security, Vol. 10, No. 1, January 1995. P. 119, note 87.

310

РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 269.

311

Там же.

312

US Bureau of Investigation/ONI, копия донесения Второго Бюро в
ONI о «de Wyckoff», январь 1917 г

РГВИА. Ф. 1343, Он. 8, Д. 269.

US Immigration, Port of New York, Volume 5587, 10 July, 1915

Spence Richard B. Sidney Reilly in America, 1914–1917 // Intelligence and National Security, Vol. 10, No. 1, January 1995 P. 96–97.

316

Us Bureau of Investigation/ONI, Memorandum of 31 August 1918

317

US Bureau of Investigation/ONI, Memorandum of 12 September 1918.

Доклад Сиднея Рейли генералу Э. К. Гермониусу (ГА РФ. Ф. 6173.
Оп. 1. Д. 41).

Крымов Владимир. Портреты необычных людей. С. 72–73.

320

US Bureau of Investigation/ONI, Report of 11 October 1918.

321

US Military Observer, Berlin to AC of S, G-2 US Army Subject: Lurich, 3 November 1921 (UDS, File 800 11-381 Maj W. Cowles to W. Hurley, Office of Under Secretary, Department of State, 10 December 1921).

Thwaites, Norman G. Velvet and Vinegar. Grayson and Grayson, 1932.
P. 181–182.

323

Us Bureau of Investigation/ONI, Memorandum of 23 August 1918

Thwaites, Norman G. Velvet and Vinegar. P. 181.

The Brooklyn Daily Eagle, 31 July 1916. P.1.

Spence Richard B. Sidney Reilly in America, 1914–1917 // Intelligence and National Security, Vol. 10, No. 1, January 1995. P.

327

Там же.

Там же.

Witcover, Jules. Sabotage 3t Black Tom (Algonquin Chapel Hill, 1989). P. 160.

Spence, Richard B. Sidney Reilly in America, 1914–1917 // *Intelligence and National Security*, Vol. 10, No. 1, January 1995 P. 108–109. Версия, согласно которой Янке (Jahnke) был двойным агентом, опровергается документами американского Национального центра контрразведки в книге *American Revolution to World War Two*, Frank J. Rafalko (ed.) Chapter 3. P. 11 and note 152. Английские источники также опровергают утверждение о связях Янке с СИС.

331

Там же.

Landau, Henry. Spreading the Spy Net. Jarrolds, 1935. P. 270

Spence, Richard B. Sidney Reilly in America, 1914–1917 // Intelligence and National Security, Vol. 10, No. 1, January 1999. P. 106.

Landau, Henry. Spreading the Spy Net. P. 270.

Spence, Richard B. Sidney Reilly in America, 1914–1917 // Intelligence and National Security, Vol. 10, No. 1, January 1995. P. 111.

Там же.

337

US Bureau of Investigation/ONI, Report of 23 and 28 August, and 10 September 1918.

338

9 марта по григорианскому календарю соответствует 24 февраля юлианского летосчисления, принятого тогда в России

Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly, foreword, P. XII.

Untitled synopsis by Margaret Reilly. Сам Рейли также сообщил одному коммерческому агентству в Нью-Йорке о том, что он якобы «служил в английской армии во Франции во время войны» (YN 1215, 24 July 1925, Reilly Papers CX 2616).

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 19ff.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies* (1992 edition). P. 60.

Report of Agent L. S. Perkins of US Bureau of Investigation...Sidney G. Reilly – Neutrality Matter..., 3 April 1917.

См. прим. 393 (ONI, letter from Rear-Admiral Roger Welles (director of Naval Intelligence) to A. Bruce Bielaski (chief, US Bureau of Investigation), 14 January 1919 (National Archives, Washington DC)).

345

US War Department, General Staff, Military Intelligence Division (MID), Box 2506, File 9140-6073, Ralph Van Deman to William Wiseman, 7 July 1917.

346

Там же, William Wiseman to Ralph, Van Deman, 9 July 1917.

347

US Bureau of Investigation/ONI, Memorandum from Chief Yeoman Bond to Lt Irving: «Names in the Weinstein Case».

Там же.

349

US Bureau of Investigation/ONI, Memorandums of 6 and 12
September 1918.

350

US Bureau of Investigation/ONI, Memorandum of 23 August 1918.

Там же.

Там же.

Там же.

См. выше прим. 344 (US Bureau of Investigation/ONI, Memorandum from Chief Yeoman Bond to Lt Irving: «Names in the Weinstein Case».).

355

US Bureau of Investigation/ONI, Memorandum of 21 August 1918.

Там же.

Там же.

US Bureau of Investigation/ONI, Memorandum of 10 September 1918.

US Bureau of Investigation/ONI, Reports of 6 June and 17 October 1918.

360

Там же.

361

Там же.

Там же.

US Bureau of Investigation/ONI, Memorandum of 10 September 1918.

Там же.

365

Там же.

American Revolution to World War II, Rafalko, Frank J. (ed.). Chapter 3, note 114 (US National Counterintelligence Center).

367

US Bureau of Investigation/ONI, «Reilly, Weinsten, Jachalsky Case: Synopsis of (copy of card file) of Persons Involved», 10 September 1918.

Там же.

US Bureau of Investigation/ONI, Reports of 6 June and 17 October 1918. (Весной 1916 г. Надин вернулась в Россию, сказав Рейли, что ее отец тяжело болен. По-видимому, отношения Рейли и Тремен стали развиваться во время ее отсутствия. Согласно архивам иммиграционной службы США, Надин вернулась в Нью-Йорк 18 июня 1916 г. Ее отец умер 20 июля 1917 г. – см. послужной список Петра Массино // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 13135; Оп. 12. Д. 28672.)

370

US Bureau of Investigation/ONI, там же.

371

Там же.

Там же.

373

Там же.

374

Там же.

375

Там же.

376

US Bureau of Investigation/ONI, Reports of 21 August, 6 and 10 September 1918.

377

Там же.

378

Там же.

379

Там же.

380

Там же.

US Bureau of Investigation/ONI, Report of 17 October 1918.

US Bureau of Investigation/ONI, Report of 10 September 1918.

Там же.

Spence, Richard. Trust No One. Feral House, 2002. P. 25.

Там же.

Там же.

387

Там же.

Там же.

Vauclain, Samuel M. with May, Earl Chapin. Steaming Up! P. 248.

Foreign Office Passport Names Index (FO) 611/24, Mrs Margaret Reilly, Passport № 69238, issued 4 January 1916.

Леон Мессенджер в своей книге «Няня со стеклянным глазом» (Messenger, Leon C. The Nanny with the Glass Eye. P. 25) писал: «Мать объяснила мне, что Дейзи (Маргарет) имела многолетний опыт работы гувернанткой». Мы не знаем, когда она впервые стала работать гувернанткой, однако вряд ли это было до войны. Первое свидетельство о ее работе гувернанткой относится к 1922 году, когда она устроилась работать в семью Уори в Бельгии (там же. P. 25–26), хотя вряд ли это была первая семья, где она работала гувернанткой. Вполне вероятно, что она могла устроиться гувернанткой в английскую семью в Петербурге.

National Archives, Washington DC. Department of State, Office of the Counselor, Subject: Norbert Mortimer Rodkinson, 26 November 1918.

Согласно метрическим документам (Entry 486, Register of Births in the Sub-district of Brixton in the Registration District of Lambeth in the County of Surrey), Коринн Элиза Августа Поленс родилась 6 января 1881 г. Ее родителями были немецкий торговец Отто Поленс и Коринна Кнэгс, танцовщица в лондонском мюзик-холле. Под выражением «сомнительные моральные качества» имеется в виду ее занятие проституцией.

US Bureau of Investigation/ONI, Memorandum by Agent R. W. Finch (New York City), 2 August 1918, re.: «One Rodkinson, aspirant for position on Russian Commission».

395

14th Census of the United States: 8 January 1920 (Manhattan Enumeration District No. 566, Sheet 8A).

ONI, letter from Rear-Admiral Roger Welles (director of Naval Intelligence) to A. Bruce Bielaski (chief, US Bureau of Investigation), 14 January 1919 (National Archives, Washington DC).

397

US Bureau of Investigation/ONI, report dated 17 October 1918, P.2,
from Chief Yeoman Bond to Hollis Hunnewell

Там же.

Thwaites, Norman G. Velvet and Vinegar. P. 181.

400

Там же.

401

US Bureau of Investigation/ONI, memorandum to Lt Irvine dated 23 August 1918.

Diary of Mansfield Cumming, 15 March 1918. (цитаты взяты из книги Judd, Alan. *The Quest for C.*). Согласно спискам британской и индийской армий (PRO), Джон Даймок Скейл (р. 27 декабря 1882 г.) был первым кадровым офицером индийской армии, командированным в Россию в декабре 1912 г. В июне 1913 г. он получил квалификацию русского переводчика первого класса перед своим возвращением в 87-й Пенджабский полк в июле 1914 г. В самом начале войны он был переведен во Францию, где отличился на поле боя, был произведен в майоры в мае 1916 г. и награжден орденом за выдающиеся заслуги в апреле 1917 г. В том же месяце он был опять послан в Россию и прикомандирован к отделению СИС в Петрограде, подтверждение чего можно найти в книге М. К. Берджа «История британской разведки». С. 7 (Burge, M. K. *History of the British Intelligence Organization*, Intelligence Corps Museum, Chicksands, Bedfordshire).

Diary of Mansfield Cumming, 17 March 1918.

Thwaites, Norman G. Velvet and Vinegar. P. 181.

Spence, Richard B. Sidney Reilly in America, 1914–1917 // Intelligence and National Security, Vol. 10, No. 1, January 1995. P. 111.

406

RAF Service Record of 2nd Lt Sidney G. Reilly (PRO Pi21220).

Thwaites, Norman G. Velvet and Vinegar. P. 183.

Spence, Richard B. Sidney Reilly in America, 1914–1917 // Intelligence and National Security, Vol. 10, No. 1, January 1995, P. 112.

Diary of Air Mechanic R. H. Ibbertson, ref. DB340, RAF Museum, Hendon.

В 1919 г. Беатрис Тремен познакомилась с Дугласом Роллинсом, сыном бывшего губернатора штата Нью-Хемпшир Френка Уэста Роллина, во Флориде. Они поженились в 1921 г. и жили в Европе до смерти Дугласа Роллинса 9 июня 1932 г. После смерти Беатрис ее состояние, включая письма и архив, перешли по наследству к ее сыновьям Дугласу и Гордону Роллинсу.

411

RAF Service Record of 2nd Lt Sidney G. Reilly (PRO Pi21220).

Большевистский переворот произошел 25 октября 1917 г. по юлианскому календарю, что соответствует 7 ноября 1917 г. григорианского летосчисления.

Рейли упоминает о своем обучении в школе военного воздухоплавания в документе от 21 октября 1921 г., в котором он жалуется на задержки в выплате ему денег и пособия (Reilly Papers CX 2616).

Рапорт о наружном наблюдении за Сиднеем Рейли от 28 ноября 1911 г. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 177.)

415

Весъ Петербург, 1912, 1913, 1916 г.

416

Canadian Department of National Defense, Directorate of Military History, Special card index, «2nd Lt Sidney G. Relly MC».

417

Report dated 9 March 1918 (Sidney Reilly's File MI5 File PF 864103).
Отель «Сесиль», расположенный рядом с «Савоем», был к этому времени реквизирован Военным министерством для своих нужд.

Паспорт Джона Даймока Скейла № 173914 (The Papers of John Dymoke Scale).

419

Letter from Sidney Reilly to Col. Byron, War Office, dated 19 January 1918 (Sidney Reilly's File M15 File PF 864103).

420

Там же (приложение к письму).

421

Там же (приложение к письму).

422

Memorandum from M15 to SIS, dated 30 January 1918 (Sidney Reilly's File MI5 File PF 864103).

423

Memorandum from MI5 to SIS, dated 2 February 1918 (Sidney Reilly's File MI5 File PF 864103).

424

Entry № 475, Register of Deaths in the Registration District of Wandsworth, in the Sub-District of South West Battersea, 1 Febraury 1918.

425

Телеграмма Си № 206 от 28 февраля 1918 г. в разведпункт СИС в Нью-Йорке.

426

Телеграмма CX 021744, CMX 188, полученная в Лондоне в 10 часов утра 4 марта 1918 г. (Reilly Papers CX 2616).

427

Observation reports dated 6–9 March 1918 (Sidney Reilly's File MI5 File PF 864103).

428

Report dated 9 March 1918 (Sidney Reilly's File MI5 File PF 864103).

429

Телеграмма CX 023100, CMX 201, полученная в Лондоне в 2 часа 20 минут дня 14 марта 1918 г. (Reilly Papers CX 2616).

Уайтхолл-Корт (сегодня является частью отеля «Ройал-Хорсгардз») был спроектирован архитекторами Арчером и Грином и построен в 1884 г. Удобно расположенный напротив здания Военного министерства, он, по сути, ничем не отличался от безликого многоквартирного дома. Си реквизировал для своих нужд верхний этаж и занимал его под именем капитана Спенсера (Kelly's Post Office Directory, 1918).

Dukes, Sir Paul. *Red Dusk and Morrow*, Williams and Norgate, 1923. P. 9. В своей книге «Король шпионов» (С. 98) Робин Брюс Локкарт утверждает, что, «когда Дюкс был приглашен на свое первое собеседование с главой Сикрет сервис, Рейли присутствовал на этой встрече и одобрил выбор Камминга». Однако из воспоминаний самого Дюкса очевидно, что к тому времени, когда состоялась его встреча с Каммингом (июль 1918 г.), Рейли был уже в России (Dukes, Sir Paul. *The Story of ST25*. Cassell, 1938. P. 28–29).

432

Телеграмма CX 023996, CMX 212, полученная в Лондоне в 2 часа 25 минут дня 21 марта 1918 г. (Reilly Papers CX 2616)

433

Телеграмма CX 023996, CMX 212, полученная в Лондоне в 2 часа 25 минут дня 21 марта 1918 г. (Reilly Papers CX 2616).

Diary of Mansfield Cumming, 22 March 1918.

435

Memorandum from MI5 to Irish Command, dated 22 March 1918
(Sidney Reilly's File MI5 File PF 864103).

436

Memorandum from Irish Command to MI5, dated 31 March 1918
(Sidney Reilly's File MIS File PF 864103).

Префикс «ST» – первые буквы города (Стокгольм), в котором находился разведпункт СИС и через который Рейли посылал свои донесения в Лондон.

438

Телеграмма CMX 159 от 29 марта 1918 г. (Reilly Papers CX 2616.)

439

Letter from Stephen Alley to Robin Bruce Lockhart, dated 13 May 1966, Box 6, Robert Bruce Lockhart Collection, Hoover Institution Archives, Standford, California.

440

Телеграмма от 22 марта 1918 г. 5.25 дня. (Sidney Reilly s File MI5
File PF 864103/V1.)

То, что в телеграмме Си последняя буква фамилии Рейли написана через *i* (Reilli), наводит на предположение, что эта ошибка была сделана намеренно.

Там же, прим. 34.

US Bureau of Investigation/ONI, report dated 16 October 1918. P.1;
from Chief Yeoman Bond to H. Hunnewell and A. Smith.

Генерал Эдвард Спирс вспоминал о том, что Рейли рассказывал ему о «ценнейшей коллекции монет и наполеоновских реликвий», которые тот хотел вывезти из России. Из письма Спирса также можно понять, что эта коллекция полностью или частично к 1925 году находилась в России (Letter to Robin Bruce Lockhart, dated 2 January 1967, Box 6, Robert Bruce Lockhart Collection, Hoover Institution Archives, Standford, California).

445

Телеграмма СХ 027753 от 16 апреля 1918 г. (Reilly Papers cx 2616:)

446

Там же.

Lockhart, Robert Bruce. *Memoirs of a British Agent*. P. 276.

Там же.

В следующем месяце министр иностранных дел Великобритании Артур Бальфур послал телеграмму Локкарту с осуждением его оценок и рекомендаций: «В разное время вы выступали против интервенции союзников в любой форме, против японской интервенции; против выступления союзников при поддержке японцев; против высадки во Владивостоке, за интервенцию в Мурманске; в поддержку ее по приглашению, в поддержку ее без приглашения, независимо от того, поддерживали ее большевики или нет» (Debo, R. K. Lockhart Plot or Dzerzhinsky Plot? P. 426–427).

Kettle, Michael. Sidney Reilly – The True Story. P. 24; Lockhart, Robin Bruce. Ace of Spies. P. 67–68; Rhoer Van Der, Edward Master Spy. P. 24–25.

451

Телеграмма СХ 013592 из Москвы от 12 мая 1918 г (PRO WO 32/5669.)

452

Телеграмма СХ 035402 из Москвы от 29 мая 1918 г (PRO WO 32/5669).

Там же.

Дагмара Генриховна Карозус в действительности была не русской, как это предполагали другие авторы, а немкой, и именно так она фигурирует в документах Департамента полиции (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 174 Д. 6, 1914, Д. 69. Т. 30. С. 37–40).

455

Личное дело Елизаветы Эмильевны Оттен (Государственный академический центральный театр им. С. В. Образцова. Москва. Оп. 6. Ед. хр. 120).

Отчет судебного заседания Верховного трибунала в Москве от 29 ноября 1918 г. // Известия. 1 декабря. 1918 г.

Rhoer Van Der, Edward. *Master Spy*. P. 224ff; Deacon, Richard. *History of the Russian Secret Service*. P. 264ff; Lockhart, Robin Bruce. *Reilly – The First Man*. P. 55; Spence, Richard. *The Terrorist and the Master Spy: The Political Partnership of Boris Savinkov and Sidney Reilly, 1918–1925* // *Revolutionary Russia*, Vol 4 No. 1, June 1991. P. 120ff.

Кромби Френсис Ньютон Элан (1882–1918) – капитан военно-морского флота Великобритании, командующий подводной флотилией. Отличился во время Первой мировой войны своими действиями против германского флота в Северном и Балтийском море. (Прим. ред.)

«Преторианские гвардейцы» – личная охрана римских императоров, одно из самых мощных и привилегированных воинских соединений в Древнем Риме. (Прим. пер.)

Rhoer Van Der, Edward. Master Spy. P. 47.

Отчет судебного заседания Верховного трибунала в Москве от 29 ноября 1918 г. // Известия. 1 декабря. 1918 г.

Гостиница «Элит» была расположена на улице Петровка, 2, в десяти минутах ходьбы от Большого театра. Она была позже переименована в гостиницу «Аврора», в честь крейсера, сделавшего выстрел по Зимнему дворцу во время Великой Октябрьской революции. Сегодня отель носит название «Будапешт».

Lockhart, Robert Bruce. *Memoirs of a British Agent*. P. 314–316; «Final Report of Robert Bruce Lockhart to Foreign Secretary Balfour» («Заключительный отчет Роберта Брюса Локкарта министру иностранных дел Бальфуру») от 7 ноября 1918 г. (PRO FO 371/337/185499).

«Final Report of Robert Bruce Lockhart to Foreign Secretary Balfour», там же; «Report of Work Done in Russia» by Capt. George Hill (кап. Джордж Хилл, «Отчет о работе в России») (371/3350/79980).

Исповедуемый Рейли принцип «разделяй и властвуй», именуемый в письмах Надин «системой» (US Bureau of Investigation/ONI, Report from chief Yeoman Bond to H. Hunnewell and A. Smith, dated 10 September, 1918), уже обсуждался нами в гл. 7 в контексте отношений Рейли с компанией «Блом унд Фосс».

Lockhart, Robert Bruce. *Memoirs of a British Agent*. P. 316.

467

FO 371/3348, № 190442 dated 5 November 1918.

Джордж Хилл был первоначально прикомандирован к военной разведке после увольнения с военной службы 13 июня 1915 г. в результате полученного им ранения во Франции. Он выполнял различные задания на Балканах, в Египте и в России руководителя военной разведки Военного министерства до того, как был прикомандирован к СИС в 1918 г. В воспоминаниях, выпущенных им в 1932 г. (*Go Spy the Land*), он пишет, о себе как об агенте IK8 английской Сикрет сервис. Однако IK не является префиксом СИС, поэтому можно предположить, что это кодовое имя было дано ему военной разведкой. Во время своей работы в России на СИС Хилл получил кодовое имя ST, как и все другие агенты, работающие в этой области. (Service File № 51224, Capt. George A. Hill, Canadian Department of National Defense; Army Service Record of Capt. George A. Hill (PRO Pi 15714).

Это утверждение было напечатано в газете «Известия» от 3 сентября 1918 г. Джордж Хилл приводит в своем отчете «Report of Work Done in Russia» (PRO FO 371/3350/79980) слова Рейли, где тот возражает против превращения Ленина и Троцкого в мучеников. Это также не находит подтверждения ни в рапорте К. А. Петерсона (Политический комиссар латвийского стрелкового дивизиона // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 207), ни в воспоминаниях заместителя председателя ЧК Якоба Петерса, выпущенных в 1924 г., между тем как свидетельства этих людей являются самыми надежными, поскольку они принимали непосредственное участие в описываемых событиях.

Обращение в Общество Красного Креста помощи политическим заключенным от Ольги Старжевской, Бутырская тюрьма, Москва, 11 ноября 1918 г. (ГА РФ. Ф 8419 Оп. 1 Д 356, Л. 355–356).

Под «разведенной дамой» имеется в виду Ольга Старжевская, родившаяся в Ставрополе в 1893 г. (ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 321. Л. 60–62. См.: письмо Ольги Старжевской из Бутырской тюрьмы в Политический Красный Крест от 22 сентября 1919 г.) Она развелась в 1915 г. (ГА РФ. Ф. 1005, Оп. 1а, Д. 88 «Дело Верховного революционного трибунала при Всероссийском ЦИК № 9/1919 о восстановлении в правах поступления на советскую службу гражданки Ольги Дмитриевны Старжевской»).

Обращение Елизаветы Оттен в Общество Красного Креста помощи политзаключенным, Бутырская тюрьма, Москва, 11 сентября 1918 г. (ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 155. Л. 174–175 об.)

Известия, 3 сентября 1918 г.; листовка на английском языке за подписью народного комиссара по иностранным делам Г. Чичерина (Sensational plot discovered to overthrow Soviet Government – Раскрытие сенсационного заговора с целью свержения советского правительства), распространявшаяся в среде союзнических войск в Архангельске.

474

PRO FO 371/3350/79980. Report of Work Done in Russia by George Hill.

475

Там же.

476

Там же.

Там же. Хилл отдал Рейли свой паспорт на имя Георга Бергмана, и Рейли переклеил фотографию на свою собственную. Хилл так объясняет, почему он выбрал для себя такое имя: «Мне было неприятно отказываться от своего имени, и в конце концов я решил выбрать для себя немецкое имя, как можно более соответствующее моему собственному. Вот почему я выбрал «Берг», немецкий эквивалент английского «хилл» («холм»), прибавив к нему «ман», чтобы ни у кого не было сомнений в моем немецком происхождении». Hill, George. *Go Spy the Land*, Cassell, 1932. P. 217.

478

PRO FO 371/3350/79980. Report of Work Done in Russia by George Hill.

Hill, George. Go Spy the Land. P. 245.

480

PRO FO 371/3350/79980. Report of Work Done in Russia by George Hill.

Разработка Трест (ЦА ФСБ. № 302330, т. 37, л. 241).

Ныне Таллин. (Прим. ред.)

Ныне Хельсинки. (Прим. ред.)

Там же. В своих показаниях Рейли называет капитана финном. В действительности Гарри ван ден Бош был голландцем, проживавшим в Ревеле и совершавшим рейсы между Ревелем и Петроградом. Несомненно, Рейли назвал его финном для того, чтобы ОГПУ не вычислило этого человека,

Записка Сиднея Рейли Гарри ван ден Бошу от 10 октября 1918 г., цитируется по книге: Kettle, Michael. Sidney Reilly The True Story. P. 49ff.

486

PRO FO/371/3319. Telegram 3472 «Personal and Most Secret» 30
September 1918.

487

PRO FO 371/3319. Letter from Lt-Col. C. N. French at the War Office to Ronald Campbell of the Foreign Office, 10 October 1918.

488

PRO FO 383/379, item 12, File 117953. Letter from Mrs M Reilly to the Netherlands Legation (British Section), 17th October 1918.

489

Letter from Margaret Reilly to the War Office, dated 16 November 1918 (Reilly Papers CX 2616).

490

Letter from Margaret Reilly to the Air Board, dated 4 January (Reilly Papers CX 2616/).

491

The Last Will and Testament of Margaret Reilly, 15 May 1914, High Court of Justice, London, Principal Probate Registry, Ref. 1292, 2 February 1934.

Hill, George. Go Spy the Land. P. 262.

Там же. Р. 263.

Letter from Sidney Reilly to Robert Bruce Lockhart, 25th November 1918, Lord Milner Papers, Great War, box 365c, Oxford University.

495

PRO FO 371/4019. Letter from Reginald Hoare to Rex Leeper, 27th November 1918.

496

Дневник Сиднея Рейли, 10 декабря 1918 г.; паспорт № 926, выданный на имя С. Дж. Рейли 12 декабря 1918 г (Reilly Papers CX 2616).

Hill, George. Go Spy the Land. P. 264.

Там же.

499

Diary of Sidney Reilly, 14 December 1918 (Reilly Papers CX 2616).

Hill, George. *Dreaded Hour*. Cassell, 1936. P. 63.

501

Diary of Sidney Reilly, 17 December 1918 (Reilly Papers CX 2616).

Diary of Sidney Reilly, 19 December 1918 (Reilly Papers CX 2616).

Diary of Sidney Reilly, 23 December 1918 (Reilly Papers CX 2616).

Там же.

Diary of Sidney Reilly, 25 December 1918 (Reilly Papers CX 2616).

Hill, George. Dreaded Hour. P. 61–62.

507

Там же.

Там же.

Diary of Sidney Reilly, 13 January 1919 (Reilly Papers CX 2616).

510

Reilly's Despatch No. 1, Sevastopol, 28 December 1918 (PRO FO 371/3962).

511

Reilly's Despatch No. 2, Ekaterinodar, 8 January 1919 (PRO FO 371/3962).

512

Diary of Sidney Reilly, 5 January 1919 (Reilly Papers CX 2616).

Reilly's Despatch No. 2.

514

Там же.

«Национальный центр» (НЦ) – крупный белогвардейский центр, объединивший ряд подпольных организаций, в том числе остатки так называемого «Правого центра». Был связан с так называемым «Союзом возрождения России», «Добровольческой армией московского района» и др. Претендовал на роль Главного штаба в борьбе против большевиков. Петроградская организация НЦ контактировала с группой английского разведчика Пола Дюкса. (Прим. ред.)

516

Там же.

517

Diary of Sidney Reilly, 8 January 1919 (Reilly Papers CX 2616).

518

Reilly's Despatch No. 4, Ekaterinodar, 11 January 1919 (PRO FO 371/3962).

519

Reilly's Despatch No. 5, Ekaterinodar, 17 January 1919 (PRO FO 371/3962).

520

Там же.

521

Там же.

Там же.

Там же.

Diary of Sidney Reilly, 14 January 1919 (Reilly Papers CX 2616).

525

Там же.

Сообщение об их награждении Военным крестом было напечатано в «Лондон газетт» 12 февраля 1919 г. «Его Королевское Величество всемилостивейше изволил утвердить пожалование нижепоименованных наград за особые заслуги, оказанные во время боевых действий в военное время. Награждаются Военными крестами – лейт. Джордж Александр Хилл, 4 бат. Манч. п; приком. к КВВС; 2 лейт. Сидней Джордж Рейли, КВВС».

527

Diary of Sidney Reilly, 22 January 1919 (Reilly Papers CX 2616).

Там же.

529

РГВА, Ф. 40213, Оп. 1, Д. 110а, Л. 21.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 87. Локкарт называет эту улицу бульваром Александра III. Названная в честь царя, эта улица на всех картах и городских справочниках фигурирует как Александровский проспект. В советское время улица была переименована в проспект Мира. После распада Советского Союза в 1991 г. и обретения независимости Украиной улице было возвращено прежнее название – Александровский проспект.

Новороссийский адрес-календарь (Канцелярия Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора) 1871–1874; Адрес-календарь Одесского градоначальника, 1877–1880, 1881–1896 гг.

ΓΑΟΟ, Φ. Π-8085, Οπ. 1, Δ. 26.

533

Diary of Sidney Reilly, 4 February 1919 (Reilly Papers CX 2616).

534

Memorandum by G. E. Pennington, dated 20 March 1919 (Sidney Reilly's MI5 File PF 864103). По этому адресу в Брикстоне жил Джон О'Сэлливан, друг семьи Кэллаганов.

Letter from Margaret Reilly to Capt. Spencer, dated 4 February 1919 (Reilly Papers CX 2616). Пол Дюкс в своих мемуарах вспоминал: «Вскоре я обнаружил, что по меньшей мере с десяток человек в нашем чердачном лабиринте (так Дюкс называл штаб-квартиру СИС по Уайтхолл-плейс, 2) и его отделах носили одно и то же имя!» Dukes, Sir Paul. The Story of ST25 P. 35.

536

Telegram CX 066117, sent from Odessa 1.20 p.m. 19 February 1919, received in London 1.30 p.m. 22 February 1919 (Reilly Papers CX 2616).

537

Reilly's Despatch No. 13, Odessa, 18 February 1919 (PRO FO 371/3978).

538

Reilly's Despatch No. 15, Odessa, 21 February 1919 (PRO FO 371/3978).

Комментарии Селби, составленные им 5 марта 1919 г., были приложены к донесениям Рейли № 1—12 (PRO FO 371/3962).

Hill, George. *Dreaded Hour*. P. 95. В «Совет послов» входили русские дипломаты, аккредитованные при европейских столицах незадолго до Октябрьской революции. Комитет был учрежден противниками большевиков и должен был представлять национальные интересы России на Мирной конференции в Париже.

541

Там же.

Там же, 99-100.

543

Там же, 102.

Там же.

Рейли и Хилл были не единственными, кто претендовал на передачу этой информации Уиккему-Стиду. Гордон Окинлосс, зять одного из членов американской делегации полковника Эдварда Хауза, также заявлял о своей причастности к утечке информации (Brook-Shepherd, Gordon. Iron Maze note 8 P. 357).

Daily Mail, 26 March 1919. P. 1. Доклад Уильяма Буллита о своей встрече с Ллойд-Джорджем хранится в архиве Сенатского комитета по иностранным делам (US Senate Foreign Relations Committee, Official Report 1919. P. 1279).

547

Рейли выехал из Саутгемптона 15 апреля на борту пассажирского лайнера пароходной компании «Олимпик», который прибыл в Галифакс 19 апреля 1919 г. (US Immigration, M1464.

US border crossing reference, NYPL Z1637 M1461.

Рейли знал Ярошинского еще до войны по Петербургу. Согласно «Характеристике Кароля Ярошинского», составленной Джоном Пиктоном Багге, это был сорокалетний поляк из Киева, который унаследовал от своего отца, крупного землевладельца, «3 или 4 миллиона рублей». На свои деньги он основал университет в Люблине, а также скупил двадцать два сахарных завода и шесть крупных банков. Багге сравнивает его с Сесилом Родсом и уважительно говорит о его «гениальной способности покупать банки и заводы». (СНАR 16/28/45, Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge.)

550

Telegram 10 May 1919, Sidney Reilly to John Picton Bagge, Foreign Office, CXC 416 (PRO FO 371/4019).

551

SS Baltic «inward» passenger list (PRO BT 26/653 & 654).

552

RAF Service Record of 2nd Lt Sidney Reilly (PRO Pi 21220).

Запрос на разведывательную информацию направлялся в агентурный отдел СИС, который затем давал задание конкретному агенту добыть нужные сведения.

554

Memorandum dated 3 October 1919 from Maj. D.J.F Morton to Col. S. Menzies (Reilly Papers CX 2616).

555

Memorandum dated 16 October 1919 from Col. S. Menzies to Maj. D.J.F. Morton (Reilly Papers CX 2616).

Ludecke, Winfried. *Secrets of Espionage: Tales of the Secret Service*.
P. 105.

Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly, фронтиспис.

Thwaites, Norman G. Velvet and Vinegar. P. 181.

559

Memorandum from Sidney Reilly to John Picton Bagge, 10 October 1919 (CHAR 16/28/18 & 19, Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge).

«The Russian Problem» (CHAR 16/28/170-189, Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge).

561

Note from Sir Archibald Sinclair to Winston Churchill, 15 December 1919 (CHAR 16/28/150, Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge).

Там же.

563

G3/147 London to Capt. W. Field Robinson, 30 January 1920 (Reilly Papers CX 2616).

ВСЮР— Вооруженные силы Юга России. (Прим. ред.)

565

Там же, прилагаемый отчет.

566

Letter from Sidney Reilly to C, 23 March 1920 (Reilly Papers CX 2616).

Знакомый Рейли офицер Добровольческой армии.

568

Реалистическая политика (нем.).

569

Там же.

570

Memorandum from Section H to C, 5 March 1920 (Reilly Papers CX 2616).

571

Letter from Sidney Reilly to Robert Nathan, 13 March 1920 (Reilly Papers CX 2616).

572

Letter from Sidney Reilly to Robert Nathan, 14 March 1920 (Reilly Papers CX 2616).

573

Letter from Sir Archibald Sinclair to Winston Churchill, 24 June 1920
(CHAR 16/57/17, Churchill Archives Centre, Churchill College,
Cambridge).

US Immigration, Port of New York, Volume 6489, 13 June 1920.

575

Entry No. 328, Register of Births in the Sub-district of Batheaston in the Registration District of Bath in the County of Somerset, Frances Caryl Houselander, 29 September 1901.

House lander, Caryll. That Divine Eccentric, Maisie Ward. Sheed and Ward, 1962. P. 72–73,

Houselander, Caryll. A Rocking Horse Catholic. Sheed and Ward, 1955. P. 136–137.

578

Там же.

579

Letter from Dermot Morrah to Frank Sheed, 7 October 1956 (Sheed and Ward Family Papers, Box 12, Folder 12, University of Notre Dame Archives, Indiana, USA).

580

Letter from Caryll Houselander to Wilfred Sheed, 12 October 1950
(Sheed and Ward Family Papers, Box 12, Folder 12, University of Notre
Dame Archives, Indiana, USA).

Houselander, Caryll. *That Divine Eccentric*. P. 61.

The Diaries of Robert Bruce Lockhart, Young, Kenneth (ed.), P. 183.

583

Letter from Winston Churchill to Stewart Menzies, 29th October 1920,
CHAR 16/49, Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge.

Solomon, Georgi. *Parmi les maitres rouges* (Paris, 1930). P. 248–250.
Русское издание: Соломон Георгий. Среди красных вождей. М.: Современник, 1995. С. 336–338.

585

Memorandum from Naval Intelligence Division to SIS, 3 September 1920 (Reilly Papers CX 2616).

586

Memorandum from C to Naval Intelligence Division, 7 September 1920 (Reilly Papers CX 2616).

587

Memorandum from Naval Intelligence Division to SIS, 10 September 1920 (Reilly Papers CX 2616).

Там же, собственноручная резолюция Си в нижнем углу донесения.

589

Memorandum dated 20 October 1920 (Reilly Papers CX 2616).

590

Telegram No. 983, dated 29 October 1920 (Reilly Papers CX 2616).

591

Memorandum from Section V to Production, 3 November 1920 (Reilly Papers CX 2616).

Telegram from Section G2 to Sidney Reilly, 8 November (Reilly Papers CX 2616).

Разработка Трест (ЦА ФСБ. № 302330. Т. 37).

The New York Times, 1 May, 1921. P. 8.

595

Box 6, Robert Bruce Lockhart Collection (Hoover Institution Archives, Stanford, California).

596

Letter from H. F. Pougher to Air Board, received by SIS 12 October 1921 (Reilly Papers CX 2616).

Там же. Записка Сиднея Рейли, приложенная к письму Пауэра.

598

Letter from Sidney Reilly to SIS, 19 September 1921 (Reilly Papers CX 2616).

Letter from Sir Eyre Crowe (permanent under-secretary, Foreign Office) to Lord Curzon (Foreign Secretary), 28 December (Curzon Papers), reproduced in Winston S. Churchill, Vol. IV, 1917–1922, Martin Gilbert, companion volume III. P.1703 – 05).

600

Там же.

601

Letter from Sidney Reilly to SIS, 23 January 1922 (Reilly Papers CX 2616).

602

From SIS (Vienna), 1 February 1922 (Reilly Papers CX 2616).

603

From G7 (London) to SIS New York, 24 July 1923 (Reilly Papers CX 2616).

Letter from Edward Spears to Robin Bruce Lockhart, 2 January 1967, Robert Bruce Lockhart Collection, Box 6, Hoover Institution Archives, Stanford, California.

605

Diary of Edward Spears, 1 April 1921 (Spears MSS SPRS 2/4
Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge).

Diaries of Robert Bruce Lockhart, Kenneth Young (ed.). P.17.

607

Diary of Edward Spears, 17 July 1921 (Spears MSS SPRS 2/4
Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge).

Герберт Гведалла был до войны директором «Русско-Английского банка». Будучи директором «Империял энд Форин Компани», он вместе с Эдвардом Спирсом был одним из компаньонов Рейли и Спирса по радиумной сделке.

Подполковник Роберт Гай (1878–1927) – знакомый Спирса во время Первой мировой войны (см. Who Was Who, 1916–1928).

Рейли всегда любил хвастаться своим близким знакомством с Черчиллем. Хотя он и был достаточно хорошо знаком с его помощником сэром Арчибальдом Синклером, но с Черчиллем он встречался не более нескольких раз. В архиве Черчилля за 1919–1925 гг. можно обнаружить всего лишь несколько писем, адресованных Рейли, да и те были написаны в ответ на послания самого Рейли. В обоих письмах Черчилль обращается к нему «мистер Рейли». К своим друзьям или людям, которые находились с ним в более близких отношениях, Черчилль бы обратился, к примеру, «мой дорогой Синклер» или «дорогой Спирс», но уж никак не «уважаемый мистер».

Diary of Edward Spears, 17 August 1921 (Spears MSS SPRS 2/4
Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge).

612

Там же. 21–25 October 1921.

613

Там же. 25 October 1921,

614

Там же. 23 November 1921.

615

Там же. 20 April 1922.

616

Там же. 30 June 1922.

617

The Tatler, No. 905, 30 October 1918. P. 133.

618

Письмо Сиднея Рейли Борису Савинкову от 7 мая 1923 г. (ГА РФ.
Ф. Р-5831. Оп. 1. Д. 177).

Entry 462, Register of Births in the Registration District of Lancaster in the County of Lancaster, 4 May 1862. Изобель Бертон умерла в возрасте восьмидесяти шести лет (Entry 463, Register of Deaths in the Sub-district of Hythe in the Registration District of Folkestone in the County of Kent, 20 June 1948).

Письмо Изобель Бертон в британское консульство в Гамбурге от 5 июня 1888 г. (A6, Vol. 3 Alphabetisches Register weiblicher Fremder 1868–1890).

Франц Курт Бертон родился 5 июля 1888 г. в Гамбурге (Freie und HanseStadt Hamburg, Standesamt).

Нелли Луиза Бертон родилась 20 января 1891 г. в Гамбурге (Freie und Hansestadt Hamburg, Standesamt).

«Картотека жителей, выбывших или умерших за период между 1892 и 1925 гг.» (K44320, Fotoarchiv, Hamburg).

Свидетельство о рождении Элис Бертон в Англии обнаружить так и не удалось. Возможно, она родилась на континенте или была зарегистрирована в Великобритании под другим именем. В ее брачном свидетельстве (Entry 124, Register of Marriages in the Registration District of St George Hanover Square in the County of London, 18 January 1918) графа 7 («имя и фамилия отца») не заполнены. Странным образом в графе 6 «дата и место рождения» ее свидетельства о смерти (Entry 87, Register of Deaths in the Registration District of Westminster in the City of Westminster, 5 February 1972) стоит «около 1894 г.».

625

Программа шоу «Cache ton пи» от 20 апреля 1914 г. (Ro 15743, Arsenal Library, Париж).

«Пепа» – сокращенный вариант имени Джозефина, а «-ита» – уменьшительно-ласкательный суффикс, буквально означающий «маленькая Джозефина». Бобадилья – город в провинции Хаен на юге Испании, название которого происходит от арабского слова «боаб’диль». Нелли впервые взяла сценический псевдоним Бобадилья летом 1914 г. В 1916 г. с ее матерью Изобель беседовали сотрудники МИ5, интересовавшиеся ее связями с моряком, служившим на голландском торговом судне. Им она заявила, что собирается выйти второй раз замуж – за Пита Рейерса и что фамилия ее первого мужа была Бобадилья. Она так и не вышла замуж за Рейерса, как и ни за кого другого, до конца своих дней. Когда она умерла в 1948 г., то в ее свидетельстве о смерти было Записано, что она «вдова Френка Бертона».

627

The Sketch, 19 November 1916. P. 6.

628

US Bureau of Investigation/ONI, memorandum to H. Hunnewell and A. Smith, 6 September 1918.

629

1924 Electoral Register, City of Westminster, Knightsbridge St George's Ward.

630

Entry 96, Register of Marriages in the Registration District of St George Hanover Square in the County of London, 29 October 1920.

Упоминание этого эпизода можно найти в письме Ребекки Уэст Робину Брюсу Локкарту от 29 1968 г. (Robert Bruce Lockhart Collection, Box 6, Hoover Institution Archive, Stanford, California).

The London Directory 1921.

Entry 95, Register of Deaths in the Sub-district of Mayfair and Knightsbridge in the Registration District of St George Hanover Square in the County of London, 28 March 1921; Чарльз Хеддон-Чемберс умер, не составив завещания, 2 мая 1921 г. Высокий суд правосудия (отдел по составлению завещаний) постановил передать имущество Чемберса во владение Нелли (9195 фунтов «грязными» или 8240 фунтов «чистыми»).

Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly. P. 105.
Русский перевод цитируется по: Бобадилья Пепита. Приключения
Сиднея Рейли. С. 269 // Локкарт, Робин Брюс. Шпион-легенда XX века.
М.: Центрполиграф, 2001.

635

Там же. С. 18–109.

Houselander, Caryll. *That Divine Eccentric*. P. 75–76.

Утверждение Нелли о том, что в декабре 1922 – январе 1923 г. она останавливалась в отеле «Адлон», вызывает сомнения. Отель «Адлон» располагался в Берлине по адресу Унтер-ден-Линден, 77 (он был разрушен во время битвы за Берлин в 1945 г. и восстановлен на том же месте в 1997 г.). В письме Рейли от 9 января, адресованном Нелли, указан, однако, другой адрес – Бамбергерштрассе, 38,4 эт., Берлин, Вильмерсдорф.

638

Letter from Sidney Reilly to Nelly Haddon Chambers, 9 January 1923
(Robert Bruce Lockhart Collection, Box 6, Hoover Institution Archive,
Stanford, California).

639

Entry 29, Register of Marriages in the Registration District of St Martin in the County of London, 18 May 1923.

Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly by Sidney and Perita Reilly. P. 105. Бобадилья Пепита. Приключения Сиднея Рейли. С. 272 // Локкарт, Робин Брюс. Шпион-легенда XX века. С. 272.

641

Там же. Р. 115.

642

Там же.

Маргарет упомянула о своей последней встрече с ним в беседе с английским вице-консулом в Брюсселе Даррелом Уилсоном (Despatch No. 156, 29 May 1931 PRO FO 372/2756), а также в своих показаниях от ноября 1931 г.

В сентябре 1921 г. Маргарет совершила поездку в Америку (US Immigration Records, Port of New York, Vol. 6887. P. 20. 16 September 1921). Учитывая ее тогдашнее материальное положение, она вряд ли могла оплатить эту поездку, в связи с чем возникает вопрос, кто и почему финансировал ей эти расходы. В документах Иммиграционного ведомства США мы находим запись, согласно которой Маргарет заявила, что она приехала в США с целью навестить своих друзей «Эдварда Муна и его жену». С момента, когда Рейли подал в суд на компанию «Болдуин Локомотив» в 1921 г., адвокаты этой компании Уайт и Кейз стали собирать материал на Рейли. Для этой цели компания наняла частных детективов, одного из которых звали Эдвард Мун.

Incorporation, Registration and Statement in Lieu of Prospectus documents in the file of the Modern Medicine Company Ltd, Registration № 189767 (PRO BT 31/27894).

Там же. Два будущих директора компании, Фредерик Мартин и Кеннет Фрейзер, стали членами совета директоров в июле и сентябре 1923 г.

647

Документы, имеющие отношение к «гумагсолену», можно найти:
PRO FD 1/953 и FD 1/3354.

648

Telegram from G7 London to SIS New York, 24 July 1923 (Reilly Papers CX 2616).

649

Letter from William Field Robinson to George Hill, 9 September 1935
(Robert Bruce Lockhart Collection, Box 6, Hoover Institution Archives,
Stanford, California).

650

Там же.

651

Letter from Edward Spears to Sidney Reilly, 19 July 1923 (SPRS 1/301 Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge).

652

Там же.

Рейли ушел с поста директора компании 24 мая 1924 г. 20 мая 1925 г. для ликвидации компании был назначен специальный человек (File of the Modern Medicine Company Ltd, PRO BT 31/27894).

Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly P 123ff.

655

Там же.

656

Там же.

657

Letter from Pepita Reilly to «Cita» (Alice Menzies), 25 January 1924
(Papers of Mrs A. C. Menzies).

658

Письма Сиднея Рейли Борису Савинкову от 19 февраля и 15 марта 1924 г. (ГА РФ. Ф. Р-5831, Оп. 1. Д. 177).

659

US Immigration Records, Port of New York, Vol. 7978. P. 50. 15 May 1924.

Якушев Александр Александрович (1876–1937), потомственный дворянин, до революции действительный статский советник, руководитель департамента водного транспорта Министерства путей сообщения. После Октябрьской революции занимал аналогичную должность. Был арестован ВЧК по делу монархической организации, однако под воздействием бесед с Дзержинским разочаровался в идее монархизма и стал сотрудничать с ВЧК-ГПУ. Был одной из ключевых фигур в операции «Трест». В декабре 1929 года в связи с чистками и сменой руководства ОГПУ был арестован без предъявления обвинения и находился в заключении до 1934 года, после чего был приговорен к 10 годам лишения свободы. По некоторым сведениям, скончался в одном из соловецких лагерей. (Прим. ред.)

Letter from Sidney Reilly to Winston Churchill, 3 September 1924 (CHAR 2/134/110 & 111 – 114, Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge). Русский перевод опубликован в книге Локкарт, Робин Брюс. Шпион-легенда XX века. С. 142.

662

Morning Post, 15 September 1924. P. 11.

663

Letter from Winston Churchill to Sidney Reilly, 15 September 1924
(CHAR 1/134/130, Churchill Archives Centre, Churchill College,
Cambridge).

664

Letter from Sir Archibald Sinclair to Winston Churchill, 23 September 1924 (CHAR 2/134/130, Churchill Archive Centre, Churchill College, Cambridge).

Поскольку Рейли уничтожил свой договор с фирмой «Болдуин», то его обвинения против Сэмюэля Воклена были фактически голословными. Поэтому лучшей тактикой, которую избрали адвокаты компании Уайт и Кейз на этом процессе, было продемонстрировать суду, что Рейли – непорядочный и имеющий дурную репутацию человек, ни одному слову которого нельзя верить. Это было нетрудно, поскольку, как в свое время установило Американское бюро расследований, в Нью-Йорке не было недостатка в людях, желающих дать показания против Рейли. Примечательно, что Рейли не разрешил Пепите присутствовать на судебных заседаниях, поскольку там она узнала бы многое о его более чем сомнительном прошлом.

666

Trading Ventures Inc., Certificate of Incorporation in the State of New York No. 1716116, 23 December 1924. P. 4.

667

Letter from Sidney Reilly to Edward Spears, 22 January 1925 (Robert Bruce Lockhart Collection, Box 6, Hoover Institution Archives, Stanford, California).

668

Там же.

См. прим. 664 (Letter from Sidney Reilly to Edward Spears, 22 January 1925 (Robert Bruce Lockhart Collection, Box 6, Hoover Institution Archives, Stanford, California)).

Letter from Ernest Boyce to Sidney Reilly, 24 January 1925 (Robert Bruce Lockhart Collection, Box 6, Hoover Institution Archives, Stanford, California). Также напечатано в книге: Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly. P. 172–174.

671

Ответ Рейли. Там же. Р. 175–177.

Письмо Сиднея Рейли Николаю Бунакову от 27 марта 1925 г. (ЦА ФСБ. № 302330. Т. 37. Разработка Трест). Также напечатано в книге: Спецслужбы и человеческие судьбы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 130–131.

673

Там же.

Letter from Sidney Reilly to Ernest Boyce, 4 April 1925, Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly. P. 182–183.

675

Там же. Р. 185.

676

Там же. Р. 187.

Letter from Sidney Reilly to Pepita Reilly, 22 September 1925, Papers of Nelly Haddon Chambers (Pepita Reilly). Также напечатано в книге: Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly. P. 188–189.

678

Там же.

Неозаглавленный доклад Александра Якушева. (ЦА ФСБ.
№ 302330. Т. 37. Л. 112. Разработка Трест.)

680

Там же.

Letter from Sidney Reilly to Pepita Reilly, 25th September 1925, Papers of Nelly Haddon Chambers (Pepita Reilly). Papers of Nelly Haddon Chambers (Pepita Reilly). Также напечатано в Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly. P. 199–203. По-русски частично опубликовано в книге: Локкарт, Робин Брюс. Шпион-легенда XX века. С. 302.

Петров И. М. (Тойво Вякя). Мои границы. Петрозаводск, 1981. С. 125.

Доклад помощника начальника КРО ОГПУ В. Стырне зам. начальника КРО Роману Пиляру «О разговорах с Рейли 24–25 сентября 1925 г.», 2 октября 1925 г. (ЦА ФСБ. № 302330. Т. 37. Разработка Трест). Также опубликовано в книге: Гладков Теодор. Награда за верность – казнь. М.: Центрполиграф, 2000. С. 237–243. Маргарет Рейли также в своих воспоминаниях приводит слова Рейли о том, что «Россия встанет на путь выздоровления только тогда, когда она физически уничтожит по меньшей мере один миллион евреев» (Letter from Margaret Reilly to SIS, 28 December 1931, Reilly Papers CX 2616).

Доклад помощника начальника КРО Роману Пиляру «О разговорах с Рейли 24–25 и 26 сентября 1925 г.», 2 октября 1925 г. (ЦА ФСБ. № 302330 Т. 37. Разработка Трест). Также опубликовано в книге: Гладков Теодор. Награда за верность – казнь. С. 237–243.

685

Там же.

686

Там же.

687

Там же.

688

Там же.

Пиляр (Пилляр) Роман Александрович (наст. имя Ромуальд фон Пильхау) (1894–1937). Из обедневшего польского дворянского рода немецкого происхождения. Близкий родственник Ф. Э. Дзержинского. К моменту описываемых событий – заместитель начальника КРО ГПУ-ОГПУ. Впоследствии – комиссар госбезопасности 2 ранга (соответствует учрежденному в 1940 г. званию генерал-полковника). Расстрелян 2.11.1937 г. Реабилитирован в 1957 г. (Прим. ред.)

Перевод письма начальника ИНО ОГПУ Михаила Трилиссера от 1 октября 1925 г., сделанный СИС (Reilly Papers CX 2616). Ценности, скорее всего, принадлежали бывшему секретарю советской миссии в Вене Ярославскому. В июне 1924 года он покинул свой пост и исчез со значительной суммой денег. ИНО ОГПУ подозревал, что Ярославский обратился с просьбой к Рейли вывезти из Ленинграда оставленные им ценности.

Telegram from Ernest Boyce to Pepita Reilly, 30 September 1925, Papers of Nelly Haddon Chambers (Pepita Reilly). Также напечатано в книге Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly. P. 193.

Letter from Ernest Boyce to Pepita Reilly, 1 October 1925, Papers of Nelly Haddon Chambers (Pepita Reilly). Также напечатано в Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly. P. 193.

Борис Гудзь – интервью автору 24 августа 2002 г., Москва.

Протокол допроса Рейли следователем Владимиром Стырне от 7 октября 1925 г. (ЦА ФСБ. № 302330. Т. 37. Л. 241. Разработка Трест). Как мы уже знаем, Рейли никогда не учился ни в Гейдельбергском университете, ни в Королевском горном институте. Если бы он был активным консерватором, то наверняка был бы членом общества консерваторов на Сент- Джордж ГанOVER-сквер. Несмотря на то что архивы общества консерваторов сохранились, имя Рейли в них не обнаружено (Records of the St George Hanover Square Conservative Association, 487/8-9, 487/13, City of Westminster Archives Centre). Однако у нас нет никаких оснований сомневаться в его искренности, когда в своем письме своему другу Полу Дюксу (Пол Дюкс был музыкантом, чиновником и журналистом, с 1918 по 1920 г. служил в английской разведке. Удостоенный рыцарского звания за боевые заслуги, Дюкс поддерживал дружеские отношения с Рейли в двадцатые годы. В 1922 г. Рейли удалось уговорить Дюкса выставить свою кандидатуру от консервативной партии на всеобщих выборах 15 ноября (см. письмо Сиднея Рейли Полу Дюксу от 23 октября 1922 г. Robert BruceLockhart Collection, Box 6, Hoover Institution Archives, Standford, California).) он защищал интересы консерваторов.

695

Там же.

696

Там же. 9 октября 1925 г.

Матт – прозвище, которым Бойс называл Сиднея, Пепиту же он называл Джефф.

Письмо Эрнста Бойса Пепите Рейли от 18 октября 1925 г. (Papers of Nelly Haddon Chambers /Pepita Reilly). Также напечатано в книге Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly. P. 197–198.

The Adventures of Sidney Reilly. P. 197–198.

700

Письмо Сиднея Рейли Владимиру Стырне от 17 октября 1925 г.
(ЦА ФСБ. № 302330, Т. 37.)

701

ЦА ФСБ. № 302330, Т. 37.

ОГПУ сделало фотографическое увеличение дневников Рейли за период с 30 октября по 2 ноября 1925 г., которые он вел по-английски, изредка вставляя русские сокращения. Записи от 3–4 ноября 1925 г. не были сфотографированы, а прочитаны с помощью оптического оборудования и переведены на русский язык. Английский перевод русских фрагментов дневника опубликовался несколько раз в течение последнего десятилетия. Четыре наиболее достоверные публикации: Knightley, Philip. How the Russians Broke the Ace of Spies // *The Observer*, 12 April 1992. P. 49–50); Costello, John and Tsarev, Oleg. Deadly Illusions. P. 38–40; Spence, Richard. Sidney Reilly's Lubyanka Diary // *Revolutionary Russia*, Vol. 8. № 2. P. 179–194; Brook-Shepherd, Gordon. Iron Maze. P. 300–304). Из всех четырех публикация Спенса, пытающегося расшифровать аббревиатуры в тексте, наиболее спекулятивна. Вследствие перевода на другой язык некоторые фрагменты текста могут быть по-разному интерпретированы.

Ace of Spies (1922 edition). P. 188.

704

«Дневник» Рейли находится в его следственном деле. (ЦА ФСБ.
№ 302330. Т. 37.)

705

Пепита Рейли.

Если предположить, что этот дневник был написан для Запада, а не для ОГПУ, то эта бравада вряд ли вызовет удивление. Не будучи, разумеется, «англичанином», Рейли вряд ли был и католиком. Кэрилл Хауслендер, безусловно, считала его католиком, из воспоминаний Элеанор Той и других мы узнаем, что он действительно живо интересовался католицизмом и Иисусом Христом. Однако, в отсутствие реальных доказательств, мы можем лишь только предполагать, исповедовал ли он какую-либо веру или оставался атеистом.

ЦА ФСБ. № 302330. Т. 37. Впервые письмо было опубликовано в «Литературной газете», № 51 от 20 декабря 1967 г. С. 2.

Brook-Shepherd Gordon. Iron Maze. P. 301.

Gazur, Edward P. Secret Assignment. St Ermins Press, 2001. P. 526.

710

Там же.

711

Там же.

Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР.
М., 1924. С. 144.

Веронал – диэтилбарбитуровая кислота, или барбитон, белый кристаллический порошок, который Кушнер давал Рейли от бессонницы. Как мы уже знаем, Рейли страдал сильными головными болями и легкой формой эпилепсии, которые проявлялись во время стресса. В Нью-Йорке он консультировался по поводу своей болезни у доктора Энтони. Басслера, в клинике на 74-й Вест-стрит, 21, специалиста по подобным заболеваниям (US Bureau of Investigation/ONI, Memorandum of 9 October 1918. P. 4).

Имеется в виду причастность американского консульства к событиям «Заговора Локкарта» в 1918 г.

Намек на утверждение советских властей, что Рейли принимал участие в диверсионных актах, пуская под откос продовольственные вагоны под Воронежем в 1918 г. См. «Sensational Plot discovered to overthrow Soviet Government» by Georgi Chicherin (листовка, распространяемая среди союзнических войск в Архангельске в августе 1918 г.). Рейли всегда отрицал это.

716

Алексей Старк, бывший царский морской офицер, поступивший на службу в ОГПУ.

Илья Куртц сотрудничал с Рейли в 1918 г., так же как и Пол Дюкс (ST25) в 1919 г. Предполагается, что он перешел на сторону большевиков в 1920 г. и стал агентом ОГПУ.

Эдуард Опперпут, сотрудник ОГПУ, принимавший участие в операции «Трест». Бежал на Запад через Финляндию с Марией Захарченко-Шульц в апреле 1927 г. и там разоблачил «Трест» как мистификацию ОГПУ. Вернулся в СССР по заданию антибольшевистских сил и был убит в перестрелке с войсками ОГПУ под Смоленском в июне 1927 г. Ричард Спенс считает, что Опперпут вовсе не погиб, а был вновь завербован ОГПУ и направлен в Китай (Revolutionary Russia. Vol. 8. № 2. December 1995. P. 189, note 38).

Александр Якушев, агент ОГПУ, встретившийся с Рейли в Гельсингфорсе 22 сентября 1925 г.

Сэр Роберт Ходжсон – английский дипломат, посланный с миссией в Москву в мае 1921 г. лордом Керзоном в качестве главы британской торговой миссии. В марте 1924 г. кабинетом английского премьер-министра Рамсея Макдональда он был назначен британским поверенным в делах. ОГПУ считала британскую торговую миссию прикрытием шпионской сети.

Пол Дюкс был музыкантом, чиновником и журналистом, с 1918 по 1920 г. служил в английской разведке. Удостоенный рыцарского звания за боевые заслуги, Дюкс поддерживал дружеские отношения с Рейли в двадцатые годы. В 1922 г. Рейли удалось уговорить Дюкса выставить свою кандидатуру от консервативной партии на всеобщих выборах 15 ноября (см. письмо Сиднея Рейли Полу Дюксу от 23 октября 1922 г. Robert Bruce Lockhart Collection, Box 6, Hoover Institution Archives, Stanford, California).

Зиновий Пешков был братом первого председателя ВЦИК Якова Свердлова и приемным сыном Максима Горького. Служил в Белой армии в 1918 г. Впоследствии генерал французской армии.

Имеется в виду французский женский католический лицей в Москве, вызывавший подозрение ОГПУ. Жанна Моран, директор лицея, была арестована в связи с заговором Локкарта в сентябре 1918 г. и предана суду, однако признана невиновной.

Михаил Гнилорыбов – член савинковского «Народного союза защиты родины и свободы».

725

Сотрудник ОГПУ, работавший с доктором Кушнером.

Информация об английской разведке, которую Рейли сообщил Стырне во время допросов, была поверхностной, выдуманной или уже известной ОГПУ. После разрыва дипломатических отношений между Великобританией и Россией в 1927 г. ОГПУ арестовало двух агентов Эрнста Бойса, которых судили за терроризм. Ленинградская газета «Воскресный рабочий» [очевидно, ошибка автора: издания с таким названием не существовало. – Прим. пер.] в выпуске от 2 октября сообщала, что «на суде над террористами в Ленинграде были оглашены показания пресловутого английского шпиона капитана Сиднея Рейли». Рейли показал, что «британская секретная служба, называемая Сикрет интеллидженс сервис, – это ведомство, которое стоит в стороне от министерского отдела... оно абсолютно секретное: имена начальника и сотрудников не известны никому, кроме ключевых министров кабинета и военных руководителей высокого ранга... С 1923 г. во главе СИС стоит контр-адмирал Гейгаут» (ошибка в переводе, по видимому, имеется в виду Гай Гонт). В действительности же СИС в то время возглавлял контр-адмирал Синклер, о чем Рейли хорошо знал. (Экземпляр газеты «Воскресный рабочий» находится в досье на Рейли – Reilly Papers CX 2616.)

Рейли ничего не мог сообщить об этом следствию, поскольку был не осведомлен о деятельности СИС, вследствие того что его служба там окончилась в 1921 г.

Норвежский военный атташе в Москве в момент допроса Рейли на Лубянке.

729

Агент разведцентра СИС в Праге.

Рейли, возможно, искренне полагал, что со времен Дюкса у СИС не было своих агентов в России. Следователи ОГПУ, однако, располагали другими сведениями, поэтому они явно были недовольны ответами Рейли.

Контр-адмирал Томас Кемп приказал заключить Рейли под стражу на борту крейсера «Глори» после его ареста в Мурманске 18 апреля 1918 г., причиной которого послужила неточная информация в его паспорте.

Здесь явно речь идет о разговоре Локкарта с Рейли после его визита в Кремль 7 мая 1918 г.

Артузов (наст. фамилия Фраучи) Артур Христианович (1891–1937), основатель и руководитель советской разведки и контрразведки, в ВЧК с 1918 г. К моменту описываемых событий – начальник КРО ГПУ-ОГПУ. После 1927 г. – руководитель Иностранного отдела и зам. начальника ГРУ Красной армии. Впоследствии – корпусной комиссар (соответствовало званию генерал-лейтенанта после 1940 г.). Расстрелян 21 августа 1937 г. как «шпион польской и других разведок». Реабилитирован в 1956 г. (Прим. ред.)

«Письмо Зиновьева» было почти наверняка фальшивкой, и чекисты хотели получить информацию об интересующих их белоэмигрантах.

735

Михаил Фрунзе, народный комиссар по военным и морским делам.

736

Уайндхэм Чайлдс, заместитель помощника комиссара полиции,
Новый Скотленд-Ярд.

737

Джон Картер, заместитель помощника комиссара полиции, Новый
Скотленд-Ярд.

738

Сэр Бэзил Томпсон, суперинтендант, Новый Скотленд-Ярд
(особый отдел).

В своем письме полковнику СИС Стюарту Мензису от 29 октября 1920 г. Уинстон Черчилль писал: «Еще один человек, о котором я бы хотел получить любую информацию, это некий Борис Саид. По сведениям, которые я получил от некоторых лиц, до революции он был главным сионистским агентом в Лондоне и распоряжался исключительно большими денежными средствами, которые он решил присвоить себе и попытать счастья у большевиков. У меня есть информация, что он один из крупных агентов большевиков, проживающий в одном из самых дорогих номеров в «Ритце» (CHAR 16/49/64-66. Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge).

Начиная с 1920 г. Леонид Красин возглавлял советскую экономическую миссию в Великобритании. Рейли помог заключить Красину торговый договор с фирмой «Маркони». По слухам, хотя и недоказанным, Красин и Рейли положили себе в карман комиссионные от этой и других сделок.

741

«Амторг» – совместная советско-американская торговая компания.

«Аркос» (All Russian Cooperative Society Ltd. – Всероссийское кооперативное общество) было учреждено Леонидом Красиным в 1921 г. с целью поддержки совместных русско-английских компаний. В 1927 г. специальный отдел Скотленд-Ярда провел обыск в помещении «Аркоса», обнаружив там улики, свидетельствующие о том, что «Аркос» служил прикрытием для советской разведки.

Эдвард Уайз был членом переговорной комиссии британского правительства, которая вела переговоры с торговой делегацией Красина (Andrew, Christopher. Secret Service. P. 262ff).

Лесли Уркварт был один из немногочисленных английских бизнесменов, который призывал заключать торговые сделки с «Аркосом».

745

Коммерческий принцип Рейли.

В 1925 г. в Великобритании прокатилась волна промышленных забастовок в ответ на представленный Уинстоном Черчиллем бюджет, предполагавший возврат к золотому стандарту. Это привело к резкому удорожанию экспорта, а также к тому, что владельцы угольных шахт 30 июня объявили о снижении зарплат угольщикам. 10 июля Генеральный совет профсоюзов согласился поддержать федерацию угольщиков и объявил о всеобщем эмбарго на поставки угля. Премьер-министр Болдуин рассудил, что сейчас не время конфликтовать с профсоюзами, и 31 июля, в день, получивший название «красная пятница», отменил решение правительства. Правительство предложило владельцам угольных шахт субсидии в размере 23 миллионов фунтов, чтобы предотвратить резкое понижение зарплат в угольной промышленности.

747

Лейтенант Александр Алексеевич Абаза, бывший царский морской офицер и белоэмигрант.

Филип Файмонвил был военным атташе в России в 1918–1920 гг.
и в Токио в 1925 г.

См. прим. 690 (Борис Гудзь — интервью автору 24 августа 2002 г., Москва.).

750

Там же.

Эта шинель хорошо видна на фотографии, помещенной на странице (см. вкладку). Позже чекисты распоролы шинель Рейли и обнаружили в ней маленький британский флаг, зашитый за подкладку. Автор лично видел этот флаг в музее ФСБ в Москве во время посещения его 26 августа 2002 г.

Это действительно было необходимо, так как Рейли официально считался мертвым с 28 сентября. О том, что он был жив, знал лишь небольшой круг чекистов, непосредственно принимавших участие в операции «Трест».

Gazur, Edward. Secret Assignment. P. 519.

754

Там же.

Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly. P. 285–288.

В своем письме капитану Уильяму Айзеку от 17 ноября 1931 г. Маргарет Рейли пишет: «Я твердо уверена, что Рейли еще жив, он находится в России и работает на Англию против большевиков» (Reilly Papers CX 2616).

Reilly: The First Man, Robin Bruce Lockhart. P. 28ff.

Rhoer Van Der, Edward. Master Spy. P. 231 ff.

Spence, Richard. Sidney Reilly's Lubyanka Diary.

Книга Локкарта (Reilly: The First Man) состоит из шестнадцати глав. Главы 6—15 имя Рейли практически не упоминают, книга же в основном посвящена шпионажу между Западом и Востоком.

Ace of Spies (1992 edition). P. 188.

762

Письмо Робина Брюса Локкарта автору от 9 января 2000 г.

763

CXM 159, 29 марта 1918 г. (Reilly Papers CX2616.)

Донесение агента Л. С. Перкинса (Американское бюро расследований) от 3 апреля 1917 г. содержит описание Рейли как человека с «восточной внешностью».

765

Заключение криминалистической экспертизы Кеннета Линджа,
BA, MSc, FBBIPP of DABS Forensic Ltd.

Ace of Spies, preface.

Houselander, Caryll. *The Messenger of the Sacred Heart*. P. 59.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 27.

Американское издание «Овода» вышло в издательстве «Генри Холт и компани» в Нью-Йорке, в апреле 1897 г. В Англии книга была издана Уильямом Хайнеманом в 1897 г. Издания были абсолютно идентичными, за исключением обложек. Британское издание также включало в себя четырнадцать критических отзывов на книгу из различных газет и журналов.

Voynich E. L. The Gadfly (Heinemann 1897. P. 341ff).

771

Коллекция критических отзывов и статей на книгу «Овод» находится в семейном архиве Булей, который был подарен Линкольнширскому окружному архиву Габриель Буль в июле 1985 г.

772

«The Gadfly and the Spy» by Tibor Szamuely // The Spectator, 17
May 1968. P. 665.

773

BBC World Service, Russian Language Programme, broadcast 7.00 p.m. 9 June 1968.

MacHale, Desmond. George Boole, His Life and Work. P. 273.

775

Там же. Р. 274.

776

Тарамута Е. Э.Л. Войнич. М., 1970.

777

Борис Полевой, Евгения Таратума. Кем восхищался Павка Корчагин // Известия. 11–12 июня 1968. С. 3.

Джузеппе Мадзини (1805–1872) в 1831 г. основал движение «Молодая Италия», боровшееся за объединение Италии и установление там республиканского режима.

779

From the Papers of Hugh Millar.

780

Letters from W. Field Robertson to George Hill, dated 6 and 9 September 1935 (Box 6, Robert Bruce Lockhart Collection at the Hoover Institution Archive, Stanford, California).

781

US Immigration Service, Passenger Arrival List Index Cards, Volumes
6332-14197 (1919–1941).

782

Letter from Edward Spears to Robin Bruce Lockhart, dated 2 January 1968 (Box 6, Robert Bruce Lockhart Collection at the Hoover Institution Archive, Stanford, California).

Voynich E. L. *An Interrupted Friendship*, Macmillan, 1910. P. 139ff.

Kettle, Michael. Sidney Reilly – The True Story. P. 16.

785

Там же. Р. 15.

786

Там же. Р. 16.

Там же. Р. 16.

Там же. Р. 17.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 182.

Barrett, Anne. Mining the Challenge – 150 Years of the Royal School of Mines. P. 1; Williams, Richard G.; Barrett, Anne. Imperial College. P. 10.

791

City of Cambridge Directory, 1906.

792

Minute Book of the Trinity College Boat Club, 14 October 1905
(Trinity College Library).

793

Entry 271, Register of Deaths in the Subdistrict of Espom and Ewell in the Registration District of Surrey, 13 June 1952.

Интервью автора с Элин Рейли 2 сентября 2000 г.; интервью автора с Ноэлем Рейли от 22 сентября 2000 г.

795

Indian Army List 1918/1920; Indian Army Reserve List (PRO);
Thacker's India Office Biographical Index (India Office Records – British
Library).

796

Baptismal Records for Dehra Dun, Volume 376, Folio 9 (India Officer Records – British Library).

797

Entry 111, Register of Deaths in the Subdistrict of Hornsey in the Registration District of Edmonton in the County of Middlesex, 18 September 1945.

Nash, Jay Robert. *Spies*. N.Y., 1997. P. 412.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 36ff; Reilly: *The First Man*, Robin Bruce Lockhart. P. 5. Примечательно, что когда в 1992 г. вышло исправленное издание книги «Король шпионов», история с заводом Крупна так и осталась в ней без изменений.

В английском телевизионном сериале режиссера Троя Кеннеди-Мартина «Reilly: Ace of Spies» («Рейли, король шпионов»), вышедшем на экраны в 1983 г., завод Круппа заменен на гамбургскую судостроительную компанию «Блом унд Фосс», а вымышленное имя Хан, которым якобы пользовался Рейли, изменено на Фрикер.

801

Rhoer, Van Der Edward. Master Spy. P. ix ff.

Столетняя годовщина Фридриха Круппа, 1912 г. С. 138–140,
Historisches Archiv Krupp, Essen.

803

Там же.

804

Там же.

805

File WA-41/3-46, Historisches Archiv Krupp, Essen.

806

Там же. File WA-41/6-64.

807

Там же. File WA-41/6-255.

808

Там же. File WA-41/6-274.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 54.

Там же. Р. 51–54.

811

В дневнике Мэнсфилда Камминга есть записи (2 марта и 28 июня) о вербовке Байуотера английской разведкой.

Bywater, Hector. *Strange Intelligence*. Constable, 1931; Judd, Alan. *The Quest for C. P.* 143, 257.

McNeal, Shay. *The Plots to Rescue the Tsar*. Century 2001. P. 137.

814

Там же. Р. 120.

815

Там же. Р. 121.

816

PRO WO 33/962, Item 14, telegram 59154, Director of Military Intelligence to Brigadier-General Poole, 28 May 1918.

The Plots to Rescue the Tsar. P. 122.

818

Донесение Рейли (Affairs in Russia, CX 038307, 22nd June 1918) прилагается к письму начальника военной разведки помощнику министра иностранных дел Великобритании (9th July 1918, PRO FO 371/3315, paper 301).

The Plots to Rescue the Tsar. P. 143.

Например: Telegram CX 013592, 12th May 1918 (PRO WO 32/5669); Telegram 035402, 29th May 1918 (PRO WO 32/5669); Telegram CX 034907 (PRO WO 32/5669); Telegram CX 035167, 3rd June (PRO WO 32/5669); Telegram CX 038307, 22nd June 1918 (PRO WO 371/3315).

821

Ссылки на приказы и распоряжения, относящиеся к миссии Рейли в России, содержатся в письме подполковника Военного министерства Великобритании К. Н. Френча на имя Рональда Кемпбелла из Форин офиса (10th October 1918, PRO FO 371/3319).

822

«Reports of Work Done in Russia» by George Hill (PRO FO 371/3350/79980).

The Plots to Rescue the Tsar.

824

Там же.

Smythe, James P. Rescuing the Tsar. California Printing Company, 1920.

The Plots to Rescue the Tsar. P. 131.

827

Там же. Р. 234.

Kettle, Michael. Sidney Reilly – The True Story. P. 130.

A Most Extraordinary and Mysterious Business: The Zinoviev Letter of 1924, Gill Bennet (Foreign & Commonwealth Office General Services Command).

Kettle, Michael. Sidney Reilly – The True Story. P. 121; Bonavia, David. Hand of British spy seen in Zinoviev Letter // Sunday Times, 15 February 1970. Рукописный экземпляр «письма Зиновьева», воспроизведенный в книге Кеттла, был обнаружен сотрудником Гарвардского университета Уильямом Батлером в личных бумагах бывшего американского консула С. Д. Уэсткотта, хранящихся в архиве Гарвардской юридической школы (Harvard Library Bulletin, 1970).

831

Там же.

Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly. P. 200.

833

См. прим. 827.

Письмо Рейли на имя Феликса Дзержинского от 30 октября 1925 г. (Разработка Трест. ЦА ФСБ. № 302330. Т. 37) содержит ряд слов, которые также встречаются в «письме Зиновьева», как, например, «президент», «президиум», «Москва», «британский» и «русский». Однако по конструкции и написанию они разительно отличаются от тех слов, которые употреблены в «рукописном» экземпляре «письма Зиновьева».

«Полный дневник Дональда Им Турна» был напечатан в Приложении А книги Льюиса Честера, Стивена Фея и Хьюго Янга в книге «Письмо Зиновьева: история политической интриги» (Lewis, Chester; Stephen, Fay and Hugo, Young. The Zinoviev Letter: A Political Intrigue). Дневник, по всей видимости, был обнаружен в бумагах его друга Гая Киндерсли, депутата парламента от консервативной партии, умершего в 1956 г.

Там же. Kettle, Michael. Sidney Reilly – The True Story. P. 122–123.

837

Там же.

Письма, воспроизведенные в книге Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly. P. 178–182.

Сидней и Пепита отплыли в Нью-Йорк из Шербура на океанском лайнере «Олимпик» компании «Уайт стар» 15 октября 1924 г. (US Immigration Records, Vol. 8155. P. 5, 21 October 1924). Однако Майкл Кеттл утверждает, что они отправились в Нью-Йорк 25 октября, в тот самый день когда письмо было опубликовано в «Дейли мейл» (Sidney Reilly – The True Story. P. 128).

A Most Extraordinary and Mysterious Business: The Zinoviev Letter of 1924, Gill Bennet. P. 45.

841

Там же.

842

The Guardian, 23 June 2000. P. 5.

843

Там же.